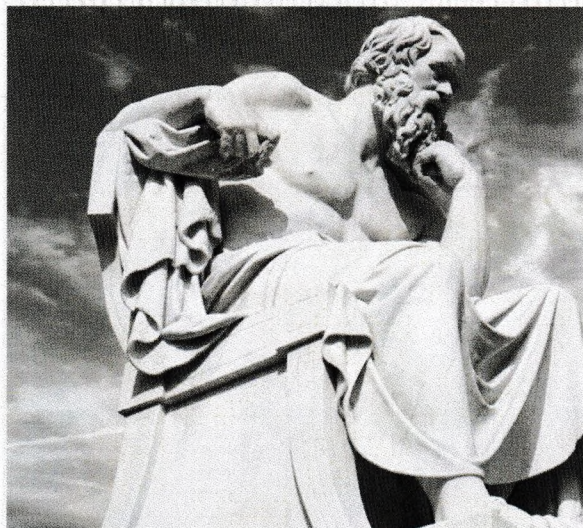

ISSN 2075-1613

Том 32

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2020

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2020 • Том 32

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
Б54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 22.10.2020 г.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
М.А. Слемнёв (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов,
Е.В. Крикливец, И.В. Мандрик, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова, В.П. Старжинский,
И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсон (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.А. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова'»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т ; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2020. – Т. 32. – 142 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

История

Лавриненко Е.В. Римо-католический костел на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.	5
Ши Вэй. Китайская инициатива «Пояс и Путь» – двигатель строительства транспортной инфраструктуры в регионе Центральной Азии	13
Рожкова С.Н. Советско-германские отношения в 1933 – середине 1939 года в белорусской постсоветской историографии	18
Минина Н.В. История села Любашково	22
Сумко А.В. Абмен і гандаль у сістэме жыццезабеспячэння пасляваеннай беларускай вёскі: асноўныя тэндэнцыі і рэгіянальныя асаблівасці	29
Хань Юй. Обзор текущих политико-экономических договорных обязательств КНР и стран корейского полуострова: направления реализации и результаты	33
Мох Е.Н., Швед А.А. Жить и помнить. Лагерь для советских военнопленных шталаг № 352 («Лесной лагерь», Масюковщина)	39
Мяньчэня С.В. “Рытуальнае” спажыванне гарэлкі ў беларускім грамадстве ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя	49
Пигуль И.В. Социально-экономическое положение православного приходского духовенства в белорусско-литовских губерниях на страницах журнала «Вестник Западной России» .	53
Мандрик И.В. Беларусь в первой четверти XX ст.: противоречия при становлении белорусской национальной государственности	59
Тимофеев Р.В. Материальное стимулирование работников транспорта Белорусской ССР в годы перестройки	69
Сліж Н.У. Мяшчанскі род Кудзеўскіх у сістэме кіравання Гародні	74
Злобин С.С. Перспективы исторических исследований в постколониальной индологии ...	81

Философия

Коршунова Я.А. Мировоззренческий синкретизм в религиозных представлениях белорусских татар-мусульман	87
Гриджин А.В. Динамика представлений о «войне» и «мире» в восточнохристианском дискурсе в контексте церковно-государственных отношений	91

Филология

Глазман Л.Я. Катэгорыя самаідэнтыфікацыі асобы як аб'екта літаратуразнаўчых і іншых гуманітарных ведаў	101
Дубоўская Т.А. Курсы беларускай мовы “Мова Нанова” ў кантэксце развіцця айчынай адукацыйнай прасторы	107
Муратова Е.Ю. Художественный код живописи в поэзии А. Вознесенского	111
Півавар К.С. Беларуская ветэрынарная тэрміналогія і заалагічная наменклатура ў лексікаграфічным апісанні	115
Скребнева Т.В. Мужской именник жителей Витебского района во второй половине XX в.: особенности развития	120
Градюшко А.А. Стратегии редакций и трансформация работы журналистов Витебской области в цифровой среде	125

Рецензии

Кулик С.П., Сайганова В.С. Теоретические и практические аспекты формирования имиджа страны	131
---	-----

Конференции

Давлятова Е.В., Слемнёв М.А. Глобализация и границы (аналитический обзор материалов международной научно-практической online-конференции «Феномен границы в глобализирующемся мире»)	133
---	-----

CONTENTS

History

Lavrynenko E.V. Roman Catholic Church on The Territory of Polatsk Region in 1944–1954	5
Shi Wei. The Chinese Initiative “Belt And Road” as a Motor of Transport Infrastructure Construction in Central Asia Region	13
Rozhkova S.N. Soviet-German Relations in 1933 – Mid-1939 in Belarusian Post-Soviet Historiography	18
Minina N.V. The History of Liubashkovo Village	22
Sumko A.V. Exchange and Trade in the Life Support System of the Post-War Belarusian Village: Main Trends and Regional Features	29
Han Yu. Overview of Current Political and Economic Treaty Obligations of the PRC and the Korean Peninsula Countries: Implementation Directions and Results	33
Mokh H.N., Shved A.A. Live and Remember. Stalag Camp For Soviet Pows No. 352 (“Forest Camp”, Masiukovshchina)	39
Mianchenia S.V. “Ritual” Consumption of Vodka In Belarusian Society in The Late XIX – Early XX Centuries	49
Pigul I.V. Social and Economic Situation of the Orthodox Parish Clergy in Belarusian-Lithuanian Provinces According to Journal “Herald Of Western Russia”	53
Mandrik I.V. Belarus in the Early XX Century: Contradictions of Belarusian National Statehood Maturation	59
Timofeyev R.V. Material Stimulation of the Belarusian SSR Transport Employees in the Years of Perestroika	69
Slyzh N.U. Kudayeuski Burgher Kin in the System of Garodnia Government	74
Zlobin S.S. Prospects of Historical Studies in Postcolonial Indology	81

Philosophy

Korshunova Ya. A. Worldview Syncretism in Religious Beliefs of Belarusian Muslim Tatars	87
Gridchin A.V. Dynamics of the Ideas of War And Peace in Eastern Slavonic Discourse in the Context of the Church and the State Relations	91

Philology

Glazman L.Ya. The Category of Self-Identity as the Object of Literary and Other Humanitarian Knowledge	101
Dubouskaya T.A. The Belarusian Language Courses “Language in a New Way” in the Context of the National Education Space Development	107
Muratova E.Yu. Art Painting Code in the Poetry of A. Voznesensky	111
Pivavar K.S. Belarusian Veterinary Terminology and Zoological Nomenclature in Lexicographic Description	115
Skrebneva T.V. Male Name System of Vitebsk District Residents in the 2nd Half of the 20th Century: Features of the Development	120
Gradiushko A.A. Newsroom Strategies and Transforming the Work of Journalists of Vitebsk Region in Digital Environment	125

Reviews

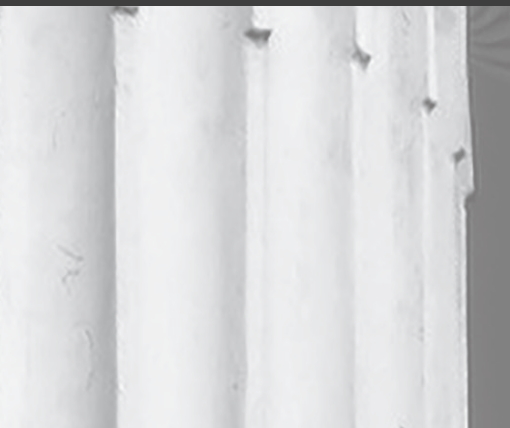
Kulik S.P., Saiganova V.S. Theoretical and Practical Aspects of Shaping the Image of a Country	131
---	-----

Conferences

Davliatova E.V., Slemnev M.A. Globalization and Borders (an Analytical Review of the International Scientific and Practical Online-Conference Proceedings “The Phenomenon of the Border in the Globalizing World”).....	133
--	-----

ИСТОРИЯ

Римо-католический костел на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

Лавриненко Е.В.

Люблинский Католический университет Яна Павла II, Люблин (Польша)

В статье рассматривается история Римо-католического костела на территории Полоцкой области, существовавшей в БССР в 1944–1954 гг.

Цель статьи – рассмотреть особенности функционирования Римо-католического костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

Материал и методы. Исследование построено на использовании широкого круга документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области и Зонального архива в г. Молодечно, что позволило всесторонне рассмотреть положение Римо-католического костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг. Методологическую основу публикации составили принципы историзма и объективности.

Результаты и их обсуждение. На момент освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. в Полоцкой области служили 38 римо-католических священников и функционировали более 40 приходов. На территории области имелось два монастыря. Однако власти стремились не только к резкому ограничению деятельности Костела, но и ликвидации его структур. В результате массовых репрессий католического духовенства практически все священники были арестованы и отправлены в лагеря, еще 4 перешли на нелегальное положение. Только 4 священника не были арестованы. После ареста священников приходской костелы забирались у верующих, затем передавались под зерносклад. В результате уже в первом квартале 1952 г. только в 4 приходах имелись настоятели, еще 3 прихода области функционировали без священников. Однако верующие боролись за сохранение своих храмов, направляя заявления уполномоченному Совету по делам религиозных культов с просьбами вернуть им святыни.

Заключение. Несмотря на все усилия властей ликвидировать структуры Костела на территории Полоцкой области, им это не удалось, во многом благодаря как жертвенной позиции священников, так и героическим усилиям верующих.

Ключевые слова: ксендз, костел, приход, монастырь, Виленский архидиоцез, Полоцкая область, уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Союза ССР по Полоцкой области, политические репрессии.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 5–12)

Roman Catholic Church on The Territory of Polatsk Region in 1944–1954

Lavrynenko E.V.

John Paul II Catholic University of Lublin (Poland)

The article deals with the history of the Roman Catholic Church on the territory of Polotsk region, which existed in Byelorussian SSR in 1944–1954.

The article aims to discuss the specific affairs of the Roman Catholic Church on the territory of Polotsk region in 1944–1954.

Material and methods. The research is based on the use of a wide range of documents of the National Archives of Belarus, the State Archives of Vitebsk Region and the Regional Archives of Molodyechno. This allowed the comprehensive discussion of the situation of the Roman Catholic Church on the territory of Polotsk region in 1944–1954. The methodological basis for the publication was the principles of historicism and objectivity.

Findings and their discussion. By the time of the liberation of Belarus from German fascist aggressors in 1944, there were 38 Roman Catholic priests and more than 40 parishes in Polotsk region. There were two convents on the territory of the region. The State not only was making efforts to suppress the activity of the Church but also tried to eliminate its structures. As a result of the mass repressions, most priests were arrested and deported to the camps, four more continued to work illegally. Only four priests were not arrested. After the arrest of a priest, the church goers were denied access to the parish church, which was used as grain storage. Thus, by the first quarter of 1952 only four parishes had a parish priest and three more functioned without a priest. The church goers struggled for their churches and sent their petitions to the representative for the religious affairs to allow them back to their churches.

Conclusion. Despite all efforts of the State to eliminate the structures of the Church on the territory of Polotsk region, they did not manage to do it due to the sacrificial attitude of the priests and the heroic efforts of the followers.

Key words: priest, church, parish, convent, Vilnius archdiocese, Polotsk region, the representative for the religious affairs for the Council of Ministers of the Soviet Union for Polotsk region, political repressions.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 5–12)

Первое послевоенное десятилетие было наиболее тяжелым в существовании Римо-католического Костела на Беларуси, особенно в западной ее части. Это было время массовых репрессий католического духовенства, закрытия костелов и запугивания верующих. Однако, несмотря на сильнейшее ограничение его деятельности, Костел смог выстоять и частично сохранить свои структуры.

Цель статьи – рассмотреть особенности функционирования Римо-католического Костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

Материал и методы. Исследование построено на использовании широкого круга документов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области и Зонального архива г. Молодечно, что позволило всесторонне рассмотреть положение Римо-католического Костела на территории Полоцкой области в 1944–1954 гг.

Методологическую основу публикации составили принципы историзма и объективности. В исследовании применялись как общенаучные (исторический и логический, анализ и синтез), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. Полоцкая область была образована 20 сентября 1944 г., в ее состав входило 15 районов: Освейский, Браславский, Ветринский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дриссенский, Дуниловичский, Миорский, Плиский, Полоцкий, Россонский, Ушачский и Шарковщинский. Часть территории этих районов – Браславского, Видзовского, Глубокского, Дисненского, Докшицкого, Дуниловичского, Миорского, Плиского и Шарковщинского в межвоенный период входила в состав Второй Речи Посполитой, где католичество имело привилегированное положение. Здесь существовало большое количество католических приходов, в которых проходили многочисленные религиозные акции, способствующие еще более активному развитию Костела. В административно-костельной структуре это был Виленский архидиоцез. На территории Полоцкой области находились Браславский, Глубокский, Миорский и частично Надвильейский деканаты этого архидиоцеза [1, с. 47–50, 55–59, 80–83, 86–89, 102–104].

Несмотря на репрессии против верующих и духовенства в 1939–1941 гг. и немецко-фашистскую оккупацию, на этой территории в большинстве своем сохранились практически все структуры, имеющиеся на 1939 год.

На момент освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. в Полоцкой области служили 38 римо-католических священников. В 1945 г. свою службу начал еще один священник – ксендз Юзеф Францкевич МІС в приходе Иказнь. В 1946 г. умерли ксендз Эдуард Войцеховский из Константинова Дисненского района и ксендз Викентий Буйновский из Бельмонтов Браславского района.

По сведению уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Союза ССР по Полоцкой области, на апрель 1946 г. в Полоцкой области служил 41 католический священник и

имелось 44 действующих костела [2, л. 6, 9]. В первом квартале 1947 г. по Полоцкой области насчитывалось 44 действующих и 14 недействующих костелов; священников служило уже только 30 человек. Из-за нехватки духовенства священники были вынуждены обслуживать по несколько приходов: так, у ксендзов Петра Бартошевича и Яна Мокжецкого было по три прихода; ряд других ксендзов имели также по три и по два прихода [3, л. 123, 123об.].

В результате изменения послевоенных границ, во время проводимой репатриации польского населения, на переселение в Польшу записалось и все католическое духовенство Полоцкой области. Руководители местных советских органов информировали уполномоченного, что священники, служившие в костелах Видзовского, Браславского и Миорского районов Полоцкой области, открыто призывали выезжать в Польшу, независимо от национальности, мотивируя тем, что при советской власти со временем никаких приходов не будет и передача костелов верующим – это явление временное. Подобное утверждал настоятель в м. Видзы Полоцкой области ксендз Станислав Щемирский, а также священники из Литовской ССР, периодически выезжающие на территорию Полоцкой области для совершения таинств [4, л. 277].

Однако только часть духовенства воспользовалась возможностью выезда. В 1946 г. выехали в Польшу ксендзы Чеслав Матусевич, Юзеф Возняк, Бронислав Чапевский, Станислав Щемирский. Вместе со своими прихожанами записался на выезд в Польшу ксендз Антоний Куява, но выехать не смог. Всего на конец марта 1947 г. из Полоцкой области выехало в Польшу 8 священников [3, л. 123, 123об.].

Одним из первых мероприятий по ограничению деятельности Костела и контроля над ним была объявленная уже в 1945 г. регистрация костелов и священников. Данное мероприятие вызвало сопротивление как священников, так и верующих. Например, в конце ноября уполномоченный получил анонимное письмо, якобы написанное от имени верующих Шарковщинского района, в котором они зло отзывались о священниках, подавших документы на регистрацию. В анонимке имелась следующая фраза: «Дураки вы, отдали советам костелы, а вот наши ксендзы умны, они учат нас, чтобы мы их не регистрировали» [4, л. 211, 277]. Сами верующие отказывались подписывать заявления о регистрации приходов, мотивируя тем, что если «их подписи попадут в МВД, то всех подписывающих заявление вышлют в Сибирь». Так было, например, в Иказни [5, л. 79]. Подобные настроения верующих наблюдались в Докшицком районе [5, л. 68].

«Ксендз Лавцевич из Леомполя, которому было дано указание, в частности, оформление его прихода, до сего времени ничего не делает и при разговоре со мной вносил поправки такого характера: не религиозное общество, а приход, слово “общество” принято говорить в Советах; не работа, а служба и ряд других», – жаловался уполномоченный в отчете на действия одного из священников [4, л. 211].

Уже 15 октября 1945 г. Совет по делам религиозных

культов выслал указание уполномоченному по Полоцкой области воздержаться от регистрации священников и костелов вплоть до получения особого указания [6, л. 73]. При этом необходимо отметить, что на 1 октября 1945 г. в Полоцкой области зарегистрировался только один священник [6, л. 92]. При этом в 1945 г. было зарегистрировано 13 костелов, в 1946 г. – 2 [7, л. 91–92].

Вторая волна регистрации началась в 1947 г. И снова данное мероприятие вызвало сопротивление верующих и духовенства. В частности, камнем преткновения был вопрос о гражданстве священников. Например, уполномоченный в информационном отчете за 1-й квартал 1947 г. писал: «Основным нарушением инструкции являлось следующее: семь ксендзов заполнили анкету с взятием польского подданства: Антоний Шубзда, Вацлав Заборовский, Казимир Томкович, Викентий Варша, Раймунд Бутримович, Альберт Новицкий, Станислав Богаткевич. Остальные 9 ксендзов вообще не заполнили графу “подданство” [3, л. 123, 123об.]. В информационном отчете за 3-й квартал 1947 г. отмечалось, что в Браславском деканате при заполнении анкет все католические священники в графе о подданстве написали, что они являются польскими подданными [5, л. 77–80]. Настоятель Лучайского прихода ксендз Чеслав Барвицкий сказал: «Я не согласен с одним пунктом в анкете – о подданстве. Если можно пропустить этот пункт, то я заполню, ибо мы, духовные настоятели, подчинены епископу, который находится в Польше, и он может нас любого отозвать и направить в любое государство, а если я возьму подданство СССР, то вы имеете право меня задержать, как подданного СССР» [8, л. 124].

Характерным являлось объяснение ксендза Гурского на вопрос уполномоченного о мотивах нежелания регистрировать приход. Он ответил, что «наш декан не дал установки по регистрации, а без его указания я не имею права регистрировать костел» [8, л. 125]. Ксендз Петр Бартошевич, который служил в приходах в Порплище, Докшицах и Крулевщизне, в разговоре с уполномоченным сказал, что «нет никакой необходимости проводить регистрацию общин, поскольку по Советской конституции церковь отделена от государства и государство не строит и не ремонтирует костелы, костелы никому не подчиняются кроме святому закону Папы, никто не имеет право продать или купить костел, он предназначен только для молитвы» [5, л. 67].

Оформление документов для регистрации костелов тормозили и местные органы. Уполномоченный открыто признавал, что работники санитарной части, противопожарной охраны, техники-строители часто боялись дать справки, за получением которых обращались священники [5, л. 77]. Так, например, ксендз Антоний Шубзда из Браслава неоднократно ходил в райздрав для получения справки о санитарном состоянии костела. И только после третьего визита священника пришел врач, который и выдал ему справку. Не лучше дело обстояло с технической справкой и справкой о противопожарной безопасности. Заключение договора тормозил и райисполком: «то некому, то печати нет» [5, л. 78].

Некоторые священники не оказывали сопротивле-

ния регистрации. Например, как отмечал уполномоченный, декан Глубокского деканата ксендз Антоний Зинкевич, настоятель Глубокского костела «ни в чем не возражал, а даже содействовал в быстрейшем ее проведении». К нему за советом обращались ксендзы не только из его деканата, а также из других и даже из Молодечненской области» [3, л. 229]. Не сопротивлялся регистрации ксендз Ян Мокшецкий, настоятель Дерковщинского прихода [8, л. 124].

Сам уполномоченный по Полоцкой области всячески старался сломить сопротивление ксендзов по вопросу регистрации. В частности, он писал: «По вопросу регистрации я принимаю все меры воздействия и надеюсь к маю 1947 г. зарегистрировать все римско-католические общины. В худшем случае буду принимать все меры воздействия на основании полученного мною указания от уполномоченного по религиозным культам БССР» [8, л. 76]. Например, в м. Докшицы и в д. Парафьяново в конце сентября 1947 г. уполномоченный опечатал костелы, несмотря на просьбы их настоятелей ксендза Петра Бартошевича и ксендза Ришарда Стоганделя продлить срок регистрации на 1–2 дня и не опечатывать здания, заверяя, что все документы будут представлены. Однако костелы были открыты только после предоставления всех документов на регистрацию.

Кроме этого, приходы, которые отказывались проводить регистрацию, не могли решить текущих проблем. Так, когда верующие из Миорского района просили отпустить им стройматериалы для ремонта костела, уполномоченный объявил делегации, что до регистрации прихода и священника лес отпущен не будет [5, л. 67].

В 1947 г. в Полоцкой области было зарегистрировано восемь костелов, в 1948 г. – еще два [7, л. 91–92]. Но уже 30 апреля 1948 г. в «Инструктивном письме № 6» уполномоченным «категорически запрещалось» проводить дальнейшую регистрацию приходов [9, л. 46].

Всего ко времени проведения учета костелов и регистрации приходов (1945–1946 гг.) в Полоцкой области, по данным уполномоченного, насчитывалось 48 костелов и часовен, в том числе: 38 приходских и 10 филиальных. За время регистрации приходов и костелов (1945–1948 гг.) был зарегистрирован 31 костел. Еще от 6 приходов поступили не все документы (отсутствовали некоторые справки о санитарном, противопожарном и техническом состоянии костелов), кроме этого, не все райисполкомы заключили типовые договоры на передачу приходам костелов, поэтому уполномоченный по Полоцкой области их регистрацию не оформлял, но считал зарегистрированными [10, л. 205]. Таким образом, по Полоцкой области было зарегистрировано 37 костелов. Не были зарегистрированы костелы и часовни в деревнях Далекие, Дуниловичи и Борейки Дуниловичского района, Порплище и Докшицы Докшицкого района, Язно, Перебродье и Боболево Миорского района, Дворново, Черневичи и Подсвилье Плисского района, Залесье Глубокского района, Иоды Шарковщинского района [10, л. 74].

Продолжая в послевоенный период политику экономического наступления на Костел, финорганы начали

увеличивать суммы налоговых обложений с приходов и священников. Уже во второй половине 1946 г. участились жалобы священников на незаконное обложение их налогами. В частности, настоятелю костела м. Друя ксендзу Люциану Павлику МІС был начислен налог со строений в сумме 16 тыс. рублей, в то время как еще в 1944 г. здание храма было серьезно повреждено, а службы ксендз Павлик проводил в коридоре монастыря, над которым сохранилась крыша [3, л. 225–231].

Ксендзу Петру Бартошевичу за 1946 г. был начислен налог в сумме 6000 руб., за 1947 г. – 8000 руб., ксендзу Станиславу Гурскому в 1946 г. – 8000 руб., за 1947 г. – 9000 руб., ксендзу Франтишку Бильше за 1946 г. – 9000 руб. и за 1947 г. – 10000 руб. [8, л. 125об.]. Кстати, когда ксендзу Бартошевичу финансовый агент вручил извещение о налоге в сумме 6000 руб., священник бросил его агенту под ноги, заявив: «Возьмите и передайте председателю райисполкома, пусть он платит, а я такой налог платить не могу, и буду платить такой, какой платил в 1946 г.» [5, л. 69].

Сталкивались священники и с другими формами притеснений. Так, когда председатель сельсовета в д. Дерковщина узнал, что местный ксендз Ян Мокжецкий строит себе дом, то попытался выселить его из квартиры, в которой он проживал, в трехдневный срок. Только после того, как ксендз написал жалобу на имя уполномоченного и тот, в свою очередь, вмешался в конфликт, председатель дал согласие оставить священника в квартире до окончания строительства дома.

Конфисковывались плебании и угодья, принадлежавшие приходам. В частности, в приходе Видзы дом священника был конфискован еще в 1939 г. под районную больницу. С началом гитлеровской оккупации в 1941 г. все имущество райбольницы было разграблено, а в дом вернулся ксендз Щемирский. Но в 1944 г. плебания снова была конфискована, поскольку район нуждался в помещении для больницы [11, л. 119].

В 1946 г. у ксендза Станислава Кудеревского из Слободки для нужд колхоза было отнято при этом 2,5 га земли, оставили ему 6 га, но налог на землю священнику начислили по-старому за все 8,5 га. У ксендза Антония Шубзды из Браслава конфисковали всю землю, передав ее райзаготконторе Браславского района [5, л. 80].

В послевоенный период на территории Полоцкой области существовало два монастыря, оба находились в Друе – мужской, Конгрегации отцов-мариан Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, и женский, Сестер Служительниц Иисуса в Евхаристии.

В 1944 г. костел и монастырь отцов мариан были частично разрушены в результате бомбежки, однако с помощью прихожан настоятель прихода и преор монастыря ксендз Люциан Павлик МІС к 1947 г. сумел восстановить костел и частично монастырь [12, л. 151 об.]. Сам священник до времени восстановления монастыря жил в тяжелых условиях, в сыром и малоприспособленном для жизни помещении [5, л. 77–80].

В марте 1947 г. в мужском монастыре находились: ксендз Люциан Павлик, а также монахи, не имевшие священнического сана: Иосиф Скурят, 1880 г.р., нетрудоспособный, Петр Дундер, 1922 г.р., Героним

Гончаронок, закристианин. Кроме монахов, в монастыре проживали и были задействованы на строительных и хозяйственных работах 4 подростка 15–16 лет.

Монастырь отцов-мариан просуществовал до 1949 г. В июле 1949 г. ксендз Павлик, предупрежденный об угрозе ареста, перешел на нелегальное положение. В итоге в монастыре осталось только три брата-монаха. Было очевидно, что в тех условиях монастырь был обречен, тем более что власти, не понимая сущности монашеской жизни, утверждали, что в монастыре занимаются эксплуатацией чужого труда, имея наемных рабочих. Как следствие, был сделан вывод: «Эти люди, прикрываясь именем монастыря, организовали особоготипа кулацкое хозяйство, существование которого в дальнейшем недопустимо» [13, л. 317, 317об.].

В сентябре 1949 г. друйский костел был занят под зерносклад, а помещение монастыря со всеми постройками, согласно постановления Совета Министров БССР от 20 сентября 1949 г. было передано строительному техникуму [13, л. 366, 366об.].

Переломным пунктом в деятельности монахинь евхаристок стал 1945 г., когда после окончательного установления советско-польской границы руководство Конгрегации приняло решение о выезде части монахинь из БССР в Польшу. В итоге из 49 сестер 26 выехали, 23 остались на территории Полоцкой области [14, с. 11].

Функцию Генеральной настоятельницы Конгрегации с 1943 г. выполняла сестра Аполония Петкун, она же была и настоятельницей монастыря в Друе. В то время на территории Полоцкой области находилось три дома монахинь-евхаристок – в Друе, Браславе и Слободке. В 1946 г. дом в Браславе был закрыт.

В Друйском монастыре находилось 18 монахинь, из них 8 по возрасту и состоянию здоровья были не в состоянии работать. Монахини занимались рукоделием, вязали чулки и носки, шили платья. Однако зарабатывали они немного, кроме этого, и заказов было очень мало. Поэтому основным занятием монахинь было огородничество. Семь монахинь работали на приходах. Материальное положение монастыря было очень тяжелым и постоянно ухудшалось. Так, до 1947 г. у них было 2 коровы, 6 свиней, 4 курицы, 1 га земли, несколько ульев с пчелами [4, л. 208]. Но уже весной того же года горсовет обрезаю огород монахинь, оставив им только 8 сотых га, которые они засеяли картофелем. К тому времени у монахинь осталась только одна корова. Уполномоченный в своем отчете отмечал, что монахини «совершенно раздеты, из магазина райпотребсоюза им ничего не отпускалось, у них не было даже нательного белья, и, имея свою баню, они ежедневно ее топили и мыли рубашки, затем сидели в бане до тех пор, пока не высохнет рубашка, тогда одевались, а следующие шли в баню» [15, л. 304]. Дрова монахини носили на себе из лесу за 3 километра. Хлеба не получали и зачастую его не видели. После конфискации у монахинь большого дома, они ютились в трех небольших. В докладе на заседании Совета по делам религиозных культов 19 ноября 1947 г. уполномоченный по БССР сказал, что «фактически это не монастырь, а богадельня», продолжая: «...они живут в невыносимых условиях, все у них рва-

ное, изношенное, зимой у них адский холод, потому что они не в состоянии отопить помещения. Платить налоги, которые требуются с монастырей, они не могут» [15, л. 304].

Власти делали все возможное для ликвидации монастыря. В результате 5 сентября 1949 г. настоятельница Аполония Петкун послала на имя прокурора БССР заявление, в котором протестовала против действий властей, направленных на ликвидацию монастыря, а также с просьбой дать монахиням жить так, как и раньше [16, л. 215].

В свою очередь, Председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, пересылая данное заявление уполномоченному Совету по Полоцкой области, дал ему задание связаться с районными и областными властями и решить вопрос с дальнейшим существованием данного монастыря, предлагая монахиням вступить в колхоз либо работать в артели или на производстве. При нежелании выходить на работу, монахиням предлагалось разойтись по домам, поскольку почти все они были местными; помещение же женского и мужского монастыря в Друе предлагалось приспособить для общественно-полезных целей по усмотрению райсовета [17, л. 230]. Имелся у властей и другой план – в здание ликвидированного монастыря мариан они намеревались перевести всех монахинь существующих на тот момент женских монастырей БССР – из г.п. Друя, г. Гродно и д. Грибовщина [18, л. 97].

В 1949 г. монастырь евхаристок был официально ликвидирован, а дома монастыря были заняты местной больницей. Для того чтобы вернуть хотя бы часть имущества, монахини Магдалена Мороз, Моника Скурят и Фелиция Петкун предъявили больнице иск на свои дома [19, л. 7]. Однако вернуть свои дома монахиням не удалось. Несмотря на официальную ликвидацию монастыря, монахини под видом светских продолжали свою деятельность.

В 1947 г. в БССР началась политическая репрессия против римо-католического духовенства. Массовые аресты священников на территории Полоцкой области начались с 1948 г. В этом же году было арестовано 5 священников, в 1949 г. – 10 священников, в 1950 г. – 6, в 1951 г. – 2 (без учета ксендзов, которые были арестованы после нахождения на нелегальном положении).

Практически все священнослужители, служившие на территории Полоцкой области, были осуждены по статье 72 «б» Уголовного Кодекса БССР, которая предусматривала наказание за «антисоветскую агитацию и пропаганду с использованием религиозных и национальных предрассудков». Большая часть священников получила наивысший из существующих приговоров – 25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества. Именно такие приговоры получило большинство арестованных и осужденных римо-католических священников в БССР в годы массовых репрессий. Из 225 священников, которые оставались на территории республики на 1 января 1946 года, в 1944–1952 гг., по неполным данным, было арестовано более 100. Из них 56,7% были осуждены на

25 лет лишения свободы, 5 лет поражения в гражданских правах и конфискацию имущества, к 10 годам лагерей были приговорены 31,3% священников, остальные были осуждены на три, четыре, пять, восемь лет (2 приговора) и 15 лет (2 приговора) [20, с. 293].

Часть священников Полоцкой области перешла на нелегальное положение, однако избежать ареста им не удалось. Так, практически два года, с июля 1948 г., находился на нелегальном положении ксендз Станислав Богаткевич из прихода Пеликаны. Только благодаря помощи своих прихожан священник смог пережить это тяжелое для него время. Сначала он прятался в сарае для хранения дров возле своей плебании, затем в д. Рымшаны в семье Ракель, а затем в д. Руда в семье Миленкевич. Однако 10 января 1950 г. священник был арестован и помещен в полоцкую тюрьму. 30 марта 1950 г. на основании обвинений по статье 72 «б» и статьи 34 «а», «б» УК БССР был осужден на 25 лет лишения свободы и 5 лет лишения гражданских прав [21, с. 130–131]. Подобную судьбу повторили еще два священника, арестованные и осужденные также в 1950 г.

Нескольким священникам удавалось скрываться от органов НКВД в течение нескольких лет и, таким образом, избежать участи сталинских лагерей. Так, ксендз Станислав Гурский из Волколаты находился на нелегальном положении с 1949 г. За это время он сменил несколько мест своего укрытия. Священник скрывался на хуторе у пожилой женщины, в приходе Константиново, а также на территории своего прихода [21, с. 89]. 7 октября 1952 г. священник был арестован, однако уже 15 января 1953 г. был освобожден из-под стражи [22, л. 11–14, 17–19].

С 3 июля 1949 г. по 27 сентября 1953 г. находился на нелегальном положении ксендз Ришард Стогандель из Миор [23, л. 42], с июля 1950 г. по 27 июля 1953 г. ксендз Болеслав Заснец из Идолты [24, л. 16], почти шесть лет скрывался ксендз Антоний Шубзда из Браслава – с августа 1949 г. по 1955 г. [25, л. 218; 21, с. 570].

Имущество ксендзов, перешедших на нелегальное положение, местными властями признавалось «бесхозным», после чего бралось на учет и реализовывалось финансовыми органами. Так, 19 декабря 1950 г. Браславский райисполком вынес решение о признании бесхозным имущества ксендза Антония Шубзды и ксендза Юзефа Францкевича МІС, а затем его реализации [25, л. 218]. На деле же часть имущества священников попросту присваивалась теми, кто по долгу службы имел к нему доступ.

Ксендз Юзеф Ковальчик из Задорожья, предупрежденный об аресте, был вынужден покинуть свой приход весной 1947 г. На его место приехал служить ксендз Ян Литвинский SJ. Он же и сообщил уполномоченному, что 24 мая того же года к нему в присутствии местного представителя власти явились три человека и забрали все имущество ксендза Ковальчика. Это были: корова, трехлетняя телка, восемь овец, две большие свиньи, семь поросят, восемь куриц. Кроме этого, было конфисковано: два шкафа, шесть стульев, диван, маленький диванчик, пять столов, две железные кровати, центрифуга для выкачивания меда, 70 пчелиных

рамок, примерно пять кубометров досок, борона, плуг, воз без передка, пудов десять мешанки, пятнадцать пудов осыпки, два пуда льняного семени, два пуда соли, жернова, десятиричные весы, больше ста пудов картофеля, двое вил, лопата, молоток, семь серпов, большой таз, примерно полтора пуда свеклы, семь ламп, пять пар обуви, соломорезка, восемь кос. Часть имущества ксендза пошла на погашение задолженностей перед государством. В частности, было сообщено, что священник имеет следующие задолженности по налогам: 433 руб. 99 коп. подоходного налога, 255 руб. налога со строений и 40 руб. земельной ренты. Всего – 728 руб. 99 коп. В счет погашения этого долга были конфискованы часть вещей священника, оцененные следующим образом: круглый стол – 150 рублей, фисгармония – 400 рублей, две железные койки с сеткой – 200 рублей, будильник – 50 рублей. Итого 800 рублей. Но как оказалось впоследствии, большая часть конфискованного имущества ксендза была украдена. В результате рассмотрением этого дела занялся прокурор [15, л. 280–281].

Священники, перешедшие на нелегальное положение, во многом смогли пережить это тяжелое для них время благодаря светским верующим, которые часто рисковали, когда представляли убежище для ксендзов. Так, в доме семьи Якимович в приходе Николаево возле Дисны ксендз Юзеф Ковальчик прожил с весны до поздней осени. Вечерами он выходил из своего укрытия и молился вместе с семьей Якимович. В это время он подготовил к первой исповеди их семилетнюю дочь Ванду. Екатерина Якимович, мать семейства, рисковала даже своей жизнью, когда прятала в своем доме священника. В один из дней в ее дом пришли местные милиционеры, искавшие ксендза. Екатерине Якимович начали угрожать, что, если она не скажет, где находится священник, ее расстреляют, а детей сдадут в детский дом. Однако женщина смело ответила, что она ничего не знает о судьбе священника, а в случае ее смерти у детей останутся отец и бабушка, и в детский дом они не попадут. Ксендз Ковальчук, который прятался за печкой и слышал весь разговор, хотел уже выйти, чтобы не рисковать жизнью Екатерины Якимович, но эти люди ушли [26]. В начале зимы глава семьи Якимович переправил священника в Гродненскую область, где тот нашел убежище у ксендза Владислава Курпис-Гарбовского в приходе Ворняны. Однако спустя некоторое время священник был арестован, когда попытался нелегально перейти границу с Польшей и отправлен в лагерь.

В доме Марии Высовской из д. Заплюшчино перед угрозой ареста с августа 1949 г. скрывался ксендз Франтишек Бильша, настоятель прихода Плюссы.

Только несколько священников на территории Полоцкой области избежали ареста. Это были ксендз Ян Мокжецкий из Дерковицы [27, л. 23–24], ксендз Ян Литвинский SJ из Задорожья [21, s. 378], ксендз Юзеф Козел из Дрисвят [28, л. 148] и ксендз Антоний Зенкевич из Глубокого [29, л. 22]. Но и их жизнь в это время не была спокойной. Так, ксендза Яна Литвинского неоднократно вызывали на допрос представители милиции и НКВД [21, s. 378].

Таким образом, начиная с 1948 г. количество свя-

щенников в Полоцкой области в результате арестов постоянно уменьшалось. Например, в четвертом квартале 1951 г. на территории области имелось только четыре прихода, в которых служили священники, четыре прихода действовали без священников, а уже в первом квартале 1952 г. этих приходов было соответственно четыре и три [30, л. 33]. Это привело к тому, что католики начали посещать православные церкви.

После ареста священника у верующих изымались ключи от костела, и он закрывался для молитвы. Культурное имущество закрытых костелов признавалось бесхозным и должно было реализовываться в соответствии со статьями 5–7 Положения о порядке учета и пользования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозного имущества, утвержденное постановлением СНК СССР от 17 апреля 1943 г. В итоге часть костельного имущества из закрытых костелов уничтожалась, часть сдавалась в утиль, часть продавалась, часть забирали представители местной власти, какая-то часть сгружалась в сакристию. Прихожане закрытых костелов старались сохранить хотя бы иконы и, если была возможность, забирали их. Так, например, верующие Идолтовского, Друйского и Миорского костелов после их закрытия часть культовых предметов разобрали по домам [25, л. 218]. При возможности часть костельного имущества передавалась соседним костелам.

Наблюдались в закрытых костелах и случаи открытого вандализма, оскорбляющие чувства верующих. Так, в костеле в м. Миоры культовое имущество хранилось в закрытой сакристии, дверь которой была закрыта и опечатана. Спустя какое-то время дверь сакристии была взломана, а все культовое имущество было разбросано. А первый секретарь Миорского райкома партии Горбатенко в присутствии рабочих, которые очищали зерно в костеле, выломал ломом дверцы табернакулюма [30, л. 154].

Большая часть закрытых костелов была занята под склады «Заготзерно». Это вызывало жалобы верующих, поскольку часто происходило со скандалами, выламыванием замков костелов и даже рукоприкладством по отношению к тем верующим, которые пытались защитить костелы. Так для того чтобы занять под зерносклад костел в д. Удело Глубокского района, у костельного исполнительного органа были отобраны ключи от храма [25, л. 3].

В д. Прозороки Плисского района уже через 40 дней после ареста настоятеля прихода ксендза Викентия Варши председатель Полоцкого облисполкома своим единоличным распоряжением разрешил «Заготзерно» занять костел под зерносклад. Однако уполномоченного по Полоцкой области данный факт возмутил лишь потому, что по его сведениям «религиозный фанатизм среди верующего населения этого прихода еще настолько высок, что немедленно после случившегося верующие в количестве более 500 человек подписывают жалобу на имя товарища Сталина, в которой они сообщают, что у них отняли ключи от костела и не разрешают им проводить молитвенные собрания. Вторичное заявление, подписанное 442 человеками, получено нами

26 июня с.г., в этом заявлении они снова ходатайствуют о том, чтобы им вернули ключи». Таким образом, столь быстрое решение занять костел под склад зерна он охарактеризовал как «политически вредное», но в данном случае, по его мнению, необходимо было всего лишь выждать какое-то время [25, л. 5].

На 23 декабря 1949 г. в Полоцкой области под зерносклады было занято 14 костелов [31, л. 41], на 28 сентября 1951 г. – 18 [32, л. 34]. Всего за период 1948–1951 гг. под зерносклады было занято 22 зарегистрированных в свое время костелов. Под сельскохозяйственные нужды были переданы и незарегистрированные костелы, и часовня: в д. Перебродье и д. Боболево Миорского района, в д. Иоды Шарковщинского района [10, л. 74].

Только в 1952 г. началось освобождение костелов из-под зерноскладов. В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 24 апреля 1952 г. Полоцкий облисполком вынес свое решение 29 апреля 1952 г. об освобождении костелов, занятых под склады «Заготзерно». Их необходимо было освободить к 20 декабря 1952 г. и далее не занимать без решения Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР [33, л. 42]. Однако в реальности не все было гладко. Например, в Браславском районе не было возможности освободить костелы в назначенный срок, поскольку не было куда вывезти зерно [33, л. 43]. Из-за плохой погоды в Новом Погосте Миорского района не был освобожден в срок костел [33, л. 44].

На 23 августа 1952 г. в Полоцкой области из-под зерноскладов было освобождено 12 костелов, 3 были еще заняты [33, л. 67].

Часть костелов в Полоцкой области были приспособлены под другие цели. В частности, костел в м. Леонполь в 1951 г. был передан в пользование Леонпольской государственной одногодичной школы, костел в г. Докшицы в 1951 г. был занят под библиотеку [10, л. 72–73; 34, л. 73], костел в д. Порплище Докшицкого района – под школу механизации сельского хозяйства [34, л. 74], костелы в д. Язно и в д. Бельмонты под школы [13, л. 61, 79], костел в д. Подсвилье Плисского района был приспособлен под клуб, костел в д. Залесье Глубокского района был передан под сельсовет [10, л. 74].

Также власти пытались найти применение и давно не действующим костелам. В марте 1949 г. комиссия из Глубокое в составе нескольких человек прибыла в поселок Березвечье для осмотра здания бывшего костела. По решению комиссии было принято решение о сносе здания, поскольку «коробка бывшего костела под восстановление непригодна» [13, л. 465]. Пустующая кирпичная коробка костела в г.п. Ушачи решением Полоцкого облисполкома от 9 марта 1952 г. была передана под маслозавод с правом переоборудования.

С апреля 1950 г. священнослужителям было запрещено служить Мессе вне стен костелов, а также проводить продолжительные службы в горячее время полевых работ, а верующим собираться на майские моления возле придорожных крестов [35, л. 11].

Поскольку в результате массового ареста ксендзов верующие остались без душепастьерской опеки, поэтому они начали проводить службы без священников,

чаще всего под руководством органистов или сакристан. Однако открывать костел для молитвы в таких приходах разрешалось только по воскресеньям и в дни важнейших религиозных праздников [36, л. 123].

Каким образом проходила религиозная жизнь в таком приходе, можно рассмотреть по данным уполномоченного на примере Браславского прихода в 1950 г.: «Верующих собирается в костел небольшое количество, так например: 29 января 1950 г. в воскресенье, в костеле присутствовало 70–80 человек женщин, 40 мужчин и молодежи 26 человек. В костеле проводилось богослужение и было организовано пение. Крещение, бракосочетание и исповедь верующие Браславского прихода отправляют в тех костелах, в которых имеется ксендз, похороны верующие отправляют без ксендза, организуют пение и с крестом провожают покойника на кладбище. Многие верующие женщины в деревнях собирались на молитвы розария. Некоторые католики посещали православную церковь. На Рождество местная прихожанка вышла замуж за православного и венчалась в православной церкви» [37, л. 2].

Верующие приходов, которые действовали без священника, неоднократно присылали уполномоченным заявления с просьбами разрешить определенному ксендзу провести в их костеле службу. Время от времени подобные разрешения давались. Однако подобных случаев было немного. Например, представители прихода Глубокое обратились к уполномоченному за разрешением пригласить отслужить Мессу ксендза Михаила Сухаревица из Мосаря на 26 декабря 1951 г. На Мессе, которая началась в 12 и закончилась в 14 часов дня, присутствовало около 1 000 человек, большинство из них были женщины среднего и старшего возраста [30, л. 22–23].

Непрерывно поступали заявления от верующих прихода Слободка Браславского района о выдаче им разрешения на приезд ксендза из соседнего прихода из Латвийской ССР (вероятно, речь идет о приходе Пиедруя) для отправления Мессы в их костеле 1–2 раза в месяц [38, л. 41].

Тем временем на территории Полоцкой области произошли следующие изменения касаемые численности кадров духовенства. В 1949 г. в приходе Мосар был зарегистрирован ксендз Михаил Сухаревиц, отбывший к тому времени четырехлетнее заключение [39, л. 13]. В 1951 г. (по другим сведениям в 1952 г.) умер ксендз Антоний Зенкевич из прихода Глубокое [21, с. 411]. В 1952 г. в Полоцкой области начали свое служение два новых священника – 9 октября в приходе Глубокое был зарегистрирован ксендз Франц Перко [29, л. 17], а 25 октября в Браславе – ксендз Франц Свентэк CSsR [40, л. 26]. Однако эти священники имели серьезные проблемы со здоровьем. В частности, ксендз Франц Свентэк перемещался в инвалидной коляске. Также не было спокойным и служение этих священников. Так, хотя и на короткий срок, однако ксендз Франц Перко был арестован.

В 1953 г. легализировались три священника, перешедшие во время массовых арестов духовенства на нелегальное положение: ксендз Станислав Гурский, ксен-

дз Болеслав Заенц и ксендз Ришард Стогандель. И если первые два священника сравнительно легко получили регистрацию в своих бывших приходах, то ксендз Ришард Стогандель с регистрацией имел серьезные проблемы. После кратковременного ареста и освобождения он проживал в д. Шнурки Повятского сельсовета Миорского района – на территории прихода, где он служил до перехода на нелегальное положение [23, л. 42].

Не имея возможности вести полноценную религиозную жизнь в БССР вследствие массового ареста священников и закрытия костелов, верующие начали посещать костелы в Литве. Они приезжали на Мессу, исповедовались, особенно во время Великого Поста и Пасхи, привозили крестить детей, венчались, молодежь приезжала на конфирмацию. Причем приезжали как родители с детьми, так и люди старшего возраста. Особенно увеличилось количество верующих в литовских костелах, начиная с 1954 г. [41, л. 56].

Однако и сами верующие закрытых костелов боролись за открытие своих храмов. Уже в августе 1949 г. Гунефа Шидловская как представительница «двадцатки» из прихода Плюссы выслала заявление уполномоченному Совету по делам религиозных культов с просьбой открыть приходской костел [16, л. 183]. С подобной просьбой она обращалась и в 1953 г. [42, л. 52, 52об.].

Начиная с 1952 г., и особенно после смерти Иосифа Сталина в 1953 г., верующие многих приходов Полоцкой области начали высылать в различные инстанции заявления с просьбами об открытии костелов и получения разрешения на проезд священника в их приход. Так, в 1952 г. просили об открытии костела верующие прихода Урбаны [43, л. 67], Шарковщина [44, л. 208], Опса [45, л. 282], в 1953 г. – прихода Видзы [44, л. 122], в 1953–1954 гг. верующие прихода Иказнь [46, л. 18]. Как правило, эти заявления подписывало большое количество верующих. Часто представители прихода высылали несколько заявлений, поскольку на многие из них не получали ответа. Однако на тот момент, в большинстве случаев, верующие своего не добивались.

Заключение. Таким образом, к моменту ликвидации Полоцкой области на ее территории насчитывалось 10 священников – 8 из них служили в действующих приходах. Еще один священник на территории Полоцкой области не имел прихода и права служения, но проводил душепопечительское служение нелегально. Ксендз Антоний Шубзда находился на нелегальном положении. Кроме восьми приходов, где имелись настоятели, приход Слободка функционировал без священнослужителя, время от времени с разрешения уполномоченного в приходском костеле служила Месса. Сами верующие в ситуации вынужденного ограничения религиозных практик вследствие малого количества священнослужителей либо посещали костелы в Литве, либо практиковали самостоятельно, без священника. К тому же, верующие боролись за открытие своих костелов, хотя на тот момент и безрезультатно. Несмотря на все усилия властей ликвидировать структуры Костела на территории Полоцкой области, им это не удалось, во многом благодаря как жертвенной позиции священников, так и героическим усилиям верующих.

Литература

1. *Catalogus ecclesiarum et cleri archidioecesis Vilnensis pro anno Domini 1939*. Vilnae, 1939. – 210 s.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2. Д. 4.
3. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 10.
4. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 2.
5. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 9.
6. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 1.
7. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 33.
8. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 6.
9. Зональный архив г. Молодечно (ЗАГМ). – Ф. 895. Оп. 2. Д. 3.
10. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 36.
11. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 2.
12. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 13.
13. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 17.
14. *Srzelecka, Halina, SJE. Służebnicy Jezusa w Eucharystii na terenach Związku Radzieckiego w latach 1945–1991 / Halina Srzelecka SJE. – Warszawa, 1994. – 226 s.*
15. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 7.
16. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 18.
17. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 21.
18. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 16.
19. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 19.
20. *Roman Dzwonkowski SAC. Represje władz sowieckich wobec duchowieństwa katolickiego obrządku łacińskiego w latach 1939–1987 // Przegląd Wschodni. – 2000. – T. 1. – Zeszyt 1 (25). – S. 275–298.*
21. *Dzwonkowski, Roman, SAC. Leksykon duchowieństwa polskiego represjonowanego w ZSRS 1939–1988 / Roman Dzwonkowski SAC. – Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2003. – 856 s.*
22. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 112.
23. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 115.
24. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 89.
25. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 23.
26. Интервью с Вандой Ладой, 1940 г.р., д. Лыска, Миорский район, август 2008 г.
27. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 90.
28. ГАВт. – Ф. 4029. Оп. 1. Д. 17.
29. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 95.
30. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 32.
31. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 20.
32. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 25.
33. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 34.
34. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 10.
35. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 25.
36. ЗАГМ. – Ф. 895. Оп. 2. Д. 2.
37. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 19.
38. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 33.
39. ГАВт. – Ф. 1439. Оп. 3. Д. 96.
40. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 40.
41. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 33.
42. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 29.
43. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 31.
44. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 27.
45. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 39.

Поступила в редакцию 23.03.2020

Китайская инициатива «Пояс и Путь» – двигатель строительства транспортной инфраструктуры в регионе Центральной Азии

Ши Вэй

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье проанализировано влияние китайской инициативы «Пояс и Путь» на регион Центральной Азии в области транспортной инфраструктуры. Рассмотрены такие ключевые транспортные инфраструктурные проекты в странах Центральной Азии в рамках инициативы «Пояс и Путь», как экспресс «Китай–Европа», коридор ЗК–ЗЕ, южный трубопровод газопровода «Казахстан–Китай», электрифицированная железнодорожная линия «Ангрен–Пап», автомобильная дорога Китай–Кыргызстан–Узбекистан, железная дорога «Вахдат–Яван» и проект по проведению ремонтных работ на 23 главных магистралях в г. Бишкеке.

Цель работы – выявить влияние реализации китайской инициативы «Пояс и Путь» на регион Центральной Азии в области транспортной инфраструктуры.

***Материал и методы.** Статья подготовлена на основе анализа статистических данных и сообщения официальных агентств. Используются научные принципы объективности, научности и историзма, общенаучные и конкретно-исторические методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Выдвижение инициативы «Пояс и Путь» оказывает большое влияние на регион Центральной Азии. Китайская сторона предоставляет инвестиции и передовые технологии для строительства транспортной инфраструктуры.*

***Заключение.** Транспортные инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Пояс и Путь» имеют важное значение для экономического развития региона Центральной Азии. Именно эти ключевые проекты в рамках инициативы «Пояс и Путь» продвигают экономическое развитие стран Центральной Азии, способствуют эффективному распределению ресурсов, создают рабочие места и улучшают транспортные условия местных жителей.*

***Ключевые слова:** ИПП, транспортная инфраструктура, китайско-европейский экспресс, экономическое развитие, пять стран Центральной Азии.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 13–17)

The Chinese Initiative “Belt And Road” as a Motor of Transport Infrastructure Construction in Central Asia Region

Shi Wei

Education Establishment “Belarusian State University”, Minsk

The article analyzes the impact of the Belt and Road Chinese Initiative on the Central Asian region in the field of transport infrastructure. Such key transport infrastructure projects in Central Asian countries as the China-Europe Railway Express, the Western Europe-Western China Highway, the Kazakhstan South Gas Pipeline, Kamchik Tunnel of Angren-PAP Railway, the China – Kyrgyzstan – Uzbekistan highway, the Wahdat Yawan Railway, and the project to carry out repair work on 23 main highways in Bishkek were considered.

***Material and methods.** The article is based on the analysis of statistical data and reports from official agencies. Scientific principles of objectivity, scientific approach and historicism as well as general scientific and concrete historical methods are used.*

***Findings and their discussions.** The Belt and Road Initiative has a great impact on the Central Asian region. The Chinese side provides investments and advanced technologies for the construction of the transport infrastructure.*

***Conclusion.** Transport infrastructure projects under the Belt and Road Initiative are important for the economic development of the Central Asia region. It is these key projects within the framework of the Belt and Road Initiative that promote the economic development of Central Asian countries, contribute to the efficient distribution of resources, create jobs and improve the transport conditions of local residents.*

***Key words:** The Belt and Road Initiative, transport infrastructure, China-Europe Express, economic development, five Central Asian countries.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 13–17)

Осенью 2013 г. китайское правительство выдвинуло инициативу «Пояс и Путь» (ИПП), чтобы укрепить экономические связи с другими странами и осуществить всеобщее процветание. Взаимосвязанные транспортные инфраструктуры являются основой экономического сотрудничества, таким образом, в рамках ИПП проекты в этой области занимают приоритетное место. Пять стран Центральной Азии (ЦА) в качестве соседнего региона КНР в первую очередь попали под влияние ИПП и получили возможность развивать транспортную инфраструктуру.

Цель данной работы – выявить влияние реализации китайской инициативы «Пояс и Путь» на регион Центральной Азии в области транспортной инфраструктуры.

Материал и методы. Для написания работы были использованы следующие источники: статистические данные по товарообороту Главного таможенного управления КНР, данные Государственного комитета республики Узбекистан по статистике, основные социально-экономические показатели Республики Казахстан и сообщения авторитетных китайских агентств. Статья подготовлена на основе соблюдения принципов объективности, научности и историзма. Общенаучные и специальные методы исторического исследования позволили рассмотреть влияние экспресса «Китай–Европа» на регион ЦА. В результате применения сравнительно-исторического метода и метода статистической обработки информации были выявлены развитие транспортной инфраструктуры в регионе ЦА и результат выполнения экспресса «Китай–Европа» – экономический рост в Казахстане.

Результаты и их обсуждение. Пять стран ЦА рассматриваются опорой реализации китайской инициативы «Пояс и Путь» за рубежом. Все страны в этом регионе на политическом уровне одобрили реализацию ИПП, чтобы с ее крупными инвестициями, льготными кредитами и передовыми технологиями развивать инфраструктуру и обеспечить устойчивое экономическое развитие своих стран. В рамках ИПП транспортные инфраструктурные проекты могут содействовать экономическому сотрудничеству между странами ЦА. В настоящее время Туркменистан с Таджикистаном, Кыргызстаном даже не имеет экономических связей. Туркменистан – нейтральная страна, не состоит ни в каких военных и политических объединениях. С экономической точки зрения Туркменистан очень сильно изолирован от региона, в основном продает газ и получает от этого огромные доходы. Раньше газ из Туркменистана поставлялся в Россию, а сейчас в больших объемах поставляется в Китай. В рамках ИПП китайско-европейские экспрессы предоставляют возможность установить торговые связи Туркменистана с Таджикистаном и Кыргызстаном и усилить торговлю между странами ЦА.

Экспресс «Китай–Европа» является одним из показательных проектов в рамках ИПП. В марте 2011 г. первый китайско-европейский экспресс был

запущен из китайского города Чунцин в город Дуйсбург Германии. С июня 2016 г. китайско-европейские экспрессы начали курсировать под единым логотипом «Express CR». Движение «Express CR» совершается в двух формах: транзитные поезда прямого сообщения и транзитные поезда с перегрузкой. Модель транзитных поездов с перегрузкой – «1+N». «1» – это главный маршрут перевозки, а «N» – пункты сбора и распределения товаров. Таким образом, страны ЦА получают возможность усилить торговлю друг с другом при помощи китайско-европейских экспрессов. По статистике Китайской железнодорожной корпорации увеличение количества китайско-европейских рейсов с 1 до 500 заняло 4 года, с 501 до 1000 – около 7 месяцев, с 1001 до 1500 – 5 месяцев [1]. Увеличивающееся количество рейсов китайско-европейских экспрессов свидетельствует о бурной торговле между Китаем и странами, располагающимися вдоль экономического пояса Шелкового пути – сухопутной части ИПП и стимулирует их торговый обмен. Процветающая торговля приносит странам ЦА новые технологии, создает новые рабочие места местным жителям и способствует движению людей и товаров. Именно так китайско-европейские экспрессы пользуются широкой популярностью в странах ЦА.

Казахстан. Это государство является самой большой страной по территории в регионе ЦА и одной из самых важных сопредельных стран Китая. Будучи важным транспортным узлом на евразийском континенте, Казахстан становится большим выгодополучателем транзитной международной перевозки и получает транзитные доходы, которые приносят китайско-европейские экспрессы. Китайско-европейские экспрессы выезжали за китайскую границу через порт Алашанькоу (Хоргос) в Казахстан на западе, порт Эрэн-Хото в Монголию или порт Маньчжурия (Суйфэньхэ) в Россию. В 2016 г. было выполнено 1702 китайско-европейских железнодорожных перевозок, в том числе более 1200 из Китая проходило через территорию Казахстана [2]. В 2018 г. было осуществлено 6300 рейсов, в том числе 44,3% перевозок через Казахстан: 2388 рейсов через порт Алашанькоу, 404 рейса через порт Хоргос [3]. В 2019 г. всего было сделано 8225 рейсов, свыше 90% которых проходили по территории Казахстана. За этот год 3564 рейса через порт Алашанькоу. С января до ноября 2019 г. 3044 рейса проезжали порт Хоргос [4]. В октябре 2019 г. на очередном заседании Правительства РК под председательством премьер-министра РК А. Мамина министр индустрии и инфраструктурного развития Казахстана Б. Атамкулов отметил, что за последние 5 лет общий транзит контейнеров вырос в 3 раза с 271 тыс. до 825 тыс. контейнеров в двадцатифутовом эквиваленте (ДФЭ), доход от транзита вырос в 4,3 раза с 180 млрд до 782,4 млрд тенге. [5].

В 2013 г. объем услуги транспорта Казахстана составил 4,004,633 млн тенге, в 2014 г. – 4,600,380 млн тенге, в 2015 г. – 5,100,619 млн тенге,

в 2016 г. – 5,898,485 млн тенге, в 2017 г. – 6,474,356 млн тенге, в 2018 г. 7,522,987 млн тенге, а в 2019 г. – 8,128,006 млн тенге [6]. Анализируя статистику, можно наблюдать тенденцию роста объема транзитной услуги в Казахстане. Необходимо признать, что совершенные транспортные инфраструктуры внутри страны и китайско-европейские экспрессы создают высокий транзитный сбор Казахстану.

Трансконтинентальный автодорожный коридор «Западный Китай–Западная Европа» (ЗК–ЗЕ) является одним из проектов в рамках ИПП. Этот коридор соединяет китайский рынок с европейским рынком, что имеет важное значение для экономического развития Казахстана. Основная часть этого проекта прошла через Китай и Казахстан. Коридор ЗК–ЗЕ протяженностью 8445 км: 2233 км пройдут по территории России, 2787 км – по территории Казахстана и 3425 км – по территории Китая. Китайский участок коридора проходит по маршруту Хоргос – Урумчи (столица СУАР) – Ланьчжоу (столица Ганьсу) – Чжэнчжоу (столица Хэнань) – Ляньюньган (город Цзяньсу).

База международных перевозок между Китаем и Казахстаном находится именно в китайском восточном прибрежном городе Ляньюньган. В сентябре 2013 г. в присутствии председателя КНР Си Цзиньпина и первого президента Казахстана Н. Назарбаева было подписано соглашение по строительству транспортного канала для перевозки транзитных грузов и базы распределения и транзита грузов в г. Ляньюньган. Так появился проект логистического терминала в порту Ляньюньган. В мае 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент Казахстана Н. Назарбаев дали старт первой стадии этого проекта. С этого момента китайско-казахстанский логистический проект в г. Ляньюньган был официально сдан в эксплуатацию и стал первой реальной платформой в рамках ИПП. Опираясь на китайско-казахстанскую транзитную логистическую базу в Ляньюньгане, казахстанская сторона впервые получила выход к Тихому океану. Эксплуатация данного проекта делает г. Ляньюньган самым удобным и экономичным портом для Казахстана. Порт Ляньюньган ориентирован на Японию, Южную Корею и страны Юго-Восточной Азии, предоставляет удобства для транзитных перевозок казахстанского продовольствия, минералов и др.

Данный проект не только является крупнейшей логистической базой Казахстана на китайской территории, но и стал международной экономической платформой для пяти стран ЦА по транзитной перевозке, складированию, логистике и торговле. В ноябре 2019 г. поезд с калийными удобрениями весом 2,3 тысячи тонн из Узбекистана прибыл на китайско-казахстанскую логистическую базу, груз перевезли в Индонезию после перевалки.

В ноябре 2017 г. последний китайский участок коридора ЗК–ЗЕ был закончен, который соединил восточные ворота Китая Хоргос со скоростной автомагистралью G30 (Ляньюньган–Хоргос). В сентябре 2018 г.

был открыт автодорожный коридор ЗК–ЗЕ по всей линии. Пункт соединения ЗК–ЗЕ между Китаем и Казахстаном находится именно в Хоргосе, где создана первая китайско-казахстанская трансграничная зона свободной торговли – международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос». Благодаря завершению проекта коридора ЗК–ЗЕ можно экономить 4 часа в ходе перемещения из контрольно-пропускного пункта Хоргос до города Алматы Казахстана, а также себестоимость перевозки снизилась с 2 тысяч долл. до 1,3 тысячи долл. США, что способствует торговым обменам Китая и Казахстана. Кроме того, время доставки из порта Ляньюньган до Европы составляет только 10 дней, а путем морских перевозок для транспортировки требуется 45 дней [6].

В апреле 2017 г. был построен южный трубопровод газопровода «Казахстан–Китай», который совместно инвестировали АКОО «Петрочайна» и Казахская газовая компания. Этот южный трубопровод соединяется с газопроводами «Китай–Центральная Азия» и помогает переправлять западные богатые газовые ресурсы Казахстана в южный регион страны. Благодаря этому проекту в Казахстане более 1,5 млн жителей обеспечены газом и предоставлено более двух тысяч рабочих мест. Южный трубопровод газопровода «Казахстан–Китай» считается классическим проектом сообщения между сооружениями в рамках ИПП. С одной стороны, этот газопровод решил вопрос о неравномерном распределении энергоресурсов в Казахстане, с другой – эта линия открыла новый коридор транспортировки природного газа из региона ЦА в Китай.

В рамках ИПП китайско-европейские экспрессы приносят крупные транзитные доходы Казахстану. К тому же строительство транспортной инфраструктуры в этой стране создает хорошие условия для ее экономического развития. Казахстан первый раз в истории получил выход к Тихому океану, что содействует его экспорту сельхозпродукции и укрепляет торговые обмены с другими странами. Совершенная транспортная инфраструктура может сократить время и себестоимость транзитной перевозки, эффективно решить вопрос о неравномерном распределении энергоресурсов.

Узбекистан. В рамках ИПП транспортные инфраструктурные проекты способствуют экономическому развитию страны. В июне 2016 г. открылась электрифицированная железнодорожная линия «Ангрен–Пап» с тоннелем Камчик, построенная с использованием китайских передовых технологий и оборудования. Тоннель Камчик называется горлом железнодорожной линии «Ангрен–Пап», благодаря которому три территории на востоке Узбекистана (Ферганская, Андижанская и Наманганская области) были связаны друг с другом и центром страны. По прогнозам, после сдачи новой железнодорожной линии в эксплуатацию будут созданы условия для ежегодной перевозки 10 млн тонн народно-хозяй-

ственных грузов. При этом во время строительства работой были обеспечены 4 тысячи человек, полная сдача в эксплуатацию железной дороги позволит создать еще 1,5 тысячи новых рабочих мест. Наряду с этим электрифицированная железнодорожная линия «Ангрен–Пап» послужит важнейшим звеном евразийского железнодорожного коридора, что принесет Узбекистану выгоды и откроет внешний рынок [7].

Реализация проекта электрифицированной железнодорожной линии «Ангрен–Пап» может повысить транзитный и туристический потенциал страны, предоставить рабочие места, а также превратить Узбекистан в транзитный узел на евразийском континенте. Президент Ислам Каримов сказал, что пуск электрифицированной железной дороги «Ангрен–Пап» позволяет экономить время и средства при перевозке грузов, вместе с тем резко повышает транзитный, производственный и инфраструктурный потенциал, что будет служить дальнейшему развитию экономики Узбекистана.

В феврале 2018 г. была открыта новая автомобильная дорога Китай–Кыргызстан–Узбекистан, которая может сократить транзитное время с 8–10 дней до 2 дней. По официальным данным Узбекистана, благодаря этой автомобильной дороге плата за перевозку грузов одной тонны уменьшилась на 300–500 долл. США, что определяет возможность экономии транзитных расходов в размере 2,5 млн долл. США в год. При этом это трасса может предоставить более миллиона рабочих мест. Благодаря открытию автомобильной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан увеличилась двусторонняя торговля Китая и Узбекистана. В 2014 г. товарооборот между Узбекистаном и Китаем составил 4,52 млрд долл. США, в 2015 г. – 4,73 млрд долл. США, в 2016 г. – 4,25 млрд долл. США, в 2017 г. – 4,75 млрд долл. США, в 2018 г. – 6,43 млрд долл. США, в 2019 г. – 7,63 млрд долл. США [8]. Согласно данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, по сравнению с 2017 г. в 2018 г. товарооборот между Китаем и Узбекистаном увеличился на 35,4%. В 2018 г. товарооборот между Китаем и Узбекистаном увеличился на 41% по сравнению со средним значением товарооборота с 2014 по 2017 г. В 2019 г. товарооборот увеличился на 18,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Увеличение товарооборота между Китаем и Узбекистаном связано с улучшением транспортной системы. Необходимо отметить, что Китай три года подряд занимал первое место по объему внешнеторгового оборота с Узбекистаном (в 2019 г. – 18,1%, в 2018 г. – 19%, в 2017 г. – 18,5%) [9]. Узбекистан может осуществить экономическое развитие за счет крупного китайского рынка потребления. В 2018 г. сельскохозяйственные продукты: вишни и маш впервые перевезены в Китай. В будущем ожидается, что при помощи холодной цепи поставок больше сельскохозяйственных продукции Узбекистана будет перевезено в Китай [10].

Таджикистан. В августе 2016 г. железная дорога «Вахдат–Яван», являющаяся классическим проектом в рамках ИПП, была введена в эксплуатацию. Строительство дороги осуществлялось китайским предприятием за счет предоставленного Экспортно-импортным банком Китая кредита в размере 51 млн долл. США. Старые железные дороги в Таджикистане состояли из южного участка, среднего участка и северного участка, которые не были связаны. Для того чтобы объединить железнодорожную сеть всей страны, необходимо заезжать в Узбекистан на запад и в Туркменистан на юг. Независимые железные дороги в Таджикистане привели к продлению времени движения и сложной процедуре таможенного декларирования.

После завершения строительства железной дороги «Вахдат–Яван» были соединены центральные и южные железнодорожные участки Таджикистана и осуществлено соединение железных дорог во всей территории страны. Благодаря эксплуатации железной дороги «Вахдат–Яван» можно сократить время движения на три дня, что имеет важное значение для развития сельскохозяйственной экономики. При этом в Таджикистане усиливается торговый обмен между разными регионами и создаются благоприятные условия для экспорта товаров. Как отметил президент Таджикистана Эмомали Рахмон на церемонии ввода в эксплуатацию, железная дорога «Вахдат–Яван» может стимулировать экономическое развитие в Таджикистане, повысить уровень жизни народа. Железная дорога «Вахдат–Яван» станет узлом международного железнодорожного транспорта Китай–Таджикистан–Афганистан–Иран, что обеспечит возможность поступления в бюджет Таджикистана высоких транзитных налогов и усилит контакты с другими странами.

Кыргызстан. В рамках ИПП Китай создает хорошие условия для привлечения инвестиций в страну, при этом улучшает условия жизни данного народа. В мае 2018 г. за счет китайского правительственного гранта и с использованием китайских технологий начали строить проект по проведению ремонтных работ на 23 главных магистралях в г. Бишкеке, общая протяженность которых составляет 30,08 километров. После завершения этого проекта жители столицы страны могут использовать удобную транспортную инфраструктуру.

Заключение. Взаимосвязанная транспортная инфраструктура считается основой экономического развития и межгосударственного сотрудничества. В рамках ИПП запущены китайско-европейские экспрессы, что усиливает торговый обмен стран ЦА и приносит крупные транзитные доходы Казахстану. Кроме того, Китай помогает строить транспортную инфраструктуру в странах ЦА, что способствует экономическому развитию стран, создает рабочие места и улучшает их транспортные условия в регионе. С помощью ИПП государства ЦА могут стать транспортным узлом Евразии и усилить региональное экономическое сотрудничество.

Литература

1. “Один пояс – один путь”倡议下的中欧班列：问题与前景(Китайско-европейские экспрессы в рамках инициативы ОПОП: вопросы и перспективы) [电子信息 Электронный ресурс] // 环球视野 (Глобальный Обзор) – 存取方式 – Режим доступа: http://www.globalview.cn/html/societies/info_24977.html 存取日期. – Дата доступа: 07.05.2020.
2. “Один пояс – один путь”提出近四年来 中哈合作收获哪些“亮点”? (Результаты китайско-казахстанского сотрудничества в рамках инициативы ОПОП) [电子信息 Электронный ресурс] // 人民日报 (Газета «Жэньминь жибао» онлайн). – 存取方式. – Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0609/c1001-29330533.html> 存取日期. – Дата доступа: 07.05.2020.
3. 018年中欧班列共开行6300列 (В 2018 г. было открыто 6300 рейсов китайско-европейских экспрессов) [电子信息 Электронный ресурс] // 中华人民共和国商务部 (Министерство коммерции КНР) – 存取方式. – Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/e/201901/20190102825444.shtml> 存取日期. – Дата доступа: 07.05.2020.
4. 中欧班列2019年开行数据总结分析 (Анализ данных по действию китайско-казахстанских экспрессов в 2019 г.) [电子信息 Электронный ресурс] // 新华网(Синьхуа) – 存取方式. – Режим доступа: <https://www.imsilkroad.com/news/p/397878.html> 存取日期. – Дата доступа: 07.05.2020.
5. Реализация новой госпрограммы «Нұрлы жол» на 2020–2025 годы позволит создать более 550 тыс. рабочих мест [Электронный ресурс] // Официальный информационный ресурс премьер-министра Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/realizaciya-novoy-gosprogrammy-nu-rly-zhol-na-2020-2025-gody-pozvolit-sozdat-bolee-550-tys-rabochih-mest>. – Дата доступа: 20.08.2020.
6. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан Комитет по статистике. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/official/dynamic>. – Дата доступа: 20.03.2020.
7. 双西公路全线贯通 连云港至欧洲全程高速 (Открыт автодорожный коридор ЗК–ЗЕ по всей линии) [电子信息 Электронный ресурс] // 中国一带一路网 (Официальный сайт «Один пояс – один путь»). – 存取方式. – Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/dfdt/67739.htm>. – 存取日期. – Дата доступа: 23.05.2020.
8. Железная дорога «Ангрен–Пап» – высокий результат стратегического сотрудничества между КНР и Узбекистаном [Электронный ресурс] // Газета «Жэньминь жибао» онлайн. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0111/c31519-9165704.html>. – Дата доступа: 02.02.2020.
9. 2014-2019年进出口商品国别(地区)总值表 (Статистические таблицы по товарообороту с 2014 до 2019 гг.) [电子信息 Электронный ресурс] // 中华人民共和国海关总署 (Главное таможенное управление КНР). – 存取方式. – Режим доступа: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302275/index.html>. – 存取日期. – Дата доступа: 09.06.2020.
10. Динамика крупных стран-партнеров во внешнем товарообороте Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. – Режим доступа: <https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statistika-ru/6587-vneshneekonomicheskaya-deyatelnost>. – Дата доступа: 02.02.2020.

Поступила в редакцию 23.09.2020

Советско-германские отношения в 1933 – середине 1939 года в белорусской постсоветской историографии

Рожкова С.Н.

Учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматривается современная белорусская историография отношений между СССР и Германии после прихода Гитлера к власти и до середины 1939 года.

Цель статьи – охарактеризовать белорусскую постсоветскую историографию в советско-германских отношениях в 1933 – середине 1939 года.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной постсоветской историографии, посвященной советско-германским отношениям 1933 – середины 1939 года. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие исследователю всесторонне посмотреть на изучаемый объект.

Результаты и их обсуждение. В белорусской постсоветской историографии историки определили сложный, противоречивый характер развития советско-германских отношений в 1933–1939 годы. Ученые акцентируют внимание на том, что с приходом Гитлера к власти Германия провозгласила курс на завоевание «жизненного пространства», под которым в первую очередь понималась территория СССР. Это был курс на развязывание агрессивной войны. Он требовал быстрого развития военной промышленности, а это порождало заинтересованность нацистского руководства в сохранении экономического сотрудничества с СССР.

Заключение. Историки Беларуси показали, что советско-германское сотрудничество в изучаемый период сталкивалось с рядом проблем. Белорусская историография смогла установить, что только с конца 1938 года намечается тенденция к улучшению отношений между СССР и Германией. Рассматривая вопрос о месте Беларуси в политике Германии, отечественные историки сделали вывод, что страна выступала для нацистов в роли одного из участков «жизненного пространства» и экономической эксплуатации после оккупации. Как отмечают исследователи, белорусский вопрос в целом не имел существенного значения для правительства Германии.

Ключевые слова: белорусская историография, советско-германские отношения, нацистская агрессия, Германия, СССР, Беларусь, «жизненное пространство».

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 18–21)

Soviet-German Relations in 1933 – Mid-1939 in Belarusian Post-Soviet Historiography

Rozhkova S.N.

Education Establishment "Francisk Skorina Gomel State University". Gomel

The article deals with the modern Belarusian historiography of relations between the USSR and Germany after Hitler came to power until mid-1939.

The aim of the article is to characterize Belarusian post-Soviet historiography of the Soviet-German relations in 1933 – mid-1939.

Material and methods. The research was carried out on the materials of national post-Soviet historiography dedicated to the Soviet-German relations of 1933 – mid-1939. The methodological basis of the work is the scientific principles of objectivity and historicism. In the research two groups of methods were used: the general scientific one – analysis and synthesis, induction and deduction; the special-historical one – historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, which allowed the researcher to look comprehensively at the object of the research.

Findings and their discussion. In Belarusian post-Soviet historiography historians have identified the complex, contradictory nature of the development of the Soviet-German relations in 1933–1939. Scientists focus on the fact that after Hitler came to power, Germany proclaimed a course for the conquest for "living space", which primarily meant the territory of the USSR. It was a course towards starting an aggressive war. It demanded the rapid development of military industry, and this gave rise to the interest of the Nazi leadership in maintaining economic cooperation with the USSR.

Conclusion. Belarusian historians have noted that Soviet-German cooperation during that period faced a number of problems. Belarusian historiography was able to find out that since the end of 1938 there was a tendency to improve relations between the USSR and Germany. Considering the issue of the place of Belarus in the policy of Germany, Belarusian historians concluded that it acted for the Nazis as one of the sections of the "living space" and economic exploitation after the occupation. The researchers have also found out that the Belarusian issue as a whole was not significant for the German government.

Key words: Belarusian historiography, Soviet-German relations, Nazi aggression, Germany, the USSR, Belarus, "living space".

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 18–21)

Статья посвящена изучению советско-германских отношений в 1933–1939 годы. Как отмечается в данной работе белорусские историки акцентируют внимание на том, что с приходом Гитлера к власти Германия провозгласила курс на завоевание «жизненного пространства», под которым в первую очередь понималась территория СССР. Это был курс на развязывание агрессивной войны. Он требовал быстрого развития военной промышленности, а это порождало заинтересованность нацистского руководства в сохранении экономического сотрудничества с СССР, на что указывают в своих исследованиях белорусские историки. Однако это сотрудничество сталкивалось с рядом проблем. Белорусская историография пришла к выводу, что уже с конца 1938 года намечается тенденция к улучшению отношений между СССР и Германией. В статье показано, что для белорусских исследователей важным является вопрос о месте Беларуси в политике Германии. Они пришли к выводу, что Беларусь выступала для нацистов в роли одного из участков «жизненного пространства» и экономической эксплуатации после оккупации. Как отмечают историки, белорусский вопрос в целом не имел существенного значения для правительства Германии.

В белорусской историографии распространена точка зрения, что год прихода Гитлера к власти в Германии стал переломным моментом в советско-германских отношениях. 1933–1939 гг. – это сложный и важный период в отношениях между СССР и Германией, который требует глубокого и всестороннего изучения и вызывает интерес у исследователей разных стран, в том числе и у белорусских историков. На сегодняшний день в Республике Беларусь германистика является перспективным направлением в области исследования проблем всеобщей истории, однако в исторической науке практически нет работ по историографии советско-германских отношений 1933–1939 годов.

Цель статьи – охарактеризовать белорусскую историографию в советско-германских отношениях в 1933–1939 гг.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной постсоветской историографии, посвященной советско-германским отношениям 1933 – середины 1939 гг. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, позволяющие автору всесторонне посмотреть на изучаемый объект.

Результаты и их обсуждение. В белорусской постсоветской историографии при характеристике внешней политики Германии основной акцент делается на подчеркивании ее агрессивного характера. И.В. Дубовец отмечает, что после Первой мировой войны немецкое общество было заражено экспансионистскими идеями. А с приходом нацистов к власти лозунг о жизненном пространстве на Востоке стал основной частью идеологии Германии [1, с. 101]. В.К. Коршук указывает, что Гитлер связывал достижение немцами достойной жизни с захватом новых территорий [2, с. 3]. Тезис о том, что после прихода Гитлера к власти немецкая геополитика стала носить агрессивный характер, звучит и в работах А.М. Бабкова. По мнению ученого, главной причиной агрессии Германии против СССР была борьба за «жизненное пространство» на востоке, а борьба с боль-

шевизмом была обоснованием захватнических целей Германии. Согласно взглядам Гитлера, для немецкого государства война с СССР была необходима для расширения территории с целью обеспечения экономической безопасности Германии и одновременно реализации расового обновления. Фюрер считал, что Германию в ближайшее время ждет продовольственная катастрофа из-за небольшой территории и был уверен, что благосостояние страны напрямую зависит от размера территории. Поэтому немецкое руководство взяло курс на активную подготовку к войне, мобилизовав для этого все финансово-промышленные ресурсы страны. К концу 1930-х годов Германия потратила на вооружение страны все валютные резервы. Как констатирует историк, выход из данной ситуации Гитлер видел в войне, чтобы не наступил голод [3, с. 55–56].

Исследователь Д.А. Мигун также придерживается точки зрения, что именно теория «жизненного пространства» стала основой внешней политики нацистской Германии и представления о германском государстве. Эта теория представляла собой комплекс взглядов на будущее развитие Германии и всего человечества. Опираясь на эту теорию, по мнению Д.А. Мигуна, нацисты считали, что «от качества территории зависит развитие государства, поэтому необходимо расширить его до “жизненного пространства”, в рамках которого государство могло бы наилучшим образом функционировать. В состав этого пространства должны входить все области, в которых имеется немецкое население, границы этого пространства должны иметь выгодное стратегическое расположение, должны быть обеспечены единство и полнота экономической жизни» [4, с. 4, 5]. Согласно данной теории «жизненное пространство» Германии могло охватить всю поверхность Земли, что затрагивало интересы других государств. Приход к власти нацистов с их стремлением завоевать для Германии «жизненное пространство» ученый во многом связывает с ее поражением в Первой мировой войне [4, с. 7].

Белорусские историки отстаивают точку зрения, что завоевать «жизненное пространство» Гитлер планировал, прежде всего, на востоке. Л.М. Хухлындина акцентирует внимание на том, что фюрер для завоевания «жизненного пространства» для арийской немецкой расы считал необходимой колонизацию «деградировавших» славяно-азиатских просторов. Миссия немецкого государства заключалась в защите культуры Великой Европы от власти азиатской России [5, с. 5].

Ученый И.В. Дубовец считает, что экономической целью Германии на Востоке было захват сырья для промышленности (нефти, марганца, руды), продовольствия и продуктов сельского хозяйства [1, с. 103]. А.М. Бабков делает вывод, что немецкое руководство сформировало две концепции покорения территории СССР. Концепция А. Розенберга предлагала расчленение народов СССР по национальному признаку и создание фиктивных государственных образований в Беларуси, Украине, Прибалтике, на Кавказе. Концепция Гитлера, Гимmlера и Геринга предполагала более жесткие методы создания «великой восточной империи» на территории СССР. В итоге две концепции преследовали одну цель – колонизация и порабощение народов СССР. Гитлер отверг концепцию Розенберга как слишком мягкую и не преследовавшую цель создания «великой восточной империи» [3, с. 57].

Н.Н. Ковалева также обращает внимание на то, что Гитлер поставил цель достичь мировой «гегемонии». Чтобы достичь этой цели, для германского руководства крайне важно было не допустить образования антигитлеровской коалиции с участием Англии, Франции и Советской России. Как констатирует историк, для этого немецкая дипломатия использовала враждебность и недоверие Западных держав к СССР, заявляя о готовности спасти Европу от большевистской угрозы. Таким образом, немецкое руководство не допускало сближения западных держав с Советским Союзом, а само готовилась к захвату Западной, а затем Восточной Европы [6, с. 54–55]. По мнению Л.М. Хухлындиной, дипломатия Третьего Рейха, имея намерения добиться свободы экспансии, стремилась изменить расстановку политических сил Европы в свою пользу. В переговорах с Великобританией Гитлер утверждал, что английский принцип равновесия устарел и не может отвечать британским интересам. Причиной этому являлась военная угроза с Востока и перспектива большевизации континентальной Европы, а потом и всего мира, что проявится в социалистических переворотах, констатирует историк [7, с. 5]. Характеризуя советско-германские отношения 1930-х гг. в контексте международной ситуации того времени, Л.М. Хухлындина отмечает, что министр иностранных дел Риббентроп считал оптимальным вариантом для Германии создать союз трех империй – Германии, СССР и Японии, для совместного раздела сфер влияния на огромных евразийско-африканских просторах, а также присоединение СССР к пакту Рим-Берлин-Токио. Противоположную позицию относительно СССР занимал Гитлер. Он не считал, что Советский Союз в конечном итоге присоединится к Англии и США и выступит против Германии [7, с. 6].

Историк А.Б. Бессольнов, изучая международные отношения в 20–30-е годы XX в., определил цели, которые преследовал Гитлер, придя к власти. Во-первых, возрождение военной мощи Германии. Во-вторых, возвращение к довоенным границам. В-третьих, создание Германской империи. В-четвертых, обеспечение немцам жизненного пространства Восточной Европы. Согласно мнению исследователя, Гитлер заявил свои претензии на те территории страны, которые никогда не являлись составными частями Германии ни на Западе, ни на Востоке Европы. А.Б. Бессольнов указывает, что оправдание таких геополитических требований дала языческая нацистская доктрина неравноценности людей и наций. Эта доктрина была нацелена на доказательство расового превосходства, а также природного и этнического неравенства людей [8, с. 7–8].

Ученый Д.А. Мигун указывает на резкие расхождения между СССР и Германией по многим международным проблемам. Как одну из таких проблем историк рассматривает гражданскую войну в Испании 1936–1939 годов, характеризуя ее как пролог Второй мировой войны. Автор отмечает, что немецкое и советское вмешательство выразилось в прямой поддержке противоборствующих сторон конфликта. СССР выступил на стороне республиканского правительства, а Германия – мятежников. Попытка советизации Испанского государства обернулась трагическим изменением соотношения сил в Европе в пользу фашизма [9, с. 27].

Для белорусской историографии общепризнанным является тезис, согласно которому приход нацистов к власти в Германии привел к коренным изменениям в советско-германских отношениях. Д.А. Мигун отмечает, что с приходом Гитлера к власти начала меняться

немецкая политика в отношении СССР, что означало конец «эры Рапалло». При этом Гитлер, с одной стороны, демагогически подчеркивал неизбежность прежнего рапальского курса, а с другой – в отношении советских граждан и учреждений на территории Германии был начат террор и травля (аресты, обыски, преследования, подрыв деятельности торгпредства СССР и др.) [10, с. 135]. С приходом фюрера к власти было прекращено советско-германское военное сотрудничество. Произошло свертывание экономических отношений. Вначале 1933 года экспорт СССР в Германию сократился на 44%, а импорт из Германии только на 12%. Протекционистская политика Германии наносила урон экономике СССР. Все предложения советской стороны смягчить протекционистские меры на советский экспорт получали отказ [10, с. 138]. По мнению Д.А. Мигуна, отрицательное влияние на советско-германские отношения оказывали различные политические кампании в Германии, направленные против СССР. Сюда относились призывы к войне против советского государства, создание белогвардейской организации, клевета на советские компании и др. Ноты протеста против бесчинств в Германии в отношении советских граждан и организаций оставались без удовлетворения. Правда, что к концу 1933 года, беззакония и бесчинства по отношению к советским учреждениям и советским гражданам стали спадать [10, с. 139; 11, с. 170–171].

Историк Д.А. Мигун в своем исследовании выделил Розенберга и М. Шойнер-Рихтера как политиков, которые сыграли особую роль в формировании идеологии нацизма. Под их влиянием Гитлер пришел к убеждению, что еврейство и марксизм, большевизм – это одно и то же. Эта идея выразилась в стремлении защитить Германию от угрозы большевизма. Таким образом, Советская Россия стала главным врагом Германии, резюмирует историк. Далее автор пишет, что концепция Розенберга исходила из необходимости достижения англо-германского раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи. Накануне Второй мировой войны возникла концепция Риббентропа, суть которой сводилась к борьбе с Великобританией, а затем с СССР. Д.А. Мигун отмечает, что Риббентроп предлагал идею антитританского соглашения Германии, Италии и Японии, а Розенберг призывал к антисоветскому походу все европейские государства под руководством Германии [4, с. 6]. Гитлер, учитывая сложившуюся ситуацию в мире, выбрал предложения Риббентропа и начал войну в первую очередь с Англией и Францией, а затем с СССР [4, с. 7].

Ученые А.Г. Ливицкий, А.А. Осмоловский, анализируя немецкие планы против СССР в период Третьего рейха, отмечают, что немецкое руководство планировало агрессию против Советского Союза задолго до войны. Уже в середине 1930-х годов был разработан план «А», под которым подразумевалось война против СССР. В этот период гитлеровское командование изучало сведения о Красной Армии и рассматривало варианты военных действий против СССР [12, с. 168].

Исследователи И.А. Литвиновский, Ю.И. Литвиновская, изучая международные отношения накануне Второй мировой войны, приходят к выводу, что в конце 1938 – начале 1939 года появилась тенденция к улучшению взаимоотношений между СССР и Германией [13, с. 50]. А.А. Цобкала, П.А. Тупик показали причины, приведшие к сближению СССР и Германии. Провал политики коллективной безопасности и желание СССР

выйти из международной изоляции после Мюнхенского соглашения, по их мнению, способствовали сближению Москвы с германским руководством [14, с. 146]. И.А. Литвиновский, Ю.И. Литвиновская также указали причины советско-германского сближения накануне Второй мировой войны. Германия была заинтересована в сотрудничестве с СССР, так как Гитлер решил обезопасить Германию от войны на два фронта, а также увеличить сырьевую базу за счет Советского Союза. СССР хотел улучшить свой промышленный потенциал. Интерес в улучшении отношений был обоюдным. В конце 1938 года Германия заявила о готовности начать торгово-экономические переговоры и предоставить Советскому Союзу кредит для закупки немецкого оборудования. Советско-германские переговоры проходили не просто, они неоднократно прерывались, ведь каждая из сторон хотела сделать соглашение наиболее выгодным для себя. Стороны не могли прийти к единому мнению по процентной ставке по кредиту, объемам поставок товаров и сырья в счет оплаты кредита [13, с. 49].

Ученый Я.С. Павлов в качестве момента, с которого начинается улучшение советско-германских отношений, называет август 1939 г. 20 августа 1939 года был подписан договор о предоставлении СССР кредита в сумме 200 млн марок сроком на 7 лет. На эти деньги разрешалось в течение двух лет покупать немецкие товары, а оставшуюся сумму можно было использовать на размещение советских заказов на немецких предприятиях [15, с. 33].

Белорусский вопрос активно исследуется в контексте советско-германских отношений в межвоенный период. А.М. Бабков, изучая немецкие планы в межвоенное время, определил главную цель немецкой политики в годы Второй мировой войны в отношении Беларуси. Это, прежде всего, отделение ее от СССР и включение в сферу влияния Германии. Гитлер не поддерживал планы создания на территории Беларуси «самостоятельного государства» [3, с. 54]. По мнению А.М. Бабкова, немецкое руководство видело историческую миссию белорусских земель в том, что с них будет начато расширение жизненного пространства Германии на восток [3, с. 58].

Заключение. В постсоветской историографии Беларуси определен противоречивый характер развития советско-германских отношений в 1933–1939 годы. Ученые акцентируют внимание на том, что с приходом Гитлера к власти Германия провозгласила курс на завоевание «жизненного пространства», под которым в первую очередь понималась территория СССР. Это был курс на развязывание агрессивной войны, требующий быстрого развития военной промышленности, что порождало заинтересованность нацистского руководства в сохранении экономического сотрудничества с СССР. Однако, как показали белорусские авторы, это сотрудничество сталкивалось с рядом проблем. Отечественная историография установила, что уже с конца 1938 года намечалась тенденция к улучшению отношений между СССР и Германией. Рассматривая вопрос о месте Беларуси в политике Германии, ученые делают вывод, что страна выступала для нацистов в роли одного из участков «жизненного пространства» и экономической эксплуатации после оккупации. Как отмечают исследователи, белорусский вопрос в целом не имел существенного значения для правительства Германии.

Литература

1. Дубовец, И.В. Государственная политика Германии с 1918 до 2-й половины 1943 года в области производственно-хозяйственных правоотношений. Роль хозяйственных

- элит в государственном регулировании предпринимательских отношений / И.В. Дубовец // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты / редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 101–110.
2. Коршук, У.К. Фашизм: злочинні мэты, злочынныя сродкі / У.К. Коршук // Весн. БДУ імя У.І. Леніна. – 1991. – № 2. – С. 3–6.
3. Бабков, А.М. Преемственность германских планов и политики в отношении Беларуси в период мировых войн / А.М. Бабков // Гомельщина в 1941 году: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию начала Великой Отечественной войны. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 54–63.
4. Мигун, Д.А. Планы Германии в отношении Восточной Европы в преддверии Второй мировой войны / Д.А. Мигун // Весн. МДУ імя А.А. Куляшова. Сер. Гісторыя, Філасофія, Філалогія. – 2001. – № 2(38). – С. 4–9.
5. Хухлындзіна, Л.М. “Drang nach Osten” у кантэксце беларускай і сусветнай гісторыі / Л.М. Хухлындзіна // Весн. БДУ. – 2005. – № 2. – С. 3–8.
6. Ковалева, Н.Н. Из истории дипломатии: роль германской дипломатии в нейтрализации Англии (1938–1939 гг.) / Н.Н. Ковалева // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры: материалы III Междунар. науч. конф., Брест, 12–14 окт. 2006 г. – Брест, 2007. – С. 54–57.
7. Хухлындзіна, Л.М. “Drang nach Osten” у кантэксце беларускай і сусветнай гісторыі / Л.М. Хухлындзіна // Весн. БДУ. – 2005. – № 2. – С. 3–8.
8. Бессольнов, А.Б. Версальский мир и кризис международных отношений в 20–30-х годах 20 века / А.Б. Бессольнов // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі): зб. навук. арт. ГГУ імя Ф. Скарыны; редкол.: М.М. Мязга (гал. ред.) [і інш.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С. 5–11.
9. Мигун, Д.А. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и ее влияние на германо-советские отношения / Д.А. Мигун // Весн. Палес. дзярж. ун-та. Сер. грамад. і гуманітар. навук. – 2011. – № 1. – С. 27–33.
10. Мигун, Д.А. Германо-советские политико-экономические отношения в 1933 г. / Д.А. Мигун // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. : в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2011. – Ч. 1. – Вып. 11 / под ред. В.Ф. Беркова. – С. 135–140.
11. Мигун, Д.А. Германо-советские экономические и политические отношения в 30-х гг. XX в. / Д.А. Мигун // Междунар. науч.-теорет. конф. «Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию профессора Л.М. Шнейерсона)». – Минск: РИВШ, 2012. – С. 170–172.
12. Ливицкий, А.Г. Разработка германских стратегических планов войны против СССР в период «Третьего Рейха» / А.Г. Ливицкий, А.А. Осмоловский // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты / редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: МИТСО, 2009. – С. 168–171.
13. Литвиновский, И.А. Советско-германские договоренности августа 1939 года: начало переговоров / И.А. Литвиновский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнарод. навук. канф. – Мінск, 2015. – С. 49–55.
14. Цобкала, А.А. Да пытання міждзяржаўных адносін напярэдадні Другой сусветнай вайны / А.А. Цобкала // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнарод. навук. канф. – Мінск, 2012. – С. 143–147.
15. Павлов, Я.С. Советско-германские договоры 1939–1941 годов: трагедия тайных сделок / Я.С. Павлов. – Минск: БелНИИДАД, 1996. – 100 с.

Поступила в редакцию 23.09.2020

История села Любашково

Минина Н.В.

Учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В Год малой родины одной из актуальных задач является воспитания молодого поколения в духе любви к месту, в котором человек родился, живет, работает. Изучение истории родного края, города, деревни способствует привитию любви к малой родине и стране в целом.

Цель исследования – изучить историю местности бывшего села Любашково.

Материал и методы. В исследовании использовались материалы Государственного архива Витебской области, информация из дореволюционных источников, справочников, отчетов и современные научные публикации. В работе применялись общенаучные методы – анализ и синтез, специально-исторические, такие как историко-генетический, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. Село Любашково основано на месте археологического комплекса, который включал городище, селища и курганные могильники. Во времена Великого Княжества Литовского Любашково было центром волости и являлось собственностью княжества. История села связана с рядом таких известных личностей, как Василий Лужинский архиепископ Полоцкий и Витебский, педагог Н.К. Махаев, юрист Г.Н. Юренев, а также важным событием для всего православного мира перенесением святых мощей преподобной Ефросиньи Полоцкой в 1910 году из Киева в Полоцк. В годы Великой Отечественной войны с июля 1941 по 23 июня 1944 года данная территория находилась под фашистской оккупацией. В настоящее время от населенного пункта ничего не осталось.

Заключение. Не все исторические памятники, населенные пункты смогли сохраниться для последующих поколений. Смена власти, войны, политика в советские годы значительно повлияли на историческое наследие народа.

Ключевые слова: Любашково, курганы, городище, Василий Лужинский, Ефросинья Полоцкая, Великая Отечественная война.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 22–28)

The History of Liubashkovo Village

Minina N.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The year of native land is marked by a current task of raising younger generation in the spirit of love for the person's birthplace, the place where he lives and works. The study of the native land, city or village history promotes love for the smaller motherland and the country on the whole.

The research aims at the study of the history of the former Liubashkovo village area.

Material and methods. Materials from State Archive of Vitebsk Region, information from pre-revolution books, directories, reports as well as contemporary scientific publications were used in the research. The work applied the general scientific methods of analysis and synthesis, the special historical methods such as the historical and genetic and the retrospective.

Findings and their discussion. The village of Liubashkovo was founded on the site of an archeological complex which included settlements and burial mounds. During the Great Duchy of Lithuania Liubashkovo was the center of the parish and was owned by the Duchy. The history of the village is connected with a number of outstanding personalities such as Vasyli Luzhinski Archbishop of Polotsk and Vitebsk, teacher N.K. Makhayev, lawyer G.N. Yurenev, and with an important event in the life of Orthodox world which was carrying holy relics of Venerable Euphrosyne of Polotsk from Kiev to Polotsk in 1910. During the Great Patriotic War from July 1941 to June 23, 1944 the territory was occupied by fascists. There are no traces of the settlement left nowadays.

Conclusion. Not all historical monuments and settlements survived for the ensuing generations. Changes of power, wars, and policies in the Soviet times considerably influenced the people's historical heritage.

Key words: Liubashkovo, mounds, settlement, Vasyli Luzhinski, Euphrosyne of Polotsk, the Great Patriotic War.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 22–28)

Годом малой родины в Республике Беларусь объявлены 2018, 2019 и 2020 годы. Одной из основ воспитания высоконравственного поколения является воспитание любви к родному дому, населенному пункту, району.

В настоящее время от многих когда-то известных деревень остались лишь заброшенные дома, или те места поросли лесом и кустарником. Когда исчезает населенный пункт, как правило, умирают и воспоминания о нем. В связи с этим изучение истории конкретной деревни, села, малого городка является актуальным.

Полученный материал проведенного исследования можно использовать для воспитания молодого поколения, включать его в раздел «История Витебского

района» в общеобразовательных учреждениях, водить школьников в походы по памятным историческим местам. Взрослому поколению, живущему рядом с историческим местом, будет интересно знать историю своего края и гордиться им.

Цель исследования – изучить историю местности бывшего села Любашково.

Материал и методы. Источниками для написания статьи послужили материалы Государственного архива Витебской области, информация из дореволюционных книг, справочников, отчетов и современные научные публикации. Методологическую основу исследования составили принцип историзма и объективности, системный подход. Были использованы следу-

Рис. 1. Фрагмент карты «Витебский уезд в конце XVI века»

ющие методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, историко-системный, историко-сравнительный. Исследование проводилось в феврале – марте 2020 года.

Результаты и их обсуждение. Любашково является населенным пунктом, который был расположен к югу от Витебска и просуществовал до 1930 года. Само название села является ранним микротопонимом и связано с языческими ритуалами [1].

Археология. Люди в древности селились по берегам рек, т.к. реки были главными «дорогами». Еще в дореволюционные времена активно велись работы по поиску и определению древних городищ и курганов. По просьбе Императорского Московского Археологического общества для составления археологической карты по губерниям собирались сведения по двум направлениям: первое – о коллекциях археологических предметов, рукописей, оружия, утвари, принадлежащих частным лицам, второе – о курганах, городищах, древних могильниках, валах [2].

Уже в 1905 году В.П. Семенов в своей «Настольной и дорожной книге для русских людей» сообщает «в окрестностях станции Богушевская, у села Любашково Витебского уезда имеются остатки древнего городища и у его подножия – курганные могильники» [3]. В настоящее время памятники привязаны к деревне Мяклово.

Эти данные позднее в 1959 г. подтвердил Л.В. Алексеев, который исследовал археологический комплекс у д. Мяклово Витебского района на правом берегу реки Лучесы. По его данным, комплекс включал городище, два селища и курганный могильник. Городище находится в урочище Любашково в 0,7 км от берега реки. Селище локализовано в 0,7–0,8 км северо-западнее городища на высоком берегу Лучесы.

В 1972 г. Г.В. Штыховым на селище был собран материал, который относился к третьей четверти I тыс. н.э. и к X–XI вв. Им были сняты планы всех трех объектов комплекса, проведены небольшие раскопки на городище.

Летом 2017 года разведочные изыскания на селище возле д. Мяклово были произведены доцентом исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова Т.С. Бубенько. Исследователь описала свои находки: «...среди массового материала – керамики, были обнаружены две индивидуальные находки: фрагмент лезвия ножа и фрагмент чернолощеного сосуда-водолея с протомой барана».

Краткие сведения о селе Любашково. Землевладельцы. Территория Витебского повета в конце XIV века состояла из старинных боярских вотчин и княжеских дворов (Выдря, Лемница, Лужесно, Любашково), расположенных на запад, восток и юг от Витебска на расстоянии около 20–30 км (рис. 1). В Витебском повете Любашково было центром волости и являлось собственностью Великого Княжества Литовского. Волостью управляли местные бояре, назначенные витебским наместником великого князя (с 1506 г. титул «воевода»). В 1563 году руководитель общины Любашковской волости Витебского повета именовался «старец» (староста).

Одна из дорог из Витебска в Любашково проходила

ла через Старинки, Волосово, Жуки, Перевоз. Между деревнями Перевоз и Любашково через реку Лучесу было сообщение через небольшие плоты на тросах.

В конце 18 века большая часть Витебской экономики (государственного владения Великого Княжества Литовского) была подарена навечно в наследственное владение барону И.Ф. Ашу.

В 1860 году Николай Аш владел в имении Малое Любашково крепостными людьми мужского пола: 123 крестьян и 8 дворовых. У крепостных было 28 дворов и 37 десятин усадебной земли (0,3 дес. на душу). Петр Аш владел в имении Любашково крепостными людьми мужского пола – 202 крестьянина. У крепостных было 43 двора и 43 дес. усадебной земли (0,21 дес. на душу) [5].

После реформы 1861 года Любашково относится к Любашковскому сельскому обществу (200 крестьян) Любашковской волости Витебского уезда, позднее Любашковская волость стала частью Селютской волости.

По состоянию на 1878 год имением Любашково (2155 десятин земли) владел Лужинский Григорий Петрович. В 1906 году владельцем стал его сын православный дворянин Владимир Григорьевич Лужинский. Он имел 2139 десятин земли (из них 1765 под лесом, удобной земли 257 десятин, неудобницы 118). Было 5 дворов, 25 жителей [5].

Согласно приведенным данным это было крупное земельное владение, поскольку средний размер владений на тот период составлял 1051 десятин. Главную массу земель в Витебской губернии, а именно свыше половины всей площади составляли частные владения, около 2/5 всей земельной площади занимали крестьянские наделы, и остальная часть (около 1/12) принадлежала казне, уделам церкви, монастырям, городам.

А.П. Сапунов в книге «Список населенных мест Витебской губернии» [6], изданной в 1906 году, описывает, что в имении и селе Любашково находится приходской храм Николая Чудотворца, работает две водяные мельницы: одна в селе, другая – в имении. В селе также имелась казенная винная лавка. Недалеко от Любашково проходила Риги-Орловская железная дорога. Ближайшей станцией являлась Заболотинка, до Могилевского шоссе (сегодня старая оршанская дорога) необходимо было ехать две версты. Село и имение располагались на безымянном ручье. Фабрик и заводов в той местности не было.

В Витебском окружном статистическом справочнике на 1 декабря 1928 года в Любашково была зарегистрирована только одна мельница как мукомольное производство. Всего в Витебском районе в этот период было 18 мельниц [7, с. 146].

На картах 1928, 1936 годов фольварк Любашково еще обозначен. В настоящее время на местности находится только урочище.

Церковь, церковно-приходская школа. В 1808 году в Витебском уезде было 2 православные церкви, в 1905 году – 37. В 1869 году в Любашково построили деревянную церковь Святителя Николая Чудо-

творца. На 2-километровой карте РККА Беларуси и Литвы 1935 года, на немецкой карте Второй мировой войны (трехкилометровка) 1941 года и карте РККА № 36(А) 0,5–1 км Смоленской и Витебской области 1941 года церковь еще отмечена. В соседней деревне Перевоз, расположенной на другом берегу реки, на карте 1935 года показана над родником часовня.

В 1885 году в селе была основана двухклассная церковно-приходская школа. Всего в Полоцкой епархии в отчетном году было 10 двухклассных школ. Любашковская школа помещалась в собственном здании, которое страховалось от огня. Не все школы в то время могли позволить себе страховку.

Законоучителем с 1894 года и по отчету 1909 года был священник Василий Титович, на котором лежали различные обязанности по школе: внеклассные чтения, надзор за обязательным посещением учениками храма, участием в церковном чтении и пении. Приходилось заниматься и хозяйственной частью. Многие законоучителя Витебской губернии отличались особой ревностью и усердием к школьному делу. Они заботились о внешнем и внутреннем благоустройстве школ, высокой успеваемости учеников, учебно-воспитательной работе. В отчетах полоцкого епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Полоцкой Епархии лучшими из учителей и учительниц был и учитель 2-го класса Любашковской двухклассной школы Василий Титович. В отчетах не говорится о том, что в Любашковской школе был хороший хор. Это означает, что его вовсе не было или он был плохим.

При школе в селе Любашково имелось общежитие, так как сельский приход состоял из небольших и разбросанных деревень. Наличие общежития служило предметом особой заботливости учреждения об учащихся. В Витебском уезде общежития имелись при 15 школах. Владелец имения Любашково Владимир Григорьевич Лужинский бесплатно отпускал дрова для отопления школы.

Занятия в школах того периода обычно начинались в 8.30 утра и продолжались с незначительными перерывами для отдыха до 13 часов. Послеобеденное время с 14 до 20 часов в школьных общежитиях посвящали приготовлению уроков, чтению, церковным песнопениям. Очень редким дисциплинарным взысканием было лишение отпуска домой. Любашковская школа отмечалась как наиболее успешная в учебном и воспитательном отношении.

Учебниками в церковной школе служили: Библия, Евангелие на славянском и славяно-русском языках, Псалтирь учебная, Краткая жизнь Господа Иисуса Христа в вопросах и ответах, Молитвослов, Книга для чтения и письменных работ по русскому языку, Русская грамматика в диктовках А. Матвеевой, Прописи Гербача, Обиход нотного пения, Сборники арифметических задач Обучение церковно-славянской грамоте), Русская история Пуцыковича, Географический атлас Поддубного и др. [8].

Мальчики, хорошо окончившие школу, получали льготы на воинскую повинность.

Василий – архиепископ Полоцкий и Витебский.

Имение Любашково связано с именем известного церковного служителя. Бенедикт Стефанович Лужинский родился в 1789 году в деревне Старая Рудня (ныне Жлобинский район Гомельской области). Его отец был настоятелем храма, старший брат – протоиреем. В детстве Василий лишился родителей, воспитывался у двоюродного дяди католика помещика Кельчевского.

Основными заслугами Василия Лужинского являются следующие: с готовностью принял православие, содействовал уменьшению числа базилианских монастырей, ездил по уездам и проводил агитацию за ликвидацию унии, лично вел беседы с «неблагонадежными» священниками, способствовал перестройке униатских храмов, занимался реформированием богослужения по российскому образцу. С 1841 по 1966 год он архиепископ Полоцкий и Витебский. В 1841 году архиепископ вывез знаменитую реликвию XII в. – крест Евфросиньи Полоцкой в Москву и Петербург для сбора средств на ремонт и восстановление Полоцкого Спасо-Ефросиньевского монастыря. В Москве крест был размещен в Успенском соборе Кремля. По указанию царя в Петербурге реликвия была перевезена в Казанский собор. Об этом событии писали многие газеты, что вызвало интерес к истории Полоцка и его древностям.

За свое служение церкви Василий Лужинский был награжден Орденом св. Владимира 2-й и 1-й степени, Орденом Александра Невского, Орденом св. Анны 1-й степени.

Сохранились воспоминания архиепископа Саввы, современника (преемника) Василия Лужинского, который описывает поездку архиепископа в имение Любашково: «... легко ли ему было расставаться с сельско-хозяйственными занятиями, которые, составляли для него едва ли не главный предмет забот и попечений в летнюю пору. Агрономия – это, как он часто выражался, его любимый конек. О преосвящ. Василии, по справедливости, можно сказать тоже, что сказано об одном из Иудейских царей (Озии): „был муж любоземледелен“. Два раза наш владыка ездил в Любашково и там проводил по двое суток. Преосв. Василий, как рассказывают очевидцы, своим поведением более возбуждал смех, нежели уважение: оденется во все регалии, наденет клобук с крестом и целый день не снимает, и это в деревне» [9].

Скончался Высокопреосвященный Василий (Лужинский) 26 января 1879 года в Санкт-Петербурге и был согласно завещанию похоронен в имении Любашково в склепе алтарной части церкви.

Свято-Ефросиньевские Торжества 1910 г.

В апреле – мае 1910 года для всего православного народа состоялось долгожданное торжественное перенесение мощей Евфросиньи Полоцкой из Киева в Полоцк. Историк Д.И. Довгялло так описывает события: «На границе Витебской и Могилевской губерний

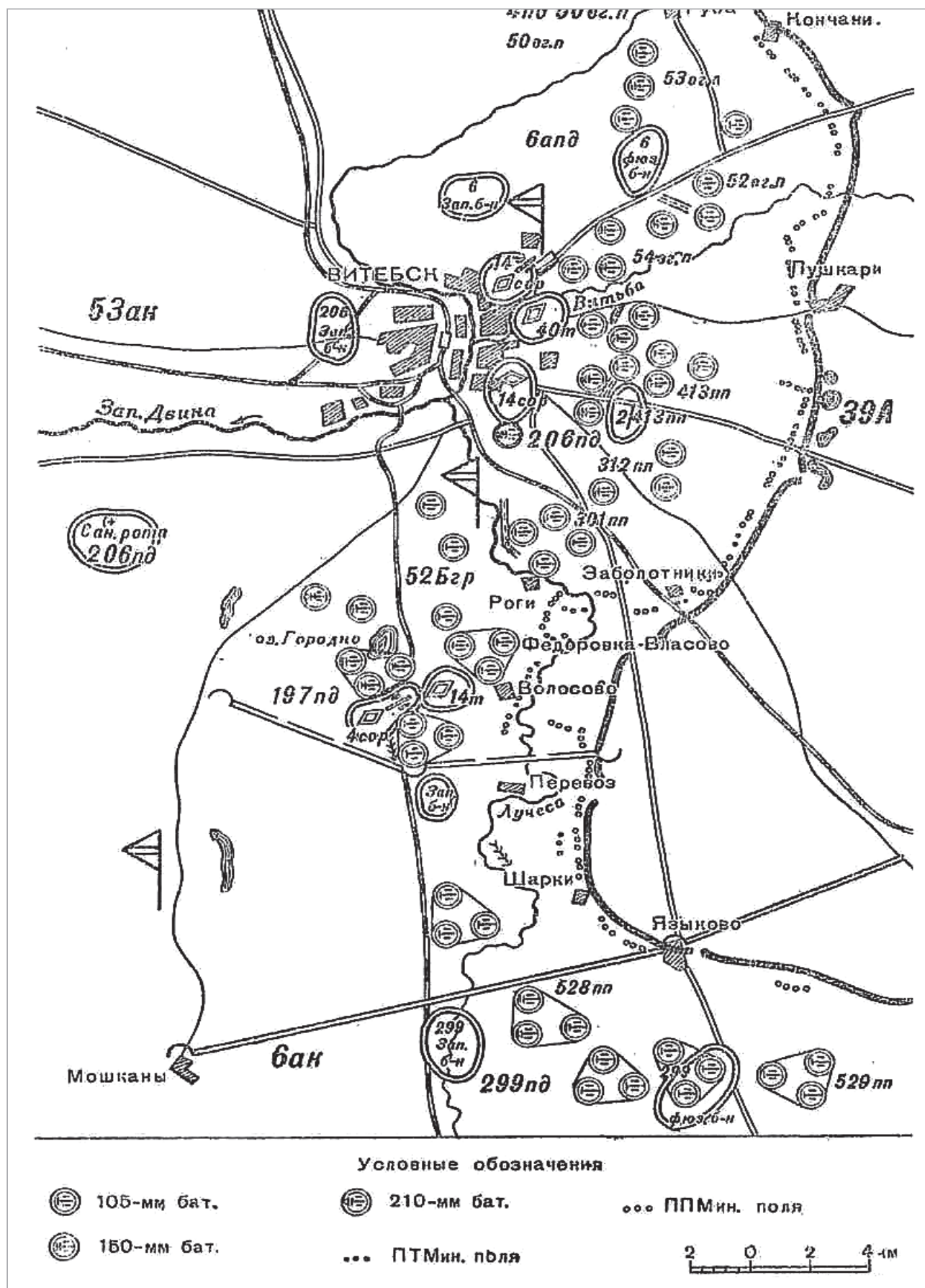

Рис. 2. Оборона противника под Витебском перед наступательной операцией 23 июня 1944 г.

на шоссе была устроена высокая арка, на столбах которой виднелись две даты: 1172 и 1910 – год отправления святой княжны в Иерусалим и год возвращения ее мощей на родину – в Полоцк. Святыню встречали могилевский вице-губернатор, действительный статский советник С.А. Шидловский, председатель Могилевской земской управы действительный статский советник Судзиловский, витебский губернатор, барон Б.Б. Гершау-Флотов, вице-губернатор Н.Ф. Ошанин и другие представители гражданской власти. Архимандрит Пантелеимон совершил молебен преподобной Евфросинии» [10].

Согласно протоколу торжеств мощи преподобной Евфросинии заносили в село Любашково, в церковь Николая Чудотворца. Василий Лужинский один из первых подал мысль о необходимости перенесения мощей преподобной.

«Святая игуменья, вступив в пределы родного края, как бы спешила известить покойного архиепископа Василия, что желание сердца его исполнилось. Она возвратилась в свой удел для укрепления и утверждения его жителей в православной вере, к которой их привел архипастырь» [10].

6 мая 1910 года в 15 часов святые мощи прибыли в село Любашково. На следующий день по окончании ранней Литургии и молебна преподобной Евфросинии около девяти часов утра торжественная процессия направилась далее в Витебск.

Шли годы. Менялась власть. В 1922 году газета «Известия Витебского рубисполкома и губкома РКП(б)» от 25 марта в статье «Что сказала крестьянская конференция Селютской волости об изъятии церковных ценностей» писала: «В воскресенье, 22 марта, состоялась крестьянская конференция по вопросу об изъятии церковных ценностей. По окончании прений конференция единогласно принимает следующую резолюцию: церковные ценности, являющиеся народным достоянием, в тяжелую годину должны быть использованы для спасения своего же народа. Крестьянская конференция приветствует настоящее мероприятие рабоче-крестьянской власти. Во имя спасения миллионов голодающих братьев Поволжья ценности должны быть как можно раньше изъяты из всех церквей и молитвенных домов для немедленной закупки хлеба» [7, с. 95].

В годы советской власти храм был разрушен. В 2003 г. под руководством иерея Александра Ледоховича в районе современного кладбища д. Макарово было установлено место захоронения архиепископа. На месте, где ранее стояла церковь, был установлен деревянный крест. В 2016 году монахини Свято-Успенского Тадулинского монастыря установили черный мраморный крест.

Люди, посещавшие Любашково. История села Любашково связана также и с другими личностями. Н.К. Махаев до революции 1917 года служил преподавателем в Витебской Духовной семинарии; в 1906 году изучал рукописные памятники христиан-

ства в Константинополе; в сентябре 1918 г. проживал на даче последнего протопресвитера Русской армии и флота Георгия Шавельского в д. Шеметово Селютской волости Витебского уезда (окрестности имения Любашково и железнодорожной станции Замосточье) и участвовал в спасении его жизни; в 1919–1920 гг. вместе с семьей проживал в д. Любашково, где его жена работала библиотекарем; в дальнейшие годы работал в Севастополе, Керчи, Симферополе преподавателем; был знаком с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), правил страницы его книги «Дух, душа, тело».

Трагически сложилась жизнь Юренева Георгия Николаевича. Он родился в семье управляющего Витебским отделением государственного банка статского советника Николая Николаевича Юренева и Каролины (Елены) Карловны Россели. Семья проживала в Витебске в собственном доме по ул. Дворцовой, 8 и владела имением в селе Любашково. Георгий Юренев позднее стал судьей в Витебском уезде. Братья его работали в Витебском отделении Московского Археологического института. 15 марта 1936 г. Георгий Николаевич был обвинен как участник контрреволюционной церковной организации, виновным себя не признал. Был выслан в Казахстан, Карагандинскую область. В 1937 году в лагере был арестован и особой тройкой при УНКВД по Карагандинской области приговорен к расстрелу.

Годы советской власти. В 1918 году в стране Советов вышел указ – всех помещиков выселить из усадеб и сослать в концлагеря или за 150 верст от города. Под выселение и раскулачивание попали даже те лица, которые не имели наемных рабочих, а работали всем семейством сами на себя в своем большом хозяйстве, т.е. в достатке.

В Витебском районе за период с 1 марта по 27 мая 1930 года число кулацких хозяйств, у которых было конфисковано имущество в порядке раскулачивания, составило 260. Стоимость конфискованного имущества была равна 179587 рублям 75 копейкам [11].

Земли помещичьи поделили между крестьянами. Многие усадьбы, не представлявшие для государства ценности, были разгромлены. Простой люд срывал с крыши жесть, разбирали дом по кирпичам, тащили мебель, иконы, домашнюю утварь. Вырубались сады, леса и парки.

После революции 1917 года территория фольварка Любашково вошла в состав сельскохозяйственной артели (колхоз «Победа») д. Языково Старобобовьского сельского совета Богущевского района Витебской области. С 1969 года в составе колхоза «Звезда» д. Шапечино Шапечинского сельского совета Витебского района, с 2009 года земли принадлежат ОАО «Липовцы» [12].

Годы Великой Отечественной войны. С июля 1941 по 23 июня 1944 года данная территория была под фашистской оккупацией. Здесь стояли части немецкой армии «Центр», в совхозе «Сосновка» на территории нынешней Республиканской туберкулезной больницы находился штаб 3-й танковой армии. В самом Витебске на тот момент было 4 тысячи немецких солдат.

В соседней деревне Перевоз, находившейся на другом берегу реки Лучеса, в школе был устроен немецкий военный госпиталь (в настоящее время в деревне большое немецкое кладбище). Немцы хорошо укрепились в данном районе. Укрепсооружения протянулись и через местность, где когда-то было село Любашково. Фашисты заняли выгодные позиции на господствующих высотах. 11 января 1943 года немцы захватили близлежащие деревни Мяклово, Макарово. С осени 1943 до конца июня 1944 года вдоль реки Лучеса рядом с этими деревнями проходила линия фронта.

3 февраля 1944 года советские войска пытались форсировать реку Лучесу в районе Волосово, но немецкие танки препятствовали этому. Вечером того же дня велся бой за брод юго-восточнее Перевоза (Любашково). Наведенные нашей пехотой мостики немцы разбили. 16 февраля советскими войсками была предпринята еще одна атака взять деревню Перевоз, но она оказалась безуспешной. Оборона противника была глубокоэшелонированной, хорошо оборудованной в инженерном отношении. Имевшиеся в данном районе реки, ручьи, болота создали большие трудности для войск.

Наиболее слабым участком обороны противника считался участок южнее Волосово, между деревнями Перевоз и Кузьменцы. В этом месте и был устроен прорыв 23 июня 1944 года (рис. 2).

После двухчасового артиллерийского обстрела и наступления нашей армии немцы были выбиты со своих позиций. В связи с водной преградой в наступлении в основном принимали участие стрелковые дивизии.

Генерал И.И. Людников так описывает события: «Действия 19-й и 91-й гвардейских стрелковых дивизий поддерживали танковые батальоны 28-й гвардейской танковой бригады, введенной в бой на левом берегу р. Лучеса. Для обеспечения правого фланга участка прорыва вводилась в бой 164-я стрелковая дивизия с задачей наступать параллельно железной дороге Орша–Витебск, выйти в тыл оборонявшимся войскам противника в районе Перевоз и отразить возможные контратаки танков и пехоты противника с витебского направления.

На второй день 262-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор В.И. Усачев) силами двух полков овладела опорным пунктом противника Перевоз и к исходу дня продвинулись на 4–6 километров в направлении Витебска» [13].

В настоящее время местные жители, собирая в лесу грибы и ягоды, находят множество снарядов, в том числе и неразорвавшихся. Саперы часто прибывают в лес и забирают опасные случайно найденные находки.

Заключение. Сегодня данная местность вдоль реки Лучеса поросла кустарником, где раньше колосилась рожь – стоит густой лес. Курганные могильники распаханы под сельхозугодия. Лишь иногда трактор собирает бороной на краю поля глиняные черепки,

старый кирпич от бывших построек и гильзы от снарядов, напоминая нам историю родного края.

На высоком холме посреди развалин церкви вышастся крест на надгробии архиепископа Василия Лужинского.

На основании проведенного анализа удалось получить материал, охватывающий широкий исторический период и выделить такие разделы, как археология, до-революционный период (сведения о землевладельцах, церкви, церковно-приходской школе, о Василии Лужинском, знаменательном событии как Свято-Ефросиньевские Торжества 1910 г., других известных людях), послереволюционный (годы Советской власти, Великой Отечественной войны, наше время).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дучиц, Л.В. Народные названия археологических памятников Белоруссии / Л.В. Дулич // Археология и история Пскова и Псковской земли: краткие тезисы докладов науч.-практ. конф. – Псков: ПГУ, 1988. – С. 52.
2. Сапунов, А.П. Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1886, 1887 и 1888 гг. – Витебск, 1889. – 106 с.
3. Семенов, В.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Верхнее Поднепровье и Белоруссия: в 17 т. / В.П. Семенов. – СПб.: А.Ф. Девриен, 1905. – Т. 9. – С. 329.
4. Бубенько, Т.С. Разведочные изыскания на сельских поселениях Витебского района в 2017 году / Т.С. Бубенько // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIII (70) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников, аспирантов, г. Витебск, 15 февр. 2018 г.: в 2 т. / гл. ред. И.М. Прищепа. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 295–297.
5. Сапунов, А.П. Землевладения и землевладельцы Витебской губернии в 1905 году: в 5 т. / А.П. Сапунов. – Витебск: Вит. Губ. Типо-Лит., 1907. – 576 с.
6. Сапунов, А.П. Список населенных мест Витебской губернии / А.П. Сапунов. – Витебск, 1906. – 107 с.
7. Память: Витебский район: ист.-док. хроники городов: районов Беларуси / сост. В.И. Мезенцев. – Минск: Маст. літаратура, 2004. – С. 31, 95, 99, 146, 714–718.
8. Сапунов, А.П. Отчет полоцкого епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Полоцкой Епархии за 1896–1897 учебный год. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1898. – 141 с.
9. О записках архиепископа Саввы (Хроника моей жизни. Автобиографические записки Саввы, архиепископа Тверского и Каширского) // Русский архив. – № 2. – 1905. – С. 286.
10. Довгялло, Д.И. Перенесение св. мощей преп. Евфросинии из Киева в Полоцк: Подроб. описание церк.-нар. торжеств по пути следования св. мощей с изображением преподобной Евфросинии и многими рисунками. – Вильна: Полоц. церк. братство, 1910. – С. 32–36.
11. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1651. Оп. 2. Д. 3. Л. 3. Витебский революционный комитет: учет, опись и прием помещичьих земель.
12. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1974. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–20. Колхозы Витебского района.
13. Людников, И.И. Под Витебском (Витебская операция 39-й Армии 2–27 июня 1944 года) / И.И. Людников. – М.: Воен. изд-во Министерства обороны, 1962. – С. 62.

Поступила в редакцию 20.04.2020

Абмен і гандаль у сістэме жыццезабеспячэння пасляваеннай беларускай вёскі: асноўныя тэндэнцыі і рэгіянальныя асаблівасці¹

Сумко А.В.

Установа адукацыі “Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт”, Полацк

У артыкуле на прыкладзе Віцебскай вобласці разглядаецца спецыфіка абменна-гандлёвых аперацый у беларускай вёсцы ва ўмовах пасляваеннага аднаўлення. Праблемы ў гандлёвай сферы былі абумоўлены наступнымі фактарамі: катастрафічнымі наступствамі Вялікай Айчыннай вайны і цяжкімі абставінамі аднаўлення дзяржаўнай і ўласнай гаспадаркі, карткавай сістэмай забеспячэння прамысловымі і харчовымі таварамі, неаднолькавымі стартавымі ўмовамі пасляваеннага аднаўлення насельніцтва заходніх (пераважаў прыватнаўласніцкі сектар) і ўсходніх раёнаў (калектыўныя гаспадаркі).

Мэта артыкула – на падставе аналізу матэрыялаў вуснай гісторыі і архіўных дакументаў вызначыць асноўныя тэндэнцыі і рэгіянальныя асаблівасці абменна-гандлёвых аперацый у пасляваеннай сістэме жыццезабеспячэння вясковага насельніцтва Віцебшчыны.

Матэрыял і метады. Метадалогія даследавання прадугледжвае міждысцыплінарны падыход на сутыку эканамічнай этналогіі, вуснай гісторыі, рэгіяналістыкі і гісторыі штодзённасці, калі асабісты жыццёвы вопыт прадстаўніка лакальнай сельскай супольнасці разглядаецца ў шырокім кантэксце гістарычнага развіцця беларускай нацыі ў першыя пасляваенныя гады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Характар таварнага абмену ў пасляваеннай беларускай вёсцы істотным чынам адрозніваўся ад гарадскога гандлю, дзе панавалі таварна-грашовыя адносіны. Фінансавая сістэма пасляваеннай вёскі характарызувалася практычна поўнай адсутнасцю грашовых сродкаў у якасці афіцыйнай заробтнай платы калгаснікаў. У гэтай сітуацыі пераважаў натуральны тавараабмен, а неабходныя для аднаўлення асабістай гаспадаркі і выплаты падаткаў грошы здабываліся неформальным ці нават крымінальным спосабам.

Заключэнне. Пасляваенныя абменна-гандлёвыя аперацыі вясковага насельніцтва Віцебшчыны мелі спецыфічны характар. Ва ўмовах адсутнасці грашовых сродкаў прыярытэтнае значэнне меў абмен, які ўсведамляўся сялянамі менавіта як гандлёвая аперацыя. Прадметам дадзенага працэсу звычайна выступалі дэфіцытныя тавары, якія абменьваліся на неабходныя ў штодзённым жыцці рэчы (швейная машынка за карову, адзежа за хлеб і г.д.). Сяляне-аднаасобнікі (“заходнікі”) былі асноўнымі прадаўцамі на рынках і маглі дазволіць сабе распараджацца харчовымі рэсурсамі больш свабодна, у адрозненні ад сялян-калгаснікаў (“ўсходнікаў”), для якіх набыццё тавараў першай неабходнасці было праблемай элементарнага выжывання ў першыя гады пасля вызвалення.

Ключавыя словы: абмен, гандаль, сістэма жыццезабеспячэння, пасляваенная вёска.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 29–32)

Exchange and Trade in the Life Support System of the Post-War Belarusian Village: Main Trends and Regional Features

Sumko A.V.

Education Establishment “Polotsk State University”, Polotsk

The article deals with the specifics of exchange and trade operations in the Belarusian countryside in the post-war reconstruction, using the example of Vitebsk Region. The problems in the trade environment were caused by the following factors: the disastrous consequences of the Great Patriotic War and the difficulties with restoring the national and private economy, the ration card system of supply of manufactured goods and food products, and the unequal starting conditions for the post-war recovery of the population in the Western (private sector mainly) and Eastern regions (collective farms).

The goal is to determine the main trends and regional features of exchange and trade operations in the post-war life support system of the rural population of Vitebsk Region based on the analysis of oral history and archival documents.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: sumko_elena@mail.ru – А.В. Сумко

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД-РФФД “Субкультура дзяцтва в дыскурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века”, дамова № Г20Р-095.

Material and methods. The research methodology provides an interdisciplinary approach at the intersection of economic ethnology, oral history, regionalism and living history, when the personal life experience of a representative of the local rural community is considered in the wide context of the historical development of the Belarusian nation in the first post-war years.

Findings and their discussion. The nature of commodity exchange in the post-war Belarusian countryside significantly differed from urban trade, where commodity-money relations dominated. The financial system of the post-war village was characterized by an almost complete lack of money as the official salary of collective farmers. In that situation, the exchange of goods prevailed, and the money needed to restore the individual household and pay taxes was obtained in an informal or even criminal way.

Conclusion. The post-war exchange and trade operations of the village population of Vitebsk Region had a specific character. In the absence of money, the priority was the exchange, which was perceived by the peasants as a trade operation. The subject of exchange was usually scarce goods that were exchanged for things necessary in everyday life (a sewing machine for a cow, clothes for bread, etc.). Individual farmers («Westerners») were the main sellers in the markets and could afford to deal with food resources more freely, in contrast to collective farmers («Easterners»), for whom the purchase of essential goods was a problem of basic survival in the first years after the liberation.

Key words: exchange, trade, life support system, post-war village.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 29–32)

Абмен і гандаль у сістэме жыццедзейнасці беларускай пасляваеннай вёскі на сённяшні дзень уяўляюць сабой практычна не распрацаваную лакуну ў айчынным народнаўстве. Праблема абменна-гандлёвых адносін у вясковым соцypуме прадстаўлена адзінкавымі даследаваннямі, пераважна прысвечаных эканамічнай гісторыі.

Мэта артыкула – на падставе аналізу матэрыялаў вуснай гісторыі і архіўных дакументаў вызначыць асноўныя тэндэнцыі і рэгіянальныя асаблівасці гандлёвых аперацый у пасляваеннай сістэме жыццезабеспячэння вясковага насельніцтва Віцебшчыны.

Геаграфія даследавання – сучасная тэрыторыя Віцебшчыны, якая ў пасляваенны час (з 1944 па 1954 год) была прадстаўлена двума абласцямі: Полацкай і Віцебскай, сацыяльна-эканамічныя адрозненні паміж якімі былі абумоўлены ўключэннем у склад першай заходніх раёнаў, што ў міжваенны час уваходзілі ў склад Польшчы (Браслаўскі, Відзаўскі, Глыбоцкі, Дзісенскі, Докшыцкі, Дунілавіцкі, Міёрскі, Пліскі і Шаркаўшчынскі). Пасля вызвалення тэрыторыі ад нацыстаў аднаўленне сельскай гаспадаркі ва ўсходніх раёнах праходзіла на аснове калгасна-саўгаснай сістэмы, у заходніх раёнах у першыя пасляваенныя гады пераважалі аднаасобныя гаспадаркі. У выніку рэгіён меў у сваім складзе раёны з рознымі тыпамі сацыяльна-эканамічнага ўкладу і неаднолькавымі стартавымі ўмовамі пасляваеннага аднаўлення (усходнія раёны найбольш пацярпелі ў часе акупацыі). Такім чынам, Віцебшчына ўяўляе сабой рэгіён, які прадстаўляе дзве мадэлі сістэмы жыццезабеспячэння ў пасляваенны перыяд, што могуць быць транспарэнтнымі для ўсёй Беларусі як для ўсходняй, так і заходняй.

Матэрыял і метады. Метадалогія даследавання прадугледжвае міждысцыплінарны падыход на сутыку эканамічнай этналогіі, вуснай гісторыі, рэгіяналістыкі і гісторыі штодзённасці, калі асабісты жыццёвы вопыт прадстаўніка лакальнай сельскай супольнасці разглядаецца ў шырокім кантэксце гістарычнага развіцця беларускай нацыі ў першыя гады пасля вызвалення. Асноўная роля адводзіцца метаду палявых даследаванняў, які дазваляе не толькі зафіксаваць сучасны стан індывідуальнай і калектыўнай памяці вясковага насельніцтва, але і ўвесці ў навуковы зварот значны аб'ём матэрыялаў вуснай гісторыі, удакладніць традыцыйныя гістарычныя даследаванні.

У якасці крыніц выступаюць матэрыялы фальклорнага архіва Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, які мае значную базу біяграфічных наратываў, што адлюстроўваюць розныя аспекты гісторыі і культуры Беларускага Падзвіння. Успаміны пра пасляваенную рэчаіснасць адрозніваюцца эмацыянальнасцю, што абумоўлена полаўзроставай і гендэрнай спецыфікай успрымання гістарычных падзей (большасць рэспандэнтаў – жанчыны, якія нарадзіліся ў канцы 1920-х – 1930-х гг. і былі ў разглядаемы перыяд дзецьмі або падлеткамі).

Вынікі і іх абмеркаванне. Абмен і гандаль з'яўляюцца важнейшымі фактарамі гаспадарчага жыцця. Працэс абмену грунтуецца на прынцыпе ўзаемнасці і выступае ў формах пераразмярчвання і рынкавага абмену. Складовымі часткамі апошняга з'яўляецца продаж і набыццё тавараў. У першыя гады пасля вызвалення гэта сфера мела спецыфічны характар, а пасляваенныя гандлёва-абменныя аперацыі вясковага насельніцтва адрозніваліся ад гарадскога гандлю, дзе панавалі таварна-грашовыя адносіны, якія мелі характар штодзённых аперацый, калі чалавек меў патрэбу, ішоў у краму і набываў тавар па загадзя вызначаных коштах. Безумоўна, картачная сістэма, якая праіснавала да 16 снежня 1947 г., наклала свой адбітак на гандлёвую сферу, калі нормы водпуску тавараў насельніцтву былі дыферэнцыраваны па сацыяльна-вытворчаму прынцыпу. Аднаўленне дзяржаўнай гарадской гандлёвай інфраструктуры праходзіла досыць павольна і забеспячэнне насельніцтва спажывецкімі і харчовымі таварамі было катастрофічна недастатковым. Дадатковай крыніцай задавальнення патрэбаў пераважна гарадскога насельніцтва быў так званы камерцыйны гандаль, які рэалізоўваў прадукцыю па цэнах, нашмат вышэй кошту нармаванага гандлю. Аднак нягледзячы на гэта, за прадуктамі харчавання, у камерцыйных крамах стаялі чэргі, бо нормы рэалізацыі тавараў былі вельмі абмежаванымі. Ступень даступнасці прамысловых тавараў і харчавання залежала ад прыналежнасці да той ці іншай сацыяльнай групы, узроўню даходаў, які ў пасляваенны час быў розным.

Характар, форма і змест абменных і гандлёвых аперацый у межах вясковай супольнасці ў пасляваенны час мелі свае асаблівасці. У гэты час беларускія сяляне заходніх раёнаў засталіся без такіх пасрэднаў, як яўрэйскія гандляры, якія фактычна манапалізавалі дадзеную

сферу ў міжваенны перыяд, таму выбудоўваць сваю гандлёва-абменную мадэль ва ўмовах разбуранай эканомікі прыходзілася амаль самастойна. Акрамя гэтага, фінансавы складнік пасляваеннай вёскі характарызаваўся практычна поўнай адсутнасцю грашовых сродкаў у якасці афіцыйнай заробтнай платы сялян-калгаснікаў. *“После вайны грошы ж у калхозе не давалі, а палачкі ставілі. Хлеба мы пачці не відзелі, патаму што не была за што і купіць”* [1]. Апынуўшыся ў крызіснай сітуацыі, калі ва ўмовах разбуранай гаспадаркі існаваў харчовы і таварны дэфіцыт, калі не было чаго купіць і не было чым заплаціць, сяляне-аднаасобнікі і сяляне-калгаснікі выпрацоўвалі свае эканамічныя адаптыўныя практыкі ў залежнасці ад наяўнасці рэсурсаў і патрэбнасцей. Адметнай рысай пасляваеннай вясковай штодзённасці стала выкарыстанне натуральнага тавараабмену, які ўсведамляўся сялянамі менавіта як гандлёвая аперацыя. *“А нашы, рускія, ехалі за немцамі і везлі з сабой і стулы, і ікафчыкі. Тады хадзілі па хутарам, каб хто купіў. І мама мая купіла два стула ў іх за хлеб за печаны”* (Докишчыкі р-н) [2, с. 252]. Неабходна адзначыць, што спецыфічны характар абменна-гандлёвых аперацый у пасляваенным вясковым соцыуме не быў з’явай надзвычайнай. Вядомы этнограф Ч. Пяткевіч адзначаў, што пры кожнай мажлівасці сяляне стараліся расплаціцца прадуктамі – вымяняць [3, с. 59]. Аднак у першыя пасляваенныя гады абмен і гандаль у сістэме жыццязабеспячэння беларускай вёскі набывае новыя рысы і рэгіянальныя асаблівасці.

Матэрыялы вуснай гісторыі сведчаць, што найбольш цяжкімі былі першыя гады пасля вызвалення, калі востра стаяла праблема фізічнага выжывання найперш у раёнах, дзе нацысты ў барацьбе з партызанамі праводзілі палітыку “выпаленай зямлі”. Шэсць усходніх раёнаў Полацкай вобласці (Асвейскі, Ветрынскі, Дрысенскі, Полацкі, Расонскі, Ушацкі) і сем раёнаў Віцебскай (Гарадоцкі, Дубровенскі, Сіроцінскі, Суражскі, Чашніцкі, Лёзненскі, Мяхоўскі) былі ўключаны ў лік 36 найбольш пацярпелых ад нацыстаў на тэрыторыі БССР. Акупацыя прывяла тут да поўнага разбурэння вёсак. Ва ўмовах выжывання людзі хадзілі ў ацалелыя раёны, пераважна ў заходнія, каб вымяніць на рэчы прадукты харчавання ці набыць якую-небудзь жывёлу. Для насельніцтва спустошаных раёнаў самым запатрабаваным у гэты перыяд з прадуктаў харчавання быў хлеб: *“Адтуль прыхадзілі, абменьвалі на хлеб на ўсё, якія вязаныя платкі, пельткі, обуў, плаці. – Гэта з восточнай? – Да, з восточнай стараны. – А там не было? – А там не было, за тое што там былі калхозы ўсё разарыўшыся”* (Мёрскі р-н) [4]. Прадметам абмену выступалі не толькі ўласныя, але і трафейныя рэчы: шынелі, гімнасцёркі, парашуты: *“Гэта ўжо большэ хадзілі «восточнікі», патаму што ў «западнікав», в западзе ж как-нікак адналічна жылі і ў іх была астаўшыся і зерна большэ, там і кабана какова-нібудзь можа вырашчвалі. А ў восточных калхозы былі, там былі болей бедные. І вот ані нахадзілі ж гімнасцёркі і шынелі там, какую-та ніжнюю аддэжу і с свайго што-нібудзь. Прадаваць на хлеб, штоб выжыць”* [5]. Архіўныя дакументы таксама падцвярджаюць спецыфічны характар і рэгіянальныя асаблівасці паваенных абменна-гандлёвых аперацый:

“Усё насельніцтва ў выключна цяжкіх умовах. Сталі аднаўляцца, набываць жывёлу ў заходніх раёнах за апошнюю вопратку і іншыя прадметы, на 3–5 гаспадарак куплялі карову, птушку” [6]. Матэрыялы вуснай гісторыі Віцебшчыны сведчаць аб тым, што ў першыя гады пасля вызвалення запатрабаваным дэфіцытным таварам (пераважна ў заходніх раёнах), за які можна было набыць хатнюю жывёлу, была швейная машынка: *“Кароўку мы за машынку купілі тады, а машынка ў цёткі асталася з вайны. Як выязджалі ў парцізаны ўсё ж не саберыш. Ну, вот цётка забрала нашу машынку, а тады, як фронт прайшоў, яна аддала нам машынку. – (А куды вы яе прадалі?) – У Западную прадалі. Завязлі. З сястрой вазілі на санках зімой і купілі кароўку. Тут жа гола-гола было. Мы там, дзе прадалі машынку, там і карову купілі. – Так вы можа абмянялі на карову? – Да, да.”* (Верхнядзвінскі р-н) [7]; *“З восточных прыезжалі на той базар, хадзілі па хатах жанчыны, адежу мянялі. Мама купіла швейную машынку. Мы свіней прадавалі, а машынку так купілі”* (Мёрскі р-н) [8]. Швейная машынка ў якасці сродку абмену разглядалася як доўгатэрміновае ўкладанне, якое дазваляла атрымаць дадатковую вартасць.

Прадметам абмену былі неабходныя ў штодзённым жыцці рэчы і прадукты харчавання. У сельскай мясцовасці востра адчуваўся дэфіцыт прамысловых тавараў: запалак, мануфактуры, адзення, газы, посуд, шкла. Як для “заходнікаў”, так і для “ўсходнікаў” адным з самых запатрабаваных прадуктаў харчавання была соль. *“Вот, например, драныі бліны знайце такіі таўстыі? Дык солі ні было у нас. Дзе Зябкі, насілі прадаваць гэты бліны туды, а нам давалі ўзамен соль”* (Глыбоцкі р-н) [2, с. 261]; *“А соль вымяняць хадзілі, солі не было, краснае ўдабрэнне куплялі на базары, банка паўлітрова... красным удабрэннем этім саліліся”* (Расонскі р-н) [9].

У складаных пасляваенных умовах вясцоўцы распрацоўвалі свае абменна-гандлёвыя формулы, выкарыстоўваючы спецыфіку мясцовасці, у якой жылі. У якасці прыкладу можна прывесці наступны ўспамін, размова ў якім ідзе пра тое, што з’яўляючыся жыхаркай буйнога цэнтра ганчарства, жанчына магла купляць посуд танней, а тады насіла па навакольных вёсках і мяняла на жыта: *“Дзелалі ў нас пасуду после вайны. І вот мамка мая купіла пасуду і панесла па дзярэўне. І тада з дзярэўні тада місачку, місачку зерна дадуць за міску...”* [10].

У разглядаемы перыяд большая частка прадуктаў і паслуг, якія вырабляліся сіламі хатніх гаспадарак, ішла на продаж. Асноўнымі месцамі збыту сялянскай прадукцыі былі гарады, дзе насельніцтва магло расплаціцца, бо атрымлівала заробак грашмыма. *“Яйцо, сметану, масла збівалі і ўсе на налогі. Вазілі ў Полацк і прадавалі. У Варонічы трэба было занесці малако. Масла аддасі – грошы палучыш – налог заплаціш. Калатуху варылі... і галодныя хадзілі”* (Полацкі р-н) [11]; *“Сваю кароўку падоіць і малачко занясець. – А куды? – Аж у горад, дзе райіспалком. Занясець, прыдзець, перадзецеца і пойдзець на ферму”* (Верхнядзвінскі р-н) [12]. У першыя пасляваенныя гады гарадскі рынак быў тым месцам, дзе можна было купіць збожжа, муку, крупы, малочныя прадукты, мяса, рыбу, тытунь, гародніну. Сельскагаспадарчая прадукцыя для горада

ва ўмовах крытычнага ўзроўню харчовага забеспячэння была вельмі запатрабаванай. Гэта адлюстравана ва ўспамінах амаль усіх рэспандэнтаў, якія ўзгадвалі пра тое, што распрадавалі ўсё, што прывозілі на рынак.

Палявыя матэрыялы сведчаць пра тое, што ў першыя гады пасля вызвалення сяляне-аднаасобнікі (“заходнікі”) былі асноўнымі прадаўцамі на рынках і маглі дазволіць сабе распрадажца харчовым рэсурсамі больш свабодна, у адрозненні ад сялян-калгаснікаў (“усходнікаў”), для якіх набыццё тавараў першай неабходнасці было праблемай элементарнага выжывання: *“Я хадзіла з мамай на рынак у Дрысу. Большынства былі з Западнай, большынства былі крэпкія. Нашых мала было. Прадавалі масла, тварог, смятану, яйцо. Зберуць за нядзелю, ну і пруюць тады. У каго конь свой быў, ён пасадзіць паню сваю, яна прадасць. Яны аднаасобнікі былі. – А што яны куплялі? – Усё на свеце. Трапкі куплялі. Яны хлеб не куплялі. У іх хлеб свой быў”* (Верхнядзвінскі р-н) [12].

Неабходна адзначыць, што дзеці і падлеткі прымалі актыўны ўдзел у абменна-гандлёвых аперацыях у першыя пасляваенныя гады. Іншы раз дзеці сядзелі каля базара, бо гэта была не зусім легальная дзейнасць, але мясцовыя органы парадку з большага не ганялі малых, бо разумелі складанасць сітуацыі. Пераважна яны рэалізавалі прадукты збіральніцтва: *“Помню, пойдзем з братам, чарніц наберым, як мы там дацягвалі да горада – не помню, сядзем, стакачык прададзем за капеечку. Там нас многа было, чалавек дзесяць. І кожны хочаць прадаць. Другі раз прадасі, а бывае, што і сам гэтыя чарніцы (з’еш. – А.С.), есці ж хочацца. Трошкі прынясём маме капеечак”* (Верхнядзвінскі р-н) [12], даходы ад якой пакрывалі выдаткі, напрыклад, на адукацыю ці адзенне: *“Збірала маліны. Хадзіла прадавала стаканчыкамі, я помню. – Вы ж маленькая былі, прадавалі самі? – Ну, а як жа. На кніжкі ж нада работачы і на сукенку новую надо”* (Мёрскі р-н) [8].

У абсалютна неспрыяльных фінансавых умовах эфектыўным спосабам “канвертацыі” сельскагаспадарчай прадукцыі ў “жывыя грошы” стала самаганаварэнне. Рэалізацыя самагонкі прыносіла рэальны камерцыйны прыбытак (нелегальныя гандлёвыя аперацыі ажыццяўляліся пераважна з насельніцтвам у гарадах, мястэчках, ваенных гарнізонаў). Пры гэтым сяляне ўсведамлялі, што гэта незаконны від дзейнасці, які жорстка караўся з боку дзяржавы, аднак страх перад пакараннем саступаў прагматычным меркаванням: *“Трэба было жыць. Прадавалі (самагон) па-троху. Хлеба не зашта купіць, ні мукі купіць, нічога не было пасля вайны. Во як жылі. Дарма робілі”* (Расонскі р-н) [13]. З улікам таго, што самаганаварэнне было забаронена, абмен адбываўся таёмна, прадаўцы і пакупнікі самагону загадзя ўдакладнялі і дамаўляліся наконт часу і месца продажу [14, с. 128]. Пратакты Полацкай абласной пракуратуры фіксуюць, што за бутэльку самагонкі на чорным рынку ў 1948 г. можна было выручыць ад 25 рублёў. Сродкі ад продажу самагону інвеставаліся, перш за ўсё, у набыццё прадметаў першай неабходнасці і ў аднаўлення ўласнай гаспадаркі. Акрамя таго, саматужны алкаголь выступаў эквівалентам грошай (“вадкай валютай”) і сродкам разліку за розныя бытавыя паслугі (арэнда каня, нарыхтоўка дроў, узворванне агарода). Пры гэ-

тым, найбольшы размах самаганаварэнне адзначаўся ў заходніх раёнах вобласці, дзе аднаасобныя гаспадаркі мелі рэсурсы для вырабу хатняй гарэлкі.

Заклучэнне. Абменна-гандлёвыя аперацыі ў пасляваеннай беларускай вёсцы мелі спецыфічны характар, калі ва ўмовах разбуранай гаспадаркі, харчовага і таварнага дэфіцыту сяляне-аднаасобнікі і сяляне-калгаснікі выпрацоўвалі свае эканамічныя адаптыўныя практыкі ў залежнасці ад наяўнасці рэсурсаў і патрэбнасцей. Адметнай рысай пасляваеннай вясковай штодзённасці стала выкарыстанне натуральнага тавараабмену, які ўсведамляўся сялянамі менавіта як гандлёвая аперацыя. Прадметам абмену звычайна выступалі дэфіцытныя тавары, якія абменьваліся на неабходныя ў штодзённым жыцці рэчы (швейная машынка за карову, адзежа за хлеб і г.д.). Асноўнымі месцамі збыту сялянскай прадукцыі ў рэгіёне былі гарады і буйныя мястэчкі, дзе насельніцтва магло расплаціцца грашыма. У першыя гады пасля вызвалення сяляне-аднаасобнікі (“заходнікі”) былі асноўнымі прадаўцамі на рынках і маглі дазволіць сабе распрадажца рэсурсамі больш свабодна, у адрозненні ад сялян-калгаснікаў (“усходнікі”), для якіх набыццё тавараў першай неабходнасці было праблемай элементарнага выжывання. Своеасаблівай “валютай” пры тавараабменных аперацыях як у вясковым соцыуме, так і паміж горадамі і вёскай выступаў самагон. У першыя пасляваенныя гады самаганаварэнне насіла пераважна камерцыйны характар, паколькі продаж самаробнага алкаголю даваў неабходныя грашовыя сродкі для аднаўлення ўласнай гаспадаркі, набыццё прадметаў першай неабходнасці, выплаты падаткаў.

Літаратура

1. Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ): Зап. у 2019 г. ад Маняк Р.В., 1939 г.р., г. Дзісна (нар. у в. Дрэтунь Полацкага р-на).
2. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. – Наваполацк: ПДУ, 2011. – Ч. 2. – 368 с.
3. Пяткевіч, Ч. Грамадская культура Рэчыцкага Палесся / Ч. Пяткевіч. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 319 с.
4. ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Стомы Я.М., 1931 г.н. у вёсцы (нар. у в. Багуцкія Язненскі сельсавет).
5. ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Бабака Г.Ц., 1927 г.н., г. Дзісна.
6. Занальны дзяржаўны архіў горада Полацка (ЗДА г. Полацка). – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 9. Л.13.
7. ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Трапук З.В., 1932 г.н., в. Азернікі Верхнядзвінскага р-на.
8. ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Архімовіч Н.П., 1937 г.н., г. Дзісна.
9. ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Кандрацэвай Н.А., 1928 г.н., в. Янкавічы Расонскага р-на.
10. ФА ПДУ: Зап. у 2015 г. ад Новікавай Н.С., 1928 г.н., в. Бабінавічы Лёзненскага р-на.
11. ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Маісеенка М.Ф., 1931 г.н., в. Мураўшчына Полацкага р-на.
12. ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Гайбут В.К., 1941 г.н., в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на.
13. ФА ПДУ: Зап. у 2016 г. ад Селезнёвай Л.А., 1929 г.н., в. Кульнева Расонскага р-на.
14. Сумко, А.В. Эканамічны і сацыякультурны аспект самаганаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х – 1960-х гг. / А.В. Сумко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2018. – № 9. – С. 127–135.

Паступіў у рэдакцыю 20.04.2020

Обзор текущих политико-экономических договорных обязательств КНР и стран корейского полуострова: направления реализации и результаты

Хань Юй

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье представлен обзор современного подхода Китая к внешней политике и внешнеэкономическим обязательствам со странами Корейского полуострова. Особое внимание уделяется роли и действиям Китая в глобальном масштабе при управлении процессами обеспечения национальной безопасности. Утверждается, что Китай все еще не сделал одностороннего и исключительного поворота в своей внешней политике, что определяет актуальность изучения данного вопроса. Обосновывается, что внешнеэкономическая торговля Китая со странами Корейского полуострова представляет собой стратегический выбор, который раскрывается в более широком контексте его внешних связей, что является одним из факторов политической неопределенности.

Цель исследования – изучить экономические и политические предпосылки заключения межгосударственных договоров и соглашений Китая со странами Корейского полуострова, оценить их результативность и значение.

Материал и методы. Исследование базировалось на системно-синергетическом и историческом подходах. Основой для проведения исследования была систематизация информации, полученной в результате изучения литературных источников. Из методов исследования применены литературно-аналитический, системно-структурный, теоретического обобщения, сравнительный, экспертный, ретроспективного анализа.

Результаты и их обсуждение. Геополитический и геоэкономический статус стран Корейского полуострова в современной системе международных отношений определяется, с одной стороны, стратегической важностью их расположения, богатством на сырьевые ресурсы, транзитным потенциалом, а с другой – сравнительно сложной социально-экономической обстановкой, уязвимостью с точки зрения безопасности, малой численностью населения. Ключевым звеном внешней политики Китая со странами Корейского полуострова стало экономическое проникновение в регион путем реализации двусторонних и многосторонних экономических и инфраструктурных проектов, а среди направлений взаимодействия основными являются энергетика, торговля, создание транспортно-логистической инфраструктуры, зон свободной торговли.

Заключение. Современными приоритетными направлениями построения отношений Китая с Северной Кореей являются: развитие дружбы, добрососедства на основе взаимного доверия, мирного сосуществования, доброжелательности, партнерства, взаимоуважения к суверенитету, равенства и взаимной выгоды. Китайское восприятие противоречивых аспектов отношений между Китаем и Южной Кореей соответствует тому, как Пак Кын Хе назвала их в 2012 году «азиатским парадоксом» военной конкуренции и экономического сотрудничества. В такой региональной среде дипломатические инициативы Си Цзиньпина и Мун Чжэ Ин согласованы в их политической риторике и направлены на содействие региональному стратегическому доверию. Пожалуй, наиболее заметной чертой внешнеполитического дискурса Китая под руководством Си Цзиньпина является утверждение жизненно важных интересов Китая как растущей крупной державы. Однако, новые проблемы в отношении стран Корейского полуострова требуют применения новых дипломатических инструментов, поскольку Китай больше не справляется со своими региональными проблемами «просто применяя мягкую силу». Такие взгляды предполагают отход от практики самоограничения, которую проповедовал Дэн Сяопин в начале 1990-х годов.

Ключевые слова: история, международные отношения, геополитика, КНР, страны Корейского полуострова.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 33–38)

A Review of the Current Political and Economic Treaty Obligations of China and Korean Peninsula Countries: Implementation Directions and Results

Han Yui

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

A review of Chinese contemporary approach to the foreign policy and foreign economic obligations with Korean Peninsula countries is presented in the article. Special attention is paid to the role and actions of China in the global scale in managing processes of national

Адрес для корреспонденции: e-mail: 510234480@qq.com – Хань Юй

security provision. It is stated that China has not yet made a unilateral and exclusive u-turn in its foreign policy which testifies to the urgency of the study. The Chinese foreign economic trade with Korean Peninsula countries is considered to be a strategic choice which is revealed in a wider context of its foreign relations; this is one of the political instability factors.

The research purpose is to study economic and political prerequisites for signing interstate agreements and treaties between China and Korean Peninsula countries, to evaluate their effects and significance.

Material and methods. The research was based on the system and synergetic and the historic approaches. The research base was systematization of information obtained as a result of literature source studies. The methods applied were the literature analytical, the system and structural, the theoretical generalization, the comparative, the expert and retrospective analysis.

Findings and their discussion. The geopolitical and geo-economic status of Korean Peninsula countries in the contemporary system of international relations is determined, on the one hand, by the strategic significance of their location, abundance of their raw materials, transit potential and, on the other, by a comparatively complicated social and economic situation, by the vulnerability from the point of view of security, a small number of the population. The key link of the Chinese foreign policy with Korean Peninsula countries is the economic penetration into the region by the implementation of bilateral and multilateral economic and infrastructure projects while the basic among the directions of interaction are power manufacture, trade, creation of transport and logistic infrastructure, free trade areas.

Conclusion. The contemporary priority directions for building the relations of China and Northern Korea are: the development of friendship, neighborhood on the basis of mutual trust, peaceful coexistence, partnership, mutual respect to the sovereignty, equality and mutual benefit. The Chinese perception of the contradictory aspects of Chinese - Northern Korean relations is expressed in Pak Geun Hye words of 2012 as "the Asian paradox" of the military competition and economic cooperation. In this regional environment diplomatic initiatives by Xi Jinping and Moon Zhe In agree in their political rhetoric and are directed to the promotion of the regional strategic trust. A most distinct feature of the foreign political discourse of China under the leadership of Xi Jinping seems to be the assertion of the life interests of China as a growing power. However, the new problems concerning Korean Peninsula countries require the application of new diplomatic instruments since China no longer manages its regional problems by "just applying soft power". Such ideas presuppose a shift from the practice of self-limitation which was professed by Deng Xiaoping in the early 1990-s.

Key words: history; international relations; geopolitics; China, countries of the Korean Peninsula.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 33–38)

Современная политика Китая на международной арене определяется теми задачами, которые стоят перед страной, исходя из целей, сформулированных Коммунистической партией. Относительно этого недавний XIX съезд КПК, состоявшийся в октябре 2017 года в Пекине, был знаковым. На нем генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин определил основные задачи Поднебесной во внешней политике. Кроме того, на действия Китая в отношениях с другими странами влияют общая геополитическая и региональная ситуации в мире, действия других геополитически активных игроков (США, Япония и Россия). Это, в свою очередь, определяет всестороннюю, многоуровневую и многовекторную дипломатическую концепцию, на которой основывается современная дипломатия Китая с китайской спецификой.

Разноаспектные вопросы внешней политики Китая с Северной Кореей и его политико-экономические договорные обязательства в той или иной степени освещаются в публикациях целого ряда представителей научно-экспертной среды. Участие Китая и других крупных держав в разрешении (сдерживании) корейского конфликта воспринимается многими учеными и аналитиками как благоприятное влияние на северокорейскую ядерную проблему. По словам Ю Инли, периферийная дипломатия Си Цзиньпина ослабит напряженность на полуострове, увеличив политическое и экономическое влияние Китая на Северную Корею, удерживая Пхеньян от провокационных действий и усиливая региональную координацию по Северной Корее. Высказывание Си Цзиньпина на Форуме Боао в 2013 году, а именно: «Никому не должно быть по-

зволено бросать регион и даже весь мир в хаос ради эгоистичной выгоды» – в значительной степени интерпретировалось как ссылка на Северную Корею и демонстрация позитивной роли Китая в этом вопросе. Учитывая повторяющийся ядерный кризис, Го Жуй утверждал, что Китай должен способствовать не только денуклеаризации полуострова и стабильности, но и «нормальным» отношениям с Пхеньяном, выходящим за рамки традиционной дружбы [1, с. 25].

И корейские, и китайские исследователи отмечают необходимость взаимодействия великих держав в вопросах, касающихся обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Корейский полуостров представляет собой сложную периферийную среду безопасности. Китайский аналитик Чжан Ин прогнозировал позитивное развитие отношений с Южной Кореей при Пак Кын Хе [2, с. 83]. В свою очередь, Ван Шэн указывал на постоянные противоречия в отношениях между Китаем и Республикой Корея с момента нормализации межгосударственных отношений [3, с. 27]. Ши Юаньхуа указывала на эту неотъемлемую «двойственную структуру» отношений: «Несмотря на общие политические, экономические, культурные связи и интересы в области безопасности, различия и противоречия усиливаются из-за политики Соединенных Штатов Америки» [4, с. 14]. Оценки китайско-южнокорейских стратегических отношений в контексте дипломатической повестки дня Си Цзиньпина привлекают внимание к трем приоритетным вопросам: Северная Корея, альянс США–РК и политическое доверие.

Отношения безопасности Южной Кореи с Соединенными Штатами усиливают третий вопрос китайско-южнокорейского политического недоверия.

Мэнь Хунхуа и Лю Сяоян утверждали, что, хотя отношения между Китаем и РК с 1992 года отошли от своей основной зависимости от Соединенных Штатов, расширяясь в различных функциональных областях сотрудничества, взаимная подозрительность подрывает дальнейшее развитие стратегического партнерства [5, с. 71]. Как указывал Ян Лихуэй, региональные инициативы Пак Кын Хе по укреплению доверия представляли собой важную возможность для укрепления стратегического партнерства [6, с. 65], однако двустороннее доверие остается ограниченным и при новом лидере Южной Кореи, несмотря на относительно недавно расширенные экономические связи (договор ЗСТ 2015 г.) и политические консультации по вопросам безопасности. Это отсутствие взаимного доверия между Китаем и Южной Кореей, а также другими региональными игроками препятствует более широкому многостороннему сотрудничеству в области безопасности, как это было предусмотрено инициативой Южной Кореи в области мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Частое упоминание о недостаточном доверии в публикациях китайских ученых, по крайней мере, намекает на нежелательную связь Южной Кореи с крупнейшей державой США. В интервью «Korea Times» в декабре 2012 года Ян Сю связал китайско-южнокорейское стратегическое недоверие с масштабом альянса США–РК, ссылаясь на то, что альянс «определенно не ограничивается Северной Кореей», а вместо этого указывает на то, что «Южная Корея стала интегрированной в региональную стратегию США, которая призвана оказывать политическое давление на Китай и Россию» [7].

Проанализируем данные заявления ученых и политических аналитиков в контексте сегодняшних событий. Внешняя политика привлекает особое внимание не только из-за роста роли Китая в мире в последние десятилетия, но и учитывается его быстрое экономическое развитие. Растущая самоуверенность Китая лучше всего иллюстрируется его политикой со странами Корейского полуострова. В приоритетах КНР остаются следующие направления: обеспечение торговых интересов, транспортировка энергоресурсов, поддержание территориальной безопасности. В поисках закрепления своих позиций в Азии политика Си Цзиньпина направлена на защиту территориальных интересов КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, противостоянию своему историческому сопернику Японии, сдерживанию Северной Кореи, сбалансированию индийского влияния в Южной Азии и обеспечению безопасности за счет усиления взаимозависимости со странами АСЕАН. Сложность проводимого исследования в контексте исторического анализа проблематики развития политико-экономических обязательств Китая со странами Корейского полуострова определяет цель написания статьи.

Цель исследования – изучить экономические и политические предпосылки заключения межгосударственных договоров и соглашений Китая со странами Корейского полуострова, оценить их результативность и значение.

Материал и методы. Исследование базировалось на системно-синергетическом и историческом подходах. Основой для проведения исследования была систематизация информации, полученной в результате изучения литературных источников. Из методов исследования применены литературно-аналитический, системно-структурный, теоретического обобщения, сравнительный, экспертный, ретроспективного анализа.

Результаты и их обсуждение. Геополитический и геоэкономический статус стран Корейского полуострова в современной системе международных отношений определяется, с одной стороны, стратегической важностью их расположения, богатством на сырьевые ресурсы, транзитным потенциалом, а с другой – сравнительно сложной социально-экономической обстановкой, уязвимостью с точки зрения безопасности, малой численностью населения. Ключевым звеном внешней политики Китая со странами Корейского полуострова стало экономическое проникновение в регион путем реализации двусторонних и многосторонних экономических и инфраструктурных проектов, а среди направлений взаимодействия основными являются энергетика, торговля, создание транспортно-логистической инфраструктуры, зон свободной торговли.

КНР и КНДР. Политика Китая в отношении Северной Кореи определяется в первую очередь экономическими интересами и интересами безопасности. В то время как торговый баланс между Китаем и КНДР смещен в сторону Северной Кореи, открытый и стабильный региональный рынок по-прежнему приносит пользу Китаю, особенно северо-восточным провинциям. Доступ к незамерзающей гавани в Расоне-порту Раджин позволяет сократить судоходные маршруты из Китая в Японию, города на юге Китая и другие страны Юго-Восточной Азии. Товары, перевозимые через Раджин (древесина, уголь и другие сырьевые и строительные материалы), в значительной степени подпадают под санкции ООН в отношении КНДР. Северокитайский импорт энергетических ресурсов и полезных ископаемых из Северной Кореи также страдает от этих санкций. И Россия, и Китай призвали к постепенному смягчению санкций в случае улучшения ситуации на полуострове [8]. Отмена санкций ООН создаст краткосрочные деловые возможности между Северо-Восточным Китаем и Северной Кореей.

Поскольку северокорейский рынок медленно нормализуется, китайские компании столкнутся с более жесткой конкуренцией со стороны других иностранных инвесторов, пытающихся воспользоваться недорогими предложениями КНДР.

Объем торговли Китая составляет более 90% от общего объема внешней торговли Северной Кореи, и его доминирование на северокорейском рынке в случае ослабления напряжения в регионе неизбежно уменьшится. Несмотря на это, Китай останется главным торговым партнером Северной Кореи, а его экономическая помощь будет способствовать поддержанию и облегчению процесса денуклеаризации на полуострове.

Двусторонние отношения и политика неприсоединения Китая. Китай и Северная Корея подписали китайско-северокорейский договор о дружбе и сотрудничестве (далее «договор») в 1961 году. Этот договор ратифицирует обязательства обеих стран в принятии всех необходимых мер, включая военную поддержку, чтобы противостоять любой стране или коалиции, которые могут напасть на любую страну. Данный договор предоставляет Китаю законное право на военное вмешательство на Корейском полуострове во время войны. Это право чрезвычайно важно для Китая, чтобы обеспечить свою политику «трех нет» в отношении Северной Кореи: никакой войны, никакой нестабильности и никакого ядерного оружия (不战, 不乱, 无核). Кроме того, трансформация Северной Кореи будет играть значительную роль в определении успеха Китая в поддержании стратегического баланса в Северо-Восточной Азии и, возможно, даже в вытеснении США из управления процессами безопасности в этом регионе [9].

Несмотря на договор, Китай не считает себя обязанным защищать Северную Корею в любом конфликте, инициированном Пхеньяном. В то время как Китай отрицает наличие формального союза с Северной Кореей, утверждая вместо этого, что их отношения являются нормальными отношениями между государствами, международное сообщество обычно видит их в другом образе. Это противоречие лучше всего объясняется сохраняющейся приверженностью Пекина к несогласованности и «независимой внешней политике» (独立外交政策), приверженностью принципам, установленным Дэн Сяопином в 1982 году во время холодной войны в попытке удержать Китай от американо-советской конкуренции [7].

Несогласованность с тех пор сформировала внешнюю политику Китая. Она установила различные типы партнерства, которые, в отличие от традиционных союзов, не подразумевают активного военного вмешательства. Подъем Китая и изменение обстановки в области безопасности вызвали дебаты среди китайских академиков о том, должно ли китайское правительство отойти от несогласованности.

Китай укрепил военные обмены и сотрудничество с некоторыми из своих стран-партнеров. Уход Китая от несогласованности может иметь значительные последствия для китайско-северокорейских отношений: если обе стороны укрепят военные связи в рамках более формального партнерства, последующий импульс северокорейского сдерживания может обеспечить гарантию безопасности, которая будет способствовать денуклеаризации Корейского полуострова. Однако до этих событий еще далеко. По данным Министерства иностранных дел КНР, Китай и Северная Корея имеют не партнерство, а скорее традиционную дружбу и сотрудничество. Это определение показывает уникальную позицию Северной Кореи в китайских двусторонних отношениях, но также и двусмысленность в их отношениях, которая подрывает доверие Северной Кореи к Китаю как гаранту безопасности, несмотря на их исторические отношения и действующий договор.

Северная Корея имеет несколько вариантов обеспечения безопасности. Ближайшие перспективы заключения мирного договора с Соединенными Штатами остаются неопределенными. Вашингтон может быть готов объявить, при определенных условиях, формальное прекращение Корейской войны, но следующий шаг – переговоры по мирному договору – более сложен, поскольку ему придется решать широкий круг вопросов, касающихся присутствия американских войск в Южной Корее, влияния США в Северо-Восточной Азии и денуклеаризации Северной Кореи. В то же время Северная Корея будет нуждаться в китайской поддержке для усиления своих рычагов давления в этих переговорах, и при определенных условиях Китай готов пойти на это, чтобы обеспечить представительство китайских интересов даже в других двусторонних соглашениях Севера. Эта динамика была очевидна во время первого визита Кима в Китай в марте 2018 года, когда и Си, и Ким признали развитие китайско-северокорейской дружбы как «стратегический выбор» и совместно заявили, что их связь останется неизменной [10]. Очевидно, что обе стороны намерены уменьшить взаимное недоверие, которое нарастает с конца 2011 года с целью укрепления своих связей.

Таким образом, главной заботой Китая в области безопасности на Корейском полуострове является региональная стабильность, которая включает в себя физическую безопасность его приграничных городов и поддержание стратегического баланса в Северо-Восточной Азии. Это означает, что Пекин поддерживает денуклеаризацию Корейского полуострова до тех пор, пока она способствует обоим этим целям. В связи с изоляцией Северной Кореи от международного сообщества были высказаны опасения в отношении потенциальных недостатков северокорейских ядерных технологий и практики, особенно в области ядерной безопасности и управления авариями. Такая озабоченность была очевидна еще в сентябре 2017 года после шестого ядерного испытания Северной Кореи, когда сообщения о крахе на месте вызвали беспокойство по поводу потенциальных радиоактивных разливов. Наиболее выражено это было в приграничных городах Китая, так как большинство северокорейских ядерных объектов расположены в западных частях страны [9].

Что еще более важно, Северная Корея является центральным элементом стратегической конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами. Пхеньян хорошо сыграл в этом соревновании, стремясь восстановить китайско-северокорейскую двустороннюю политическую и экономическую поддержку, предпринимая первоначальные шаги по денуклеаризации с Соединенными Штатами. В долгосрочной перспективе неясно, предпочтет ли Север склониться к Китаю или Соединенным Штатам или принять традиционную дипломатическую стратегию небольшого государства.

Китай и Южная Корея. Китай и Южная Корея официально подписали соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) в Сеуле конце в 2015 г. Оно призвано сформировать ЗСТ в течение 20 лет на основе ликвидации

таможенных пошлин на 90% товаров взаимной торговли с сохранением исключений (для Республики Корея исключены 960 товарных позиций, а для КНР – 766). Хотя они были согласованы в 2014 году, официальное подписание этих соглашений состоялось только после того, как переводы согласованного содержания были проверены обеими сторонами. Предложенный китайско-японско-южнокорейский договор застопорился после разногласий с Японией по поводу спорных островов. Следует также отметить, что подписанная ЗСТ предназначена только для материкового Китая. Она не включает Гонконг, который поддерживает свои собственные соглашения, в том числе соглашение об избежании двойного налогообложения с Южной Кореей, подписанное в 2014 году. Китайско-южнокорейская ЗСТ позволит реализовать 63 тыс. проектов, финансируемых Южной Кореей, общей суммой инвестиций 71,6 млрд долл. США [11, с. 4].

Соглашение о свободной торговле имеет решающее значение для активной стратегии Сеула по получению доступа к свободной торговле во всем мире. С момента окончания Корейской войны Южная Корея опиралась почти исключительно на многосторонние торговые соглашения для поддержки своей быстрой индустриализации и ориентированной на экспорт экономики. Стратегия Сеула имеет два основных столпа: поддержка роста Chaebol (семейных многонациональных конгломератов, которые способствовали росту экспортного производства страны) и принятие государственной политики, которая еще больше интегрирует Южную Корею в мировую экономику. Эта стратегия дала Южной Корее, бедной ресурсами стране в негостеприимном регионе, возможность стать 12-й по величине экономикой мира, оставаясь при этом устойчивой перед лицом внешних финансовых кризисов.

Китай и Южная Корея также подписали «Соглашение о взносах на социальное страхование», т.е. документ, в котором излагаются исключения для выплаты социального обеспечения экспатриантами в этих странах. Эти соглашения демонстрируют сильную китайско-южнокорейскую экономическую позицию, а также могут рассматриваться отчасти как политический отпор Японии и Тайваню, оба из которых, как можно ожидать, потеряют некоторый объем торговли с Китаем в результате запуска этого проекта. Китайско-южнокорейская ЗСТ дает определенные перспективы для развития китайских и южнокорейских компаний, и можно ожидать дальнейший рост торговли. В соответствии с соглашением, обе стороны снизили тарифы до нуля на около 90% всех продаваемых товаров.

Интерес также представляет соглашение о предоставлении преференциальных тарифов на более 300 видов продукции, производимой в южнокорейском промышленном комплексе Кэсон. Это примечательно, потому что около 120 южнокорейских компаний управляют там фабриками, и около 53000 сотрудников работают из Северной Кореи, что делает его важным источником дохода для правительства Северной Кореи, связанного с наличными деньгами [11].

По сути, эта сделка, которая обеспечивает стабильность в сельскохозяйственной и автомобильной промышленности для обеих стран, а также представляет интерес для глобальных предприятий, работающих в регионе. Однако, выходя за рамки ее длительного 20-летнего периода осуществления, ЗСТ также будет расширена, поскольку и Китай, и Южная Корея согласились возобновить переговоры по сектору услуг, чтобы подтолкнуть к дальнейшей либерализации рынков обеих стран.

В политической плоскости Китай и Южная Корея договорились развивать двустороннее общение и сотрудничество на различных фронтах в попытке ослабить напряженность, вызванную спором о защите терминальной высотной зоны (ТНААД). Во время саммита 14 декабря 2017 года Мун Чжэ Ин и Си Цзиньпин договорились о четырех основных принципах по Северной Корее. Эти принципы включают: 1) неприемлемость войны на Корейском полуострове, 2) приверженность его денуклеаризации, 3) приверженность мирному урегулированию северо-корейской проблемы и 4) признание того, что улучшение межкорейских отношений является ключом к достижению мира. Помимо согласования этих принципов, Мун Чжэ Ин и Си Цзиньпин рассмотрели ряд мер по восстановлению межгосударственных связей, включая создание горячей линии между двумя лидерами. Вопреки ожиданиям, что Си Цзиньпин будет настойчиво подталкивать Муна, он воздержался от прикосновения к чувствительным темам, включая «трех нет». При этом президент Южной Кореи не стал требовать ввода нефтяного эмбарго в отношении Северной Кореи.

«Отношения между Китаем и Южной Кореей испытали неудачу по известным нам причинам», – заявил Си Цзиньпин во время саммита в декабре 2017 года. «Я уверен, что визит лидера Южной Кореи станет для нас новой возможностью восстановить наши отношения и проложить новый путь, основанный на взаимном уважении и доверии» [12].

«Я считаю, что доверие является самым важным не только в отношениях между людьми, но и между странами», – заявил лидер Южной Кореи Мун Чжэ Ин. «Мы убедимся, что противоракетная система не вредит безопасности Китая, и также следует своей первоначальной цели – защитить Южную Корею от северо-корейских ракет», – сказал Мун [12].

Успешность поездки Муна в Китай в декабре 2017 г. можно объяснить следующими обстоятельствами: 1) было подтверждено приверженность Пекина мирному урегулированию северо-корейского вопроса; и 2) закреплены основы для двустороннего экономического сотрудничества (несмотря на противостояние ТНААД).

Предложения по сотрудничеству Китая и Южной Кореи в разрезе современной внешней политики Китая выглядят обоснованными и справедливыми, а процесс их реализации, учитывая опыт последних лет, характеризуется попыткой скорейшего воплощения предложенных новаций в практическую плоскость. Очевидно, при сохранении существующей динамики взаимоотношений

КНР с Южной Корей, Китай в далеком будущем укрепит свои геополитические позиции в регионе за счет активной экономической интеграции и кооперации.

Заключение. Современными приоритетными направлениями построения отношений Китая с Северной Кореей являются: развитие дружбы, добрососедства на основе взаимного доверия, мирного сосуществования, доброжелательности, партнерства, взаимоуважения к суверенитету, равенства и взаимной выгоды. Китай помогает Пхеньяну с точки зрения как мягкой, так и жесткой силы, но не хочет, чтобы у них было свое собственное военное оружие. Распространение ядерного оружия может привести к нездоровым отношениям между Китаем и Северной Кореей. С 2006 по 2018 год Пхеньян множество раз проводил ядерные испытания, что создало напряженную ситуацию в регионе и урегулировалось впоследствии, когда Северная Корея согласилась на денуклеаризацию на шестисторонних переговорах. На данный момент Северная Корея не позволяет себе нарушать отношения с Китаем, потому что это единственное государство, которое обеспечивает им экономическую и военную торговлю.

Китайское восприятие противоречивых аспектов отношений между Китаем и Южной Кореей соответствует тому, как Пак Кын Хе назвала их в 2012 году «азиатским парадоксом» военной конкуренции и экономического сотрудничества. В такой региональной среде дипломатические инициативы Си Цзиньпина и Мун Чжэ Ин согласованы в их политической риторике и направлены на содействие региональному стратегическому доверию. Отметим важное значение последующей ориентации партнерства Китая и Южной Кореи для определения того, насколько они будут согласованы на практике.

Что касается сферы безопасности в широком смысле, то, по нашему мнению, отстаиванию китайских национальных интересов в регионе сегодня подчинен весь широкий спектр практических усилий по налаживанию тесного взаимодействия КНР со странами Корейского полуострова, формирования и реализации соответствующих двусторонних и многосторонних программ и планов. В будущем интересной может быть конвертация результатов реализации нынешнего внешнеполитического курса Китая, продиктован его политико-экономическими приоритетами. Среди важных моментов в этом отношении уже сегодня вырисовывается тенденция укрепления переговорных позиций КНР об условиях импорта сырьевых ресурсов в контексте перестройки мировых рынков нефти и газа. Большинство представителей международного экспертно-аналитической среды в своих оценках будущей китайской внешней политики со странами Корейского полуострова ставят акцент на новых аспектах реализации большого потенциала взаимодействия Китая с Южной Кореей, а имеющиеся тенденции налаживания и развития их сотрудничества с КНДР дают возможность спрогнозировать, что КНР и в дальнейшем укреплять свои политические и экономические позиции в регионе.

Пожалуй, наиболее заметной чертой внешнеполитического дискурса Китая под руководством Си Цзиньпина является утверждение жизненно важных интересов Китая как растущей крупной державы. Однако возникшие проблемы в отношении стран Корейского полуострова требуют применения новых дипломатических инструментов, поскольку Китай больше не справляется со своими региональными проблемами «просто применяя мягкую силу». Такие взгляды предполагают отход от практики самоограничения, которую проповедовал Дэн Сяопин в начале 1990-х годов.

Литература

1. Guo, R. Zhongguo dui Chaoxian zhanlue de zai jianshi – xianshi pinggu zhuyao nandian yu tiaozheng fangxiang / R. Guo, W. Wang // Dongbeiya xuekan. – 2013. – № 1. – P. 23–28.
2. Zhang, Y. Piao Jinhui zhizheng hou zhonghan guanxi fazhan qushi fenxi / Ying Zhang // Dongbeiya waiyu yanjiu. – 2013. – № 1. – P. 81–86.
3. Wang, Sh. Zhonghan jianjiao 20 nian: qude de chengguo yu mianlin de keti / Sh. Wang // Dongbeiya luntan. – 2012. – № 5. – P. 23–30.
4. Shi, Y. Lun zhonghan zhanlue hezuo huoban guanxi de jiegou tese he fazhan moshi / Y. Shi // Hanguo yanjiu lun. – 2013. – P. 9–21.
5. Men, H. Zhonghan zhanlue hezuo huoban guanxi: Lishi jincheng, xianzhuang pinggu yu weilai zhanwang / H. Men, X. Liu // Jilin daxue shehui kexue xuebao. – 2013. – № 6. – P. 62–74.
6. Yang, L. Zhonghan xinxing huoban guanxi yu Piao Jinhui zhengfude xinren waijiao / L. Yang // Lilun shiye. – 2014. – № 2. – P. 64–67.
7. 凌胜利, “中国为什么不结盟?”, Foreign Affairs Observer, 3, (2013) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://faobserver.com/NewsInfo.aspx?id=8946>. – Date of access: 11.07.2019.
8. Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on June 12, 2018, Chinese Foreign Affairs Ministry, June 12, 2018, [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1568234.shtml. – Date of access: 11.07.2019.
9. North Korea Facilities Map, NTI, accessed July 20, 2018, [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nti.org/gmap/nuclear_north_korea.html?/. – Date of access: 11.07.2019.
10. Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing, Xinhua, March 28, 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598.htm. – Date of access: 09.07.2019.
11. Schott, J. An Assessment of the Korea – China Free Trade Agreement. Policy Brief #PB 15-24/ J. Schott, E. Jung, C. Cimino-Isaaks // Peterson Institute for International Economics. – 2015. – P. 1–14.
12. Южная Корея: грядет «Новое начало с Китаем» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news-front.info/2017/12/14/yuzhnaya-koreya-gryadet-novoe-nachalo-otnoshenij-s-kitaem/>. – Дата доступа: 30.07.2019.

Поступила в редакцию 23.12.2020

Жить и помнить. Лагерь для советских военнопленных шталаг № 352 («Лесной лагерь», Масюковщина)

Мох Е.Н.* , Швед А.А.**

*НМУ «Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь, Минск

**УЗ «Браславская ЦРБ», Браслав

В статье рассматривается история создания и функционирования лагеря для военнопленных шталага № 352, исследованы вопросы функционирования лазарета «Лесного лагеря» № 352. Определена структура лазарета, географическое расположение.

Цель работы – исследование и систематизация архивных и отдельных документальных материалов по шталагу № 352.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе отечественной историографии, архивных документов Республики Беларусь и Российской Федерации, материалов фондов Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны, раскрывающих особенности функционирования лагеря для военнопленных шталага № 352 (дислокация лагеря, внутренний режим содержания, вопросы охраны, медицинское обслуживание советских военнопленных). Методологической базой являются историко-объективный метод, принципы объективности, системности, авторские обобщения.

Результаты и их обсуждение. Шталаг № 352 включал «Городской лагерь» (Пушкинские казармы), «Лесной лагерь» (Масюковщина), лагерь «Ролльбан», а также имел 23 филиала и более 90 отделений на станциях в распоряжении Главной железнодорожной дирекции «Центр». С 16.09.1943 года шталаг № 337 в Барановичах стал также филиалом шталага № 352. Вся территория лагеря подразделялась на несколько зон. С самого начала функционирования Лесного лагеря в здании довоенной трехэтажной кирпичной казармы был организован лагерьный лазарет. Впоследствии рядом с кирпичной казармой были построены и деревянные лазаретные бараки для инфекционных больных. После завершения их строительства и вплоть до освобождения Минска в июле 1944 года лазарет «Лесного лагеря» размещался в 3-этажной кирпичной казарме, по документам – «корпус (барак) № 18» и в 7-ми деревянных одноэтажных бараках № 11–17.

Заключение. Дислокация лагерей на оккупированной территории Беларуси определялась в зависимости от расположения линии фронта, наличия инфраструктуры для создания стационарного лагеря, железнодорожных путей сообщения. Лагеря располагались в различных административных зонах и строились по типовым проектам либо использовались существующие строения. Административный аппарат управления лагерями не только исполнял директивы вышестоящего руководства, но и обладал правом нормотворчества. Содержание узников определялось исходя из типа лагеря, вида принудительных работ, принадлежностью к соответствующей категории и множеством субъективных факторов. Для поддержания дисциплины и порядка в лагерях создавалась внутренняя (лагерная полиция из числа военнопленных) и внешняя охрана (охранные батальоны).

Ключевые слова: лагерь, шталаг № 352 (Масюковщина), советские военнопленные, культура памяти.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 39–48)

Live and Remember. Stalag Camp For Soviet Pows No. 352 ("Forest Camp", Masiukovshchina)

Mokh H.N.* , Shved A.A.**

*NMU "National Institute of Education" of the Ministry of Education
of the Republic of Belarus, Minsk

**UZ "Braslav Central Regional Hospital", Braslav

The article examines the history of the creation and functioning of Stalag Prisoner of War Camp No. 352, investigates the functioning of the infirmary of "Forest Camp" No. 352. The structure of the infirmary and its geographical location are determined.

The purpose of the work is to systematize archival and individual documentary materials for Stalag No. 352.

Material and methods. The study was prepared on the basis of national historiography, archival documents of the Republic of Belarus and the Russian Federation, materials from the funds of the Belarusian State Museum of the Great Patriotic War, which reveal

the peculiarities of the functioning of Stalag Prisoner of War Camp No. 352 (camp location, internal regime of detention, security issues, medical care for Soviet prisoners of war). The methodological basis is the historical-objective method, principles of objectivity, consistency, the author's generalizations.

Findings and their discussion. Stalag 352 included the City part (Pushkin barracks), the Forest camp (Masiukovshchina), the Rollbahn camp, and also had 23 branches and more than 90 stations at the disposal of the Central Railway Directorate. Since 16.09.1943, Stalag 337 in Baranovichy also became a branch of Stalag 352. The entire territory of the camp was subdivided into several zones. From the very beginning of the functioning of the Forest Camp, a camp infirmary was organized in the building of the pre-war three-storey brick barracks. Later, next to the brick barracks, wooden infirmary barracks were built for infectious patients. After the completion of their construction and until the liberation of Minsk in July 1944, the infirmary of Forest Camp was housed in a 3-storey brick barracks, according to the documents it was "building (barracks) No. 18" and in 7 wooden one-storey barracks No. 11–17.

Conclusion. The deployment of camps in the occupied territory of Belarus was determined by the location of the front line, the availability of infrastructure for creating a stationary camp, and railways. The camps were located in various administrative zones and were built according to standard designs or existing buildings were used. The administrative apparatus of the camp management not only carried out the directives of the higher leadership, but also had the right to rule-making. The detention mode was determined by the type of camp, the type of forced labor, the prisoners' category and many subjective factors. To maintain discipline and order in the camps, an internal (camp police from among prisoners of war) and external guards (security battalions) were created.

Key words: camp, Stalag № 352 "Masiukovshchina", Soviet prisoners of war, culture of memory.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 39–48)

В 2020 году наша страна отметила 75-летие Великой Победы. Война оставила глубокий след в истории Беларуси, каждой семьи. Многие из ушедших на фронт так и не вернулись домой, попали в плен. Осмысление, изучение трагедии советских военнопленных до сегодняшних дней занимают особое место как в исторической науке, так и в общественной жизни.

Цель работы – исследования и систематизация архивных и отдельных документальных материалов по шталагу № 352.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе отечественной историографии, архивных документов Республики Беларусь и Российской Федерации, материалов фондов Белорусского государственного музея Великой Отечественной войны, раскрывающих особенности функционирования лагеря для военнопленных шталага № 352 (дислокация лагеря, внутренний режим содержания, вопросы охраны, медицинское обслуживание советских военнопленных). Методологической базой являются историко-объективный метод, принципы объективности, системности, авторские обобщения.

Результаты и их обсуждение. Лагерь № 352 существовал на оккупированной территории Беларуси самый длительный период с сентября 1941 по июль 1944 г. В ряде документов шталаг упоминался как «Городской», «Лесной», «Минский». Шталаг № 352 включал «Городской лагерь» (Пушкинские казармы), «Лесной лагерь» (Масюковщина), лагерь «Ролльбан», а также имел 23 филиала и более 90 отделений на станциях в распоряжении Главной железнодорожной дирекции «Центр». С 16.09.1943 года шталаг № 337 в Барановичах стал также филиалом шталага № 352.

До начала сентября 1941 г. на территории воинской части около Масюковщины располагался Дулаг № 130, и только 06.09.1941 г. контингент его военнопленных принял шталаг № 352 [1].

«Лесной лагерь» советских военнопленных шталаг № 352 был расположен в 5-ти километрах западнее Минска. Лагерь в плане представлял собой неправильную трапецию, вытянутую с ССВ на ЮЮЗ, общей площадью

50 га. Согласно справки Комиссии по изучению Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б о шталаге № 352 вся территория лагеря подразделялась на несколько зон: пред-лагерь, лагерь А, лагерь В, лагерь С (рис. 1).

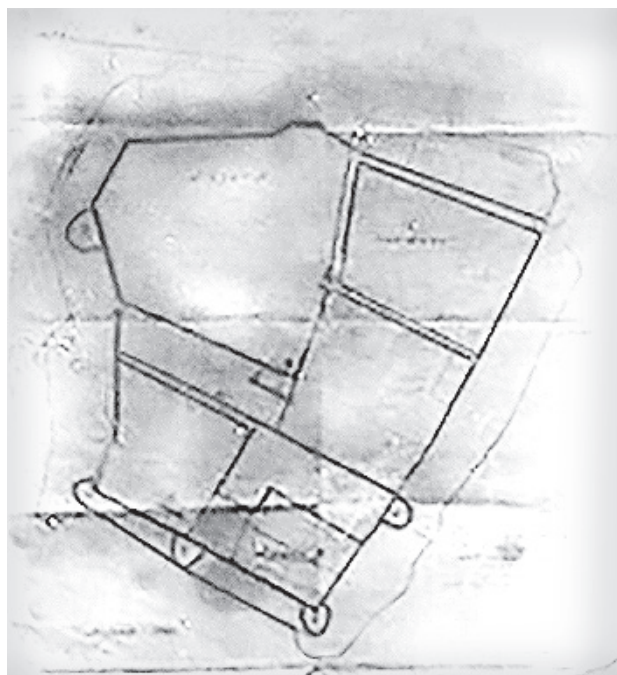

Рис. 1. План лагеря шталага № 352 (Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 54)

Пред-лагерь – северо-восточный участок лагеря был предназначен для караульных команд, а также для руководство лагеря.

Зона лагеря А укреплена особенно сильно, здесь был расположен приемник военнопленных, состоявший из 6 бараков. Окна всех бараков переплетены колючей проволокой.

Зона лагеря С занимала наибольшую часть всей территории лагеря. Вход в эту зону прегражден воротами, с караульным помещением и сторожевой вышкой. Перед

Рис. 2. На фото лазаретные бараки (слева направо) № 11, № 12, фрагмент 3-этажного корпуса № 18.
ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 54

воротами – ДОТ с пулеметной установкой. Небольшой восточный участок этой зоны был занят мастерскими, складами и другими служебными постройками. Западная часть, за исключением небольшого квартала, занятого постройками (кухня, гараж) была отведена для военнопленных и под лазарет.

Лазарет занимал большое каменное 3-этажное здание и 7 деревянных барakov. Также и здесь все постройки были отделены одна от другой заборами из колючей проволокой.

Перед зданием лазарета – обширная площадь, на которой в 1942 г. был произведен массовый расстрел военнопленных. В этой же зоне находился карцер, который представлял собой врытый в землю досчатый барак, длиной до 25 м, возвышающийся над поверхностью 0,5 м.

Зона лагеря В занимала крайний ЮЗ угол лагеря. Здесь, за конюшнями, торфяным складом и кузницей, находились 6 каменных барakov-изоляторов. Эти барак также служили для заключения военнопленных [2].

Проезды и проходы внутри лагеря именовались улицами, и каждая из них имела свое название – разное у администрации лагеря и военнопленных. Например, администрация лагеря называла проход между бараками, ведущий к месту проведения массовых расстрелов, улицей Стрелков, на кладбище – Новый путь. У военнопленных были в обиходе такие названия «улиц», как Главная, Комендантская, Лазаретная, Соломенная, Деревянная, Проволочная... (последние из них назывались по месту нахождения мастерских) (рис. 2).

В своих воспоминаниях бывший военнопленный Л.М. Винник писал, что «в мае 1942 года несколько сотен узников колонной погнали на другой конец Минска в лагерь Масюковщина, который значился как шталаг № 352. В эту колонну попал и я. Лагерь был большой. Проходы и проезды по его территории назывались улицами. Одна из них, что вела на кладбище, называлась Новый путь. В семнадцати бараках размещались пленные по 500 человек в каждом. Имелись гаражи, лагерьный госпиталь, площадка, где проводились экзекуции, стояла виселица с тремя крюками для петель» (рис. 3) [3].

Рис. 3. Л.М. Винник

[illegible]

Рис. 4. Регистрационная карточка военнопленного

Военнопленных доставляли по железной дороге. Их встречала лагерная охрана, вооруженная автоматами и дубинками, и выгоняла из вагонов. Подгоняемых овчарками военнопленных загоняли на территорию лагеря через центральные ворота, на которых была надпись «Липптор».

Поступавшие в лагерь пленные проходили регистрацию. Ее проводили писари, назначенные из контингента лагеря. Вопросами регистрации ведал организационный отдел. Как свидетельствовал узник лагеря В. Кладкевич, вновь прибывших выстраивали соответственно начальным буквам их фамилий. При регистрации записывали фамилию, имя и отчество пленного, его национальность, образование, воинское звание, военную и гражданскую профессии, фамилию, имя и отчество матери, адрес довоенного проживания. Отмечались внешние признаки – рост, цвет волос и глаз. В регистрационных карточках имелись отпечатки пальцев, на некоторых из них – фотографии пленных, отмечено движение пленных по лагерям, их филиалам, сделаны пометки о побегах, о результатах вербовки (рис. 4) [4].

В стационарных лагерях военнопленные различных национальностей находились в бараках отдельно друг от друга, согласно приказу верховного главнокомандования вермахта от 24.07.1941. Кроме того, комендант лагерей военнопленных округа «J» полковник Маршалл дал указание о единой квалификации всех военнопленных в лагерях по национальности: «D» – Volksdeutsche (фольксдойче), «U» – Ukrainer (украинцы), «L» – Litauner (литовцы), «Le» – Letten (латыши), «E» – Esten (эстонцы), «A» – Asiaten (азиаты), Davidstern – Juden (евреи), «R» – Russen (русские) [5]. Командиры и рядовые содержались раздельно. Также военнопленные были разделены по национальному признаку. Всех военнопленных допрашивали сотрудники абвера с целью выявления ценной информации.

Комендантами лагеря в разное время были майор Максимилиан Осфельд, майор Ганс Линсбаур, полковник Максимилиан Поснике. Должность заместителя коменданта занимали Хайбирих Липп, Рудольф Клебер, Карл Хекер. Для поддержания дисциплины и порядка в лагерях создавалась внутренняя и внешняя охрана. Внешняя была представлена солдатами старших возрастов, входившими в охранные батальоны вермахта, и выздоравливавшими после ранений фронтовиками, в функции которых входили несение караула на вышках и обход лагеря с собаками. Охрану подвергали специальной идеологической обработке, стараясь привить ей жестокость и враждебное отношение к пленным. Охрану шталага № 352 несли военнослужащие 332-го охранного батальона. Кроме 332-го охранного батальона, лагерь в разное время охранялся военнослужащими 473-го, 529-го, 530-го и 974-го ландверных батальонов Вермахта.

С самого начала функционирования «Лесного лагеря» в здании довоенной трехэтажной кирпичной казармы был организован лагерный лазарет. Впоследствии рядом с кирпичной казармой были построены и деревянные лазаретные бараки для инфекционных боль-

ных. После завершения их строительства и вплоть до освобождения Минска в июле 1944 года лазарет «Лесного лагеря» размещался в 3-этажной кирпичной казарме, по документам – «корпус (барак) № 18» и в 7-ми деревянных одноэтажных бараках № 11–17.

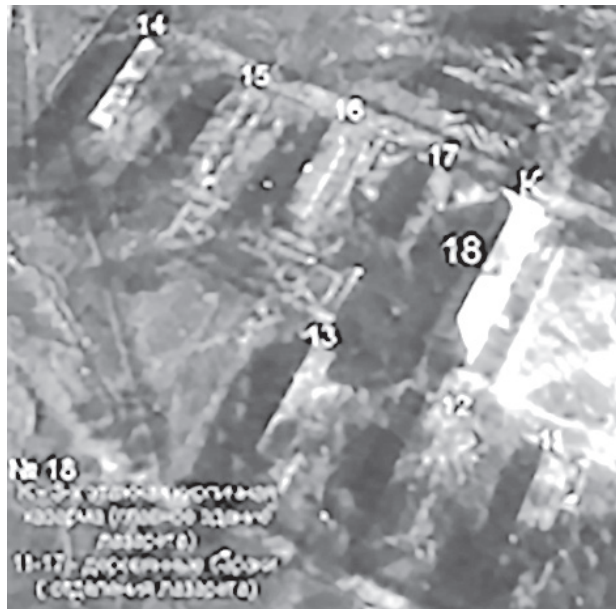

Рис. 5. Фрагмент аэрофотосъемки Люфтваффе, май 1944 года, NARA (США) Пояснение. Нумерация бараков лазарета «Лесного лагеря» проведена авторами на основании медицинской документации шталага 352

В 18-м корпусе до конца 1942 г. размещались 6 лечебных отделений, а именно 3 хирургических: 18 I, 18 II, 18 III и 3 терапевтических: 18 A, 18 B, 18 C. А на 01.01.1943 г. корпус № 18 имел все те же 6 отделений, но уже с другими индексами: 18-I N, 18-II N, 18-III N, 18-I S, 18-II S, 18-III S, где № 18 обозначал корпус (барак); I, II, III – этажа; буквы N и S – отделения: северное (Nord) – хирургическое и южное (Sud) – терапевтическое, т.е. по 2 на каждом этаже. Таким образом, все 3 северные отделения корпуса № 18 были хирургическими, все 3 южные – терапевтическими. Отделения лазарета в одноэтажных деревянных бараках были: № 11, 12, 13 – инфекционные изоляторы, № 14 барак – сыпнотифозный, № 15 – колитный (поносы), № 16 – туберкулезный, № 17 барак – ослабленных и выздоравливающих (рис. 5).

Довоенные казармы воинских частей по Логойскому тракту в Минске и около Масюковщины, в которых во время войны размещались лазареты шталага № 352, строились по типовому довоенному проекту. Казарма представляла собой трехэтажное кирпичное здание, разделенное посередине брандмауэром (противопожарной кирпичной перегородкой) на две зеркальные по планировке половины. Эта перегородка выполнила свою задачу. Она спасла северную половину крыши от пожара,

который случился в южной в 2016 году. На каждом этаже в этой стене имелись проходы, обеспечивающие перемещение из одной половины здания в другую.

Входы в здание были расположены у торцов здания. За входной дверью стандартного размера располагалась обычной ширины межэтажная лестница, с площадки которой, через дверь, можно было попасть на каждом этаже в разного размера помещения. Возле лестницы по обе стороны длинного коридора были расположены небольшие служебные комнаты. В конце коридора располагалась дверь в самое большое помещение на этаже, которое в казарме использовалось как спальное.

Аналогичная планировка имела на каждом из этажей и в каждой половине здания казармы.

Казармы имели большие подвалы, которые в случае войны планировалось использовать в качестве бомбоубежищ. Здания имели водяное отопление, водоснабжение, канализацию и электричество. В большом спальном помещении казармы всегда размещалась общая палата отделения лазарета. А малые служебные помещения использовались и как палаты для больных. Так, на 13.10.1943 г. в комнате хирургического отделения № 10 проживал Тарасевич Иван, начальник лазарета, а в комнате № 21 – начальник этого отделения Здрилюк Семен и врачи Мураф Леонид, Ретнев Михаил, Столов Михаил. Медсестры Воротынцева Надежда и Потоцкая Вера проживали в комнате № 22 [6]. В подвале казармы в Масюковщине с начала 1942 г. работали санпропускник и баня лазарета.

Бывший советский военнопленный Л.М. Винник в своих воспоминаниях детально описал структуру лазарета (рис. 6). По воспоминаниям Л. Винника, в плен он попал после тяжелой контузии, полученной при прорыве вражеского окружения под г. Вязьмой в октябре 1941 г. Этапирован в г. Минск железнодорожным транспортом и попал в лагерь военнопленных по Логойскому тракту. Весной 1942 г. переведен в Шталаг № 352 «Масюковщина». Находясь в лагере, обслуживал раненых, которые размещались в госпитале. Госпиталь находился в трехэтажном кирпичном здании. Там было хирургическое отделение, а также проживал медперсонал, переводчик лагеря, начальник лагеря Тарасевич. В 14-м бараке размещалась сыпнотифозное отделение. В 15–16-м бараках находились соматические больные, в 17-м в основном больные туберкулезом. Условия содержания больных были ужасные: голые двухэтажные нары; из медикаментов – только марганцовка (и внутрь и наружно); двухразовое питание – два раза по литру баланды из неочищенного картофеля и эрзацхлеб – одна буханка на 14 человек. Холод, вшивость. Смертность среди больных была очень большая. Ежедневно из лагеря сами пленные вывозили на двуколках по 5–6 трупов, которые сбрасывались в вырытые на братском кладбище могилы. Фамилии покойников установить было трудно. Комендант барака вешал покойнику на левую ногу бирку с номером, а на КПП немцы делали соответствующую отметку в журнале.

Из воспоминаний Л.М. Винника: «Мне выпало работать в лагерьном «госпитале», если его можно так назвать,

Рис. 6. Отделения лазарета в 3-этажной казарме на конец 1942 года

номер 9955, 1921 г.р., который окончил медтехникум в 1939 г., фельдшер, болел сыпным тифом в 1941 г. [9].

В списке медперсонала лазарета «Городского лагеря» (Пушкинские казармы) от 01.07.1942 г., а также в его арматурной карте фельдшер Винник записан как Алексей Макарович, а не Леонид Макарович [10]. Но при изучении наградного листа на партизана, бывшего военнопленного, бежавшего в составе группы 15 человек из лагеря в Масюковщине в июле 1943 г. Винникова Алексея Макаровича, врача отряда им. Чапаева, бригады им. Щорса, видим, что это один и тот же человек [11].

На данном списке не указан лагерь и не отмечена дата, но то, что он относится к лазарету шталага № 352 видно по фамилиям медперсонала из него. Так, врачи Бабичев Иван, Горбань Федор, Гришин Кузьма до перевода в «Лесной лагерь» в Масюковщине работали в 4-м отделении лазарета Городского лагеря (Пушкинские казармы) совместно с фельдшером Винником Алексеем (Леонидом) [12]. Сам список был составлен в лазарете «Лесного лагеря» в Масюковщине в сентябре – ноябре 1942 г., но не позднее 30.11.1942 г., когда группа врачей из него, включая Гришина Кузьму Леонтьевича, была переведена в шталаг № 350 в г. Ригу [13].

С первых дней функционирования лазарета «Городского лагеря» шталага № 352 велась учетно-отчетная

медицинская документация. Первоначально заполнялись лишь акты, рапорты, донесения на умерших в лазарете, где фиксировались все их социально-демографические данные, а также диагнозы, которые послужили причиной смерти военнопленных. Как правило, акты составлялись на одного умершего военнопленного, а рапорты и донесения – на нескольких.

Акт включал в себя минимальные сведения об умершем: ФИО, год рождения, адрес места жительства, его лагерный номер (номер бирки); дату смерти и место, где она случилась, клинический диагноз, осложнения, причины смерти. Акт заверялся на конкретную дату дежурным врачом и начальником отделения лазарета. Оформленные врачами лазарета акты подшивались в тома в хронологическом порядке. Оформление актов (рапортов и др.) в лазарете «Городского лагеря» в Минске, в т.н. Пушкинских казармах, началось не позднее 01.08.1941 г. Первый том, составленный в лазарете в Пушкинских казармах состоял из 143 страниц и охватывал период с 01.08.1941 по 31.08.1941 г., а последний по хронологии том из 159 страниц был составлен в период с 31.07.1942 по 31.08.1942 г. Страницей тома являлись акт, рапорт, донесение, докладная записка, а при наличии личных документов военнопленного, т.е. паспорта, военного билета, справок различных учреждений, личных медальонов, также и выписка из них. Всего в этом лазарете было сформировано 23 тома.

Впоследствии, примерно с января 1942 года, в лазарете «Городского лагеря» были введены в обращение и другие медицинские документы: истории болезни, эпидемиологические карточки, регистрационные журналы отделений, протоколы патологоанатомических исследований умерших военнопленных, журнал регистрации умерших, лабораторный журнал, отчеты по лабораторным исследованиям по месяцам 1942 года и др.

В сентябре 1942 года лазарет вместе с медицинским персоналом и больными из «Городского лагеря» переместили в «Лесной лагерь», где произошло его слияние с лазаретом Лесного лагеря на базе последнего. Одновременно в «Лесной лагерь» переместился и архив Минского лазарета (акты, рапорты, доклады дежурных врачей об умерших в лазарете с августа 1941 по 31.08.1942 г.), где он и был обнаружен в массиве медицинских документов лазарета после освобождения Минска от немецких захватчиков. 23 тома из лазарета Пушкинских казарм и 1 том лазарета Лесного лагеря составили «Список Советских военнопленных, умерщвленных немецко-фашистскими палачами в Лесном лагере (шталаг № 352) близ гор. Минск у деревни Масюковщина» на 9425 человек, представленный в Донесении № 116501 от 29.12.44 г. Чрезвычайной государственной комиссией по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Управление по учету погибшего и пропавшего без вести сержантского и рядового состава Красной Армии [14].

Регистрационные журналы лазарета «Лесного лагеря» (Масюковщина) начали вестись с 01.01.1942 г.

и использовались примерно до конца 1942 г., когда также были введены и истории болезней. В период сентябрь – ноябрь 1942 г. регистрационные журналы отделений лазарета и истории болезней велись одновременно. Авторами установлено, что неподписанный журнал лазарета Шталага 352 – регистрационный журнал хирургического отделения корпуса № 18 01.01.1942 – 12.06.1942 г. [15]. По регистрационному журналу хирургического отделения видно, что на дату 01.01.1942 г. корпус (барак) № 18 был разделен на отделения по этажам 18 – I, 18 – II, 18 – III и в них были выделены отдельные помещения, куда выписывали пациентов, о чем свидетельствуют записи: «в группу инвалидов, бар. № 18», «в группу выздоравливающих, бар. № 18», «в цинготное отделение барака № 18». Запись «выписан в Минский лазарет» означает, что из лазарета «Лесного лагеря» Масюковщины переведен в лазарет Городского лагеря в Минске, в т.н. Пушкинские казармы. По журналу также прослеживается, что 02.04.1942 г. в Минск из Масюковщины поступил большой этап военнопленных.

По спискам медперсонала лазарета «Лесного лагеря» Шталага № 352 на 01.06.1943 г. видно, что в штате лазарета состояло 34 врача, 39 фельдшеров, 105 санитаров, 12 медсестер и 3 фармацевта. Главврачом был И.Д. Тарасевич [16]. Все они были советскими военнопленными. Но находясь в сложнейших условиях, медицинские работники лазарета стремились максимально облегчить положение узников и спасли жизни многих из них.

На каждого больного и раненого военнопленного, поступающего в лазарет с сентября 1942 г., оформлялась **история болезни**, которая содержала подробные сведения о нем: ФИО, год, место рождения, адрес места жительства, воинское звание, гражданская специальность, вероисповедание, его лагерный номер (№ бирки), семейное положение, адрес ближайших родственников. В истории болезни также указывалось: откуда поступил, дата прибытия в лагерь, дата госпитализации в лазарет, в какое отделение направлен (№ лазаретного барака), клинический диагноз, когда, куда и в каком состоянии убыл, число проведенных в лазарете койко-дней. В случае смерти указывались дата и место, где она случилась, окончательный клинический диагноз, осложнения, ее причины. Истории болезней оформлялись в лазарете «Лесного лагеря» шталага № 352 (Масюковщине) с сентября 1942 г. до момента эвакуации лагеря вместе с лазаретом в Польшу через Алитус, т.е. по 27.06.1944 г.

Также велась **лабораторная книга лазарета**. Она была начата 16.05.1942 г. еще в лазарете Пушкинских казарм. А после переезда лаборатории в составе лазарета в «Лесной лагерь» 19.09.1942 г. медперсонал продолжил ее заполнять уже в нем с 05.10.1942 г. по 31.01.1944 г. По записям журнала видно, что во время нахождения лаборатории в Пушкинских казармах до сентября 1942 г. пробы на анализы поступали из восьми отделений № 1–8. А уже с октября 1942 г., т.е. после перевода лабо-

Рис. 8. Мемориальный комплекс в Масюковщине – памятник жертвам-военнопленным и гражданским лицам, погибшим в концентрационном лагере смерти

ратории в «Лесной лагерь» пробы на анализы стали проводиться больным военнопленным из барак № 11–18, барак (корпус) № 18 был представлен многочисленными буквенными и цифровыми индексами, что указывает на наличие 3 этажей и 6 отделений в здании [17].

Заключение. Шталаг № 352 существовал в течение трех лет. Лазарет «Лесного лагеря» размещался в 3-этажной кирпичной казарме, по документам – «корпус (барак) № 18» и в 7-ми деревянных одноэтажных бараках № 11–17. Команда по ликвидации лагеря прибыла в Минск в июне 1944 г. По распоряжению немецкого коменданта Минска эвакуация шталага № 352 началась 3 июня 1944 г. с вывоза лагерного имущества и продолжалась до 26 июня. Узники вывозились также с 26 июня. Оставленный «Лесной лагерь» около Масюковщины пустовал недолго. После освобождения Минска в нем содержались немецкие военнопленные.

Осенью 1958 г. на месте захоронения военнопленных в деревне Глинице (сейчас эта часть города называется Масюковщиной) с одобрения и при активной поддержке П. Машерова по проекту архитектора-художника В. Волчека соорудили существующий памятник (рис. 8). Контуры братских могил условно обозначены бордюрами, на большинстве могильных камней лишь красноармейские звезды, но кое-где есть и установленные имена. Это имена тех бывших военнопленных, которые были перезахоронены здесь уже в 1990 и 2016 годах. Личности некоторых из них удалось установить по смертным медальонам.

В данной ротонде хранится гранитный образ мариолога «Вечная память вам, сыны советского

народа». Настоящая книга с этим названием была напечатана в 1964 г., в ней содержится поименный список 9 425 советских воинов, погибших в шталаге № 352 в 1941–1942 гг. Кроме имени и даты смерти указан адрес или место рождения военнопленного. Один из оригинальных экземпляров хранится в музее истории Великой Отечественной войны. Сохраняет память о трагедии войны также храмовый комплекс – церковь Воздвижения Креста Господня. Сейчас там находится музей, посвященный истории шталага № 352.

Пример судеб бывших заключенных шталага № 352 дает возможность понять, через что пришлось пройти советским военнопленным в страшные годы Великой Отечественной войны. Уже не осталось живых свидетелей, но остались здания, чьи стены их помнят. Сейчас чрезвычайно важно сохранить эти исторические строения и память о тех, кто прошел через «Лесной лагерь» в Масюковщине и ему подобных.

Литература

1. Карпов, С.К. Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина» / С.К. Карпов, А.П. Ульяненок. – Минск: Четыре четверти, 2019. – 475 с.
2. Справка Комиссии по изучению Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б о Шталаге – 352 // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–39.
3. Масюковщина: Шталаг-352. 1941–1944: документы и материалы / авт.-сост. Р.А. Черноглазова; науч. ред. С.В. Жумарь. – Минск: Четыре четверти, 2005. – 198 с.

4. Персональная карта I Шталага 352 А.Д. Дырдина [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа : <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300359403>. – Дата доступа: 02.06.2020; ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 977520. Д. 2498.
5. Bericht über die Besichtigungsfahrt vom 26–29.07.1941 durch Oberst Marschall // Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA). – RH 22/251.
6. Список медицинского персонала // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 135.
7. Воспоминания Л.М. Винника / Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 248444.
8. Примерная схема расположения лагеря для советских военнопленных Шталага № 352, составленная бывшим узником лагеря Л.М. Винником, 1992 г. / БГМИВОВ. – Инв. № 248445.
9. «Список персонала 18-го корпуса “Б”» // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 131.
10. Арматурная карта Л.М. Винника [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа : <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10410986> – Дата доступа: 02.06.2020. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1474.
11. Наградной лист на партизана А.М. Винникова [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал» Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/70051/> – Дата доступа: 02.06.2020.
12. Мох, Е.Н. Лазарет «Городского лагеря» шталага № 352 / Е.Н. Мох, А.А. Швед // Беларус. думка. – 2020. – № 6. – С. 88–95.
13. Картотека военнопленных офицеров [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=272112809&p=2762>. – Дата доступа: 02.06.2020.
14. Донесение № 116501 от 29.12.1944 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Управление по учету погибшего и пропавшего безвести сержантского и рядового состава Красной Армии [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78801537> – Дата доступа: 02.06.2020.
15. Регистрационный журнал [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67745270>. – Дата доступа: 02.06.2020. ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 977532. Д. 110.
16. Списки медперсонала лазарета Лесного лагеря Шталага № 352 на 01.06.1943 г. [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77993275> <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77993478>. – Дата доступа: 02.06.2020. ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1473.
17. Лабораторная книга. [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10697383>. – Дата доступа: 02.06.2020.

Поступила в редакцию 02.10.2020

“Рытуальнае” спажыванне гарэлкі ў беларускім грамадстве ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя

Мяньчэня С.В.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт”, Мінск

“Рытуальнае” спажыванне алкагольных напояў разумеецца як спарадычнае ўжыванне алкаголю ў сувязі з пэўнымі традыцыямі і сацыяльнымі з’явамі.

Мэтай артыкула з’яўляецца вызначэнне “рытуальных” рысаў у культуры спажывання алкаголю беларускага грамадства канца XIX – пачатку XX ст. і іх уплыву на ідэі цвярозасці і само стаўленне да алкаголю.

Матэрыялы і метады. *Артыкул пабудаваны на аналізе разнастайных крыніц, такіх як матэрыялы перыядычнага друку і публіцыстыкі, мастацкія творы, а таксама прац айчынных гісторыкаў, прысвечаных праблеме спажывання алкаголю ў беларускім грамадстве ў адзначаны перыяд.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Аналіз крыніц дазваляе вызначыць, што ў традыцыйным беларускім грамадстве на мяжы XIX – пачатку XX ст. моцны алкаголь быў уключаны ў культурныя традыцыі і камунікатыўны працэс. Спажыванне алкаголю на сіла побытовы характар, і, пры ўмовах адпаведнасці традыцыям і памеранасці, не асуджалася.*

Заклучэнне. *Спажыванне гарэлкі сельскім насельніцтвам Беларусі напрыканцы XIX – пачатку XX ст. можна ахарактарызаваць як “рытуальнае”. Яго рысамі з’яўляліся спарадычнасць – спажыванне з нагоды ўрачыстасцей; калектывізм – алкаголь выступаў у якасці дапаможнага інструмента камунікацыі; дастаткова вялікая, часам празмерная, разавая доза; усведамленне бясыкоднасці памераннага спажывання алкаголю і недавер да ідэі абсалютнай цвярозасці.*

Ключавыя словы: гарэлка, культура спажывання алкаголю, традыцыйнае грамадства, цвярозасць.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 49–52)

“Ritual” Consumption of Vodka in Belarusian Society in the Late XIX – Early XX Centuries

Mianchenia S.V.

Education Establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”, Minsk

“Ritual” alcohol consumption is understood as the sporadic use of alcohol in connection with certain traditions and social phenomena.

The aim of the article is to determine the “ritual” features in the culture of alcohol consumption of the Belarusian society of the late XIX – early XX centuries and their influence on the idea of sobriety and the attitude towards alcohol.

Material and methods. *The article is based on the analysis of various sources, such as materials of periodicals and journalism, fiction, as well as works of Belarusian historians on the problem of alcohol consumption in Belarusian society during that period.*

Findings and their discussion. *The analysis of sources allows us to determine that in the traditional Belarusian society at the turn of the XIX – early XX centuries strong alcohol was incorporated into cultural traditions and the communicative process. Alcohol consumption was of a domestic nature, and, subject to tradition and moderation, was not condemned.*

Conclusion. *Consumption of vodka by the rural population of Belarus in the late XIX – early XX centuries. can be described as “ritual”. Its features were sporadic – consumption on the occasion of celebrations; collectivism – alcohol acted as an auxiliary tool of communication; a large enough, sometimes excessive, single drink; awareness of the harmlessness of moderate alcohol consumption and distrust of the ideas of absolute sobriety.*

Key words: vodka, culture of alcohol consumption, traditional society, sobriety.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 49–52)

Сучасная навука трактуе рытуал як дзеянне, заснаванае на надзяленні рэчаў асобнымі (сімвалічнымі) якасцямі. Рытуал служыць сродкам інтэграцыі і падтрымання цэласнасці калектыву, здымае псіхалагічнае напружанне і гарманізуе чалавечую псіхіку [1, с. 575]. Пад тэрмінам “рытуальнае спажыванне алкагольных напояў” разумеецца спарадычнае ўжыванне алкаголю ў сувязі з пэўнымі традыцыямі і сацыяльнымі з’явамі. У такіх выпадках алкаголь выступае як неад’емны атрибут і дапаможны сродак камунікацыі, што робіць яго ў вачах грамадства “бяшкодным” – спажываць яго могуць і тыя, хто па розных прычынах (уласныя погляды ці сацыяльная забарона) ня п’е ў звычайным жыцці. Падобная “легітымізацыя” алкаголю нясе пэўную небяспеку – разуменне шкоднасці саступае традыцыям і пачуццю калектывізму. Нормай будзе лічыцца менавіта спажывання алкаголю, у той час як адмова ад яго – парушэннем заведзенага ладу. Пры гэтым асноўным з’яўляецца сам працэс распіцця алкаголю, ці нават проста факт яго наяўнасці на стале, а дасягненне ап’янення падаецца пабочным эфектам.

Мэтай артыкула з’яўляецца вызначэнне “рытуальных” рысаў у культуры спажывання алкаголю беларускага грамадства канца XIX – пачатку XX ст. і іх уплыву на ідэі цвярозасці і само стаўленне да алкаголю.

Матэрыял і метады. Артыкул пабудаваны на аналізе разнастайных крыніц, такіх як матэрыялы перыядычнага друку і публіцыстыкі, мастацкія творы, а таксама прац айчынных гісторыкаў, прысвечаных праблеме спажывання алкаголю ў беларускім грамадстве ў адзначаны перыяд. Выкарыстанне гісторыка-параўнальнага і гісторыка-сістэмнага метадаў дазволіла прааналізаваць розныя тыпы крыніц і выявіць характэрныя рысы спажывання алкаголю сельскім насельніцтвам Беларусі канца XIX – пачатку XX ст.

Вынікі і іх абмеркаванне. У беларускім грамадстве на мяжы XIX – XX ст. памеранае спажыванне алкаголю не лічылася адмоўнай з’явай, але пры гэтым і сам узровень спажывання, у параўнанні з іншымі рэгіёнамі Расійскай імперыі, быў дастаткова нізкі – у 1913 г. ён складаў 2,13 л бязводнага спірту на душу насельніцтва (сярэдні паказчык 5 губерняў – Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай), пры сярэднім па краіне ў 3,25 л [2, с. 21]. Значна адрозніваўся і ўзровень спажывання алкаголю сельскім і гарадскім насельніцтвам. У беларуска-літоўскіх губернях гэты паказчык складаў – 0,24 і 0,94 вядра 40° гарэлкі (1 вядро = 12,3 л), што адпавядае 1,18 і 4,62 л бязводнага спірту. Сярэдні паказчык па імперыі складаў 0,41 і 1,37 вядра адпаведна (2,02 і 6,74 л) [2, с. 21]. У сельскай мясцовасці насельніцтва, у пераважнай большасці, без уліку маргінальных элементаў, спажывала алкаголь па святах ды з нагоды значных падзей. Штодзённае п’янства было немагчымым з прычыны неабходнасці вядзення гаспадаркі і недахопу сродкаў. Для сялян, асабліва ў перыяд актыўных гаспадарчых работ, праблема баўлення вольнага часу не з’яўлялася

вельмі актуальнай з прычыны адсутнасці апошняга. Гараджане і месчачкоўцы ў асноўным з пралетарскай праслойкі, хатніх клопатаў часта былі пазбаўлены, а даступнасць гарэлкі і адсутнасць таных магчымасцей здаровага баўлення вольнага часу спрыялі росту спажывання алкаголю. У гарадскім асяроддзі часта адсутнічалі грамадскія і сямейныя абмежаванні, аўтарытэт бацькі-патрыярха ва ўмовах малой сям’і, якая пераважала ў гарадах, не дзейнічаў. Спажывалі алкаголь тут часцей, але ў вёсцы разавая доза была значна большай. Менавіта ў дачыненні да сельскага насельніцтва Беларусі адзначанага перыяду можна ўжыць тэрмін “рытуальнае спажыванне”.

Алкаголь прысутнічаў ў рытуалах, звязаных з адзначэннем важных момантаў жыцця – ад хрышчэння да пахавання – якія не абыходзіліся без святочнага стала. Алкагольныя традыцыі хрышчэння ў паэме “Кепска будзе” адзначаў Ф. Багушэвіч (1840–1900):

Гэтак мяне пахрысціўшы,
Вязуць назад ужо да маткі,
Вочы добра пазаліўшы,
Ледзьве ўняслі да хаткі.
Закусіўшы тут як трэба,
Пакумаліся, і квіта:
Баба ўзяла бохан хлеба,
Пляшку водкі, торбу жыта [3, с. 68].

Карэспандэнт “Нашай Нівы” Стары дзед Міхась адзначаў, што жыхары м. Здзітава (Слоніўскі павет) на хрышчэнне звычайна выпівалі 1–2 вядры гарэлкі [4, с. 4].

Значная колькасць гарэлкі спажывалася на вяселлях. Не абыходзіўся без гарэлкі і працэс дасылання сватоў. У камедыі К. Каганца (1868–1918) “Модны шляхціок” (1910) Якуб, сват Пранцішка, не можа ніяк прыступіць да справы і саромеецца, бо прыйшоў да бацькі Ганны без бутэлькі, а той сам частуе яго. Тое, што будучы жаніх не прыйшоў і забараніў несці гарэлку, сват называе “модай”, на што гаспадар адказвае: “Мода – модаю, а звычай – святое дзела” [5, с. 156]. Ад такога сватання нічога добрага ўжо і не чакалася, а вось сват Ігнася Андрэй з’явіўся па ўсіх традыцыях, што ў пэўнай ступені спрыяла шчасліваму фіналу [5, с. 166].

Частаванне гасцей на вяселлях патрабавала значных фінансавых сродкаў, улічваючы, што адзначалі некалькі дзён запар. Стары дзед Міхась апісваў норавы здзітаўцаў: “Запоіны – пасля сватоў, каштуюць ад 10 да 20 рублёў. Вяселлі святкуюць па 3–4 дні, а часам і тыдзень, адным швом дзень і ноч п’юць праклятую атруту. Затраты – у мужыка з сярэднім дастаткам – 30–40 руб., у заможнага – 80–100 руб.”. Пры свайскай гаспадарцы, якая дазваляла накрыць стол і забяспечыць гасцей закускай, амаль уся гэтая сума ішла на алкаголь [6, с. 2]. У в. Ставок (Пінскі павет) у 1908 г. “было ў прыходзе каля 49 вяселляў. Дзеля таго мужыкі пілі блізка цэлы месяц, чуць не да «вырве назад» як кажуць” [7, с. 7]. Спробы абмежаваць працягласць вяселляў

асаблівых поспехаў не мелі. “Гродзенскія епархіяльныя ведамасці” паведамлялі, што ў адным з прыходаў малады святар з мэтай абмежавання п’янства арганізаваў сход, які прыняў пастанову, што вяселле павінна адзначацца толькі 2 дні. Тыя, хто парушыць пастанову, павінны былі выплаціць штраф 5 руб., суму здавалі святару ў якасці залога пры вяччанні. Сход адзінагалосна пагадзіўся, але, калі прыйшоў час вясялляў, першыя не пажадалі здаваць грошы, чакаючы, што хтосьці падасць прыклад, наступныя спасылаліся на тое, што не плацілі першыя [8, с. 178].

Вяселле ж без алкаголю выклікала ў грамадства неадназначную рэакцыю. Аўтар выдання “Водка” (1907) А. Пшчолка (1869–1943) апісвае падобнае вяселле, арганізатарам якога ён з’яўляўся. Маці жаніха “ревмя-ревела, что они (маладыя. – М.С.) теперь пропадут на белом свете от стыда”. Суседзі здзівіліся: “Что это за веселье? Это чмур один, а не веселье; такое и житье будить у их, ежели и капли горелки у роте не будить!”. Бабы і старыя да святочнага стала з гарбатай не пайшлі, а тыя, хто быў, сварыліся: “Хварей их голова с их весельем, мы губы обпалили ихним чаем! Нам бы горелки!”. Адзін з вясцоўцаў – Лявон-чарадзея абяцаў зачараваць вясялле з прычыны, што яго не пачаставалі. Само вяселле скончылася ў 3 гадзіны пасля палудня, што таксама выклікала здзіўленне суседзяў [9, с. 15].

Традыцыю частаваць людзей на пахаваннях падтрымлівалі не толькі сяляне. У 1913 г. каля Радашковічаў на пахаванні пана Валадковіча яго сыны загадалі выдаць людзям гарэлкі “колькі хто хоча”. Справа скончылася смерцю аднаго селяніна, іншага ледзь уратавалі [10, с. 3]. У в. Вялікія Канюшаны (Лідскі павет): “Мужыкі, хаваючы нябожшчыкаў, прапіваюць многа грошэй, як на вяселлі, але падумаць аб доктары, каб ён лячыў хворых ніхто не хоча, кажуць дорога будзе каштаваць” [11, с. 6]. Селянін Мікіта Хват, былы работнік святара Е.П. на прапанову апошняга не купляць гарэлку і піва на пахаванне маці адказаў: “А як батюшкова маты померлы, то кулько горілкі і пыва переносів я от Гривца за трі дні? А кулько еше вина брали с погребца?! Правда, дешевша тогды была горилка, а все таки рубль на пятьдесят выпили тогды разных напитков. То як-же ж мужыку без горилки обйстись?!”¹ [12, с. 462].

А. Пшчолка паведамляў, што пры адсутнасці алкаголю (ці нязначнай яго колькасці) на памінках суседзі маглі і праігнараваць пахаванне. Бедны селянін Мікіта купіў на пахаванне бацькі 2 кварталы гарэлкі (*тут 1 кварта = 1/20 вядра ці 0,615 л.* – М.С.) і ў выніку “пришли на похороны только три мужины да две бабы. Чуть-чуть Янка с Григором согласились домовину построить, да яму вырыть” [9, с. 3]. Такія паводзіны суседзяў даволі цынічныя, таму паўстае пытанне аб тым, наколькі была пашырана падобная практыка.

Спажыванне алкаголю на святах з’яўлялася ва ўсведамленні часткі грамадства неад’емным атрыбутам, адсутнасць якога парушала заведзены лад. Ва ўмовах забарончых мер Першай сусветнай вайны гэта ў пэўнай ступені паспрыяла росту самаганаварэння і вытворчасці алкагольных сурагатаў. Працэс усведамлення новых умоў жыцця добра адлюстраваны ў апавяданні “Браварнічы” (1914) Язэпа Гаротнага, галоўны персанаж якога вырашае выгнаць спірт з палітурнага лака напярэдадні Дзядоў: “Заўсёды свята праводзілася сваім звычайным парадкам... Збіраюцца грошы. Нясуць папу; ён адбывае “закупную” імшу. Моляцца за нябожшчыкаў. Потым... П’юць па чарцы – зноў за нябожшчыкаў. Закусваюць і п’юць. Халімон – хоць ён і не горкі п’яніца – першы раз у жыцці адчуў, як яму дорага чарка гарэлкі” [13, с. 3].

Спажыванне алкаголю было часткай камунікацыйнага працэсу, гарэлку часцей спажывалі калектывна – на талацэ, кірмашах, пад час сходаў.

Адзін з лідараў цвярозага руху ў Расійскай імперыі Д. Булгакоўскі (1843 – пасля 1918), які доўгі час служыў святаром на тэрыторыі Беларусі, у адным са сваіх дакладаў пазначаў: “Весьма распространён также между духовенством обычай приглашать прихожан в один из праздничных или воскресных дней на так называемую “помочь”: на жниво, покос, молотьбу. Помочан, обыкновенно, священник угощает вином, конечно и сам выпивает при этом случае. Не пить, угощая, не принято” [14, с. 34].

Цікавая традыцыя адзначалася ў вёсцы Прысёлкі (Мінскі павет): “Як толькі прыйдзе якое свята, дык усе збіруцца да аднаго гаспадара, садзяцца каля стала, а той выносіць кварту-дзве гарэлкі. На другое свята пераходзяць да другога, і так праз усю вёску, а калі ў свята не ўсе сабраліся, то з раніцы прыходзяць снедаць” [15, с. 4].

Важнай падзеяй з’яўляліся валасныя сходы, пад час якіх збіраліся мясцовыя гаспадары. Для занятых індывідуальнай гаспадаркай людзей валасны сход даваў магчымасць сустрэцца з вясцоўцамі, пагутарыць у вольны час.

Прысутнічаў на сходах і алкаголь, негледзячы на тое, што законам забараняўся продаж гарэлкі ў гэты дзень. Распіццё адбывалася на месцы, без разліву па чарках і закусці. Такі сход апісвае ў апавяданні “Выбаршчык Андрэй” (1907) Якуб Колас (1882–1956): “Мужыкі нецярпліва чакалі Андрэя з выбараў. На трэці дзень, калі Андрэй павінен быў прыехаць дадому, цэлая грамада мужыкоў у доўгіх кажухах, з люлькамі высыпала на вуліцу каля манаполькі і шумела, як лес у вечер. А як рабіць тут не было чаго, то сяды-тагды можна было чуць, як стукала саракоўка (*1/40 вядра ≈ 0,3 л.* – М.С.) аб тоўстую мазолістую руку і як галгата-ла гарэлка, пераліваючыся проста з бутэлькі ў мужыцкае горла. Тут былі і такія, што паспелі налізацца і спявалі песні. А Антось Байбак нават пайшоў у скокі і баранаваў пясок на вуліцы старымі ботамі, на якіх не хапала аднаго абцаса” [16, с. 671].

¹ Захавана арфаграфія арыгінала.

У Я. Коласа прысутнічае і апісанне распіцця гарэлки на кірмашы. Галоўны герой апавядання “Кірмаш” (упершыню было апублікавана пад псеўданімам Тарас Гушча) Пятрусь бачыць такую карціну: “Ешчэ большая грамада народу стаяла каля дому з вывескаю: «Казённая вінная лаўка № 67». Тут былі бабы і мужчыны. Хто выбіваў корак с кварты, с поўкварты ($1/2$ кварты = $1/40$ вядра $\approx 0,3$ л. – М.С.), а хто, адварнуўшыся ад людзей, каб не сароміць іх, з маленькага кручка ($1/100$ вядра ≈ 120 г. – М.С.). З дваццаць мужыцкіх галоў было задрана ў гару так, што нос прыходзіўся як раз проці самой сярэдзіны неба. Хто піў з вялікай бутэлькі, той трымаўся сьмела: становіўся на самае віднае месца, падпіраў адну руку бок і важна цягнуў гарэлку. А калі хто ішоў з «буслам» ($1/4$ вядра ≈ 3 л. – М.С.), прад тым мужыкі разступаліся і давалі дарогу, як якому спраўніку” [17, с. 50–51]. Дадзены ўрываек цікавы па некалькіх прычынах. Па-першае, гэта факт публічнага распіцця гарэлки жанчынамі. Для традыцыйнага грамадства гэта было выключнай з’явай. Аднак змены ў структуры гандлю алкаголем – дамінаванне вынаснаго продажу праз сістэму казённых вінных крам (манаполек) – і сацыяльныя працэсы другой паловы XIX – пачатку XX ст. прывялі да таго, што дадзеная карціна не выклікала абурэння і асуджэння ў масавай свядомасці. Па-другое, адзначаная градацыя прысутных па прынцыпу тары. Той, хто мог сабе дазволіць патраціць больш грошай на алкаголь, трымаўся з годнасцю і заслугоўваў “павагу” іншых. Што датычыцца самога героя апавядання, то ён, напіўшыся на кірмашы, ледзь не страціў каня і даў зарок не піць гарэлку [17, с. 54].

Традыцыі “рытуальнага” спажывання алкаголю аказвалі ўплыў на адносіны беларускага насельніцтва да ідэі абсалютнай цвярозасці. Так аграном В. Бруноўскі ў лісце да епіскапа Мінскага Мітрафана прапаноўваў замяніць пункт 3 Статута таварыства цвярозасці пры Аршанскай саборнай Уваскрасенскай царкве, які вызначаўся як тыповы для Мінскай губерні. Зыходны варыянт: “не будет пить вина, водки, пива и вообще ничего хмельного” на “даёт клятвенное обещание перед Господом Богом, что всеми мерами и силами и всем своим помыслом будет воздерживаться от потребления напитков, опьяняющих тело, поганяющих душу, твёрдо памятуя, что пьяницы Царства Божия не наследуют и что в одной рюмочке есть зло” [18, с. 8]. Дадзеная мера тлумачылася тым, што сяляне не жадаюць уступаць у таварыствы з прычыны катэгарычнай клятвы не браць у рот спіртнога. Жыхары м. Горкі ў 1914 г. тлумачылі свае адносіны да мясцовага таварыства цвярозасці наступным чынам: “Пыталі, чаму не запісваюцца, адказваюць – без гарэлки жыць нельга, трэба піць яе на хрэсьбінах, памінках, хаўтурах, барышах, хрэсным ходзе, і іншы раз купіўшы, ці прадаўшы. Іншыя кажучь – калі не піць – то ўсім. Тады яе і рабіць не трэба” [19, с. 4]. Колькасць зафіксаваных на тэрыторыі Беларусі таварыстваў цвярозасці ў пачатку

XX ст. была значна ніжэйшай за сярэдні паказчык па Расійскай імперыі, пры гэтым значная колькасць членаў таварыстваў давала абет ўстрымання толькі на пэўны перыяд [20, с. 110].

Заклучэнне. Такім чынам, спажыванне гарэлки сельскім насельніцтвам Беларусі напрыканцы XIX – пачатку XX ст. можна ахарактарызаваць як “рытуальнае”. Яго рысамі з’яўляліся спарадычнасць – спажыванне з нагоды ўрачыстасцей; калектывізм – алкаголь выступаў у якасці дапаможнага інструмента камунікацыі; дастаткова вялікая, часам празмерная, разавая доза; усведамленне бяшкоднасці памераннага спажывання алкаголю і недавер да ідэі абсалютнай цвярозасці. Пры гэтым п’янства на вёсцы мела пераважна пабытовы характар і не было сацыяльнай з’явай, аднак далейшыя падзеі XX ст. спрыялі алкагалізацыі грамадства.

Літаратура

1. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд.-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
2. Протьюко, Т.С. В борьбе за трезвость / под ред. М.О. Бича. – Минск: Наука и техника, 1988. – 165 с.
3. Багушэвіч, Ф. Выбранныя творы / Ф. Багушэвіч; уклад. з тэксталагіч. падрыхт., прадм. і камент. Язэпа Янушкевіча. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 445 с.
4. Наша ніва. – 1912. – № 8.
5. Каганец, К. Творы / Карусь Каганец [Уклад., прадм. і камент. С. Александровича]. – Мінск: Маст. літ., 1979. – 264 с.
6. Наша ніва. – 1913. – № 23.
7. Наша ніва. – 1908. – № 31.
8. Свящ. N.N. Благое начинание и печальный конец // Гродненские епархиальные ведомости. – 1912. – № 16/17. – С. 177–178.
9. Пшчёлко, А.Р. Водка (ответ крестьянам) / А.Р. Пшчёлко. – Вильно: Типография «Русский почин», 1907. – 22 с.
10. Наша ніва. – 1913. – № 11.
11. Наша ніва. – 1908. – № 6.
12. Е.П. «Врачу, исцелися сам!» // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 42.
13. Наша ніва. – 1914. – № 45.
14. Скидан, В.И. Народ против пьянства / В.И. Скидан. – Минск: Наука и техника, 1988. – 77 с.
15. Наша ніва. – 1910. – № 37.
16. Колас, Я. Выбранныя творы / Я. Колас; уклад., прадм., камент. М. Тычыны. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – 720 с.
17. Гушча, Т. Апавяданьня / Т. Гушча. – Вільня: Друкарня “Прамень”, 1912. – 63 с.
18. Бруновский, В.Х. Согласие против пьянства и агрономическая помощь сельскому населению Минской губернии. – Минск: Электротипография С.А. Некрасова, 1914. – 8 с.
19. Наша ніва. – 1914. – № 5.
20. Мянчэня, С.В. Станаўленне таварыстваў цвярозасці на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С.В. Мянчэня // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч. конф., Пинск, 30 нояб. – 1 дек. 2018 г. / Полес. гос. ун-т; под ред. Р.Б. Гагуа. – Пинск: ПолесГУ, 2018. – Вып. 3. – С. 105–110.

Паступіў у рэдакцыю 28.09.2020

Социально-экономическое положение православного приходского духовенства в белорусско-литовских губерниях на страницах журнала «Вестник Западной России»

Пигуль И.В.

Учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», Минск

Социально-экономическое положение православного приходского духовенства в 60-х гг. XIX в. до сих пор является одной из малоизученных страниц в истории Русской православной церкви.

Цель данной статьи – проанализировать социально-экономическое положение православного духовенства белорусско-литовских губерний в период либеральных реформ Александра II на основе материалов, представленных в региональном журнале «Вестник Западной России».

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе статей, напечатанных в журнале «Вестник Западной России», в которых освещались различные аспекты социально-экономического положения православного приходского духовенства белорусско-литовских губерний в 60-х гг. XIX в. В работе были использованы историко-описательный, историко-географический, историко-системный и статистический методы.

Результаты и их обсуждение. К наиболее обсуждаемому на страницах издания «Вестник Западной России» вопросу относилась материальная необеспеченность духовенства, влиявшая как на его пастырскую деятельность, так и социальный статус. С целью решения проблемы низкого уровня материального обеспечения духовенства, авторами статей был внесен ряд предложений, включавших: сохранение и повышение жалования духовенства, увеличение земельных наделов, создание епархиальных фондов помощи бедным духовного звания. Серьезное влияние на социальное положение священнослужителей оказывала проводимая администрацией белорусско-литовских губерний политика, имеющая ряд особенностей.

Заключение. Авторы статей журнала сходились во мнении, что большая независимость священника от материального обеспечения позволит ему усерднее вести миссионерскую, просветительскую и богослужебную деятельность на приходе. В социальном положении православного приходского духовенства на территории белорусско-литовских губерний также наметились положительные сдвиги к упрочнению его позиций в связи с усилением оказываемой государственной поддержки. Как показало дальнейшее развитие событий, социально-экономическое положение духовенства белорусско-литовских губерний продолжило оставаться сложным и сохранило свою актуальность как темы для дискуссий вплоть до начала XX в.

Ключевые слова: приходское духовенство, социальное положение, экономическое положение, журнал «Вестник Западной России», белорусские губернии, литовские губернии.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 53–58)

Social and Economic Situation of the Orthodox Parish Clergy in Belarusian-Lithuanian Provinces According to Journal “Herald Of Western Russia”

Pigul I.V.

Education Establishment “National Institute for Higher Education”, Minsk

The social and economic situation of the Orthodox parish clergy in the 60s of the XIX century is still one of the little-studied pages in the history of the Russian Orthodox Church.

The purpose of this article is to analyze the social and economic situation of the Orthodox clergy of Belarusian-Lithuanian provinces during the liberal reforms of Alexander II on the basis of materials presented in the regional journal “Herald of Western Russia”.

Material and methods. The research was carried out on the basis of articles published in the journal "Herald of Western Russia", which covered various aspects of the social and economic situation of the Orthodox parish clergy of Belarusian-Lithuanian provinces in the 60s of the XIX century. The historical and descriptive, the historical and genetic, the historical and system and the statistic methods were applied.

Findings and their discussion. The most discussed on the pages of the "Herald of Western Russia" issue was the material insecurity of the clergy, which affected both their pastoral activities and social status. In order to address the problem of the low level of material security for the clergy, the authors of the articles made a number of proposals, including: maintaining and increasing the salaries of the clergy; increasing their land holdings, creating diocesan funds to help the poor of the spiritual rank. A serious impact on the social position of clergy was made by the policy of the Belarusian-Lithuanian provincial administration, which had a number of features.

Conclusion. The authors of the journal articles agreed that the greater independence of the priest from material support would allow him to work harder to conduct missionary, educational and liturgical activities in the parish. In the social situation of the Orthodox parish clergy in the territory of Belarusian-Lithuanian provinces, there were also positive changes to strengthen their positions due to the state support. As the further development of events showed, the social and economic situation of the clergy of Belarusian-Lithuanian provinces continued to be difficult and remained relevant as a topic for discussion until the beginning of the XX century.

Key words: parish clergy, social status, economic status, journal, Herald of Western Russia, Belarusian provinces, Lithuanian provinces.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 53–58)

Социально-экономическое положение православного приходского духовенства в 60-х гг. XIX в. до сих пор является одной из малоизученных страниц в истории Русской православной церкви. Следует отметить, что в современной российской историографии этот вопрос активно исследуется на примере отдельных епархий и губерний Российской империи [1; 2]. Однако применительно к истории приходского духовенства белорусско-литовских губерний аналогичных исследований до последнего времени не проводилось, что обуславливает актуальность обращения к этой проблеме.

В целях изучения социально-экономического положения православного духовенства белорусско-литовских губерний в период либеральных реформ Александра II особый интерес представляет обращение к материалам региональных печатных изданий. Именно церковная и светская периодика являлась той площадкой, благодаря которой православное духовенство не осталось в стороне от публичного обсуждения актуальных проблем церковной жизни, а также выработки возможных вариантов их решения. Примером подобного издания может служить журнал «Вестник Западной России», издававшийся с 1862 по 1870 г. под редакцией К.А. Говорского.

Цель статьи – проанализировать социально-экономическое положение православного духовенства белорусско-литовских губерний в период либеральных реформ Александра II на основе материалов, представленных в региональном журнале «Вестник Западной России».

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе статей, напечатанных в региональном журнале «Вестник Западной России», в которых освещались различные аспекты социально-экономического положения православного приходского духовенства белорусско-литовских губерний в 60-х гг. XIX в. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности, были использованы такие методы исторического по-

знания, как историко-описательный, историко-генетический, историко-системный, статистический.

Результаты и их обсуждение. Анализ статей в журнале «Вестник Западной России» свидетельствует, что к наиболее обсуждаемому на страницах этого издания вопросу относилась материальная необеспеченность духовенства, влиявшая на его пастырскую и иную деятельность, социальный статус.

Центральной проблемой в положении православного духовенства являлся уровень материального обеспечения священников. Так, С. Еремеев в своей статье «По делу об улучшении быта православного духовенства в западных губерниях» [3, с. 121] обращает внимание на то, что улучшение социально-экономического состояния православного приходского духовенства должно проводиться одновременно несколькими путями. Вместе с улучшением материального обеспечения духовенства необходимо улучшить его социальное положение. Для этого «надо поставить его в приличное ему положение, и прежде всего, нужно, чтобы оно находилось со своими прихожанами и с целым обществом в самом близком единении, без всякой претензии на господство и чиновничество без кастовой изолированности, без ригористического и ревнивого отделения интересов жизни от обязанностей религии» [3, с. 124]. На страницах журнала отмечалось, что без «материальных средств не может духовенство ни удовлетворительно проходить прямой своей обязанности; ни содействовать правительству в народном, нравственно-религиозном образовании; ни пользоваться необходимым влиянием и значением в обществе» [4, с. 135].

Традиционно семьи священников были большими и включали в себя обоих родителей и не менее пяти-шести детей разного возраста. Все они вынуждены были сами заниматься домашним хозяйством. Одним из основных источников к существованию являлся земельный надел, который нуждался в обработке, так как средств на наем работников в семье зачастую не было. Обязанность для прихожан обрабатывать опре-

деленное количество церковной земли была утверждена постановлением от 20 июля 1842 г., но не всегда выполнялась. Как правило, исполнение повинности зависело от воли помещика или от желания самих крестьян. Вследствие этого церковная земля обрабатывалась нерегулярно и несвоевременно.

После отмены крепостного права ситуация стала еще сложнее, так как данная повинность ушла в прошлое, а цены на труд вольнонаемных работников значительно выросли. Осложняло материальное положение священства и то, что в отличие от растущих цен на товары и услуги первой необходимости, государственное жалование приходского священника не менялось десятилетиями и на момент 1860-х г. было небольшим [4, с.136]. Доход с треб также был незначительным и не фиксированным.

Условный бюджет семьи сельского приходского священника, который приведен в статье «К вопросу об улучшении быта православного духовенства в западном крае России», подтверждает сложное материальное положение православного приходского духовенства в белорусских губерниях [4; 5]. Расчеты были сделаны с учетом максимально возможного жалования священника на приходе, доходов с обработки земли и поступлений от треб. Так, годовой доход сельского священника складывался из: жалования в размере 180 руб., дохода с обработки земли в 80 руб. и поступлений от треб в 50 руб. Таким образом, священник получал 310 руб. на хорошем приходе. Для поддержания своего домашнего хозяйства в надлежащем состоянии и оплаты наемной прислуги ему приходилось выделять из бюджета примерно 150–155 руб. Оставшихся 160 руб. едва хватало на нормальное существование большой семьи, и это не учитывая таких обстоятельств, как болезни, оплаты учебы детей и др. Следует отметить, что все вышеперечисленное отрицательно сказывалось на исполнении духовенством своих обязанностей. В частности, вместо исполнения пастырского долга духовенству приходилось «усердно заниматься хозяйством, т.е. обработкой земли, скотоводством» и «должны наполовину походить на простого пастуха и землепашца» [4, с. 137].

Несколько хуже выглядела ситуация для большей части городского духовенства белорусских губерний. Городской священник получал больший годовой доход, чем сельский (400 руб. против 310 руб. в сельской местности). Доход складывался из государственного жалования в 180 руб., платы за аренду церковной земли в 100 руб. (где эта земля при церквях имела) и поступлений от треб в 120 руб. Тем не менее городской священник оказывался в еще более бедственном материальном положении в связи с возросшим количеством статей его расходов. Так, затраты только на пропитание семьи в год составляли минимально 180–185 руб. Прибавив к этой сумме оплату квартиры, ее отопление, освещение и наем работника в помощь, минимальные расходы доходили до 412 руб., что было больше получаемых священником доходов. При этом

в подсчетах не учитывалась сумма в 110–120 руб. на одежду семьи, оплату за обучение детей и иные дополнительные нужды. Таким образом, для приемлемого существования семьи священника в городе требовалось минимум 520 руб. в год. Подобное несоответствие вынуждало представителей духовенства экономить на различных статьях расходов, что негативно сказывалось на возможности исполнения ими своих прямых обязанностей и приводило к сложностям во взаимодействии с обеспеченной частью паствы. Так, отмечалось: «Приди священник к порядочному купцу в сальных сапогах, да в поношенной рясе, – так и получит за поздравление 5 коп., и садиться не попросят, и подумают, что священник такой да сякой» [5, с. 114]. Сложившимся обстоятельствам в различии жизни сельского и городского священника дается следующая характеристика: «В селах гораздо выгоднее жить духовенству, чем в городах. Малосемейным, в хороших сельских приходах, почти что достаточно и теперешнего содержания, – а недостаточно разве что для тех, у кого слишком велико семейство, например, в 8–15 душ, или много детей содержится на родительский счет в учебных заведениях» [5, с.116].

Сложным было положение и просфоринь (вдов священников), а также «бедных духовного звания». К последней категории относились не только бедные священники, но и сироты священнослужителей, а также вышедшее за штат по возрасту и болезни духовенство. Со смертью мужа вдова священника могла рассчитывать на должность просфорини на приходе и, кроме того, на небольшой земельный надел, который был основным средством к существованию. Облегчению жизни семьи вдового священника способствовало небольшое пособие от государства на детей (льготы на оплату обучения), скромные отчисления из епархиального попечительства. Пенсия по выслуге лет полагалась священникам, прослуживших на приходе от 25 до 50 лет и уволенных за штат. Так, при разверстке приходских штатов в 1842 г. предусматривалось, что 2% от жалования священства подлежит отчислению в пенсионный фонд при епархии. Это ставило в зависимость величину пенсии духовенства от наполнения епархиальных касс. Начиная с 1866 г., священникам со служебным стажем в 35 лет начислялась пенсия в 90 руб., а их вдовам – 65 руб. [6, с. 230].

Сложнее обстояло дело с вышедшим за штат по болезни духовенством, которое порой, несмотря на долгую и безупречную службу, не получало никаких пособий. В этом случае такой священник оказывался вовсе без средств к существованию.

С целью улучшения бедственного материального положения приходского духовенства авторами статей предлагалось предпринять ряд мер. Так, С. Еремеев в своей статье видит один из способов изменения быта духовенства в сохранении его штатного содержания и земельного надела с угодьями «с фиксированным годовым доходом в 200 руб.». В случае, если собственником земли является крестьянин или помещик, данная сум-

ма должна была стать обязательным пожертвованием [3, с. 125].

Примерно такая же сумма (240 руб. годового жалования) указывается и в статье «К вопросу об улучшении быта православного духовенства в западном крае России» [4, с. 144]. Однако в ней не поддерживается идея увеличения земельного надела прихода, так как это приведет к пренебрежению священником своими прямыми служебными обязанностями. В то же время полное лишение духовенства земельных наделов является неприемлемым, так как земля для сельского духовенства выступала своеобразным спасательным кругом в случае резкого увеличения цен на товары и услуги первой необходимости, в противоположность духовенству городскому, такой возможности не имевшей [4, с. 138].

Улучшению государственного обеспечения духовенства должны были способствовать и изменения в порядке начисления и выдачи жалования священникам. Предполагалось, что жалование должно было выделяться не раз в полугодие, а каждые три месяца. При этом оно должно было выдаваться напрямую из казны, исключая из цепочки посредников благочинных [4, с. 144].

Еще одной предлагаемой мерой по общему улучшению быта сельского духовенства, а также предотвращению его миграции на более многочисленные (а значит и прибыльные приходы), было обеспечение всех приходов равным жалованием. Этой цели служила и идея уравнивания количества прихожан на один приход [4, с. 141].

В целях переноса внимания духовенства на «осуществление мысли правительства касательно нравственно-религиозного образования народа» советовалась замена повинности обработки церковной земли (которая была характерна для белорусско-литовских губерний и являлась больше предметом споров, нежели источником доходов) хлебной ссыпкой в пользу причта. Взамен прихожанам давалась возможность пользоваться приходской землей. При этом в ведении священника должно было оставаться 8 десятин земли, что считалось более чем достаточным для его повседневных нужд [4, с. 143]. Для улучшения быта священника предлагалось предоставлять на работы по хозяйству за умеренную плату прихожан из безземельных крестьян. Вышеназванные проекты должны были работать одновременно.

Обращалось внимание на меры по облегчению материального положения просфоринь и бедных духовного звания. В отношении просфоринь планировалась передача в их собственность около десятины земли на огороды, увеличение жалования и отпуск хлеба как для причта церкви; отнесение вдов священников к разряду бедного духовенства с назначением им материальной помощи. В каждой епархии предлагалось учредить фонд помощи (из денег самих причтов), создать комитет из наиболее доверенных священников, почетной службой которых было бы распределение средств для бедных духовного

звания (выплата пособия сиротам, бедным священнослужителям, молодым священникам и т.д.) [5, с. 110].

Между тем неудовлетворительное материальное положение священнического сословия часто усложняло его социальное взаимодействие с иными сословиями белорусско-литовских губерний. Это относилось как к высшему сословию, так и к крестьянству.

Особенностью белорусско-литовских губерний было то, что к началу 60-х гг. XIX в. подавляющее большинство представителей поместного дворянства были католиками. Согласно законодательству Российской империи, до отмены крепостного права, помещик фактически и юридически был собственником населявших его землю крестьян. Священник также находился в зависимости от помещика, так как у второго было достаточно власти, чтобы определять отношения между духовенством и крестьянами. Характеризуя сложившуюся ситуацию, И.К. Смолич отмечает, что священнослужитель «не только фактически был подвластен дворянину-помещику, но и в общественном отношении стоял ниже его» [6, с. 232]. В условиях, когда основные материальные богатства губерний принадлежали помещикам католического вероисповедания, губернская власть (как светская, так и церковная) мало чем могла помочь православному духовенству в решении его повседневных бытовых проблем. Поэтому священники нередко вынуждены были «унижаться перед местными помещиками, и тем самым роняли свой авторитет в глазах своих прихожан» [7, с. 224]. Восстание 1863–1864 гг. показало ошибочность предыдущего политического курса губернской администрации, основанного на стремлении обрести в лице местных помещиков социальную опору для управления краем. Дворянство белорусско-литовских губерний больше не воспринималось администрацией как надежный оплот государственной власти.

Местной администрацией во главе с генерал-губернатором М.Н. Муравьевым был принят ряд мер по ограничению польского влияния в различных сферах жизни губерний [8]. С целью уменьшения зависимости православного духовенства от польских помещиков и интеллигенции, по настоянию М.Н. Муравьева, в 1864 г. было издано высочайшее повеление «Об увеличении средств православного духовенства в губерниях»: на шесть губерний правительством дополнительно было выделено 400000 руб. ежегодной прибавки к жалованию священника (жалование городского священника составляло 400 руб., а сельского – 220 руб.) [9, с. 24]. С этой же целью был издан указ от 10 декабря 1865 г., который запрещал лицам католического вероисповедания покупать на публичных торгах имения, расположенные на территориях белорусских и литовских губерний. При этом преимущество при продаже должно было отдаваться русской интеллигенции и крестьянам православного вероисповедания. Однако выполнение данного указа было сопряжено с рядом трудностей. В статье неизвестного автора «Несколько соображений, вызываемых современным положением

Западной России» [10, с. 62] среди приемов, которые использовались польскими помещиками для затруднения и предотвращения продажи имений, были: подставные участники торгов, затягивание процесса продажи, перепродажа имения по заниженной стоимости (до 2/3 от оцененной) польским родственникам владельца и т.д. Не редки были ситуации, когда явившись на публичные торги, чтобы купить выставленное на продажу за долги имение, покупатели обнаруживали, что долг уже погашен, а имение снято с продажи. Путаница в отчетности достигла таких масштабов, что даже покупка имения не гарантировала его владения. Показателен пример купца, купившего с Публичных торгов в Петербурге имение площадью 14000 десятин. После 5 месяцев владения имением, затраченных на его благоустройство сил и средств и заключенных контрактов, торги были признаны недействительными, а имение отнято. По мнению автора статьи, «если допущена публикация о продаже имения, то эта продажа непременно должна состояться; иначе покупатели русские будут иметь законный повод к нареканию на введение их в обман и разорение» [10, с. 64]. Например, по состоянию на 1869 г. из предлагаемых к продаже 50 имений белорусско-литовских губерний было продано 19, а из 117 имений, выставленных за долги на продажу, сменили владельцев всего 29.

Передача имений чиновникам на льготных условиях также не принесла желаемого результата. Большинство имений было роздано служащим, которые жили на удалении от новых владений в сотни верст, поэтому «как и кем эксплуатируются имения, в которых не живут сами хозяева, вопрос этот не лишен интереса и поучительности» [10, с. 65].

Не способствовали проведению политики губернской администрации и имеющиеся злоупотребления в сфере кредитования. Созданное на казенные деньги Общество взаимного поземельного кредита выдавало нуждающимся ссуду на приобретение наделов в Западной России под процент выше, чем в Центральной. Взяв ссуду на покупку имения, помещик вынужден был платить больше: ссудополучатели «не долго будут в состоянии выносить бремя процентов, далеко превышающих производительность их имений» [10, с. 66].

В результате проведения подобной политики губернской администрацией к 1869 г. количество помещиков не польского происхождения достигло 841, они владели 915 имениями, площадь которых составляла 932363 десятины земли. В то же время сообщалось, что 8450 имений площадью 7758972 десятины принадлежали 13601 польскому помещику [10, с. 61]. Приведенные цифры позволяют сделать вывод о том, что администрацией края лишь частично были достигнуты поставленные цели.

Вместе с тем изменение политики и увеличение государственной поддержки способствовали улучшению социального положения православного приходского духовенства.

Важным фактором в жизни крестьянина была ее религиозная составляющая. В статье «Несколько соображений, вызываемых современным положением Западной России» отмечено следующее: «Составляя душу народа, управляя его умом и волею, религия составляет главнейший рычаг его деятельности семейной, гражданской, социальной и нравственной» [11, с. 59]. Среди населения белорусско-литовских губерний преобладали представители православного, римо-католического и греко-католического вероисповедания. Задача православного духовенства после восстания 1863 г. заключалась в усилении миссионерской деятельности, с целью увеличения количества добровольных переходов униатов в православие: «Что бы западная Россия сделалась снова страной вполне русской, она должна сделаться страной, по преимуществу, православной» [10, с. 67]. Особое внимание следовало уделять материальным подтверждениям точки зрения православной миссии: «Народная память, церковные документы, могилы отцов и дедов доставят православному миссионеру богатый материал для проповеди и подспорье для воздействия на умы слушателей» [10, с. 69]. Не малое влияние на жизнь и быт местного населения оказывало открытие церковноприходских школ при церквях. «Западно-русское православное духовенство вообще и местные архипастыри, в особенности, раньше и энергичнее других озаботились народным образованием: так как невежество (народа), предрассудки и суеверия полагали непреодолимую преграду успехам миссии православных пастырей» [11, с. 56].

Общее нравственное состояние местного населения выделялась даже на собраниях Императорского географического общества: «В западных губерниях вообще преступность слабее, чем в Центральных» [11, с. 57]. Для белорусского крестьянина были характерны следующие черты: редкое трудолюбие, сдержанность, бережливость: «Здесь мужик скупей и практичней других своих собратий, пользуется плодами свободного труда и избытком своей производительности» [11, с. 57]. Отмечается, что несмотря на сложности с низкоурожайностью земли, оплатой выкупных платежей и другими причинами, местные крестьяне не только не испытывали нужду и голод, но и имели свободные деньги [11, с. 58].

Благосостояние священника напрямую зависело, в том числе, от платы за требы (экономическое положение крестьян в разных губерниях было неодинаковым). Кровная заинтересованность священника в максимально возможной оплате треб и восприятие его только как исполнителя религиозных обрядов, отрицательно сказывалось на их взаимоотношениях с крестьянством. Тем не менее, священнику необходимо было иметь с крестьянами доброжелательные отношения, так как конфликты с паствой, в особенности с теми ее представителями, которые имели вес на приходе, несли для священника негативные последствия. По этому поводу в статье «Несколько соображений, вызываемых современным положением Западной

России» отмечается, что «в одной роли требоисполнителя, священник не может иметь того значения в глазах народа... как единственной на приходе интеллигенции, как ближайшему... руководителю народа в различных проявлениях его жизни» [11, с. 63] Данные обстоятельства приводили к тому, что духовенство не могло оказывать должного влияния на паству, а значит, не выполняло свою миссию в полной мере [6, с. 231].

Заключение. Таким образом, публикации на страницах журнала «Вестник Западной России» показывают, что основной проблемой приходских священников считалась их материальная необеспеченность. В качестве первоочередных мер по улучшению положения предлагались: сохранение и повышение жалования духовенству, увеличение земельных наделов, формирование фондов помощи бедным духовного звания, комитетов. Авторы статей журнала сходились во мнении, что большая независимость священника от материального обеспечения позволит ему усерднее вести миссионерскую, просветительскую и богослужебную деятельность на приходе. В социальном положении православного приходского духовенства на территории белорусско-литовских губерний также наметились положительные сдвиги к упрочнению его позиций в связи с усилением оказываемой государственной поддержки. Как показало дальнейшее развитие событий, несмотря на проведенные реформы и принятые штаты 1869 г. [12], социально-экономическое положение духовенства белорусско-литовских губерний продолжило оставаться сложным и сохранило свою актуальность как темы для дискуссий вплоть до начала XX в.

Литература

1. Иконников, С.А. Материальное обеспечение приходского духовенства Центрально-Черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.А. Иконников. – Воронеж, 2019. – 625 с.
2. Грабко, М.Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Е. Грабко. – М., 2015. – 278 с.
3. Еремеев, С. По делу об улучшении быта православного духовенства в западных губерниях / С. Еремеев // Вестн. Юго-Западной и Западной России. – 1864. – Т. 3, кн. 7. – С. 121–130.
4. К вопросу об улучшении быта православного духовенства в западном крае России // Вестн. Западной России. – 1865–1866. – Т. 1, кн. 1. – С. 134–144.
5. К вопросу об улучшении быта православного духовенства в западном крае России (окончание) // Вестн. Западной России. – 1865–1866. – Т. 2, кн. 4. – С. 109–119.
6. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. / И.К. Смолич. – Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 652 с.
7. Кривонос, Ф. прот. Православная церковь Беларуси в период ее вхождения в состав Российской империи (конец XVIII – начало XX в.): краткий исторический обзор / прот. Ф. Кривонос // Труды Минской Духовной Академии. – 2012. – № 10. – С. 217–232.
8. Куриленко, В.М. Меры царской администрации по разрешению «польского вопроса» в Северо-Западном крае в 1864–1870 гг. по данным российских журналов 60–90-х гг. XIX в. / В.М. Куриленко // Науч. стремления. – 2015. – № 15. – С. 9–13.
9. Виленские очерки 1863–1865 гг. (окончание) // Русская старина. – 1884. – Т. 41. – С. 21–66.
10. Несколько соображений, вызываемых современным положением Западной России // Вестн. Западной России. – 1869. – Т. 1, кн. 3. – С. 58–72.
11. Несколько соображений, вызываемых современным положением Западной России (окончание) // Вестн. Западной России. – 1869. – Т. 2, кн. 5. – С. 55–66.
12. Новые штаты для православного духовенства западной России // Вестн. Западной России. – 1870. – Т. 3, кн. 9. – С. 131–136.

Поступила в редакцию 21.10.2020.

Беларусь в первой четверти XX ст.: противоречия при становлении белорусской национальной государственности

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Раскрываются предпосылки и закономерности процесса становления и развития белорусской национальной государственности в контексте глобальных геополитических изменений и трансформаций на белорусских землях в первой четверти XX ст.

Цель работы – выявить и дать оценку деятельности основных политических групп и их лидеров по реализации идеи белорусской национальной государственности, что является высшей точкой политического, социально-экономического и культурного развития любого этноса; объяснить целесообразность вхождения Беларуси в состав СССР.

Материал и методы. *Анализу подвергнут обширный историографический и источниковедческий материал, раскрывающий политическую историю белорусского народа в период становления национальных форм государственности. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности и социальности.*

Результаты и их обсуждение. *Политическая история Беларуси в начале XX ст. неотделима от эпохальных событий, которые наблюдались в Российской империи. Настойчивость прогрессивных политических сил при создании ССРБ привела к качественно новому этапу в становлении белорусского государства. Был создан прочный фундамент, который выдержал испытание на более чем столетнем временном отрезке.*

Заключение. *Национально-государственное строительство в Беларуси после Октября 1917 г. встретилось с серьезными трудностями. Борьба между сторонниками создания самостоятельного белорусского государства и их оппонентами, по мнению которых эпоха национальных государств отошла в прошлое, носила острый характер. В итоге длительного и упорного противостояния политических сил, гибкой политики большевиков в национальном вопросе была создана белорусская национальная государственность на советской основе, восстановлены тесные связи с РСФСР и другими странами.*

Ключевые слова: *классовые противоречия, национальное государство, переустройство общества, политическая история, политические партии, социальная база революции.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 59–68)

Belarus in the Early XX Century: Contradictions of Belarusian National Statehood Maturation

Mandrik I.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Prerequisites and regularities for the process of maturation and development of Belarusian national statehood in the context of global geopolitical changes and transformation on Belarusian land in the early XX century are revealed.

The work aims at revealing and evaluating the activities of the main political groups and their leaders on the implementation of the idea of Belarusian national statehood, which is the highest point of the political, social and economic as well as cultural development of any ethnic group, explaining the feasibility of including Belarus into the USSR.

Material and methods. *A vast historiography as well as source material which reveals the political history of Belarusian people during the maturation of national forms of statehood is analyzed. The methodological base of the research is made up by principles of historicism, objectivity, system and sociality.*

Findings and their discussion. The political history of Belarus in the early XX century can not be separated from the epoch events which took place in the Russian Empire. Insistence of progressive political forces, when SSRB was created, resulted in a qualitatively new stage in the maturation of Belarusian state. A firm base was created which survived the test of more than a hundred years.

Conclusion. The national and state construction in Belarus after the October of 1917 confronted serious hardships. The struggle between the supporters of creating independent Belarusian state and their opponents, who thought that the epoch of national states had passed away, was very sharp. As a result of a long and hard struggle of political forces, the flexible national policy of Bolsheviks, Belarusian national statehood was shaped on the Soviet base, close links with the Russian Federation and other countries were restored.

Key words: class based contradictions, national state, rebuilding of the society, political history, political parties, social base of the revolution.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 59–68)

Политическая история Беларуси в начале XX ст. неотделима от эпохальных событий, которые наблюдались в Российской империи. Накапливающиеся десятилетиями противоречия между различными классами, слоями и группами людей в стране сопровождалась насилием, разрушением экономики и разорением. Попытки политических элит стабилизировать положение в государстве после революции 1905–1907 гг. не имели успеха. Уже в 1911 г. наступил период оживления рабочего движения и активизации деятельности политических партий. Во время Первой мировой войны российское государство вступило в полосу социальных потрясений и переустройств. В 1916 г. в России сложилась революционная ситуация. Основной причиной этого стало нежелание царя и его окружения привести методы управления обществом в соответствие с требованиями времени. Условиями абсолютизма были недовольны рабочие, крестьяне, да и «верхи» уже не хотели жить по-старому. Несоответствие существующего строя духу времени стало очевидным как для образованного меньшинства, так и для большинства простых людей.

Цель работы – выяснить и дать оценку деятельности основных политических групп и их лидеров по реализации идеи белорусской национальной государственности, что является высшей точкой политического, социально-экономического и культурного развития любого этноса; объяснить целесообразность вхождения Беларуси в состав СССР.

Материал и методы. Исследование основано на обширном историографическом и источниковедческом материале. Проведен научный анализ монографической литературы, архивных источников, научных статей отечественных и зарубежных авторов, в которых показана острая борьба различных политических групп и их лидеров при определении концепции партийного и государственного строительства. Работа основывается также на историографии самого автора, где в предыдущие годы были сформулированы концептуальные положения, даны оценки политической истории БНР, ССРБ, ЛитБел, БССР, объяснена целесообразность вхождения Беларуси в состав СССР. Методологическую основу исследования составляют

принципы историзма, объективности, системности и социальности.

Результаты и их обсуждение. Нерешенность многих социально-экономических проблем в Российской империи вызывала напряжение и конфликтные ситуации во всех ее регионах. Иногда они перерастали в открытую борьбу с властными структурами и нанимателями. События в 1917 г., особенно победа Великой Октябрьской социалистической революции, создали предпосылки для реализации накопившегося потенциала для становления и развития национальных государств, в том числе и белорусского. Массовые забастовки, демонстрации и митинги в Петрограде 23 февраля 1917 г. положили начало буржуазно-демократическим преобразованиям в стране. 26 февраля 1917 г. всеобщая политическая стачка в Петрограде стала перерастать в вооруженное восстание. 27 февраля выступления рабочих были поддержаны солдатами гарнизона. 28 февраля 1917 г. революция в Петрограде свершилась. Главными целями и задачами этой революции являлись уничтожение феодальных пережитков и создание условий для более быстрого, свободного и беспрепятственного развития капитализма. Цели и задачи, стоявшие перед февральской революцией, определили ее буржуазный характер. Из кадетско-октябристских членов Государственной думы было сформировано Временное правительство. Одновременно оформился Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, большинство в котором составляли меньшевики и эсеры. В стране установилось двоевластие. Хотя Совет рабочих и солдатских депутатов поддерживал Временное правительство, но между ними одновременно развернулась борьба за власть. В Беларуси сложилась ситуация, которая также указывала на наличие широкой социальной базы революции. Инициаторами и руководителями революционных выступлений здесь были Бунд и РСДРП, в некоторых местах – эсеры и БСГ. Весть о победе общероссийской революции пришла в Минск 1 марта 1917 г. Произшедшие в Петрограде перемены здесь были восприняты с воодушевлением. Массовое движение охватило рабочих железнодорожного транспорта, представителей других отраслей, крестьянства

и солдат. Везде проходили митинги, демонстрации, разоружалась полиция, освобождались политзаключенные, формировалась народная милиция. В течение марта 1917 г. шла интенсивная работа по созданию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Минске большевики вместе с представителями армий Западного фронта приступили к организации Минского Совета. Выборы депутатов прошли на фабриках и заводах, в частях гарнизона. 4 марта было объявлено о создании Минского Совета рабочих. Был создан Временный исполнительный комитет в составе 9 членов под председательством мижрайонца Б. Позерна (позже стал большевиком). В состав исполкома вошли большевики М. Фрунзе, М. Кривашеин, И. Любимов. 6 марта в частях Минского гарнизона закончились выборы солдатских депутатов. Тогда был создан единый Совет рабочих и солдатских депутатов. 8 марта на первом заседании Минского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран его постоянный исполком в составе 22 членов. Большинство в исполкоме принадлежало меньшевикам и бундовцам. Эсеры здесь не были представлены совсем. Влияние Минского Совета распространялось на всей не оккупированной территории Беларуси и Западного фронта. Затем Советы возникли во всех губерниях и поветовых центрах. В марте – апреле 1917 г. на территории Беларуси было сформировано 37 Советов. На конец июля функционировало уже 56 Советов. В армиях Западного фронта было создано более 7 тысяч солдатских комитетов.

В Витебске 4 марта 1917 г. группа социалистов созвала собрание, на котором было решено создать Совет рабочих депутатов и ряд профсоюзов. Для осуществления этого решения была сформирована организационная комиссия. Собрания, которые прошли на предприятиях 6 и 7 марта, избрали 311 депутатов. Наибольшее число – 76 человек от железнодорожных рабочих и служащих. 8 марта прошло учредительное собрание Совета. К этому времени в городе сформировался и Совет солдатских депутатов, после чего оба Совета объединились [1, с. 20]. Руководящее положение в Советах (Витебска, Орши, Полоцка и др.) занимали меньшевики и эсеры. Произошло это не потому, что здесь большевики не смогли сориентироваться. Причина, скорее всего, была в том, что революция всколыхнула большую массу людей разных социальных слоев. В тех условиях рассчитывать на успех большевики просто не могли. Их еще ожидала долгая и упорная борьба за влияние на массы. Но и в том составе местные советы, в том числе Витебский, проводили революционную линию. Так, на заседании 9 марта Витебский Совет утвердил: подчиняться всем постановлениям Совета петроградских рабочих и солдатских депутатов и довести до его сведения, что Витебский Совет признает лозунги демократической республики. В об-

ращении «Ко всем рабочим города» в качестве главной задачи ставилась задача борьбы со всякими попытками контрреволюции. Силу рабочего класса Совет видел в единстве: «Помните, говорилось в обращении, что борьба за социализм, за осуществление наших идеалов требует дружной работы, крепкой солидарности, прочной организации. Успешно сражаться за свободу может только организованный класс».

Витебский Совет рабочих и солдатских депутатов добивался осуществления 8-часового рабочего дня, но считал, что при решении этого вопроса должны учитываться интересы защиты страны и обеспечения населения продуктами продовольствия. Сверхурочные работы было решено проводить только под контролем Совета. Полоцкий Совет рабочих и солдатских депутатов заявил, что будет оказывать самое энергичное воздействие на органы местного самоуправления и на местные органы власти, добиваясь от них осуществления своей деятельности в соответствии с интересами городских и сельских трудящихся.

По схеме центра в Беларуси также создаются государственные органы управления – общественные комитеты, или комитеты общественной безопасности (название разное, суть одна). В Минске в начале марта создан Минский общественный комитет, гражданским комендантом города избран кадет Б. Самойленко. Он же был назначен и Минским губернским комиссаром. В Витебске местным органом Временного правительства стал Комитет общественной безопасности в составе 114 чел. В нем представлены 9 рабочих и 17 солдат. Губернским комиссаром Временного правительства назначен крупный помещик Карташов, а затем кадет Волкович [2, с. 161]. До 20 марта органы Временного Правительства приступили к исполнению своих обязанностей во всех городах Беларуси. Как видно, и в Беларуси в это время наблюдалось двоевластие. К тому же вновь созданным органам власти противостояли структуры еще царского времени: земства, органы городского самоуправления, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты. 7–17 апреля 1917 г. в Минске состоялся I съезд рабочих и солдатских депутатов армии и тыла Западного фронта, а 20 апреля – первый съезд крестьянских депутатов Минской и не оккупированных уездов Виленской губерний. Председателем съезда был избран М. Фрунзе. Делегаты выступили за переход всей земли в общенародную собственность и уравнительное землепользование по трудовой норме, за отмену частной собственности на землю, запрещение ее купли-продажи. По вопросу о войне делегаты съездов высказались за заключение воюющими странами справедливого мира без аннексий и контрибуций. В то же время в резолюциях съездов не указывалось о немедленном выходе России из войны и даже осуждалось дезертирство. Окончательное решение

аграрного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания.

Ситуация в стране после Февральской революции позволила укрепить свои позиции белорусским политическим организациям. Возобновила свою деятельность Белорусская социалистическая громада. В документах ее руководящий орган провозгласил о том, что партия придерживается курса социалистической ориентации. Партия признавала классовую борьбу и социальную революцию.

В это же время в Беларуси был создан еще ряд политических организаций: Белорусская партия народных социалистов (БПНС), Белорусская народная громада (БНГ), Белорусская христианская демократия (БХД) и более десятка организаций, представляющих интересы еврейского населения. Так, БПНС являлась партией либеральной ориентации, она находилась в оппозиции большевикам и другим политическим организациям, которые разделяли методы «революционного насилия» в борьбе за власть. Социальные преобразования общества партия предлагала совершить законным конституционным путем. Решение национального вопроса белорусов БПНС видела в форме «национально территориальной автономии в составе Российской демократической республики с законодательным органом» и культурно-национальной автономией для национальных меньшинств, проживающих на территории Беларуси [3, л. 11].

БХД, социальной базой которой было белорусское католическое духовенство, а также интеллигенция, дворянство, зажиточные слои крестьянства, связанные с католицизмом, выступала за совершенствование общественных отношений на демократической основе. Классовая борьба в документах партии отрицалась на том основании, что в Беларуси нет нерабочих слоев населения, здесь нет собственных промышленников-капиталистов, собственных помещиков, ни так называемых кулаков [4, с. 87].

25–27 марта 1917 г. в Минске состоялся съезд представителей белорусских национальных организаций. Съезд приветствовал Февральскую революцию, поддержал Временное правительство. Делегаты признали необходимым создание в Минске Белорусской краевой рады. До ее выборов съезд объявил себя «высшей краевой инстанцией», а своим исполнительным органом – Белорусский национальный комитет (БНК) из 18 членов, более половины его состава (10 чел.) были представителями БСГ [5, с. 92]. БНК предпринимал попытки организации переговоров с Временным правительством в Петрограде о признании БНК в качестве высшего органа государственной власти в Беларуси. Однако конкретные предложения делегации не находили поддержки в российских правительственных кругах. 8–10 июля 1917 г. в Минске на втором съезде белорусских партий и организаций вме-

сто БНК была сформирована Центральная рада белорусских организаций, перед которой была поставлена задача объединить национальное движение. Однако справиться с этой задачей Центральная рада не смогла. В октябре 1917 г. в условиях обострения социальных противоречий произошел раскол в Белорусской социалистической громаде. От БСГ откололась часть революционно настроенных петроградских рабочих и матросов Балтийского флота. В сентябре они создали Белорусскую социал-демократическую рабочую партию (БСДРП). Разделяя в целом программные установки РСДРП (б), в национальном вопросе БСДРП, как и большинство других партий, декларировала идею предоставления Беларуси национально-территориальной автономии в составе Российской Федерации. Несмотря на усилия правительства по стабилизации положения, в стране назревал острый политический кризис, который закончился расстрелом 4 июля в Петрограде 500-тысячной демонстрации. Двоевластие закончилось, вся полнота власти перешла ко второму коалиционному правительству, возглавляемому А.Ф. Керенским. Правые силы стали на путь установления в стране военной диктатуры. На роль диктатора выдвигалась кандидатура генерала Л.Г. Корнилова. Корнилов в сговоре с Керенским готовили программу по ограничению свобод и введению жестких мер по наведению порядка. Но из-за амбиций Корнилова на единоличное лидерство и занятой позиции ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, а также представителей демократических организаций, заговор не состоялся. В Беларуси угроза реставрации старых порядков объединила все демократические силы (меньшевики, эсеры и большевики), однако скоро это единство распалось – в каждой группе появились свои классовые задачи.

В Минске и других городах Беларуси формировались вооруженные рабочие дружины, патрулирующие железнодорожное движение воинских частей, а также отряды Красной гвардии. 30 августа был создан Военно-революционный комитет (ВРК) Западного фронта, осуществлявший координацию действий по организации отпора контрреволюции. 1 сентября 1917 г. в Могилеве был арестован Л. Корнилов и другие генералы Ставки. Борьба с корниловским мятежом ускорила «полевение» масс. Началась большевизация Советов. Поскольку Временное правительство не смогло решить ни одной проблемы, связанной с жизнью людей (продолжалась война, не решен аграрный вопрос, не проведены коренные изменения в общественно-политической жизни), обстановка в стране накалялась. Монархические партии и организации, заинтересованные в осуществлении контрреволюционного переворота и восстановлении монархии, были деморализованы и не имели политической и военной силы для осуществления контрреволюционного переворота. Бур-

жуазные партии и организации (кадеты, октябристы и др.), фабриканты, заводчики, банкиры, представители торгово-финансового капитала, буржуазия города и деревни, желающие буржуазно-реформистского пути развития России также не смогли мобилизовать свои довольно внушительные возможности. Оставалось разобщенным накануне октябрьских событий 1917 г. и Белорусское национальное движение.

Большевики, которые до середины июля рассчитывали на мирное развитие революции, заявили, что реформистский путь развития России больше невозможен, и стали готовить вооруженное восстание.

В ночь с 24 на 25 октября 1917 г. в Петрограде победило вооруженное восстание рабочих и солдат. Вечером 25 октября начал работу II Всероссийский съезд Советов, в котором участвовал 51 делегат от Беларуси и Западного фронта. 26 октября съезд объявил о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Советов, принял декреты о мире и земле. На съезде был избран законодательный орган страны – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), создано новое правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным. Октябрьская социалистическая революция 1917 г. – главное событие XX в. Она была подготовлена всем предыдущим развитием российского государства и международного сообщества. Ее всемирно-историческое значение заключается в том, что она положила начало переходу от капитализма к социализму, созданию общества социальной справедливости. Движущими силами Октябрьской революции выступили рабочий класс и беднейшее крестьянство, пролетарские и полупролетарские слои города и деревни.

Получив весть о победе восстания в Петрограде, исполком Минского Совета объявил о переходе в городе власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. По его решению из городской тюрьмы было освобождено более 1 тыс. политических заключенных, из которых был сформирован Первый революционный полк имени Минского Совета. 27 октября был создан Военно-революционный комитет Западного фронта. Организации, выступающие за сохранение Временного правительства и не признавшие Советы, подлежали ликвидации. Вечером 2 ноября в городском театре состоялось собрание Минского Совета с участием представителей солдатских и фабрично-заводских комитетов. Оно одобрило разработанные революционным комитетом мероприятия по осуществлению декретов II Всероссийского съезда Советов и установлению советской власти в Минске. В конце октября – начале ноября 1917 г. советская власть мирным путем победила в большинстве городов неоккупированной немцами территории Беларуси.

Относительно легкая победа революции в Беларуси объясняется тем, что у населения проявилось ве-

ковое стремление к формированию устойчивой политической системы, которая бы устраняла полярированность в обществе, создавала почву для самосовершенствования личности, наделяла граждан широким кругом прав и свобод. Массам трудящихся импонировали лозунги РСДРП(б), которые декларировались в программных партийных документах по разрешению вопросов о фабриках и заводах, о мире и земле, о ликвидации эксплуатации человека. Поэтому на выборах в Учредительное собрание 12–19 ноября 1917 г. по белорусским избирательным округам эта партия получила перевес в сравнении с другими.

В ноябре 1917 г. в Минске состоялись три съезда: съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, III съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний и II съезд армий Западного фронта. Все они избрали свой Исполнительный комитет, приняли резолюции в поддержку советской власти и высказались за единую систему Советов как органов государственной власти. 27 ноября 1917 г. избранные на съездах исполкомы и фронтовой комитет объединились и создали высший орган советской власти – Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (Облсполкомзап) во главе с большевиком М. Рогозинским. Значительное место в работе Облсполкомзапа занимали солдаты Западного фронта, они же сыграли важнейшую роль в закреплении советской власти в Беларуси. В состав Облсполкомзапа входило 100 представителей от фронтового комитета, 35 – от областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов, 35 – от исполнительного комитета съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, 11 – от профессиональных союзов, 4 – от железнодорожного союза и 2 – от союза почтово-телеграфных служащих. Исполнительным органом власти стал Совет Народных Комиссаров (СНК) Западной области и фронта, возглавляемый К. Ландером [6, с. 79].

Возглавлял и координировал деятельность функционирующих большевистских организаций Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), председателем которого был А. Мясников. Комитет тесно взаимодействовал с местными и Советами рабочих и солдатских депутатов. В Советах нарастало большевистское влияние, из их членов и симпатизантов в основном формировались центральные и местные органы власти и их руководящий состав. Советы приняли на себя функции, связанные с преобразованием и развитием своих территорий. На протяжении октября – ноября 1917 г. советская власть была установлена на всей неоккупированной территории Беларуси. Партийное и советское руководство на этом этапе исходило из иллюзорного посыла о быстрой победе социализма в стране. Надежды были связаны со свершением в короткие сроки пролетарских революций в развитых странах,

в последующем – с развитием самоуправления и отрицанием государства как такового. Имея преимущество перед своими политическими оппонентами, большевики тем не менее не отказывались от компромиссов с теми партиями и организациями, которые проявляли склонность к сотрудничеству с советской властью.

Тонкую политику о своем участии во власти проводил Белорусский областной комитет (БОК) при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, который разделял позиции эсеров. Он открыто не выступал против пролетарской власти, заявляя, что признает ее в лице волостных, уездных, губернских Советов и станет «действовать во всем в контакте с Советом рабочих и солдатских депутатов в Минске» [7, л. 6–7]. Взвешенное на то время заявление БОК было с пониманием воспринято И.В. Сталиным, который санкционировал проведение краевого съезда. Как видно, была в принципе достигнута договоренность в вопросе о самоопределении Беларуси в форме советской государственности на основе широкой автономии в составе Российской федеративной республики. Выполнить свои обязательства в полной мере БОК не смог. На Всебелорусском съезде (созван 15 декабря 1917 г. присутствовало 1872 делегата) главным пунктом расхождения среди делегатов стал вопрос о провозглашении Белорусской республики. Часть делегатов в основном представителей «радовцев» (ВБР и ЦВБР), которые также претендовали на власть в белорусском крае, пытаясь реализовать свои цели, стали говорить о «независимой белорусской буржуазной национальной государственности», требовали немедленного провозглашения белорусского государства. «Областники» же считали, что это предложение в том конкретном историческом положении реализовать было невозможно. Даже достаточно терпимое требование самоопределения в форме республики как равноправного субъекта общероссийской федерации вызывало во фракции «областников» резкий отпор. Однако в силу своей малочисленности левая фракция съезда не смогла сплотить левые силы и при их помощи, как писал в телеграмме А.Ф. Мясников, «произвести поворот умов» участников съезда. Большинством делегатских голосов было принято решение создать из состава съезда Всебелорусский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и передать ему всю власть в крае. С таким решением не могли согласиться большевики Беларуси. Обладая реальной на то время властью, аппаратом принуждения, СНК Западной области и фронта постановил: «Оцепить здание, где происходит заседание Белорусского съезда, арестовать президиум съезда, а равно избранный им орган краевой власти, отозвав со съезда... большевиков и стоящих на точке зрения Советской власти, самый съезд объявить распущенным» [8, с. 284]. Ночью 18 декабря 1917 г. съезд был распущен, члены президиума и ряд делегатов были

арестованы (через несколько дней отпущены на свободу). Часть делегатов, которые не были арестованы, на нелегальном заседании 18 декабря 1917 г. передали краевую власть Раде Всебелорусского съезда. 21 декабря 1917 г. из состава Рады был избран Исполнительный комитет из 10 человек как центр консолидации всех антисоветских и антибольшевистских сил в Беларуси. Следует признать, что Всебелорусский съезд стал неординарным событием белорусского народа. Впервые в новейшей истории Беларуси он засвидетельствовал о начале осознания белорусским народом его государственно-политических интересов. Разгон съезда означал, что дальнейший поиск компромиссного решения вопроса государственно-политического самоопределения Беларуси между национально-демократическими силами и руководством Облисполкома был невозможен [6, с. 98]. Занимая руководящее положение в Советах, большевистские организации неоккупированной территории Беларуси осуществляли революционные преобразования: до февраля 1918 г. в основном были завершены повсеместное создание органов советской власти, национализация банков и промышленности, налаживался рабочий контроль над производством и потреблением продуктов, вводился 8-часовой рабочий день, конфисковывались помещичьи земли и создавались первые коллективные хозяйства крестьян. Разворачивалась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, расширялась сеть школьных учреждений, вводилось бесплатное образование.

Правительство В. Ленина в это время приступило к реализации Декрета о мире. 2 декабря 1917 г. с Германией и Австро-Венгрией было подписано соглашение о перемирии, а 9 декабря в Брест-Литовске начались мирные переговоры. Исполнительный комитет Совета Всебелорусского съезда принял решение направить на переговоры делегацию с целью защиты прав белорусского народа «на основе неделимости Беларуси и неотторжимости ее от Российской Демократической Федеративной Республики» [9, с. 11]. В принятой декларации были обозначены полномочия членов белорусской делегации, изложен ряд требований, выполнение которых могло оказать решающее влияние в дальнейшем на государствообразующий процесс на белорусских землях. Положения декларации белорусской делегации соответствовали жизненным потребностям белорусского народа и перекликались с провозглашенными большевиками принципами, на основе которых должен был быть заключен мирный договор. Активного участия в переговорах в качестве полноправного субъекта международных отношений белорусская делегация принять не смогла. Руководители делегации С. Рак-Михайловский и А. Цвикевиц провели неофициальные переговоры с представителем германского правительства,

передали ему меморандум, в котором высказывалось пожелание сохранить целостность Беларуси в ее этнографических границах. С немецкой стороны им было сообщено, что проект мирного договора уже обработан и осталось его только подписать. Советская делегация предложила заключить справедливый демократичный мир: без аннексий и контрибуций. Однако германская делегация отказалась заключить такой мир и 10 февраля 1918 г. выставила ультимативные требования, согласно которым аннексировалась значительная часть территории Советской России, в том числе большая часть Беларуси. 16 февраля 1918 г., используя отказ руководителя советской делегации Л. Троцкого подписать договор на тяжелых для Советской России условиях, германское командование официально заявило о прекращении перемирия и возобновлении военных действий. 18 февраля 1918 г. германские войска начали наступление, ситуация на Западном фронте обострилась. Минск оказался под угрозой оккупации. Руководители Облисполкомзапа и Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта вынуждены были срочно эвакуироваться в Смоленск. В этих условиях исполком Рады Всебелорусского съезда издал приказ № 1, в котором заявил о том, что всю власть в крае берет в свои руки. В день захвата Минска немцами – 21 февраля 1918 г. – исполком Рады Всебелорусского съезда обратился к народу Беларуси с 1-й Уставной грамотой, в которой объявил свою власть в крае. Исполнительным органом, правительством стал Народный секретариат во главе с одним из руководителей БСГ Я. Воронко, 9 марта 1918 г. исполком Рады принял 2-ю Уставную грамоту, в которой Беларусь объявлялась Народной Республикой и определялись основные принципы государственного строя, территория, права и свободы граждан, формы собственности и др. 18 марта 1918 г. исполком Рады Всебелорусского съезда был реорганизован в Раду БНР (статус высшего законодательного органа). Президиум Рады возглавил И. Середа.

25 марта 1918 г. Рада БНР приняла 3-ю Уставную грамоту, которая провозглашала независимость БНР в этнографических границах проживания белорусов. В качестве государственных символов БНР были приняты бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». Однако получить признание национальной независимости со стороны Германии Рада БНР не смогла. Берлин рассматривал Беларусь как часть Советской России. Рада БНР попробовала реализовать идею независимости государства при помощи внешних сил, что явилось ее большой ошибкой. 25 апреля 1918 г. она отправила телеграмму германскому кайзеру Вильгельму II, в которой выражалась благодарность «за освобождение Беларуси немецкими войсками из-под тяжелого гнета чужого господствующего издевательства и анархии». В телеграмме отмечалось, что

только под защитой Германской империи видит край свою добрую долю в будущем. Однако руководство Германии официально не признало БНР. Прогерманская ориентация, партийные разногласия привели к острому политическому кризису в Раде БНР: ее оставили эсеры, меньшевики, еврейские социалисты. Раскололось и политическое ядро Рады – Белорусская социалистическая громада. На базе БСГ образовались три новые партии – Белорусская партия социалистов-революционеров (БПС-Р), Белорусская социал-демократическая партия (БСДП) и Белорусская партия социалистов-федералистов (БПС-Ф). В современной исторической литературе существуют разные оценки программных установок и практической деятельности политических партий и общественных движений Беларуси по провозглашению БНР. Наиболее взвешенным и приемлемым, по мнению большинства историков, следует признать, что БНР не решила в тех условиях проблему создания белорусского государства и не стала в полном смысле государством [10, с. 9].

Функции правительства БНР ограничивались полномочиями национального представительства при германской оккупационной администрации. В то же время создание определенной политической структуры государства в условиях войны и острой политической борьбы – это важная страница в белорусской истории, значительный шаг в становлении государственности белорусского народа. Идея Рады БНР и Народного секретариата о независимом белорусском государстве заставила большевиков пересмотреть свою политику в отношении белорусов как нации. Она стала катализатором создания Белорусской Советской Социалистической Республики [6].

В Беларуси процесс национально-государственного строительства имел противоречивое развитие. С одной стороны, как видно, за создание самостоятельного белорусского государства выступала Рада БНР, с другой – руководители Западной области А. Мясников, В. Кнорин считали, что белорусы не являются самостоятельной нацией. По их мнению, эпоха национальных государств отошла в прошлое, и территория Беларуси должна входить в состав РСФСР на областных началах. Эти взгляды аргументировались тем, что в условиях мировой революции необходимо при любых обстоятельствах защитить и сохранить Советскую Россию как единое и неделимое государство. Такая позиция местных руководителей совпадала с позицией отдельных лиц в высшем советском руководстве, в частности И. Сталина.

Была и третья тенденция – это руководители Белорусского национального комиссариата и Центрального бюро белорусских секций РКП(б). Эти формирования левого крыла национального движения Беларуси считали необходимым создание белорусской республики

на советской основе и восстановление тесных связей с РСФСР. Такую позицию занимали А. Червяков, Д. Жилунович и другие представители демократической интеллигенции, отдельные местные партийные и советские органы. Предложение Белнацкома и белорусских секций РКП(б) опиралось на большевистскую гибкую концепцию решения национальной проблемы. В основе ее лежала принятая в ноябре 1917 г. СНК РСФСР «Декларация прав народов России», провозглашающая равенство и суверенность всех народов страны, права на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Настойчивость Белнацкома, белорусских секций РКП(б), личное мнение В.И. Ленина о стремлении белорусского народа к созданию своей государственности имел положительный результат. 24 декабря 1918 г. ЦК РКП(б) принял решение о создании Белорусской Советской Республики. 30 декабря 1918 г. в Смоленске начала работу VI Северо-Западная областная конференция РКП(б), на ней присутствовали делегаты со всей республики. Делегаты конференции единогласно высказались за объявление ССРБ. Конференция конституировалась в I съезд Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. На съезде создано Центральное бюро КП(б) Беларуси и его президиум. Председателем Президиума ЦБ КП(б)Б стал А. Мясников. 31 декабря 1918 г. ЦБ КП(б)Б утвердило состав Временного рабоче-крестьянского Советского правительства Беларуси во главе с Д. Жилуновичем. 1 января 1919 г. правительство республики обнародовало Манифест о создании Социалистической Советской Республики Беларусь (ССРБ) в границах этнического проживания белорусов. Облисполком сложил свои полномочия, Западная область РСФСР (Западная Коммуна) была упразднена. 5 января 1919 г. ЦБ КП(б)Б и правительство ССРБ переехали из Смоленска в Минск, который с этого времени стал столицей республики. Согласно Манифесту вся власть в Беларуси принадлежала Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов. Земля с живым и мертвым инвентарем, леса, воды и недра земли, железные дороги, фабрики и заводы, банки объявлялись собственностью народа. Манифест объявил равноправие всех национальностей на территории Беларуси. В отдельных авторских работах сказано, что «создание ССРБ было тактическим маневром московских властей и означало серьезное поражение национального движения в Беларуси» [11, с. 401]. В начале февраля 1919 г. в Минске на I Всебелорусском съезде Советов была принята первая Конституция ССРБ, утверждены герб и флаг республики. В соответствии с Конституцией высшая власть в республике с этого времени стала принад-

лежать съезду Советов. В период между съездами ее осуществлял Центральный исполнительный комитет (ЦИК). Съезд определил территорию Белорусской ССР в составе Минской и Гродненской губерний. (Витебская, Могилевская и Смоленская губернии решением ЦК РКП(б) от 16 января 1919 г. включены в состав РСФСР.) На съезде принято решение об объединении в одно государство Белорусской ССР и Литовской ССР. Такое же решение принял и I съезд Советов Литвы в феврале 1919 г. Инициатива объединения БССР с Литовской ССР исходила от ЦК РКП(б). Необходимость объединения была обусловлена агрессивностью польских правящих кругов во главе с Ю. Пилсудским. Идея Белорусско-Литовской ССР не получила одобрения ни у группы А. Мясникова (ЦК КП(б)Б), ни у группы Д. Жилуновича (правительство Беларуси), за что направленный в Минск представитель ЦК РКП(б) И. Иоффе назвал группу Жилуновича националистической и сепаратистской, а группу Мясникова – сепаратистами еще худшей марки. Попытка местных руководителей сохранить Белорусскую ССР не удалась. 27 февраля 1919 г. были созданы ЦИК Литбела и его президиум во главе с К. Циховским, а также СНК Литбела во главе с Мицкявичусом-Капсукасом (от бывшей БССР в правительство Литбела был включен только А. Червяков). В состав нового государства вошли Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская губернии и часть Сувалковской губернии с более чем 4-миллионным населением. Столицей Литовско-Белорусской ССР стал г. Вильно. Во время польско-советской войны вся территория Литбела в августе 1919 г. была захвачена польскими интервентами (8 августа 1919 г. поляки ворвались в Минск). До июля 1920 г. Литовско-белорусское государство существовало фактически формально. Для руководства районами на захваченной территории поляки создали Генеральный комиссариат, ликвидировали советскую власть. В начальный период польской оккупации лидеры белорусских социал-демократов, социалистов-федералистов и эсеров поверили обещаниям Ю. Пилсудского об осуществлении идеи независимости Беларуси и даже вели переговоры о передаче гражданской власти Раде БНР. Организовывались уездные и губернские «народные съезды» с резолюциями о воссоединении белорусских земель с Польшей. Наконец, было создано Временное белорусское правительство, которое заявило от имени «белорусского народа» о «свободном и ненасильственном присоединении Беларуси к Польше». В последующем все переговоры между польским правительством и марионеточной Наивысшей радой БНР о создании белорусского государства, к чему стремились и чего добивались радовцы, успеха не имели. Ю. Пилсудский прочно стоял на позиции восстановления Польши в границах 1772 г., т.е. при-

соединения Беларуси к Польше. К тому же страны Антанты в соответствии с Брестским миром считали Беларусь частью России и выступали против признания ее независимости. В марте 1920 г. в Варшаве и Минске переговоры завершились подписанием договора о вхождении белорусских земель в состав «обновленной Польши в границах 1772 г.» и о предоставлении белорусам культурно-национальной автономии на территории Минской губернии. В условиях оккупационного режима сама суровая действительность вынудила партии различной идейно-политической ориентации – большевиков, эсеров и социалистов-федералистов – объединить усилия в борьбе с польскими интервентами. В декабре 1919 г. в Смоленске между эсерами и большевиками был подписан договор об общих действиях. Были созданы подпольные партийные организации и партизанские отряды. Большой вклад в организацию народного сопротивления польским интервентам внесла Белорусская коммунистическая организация (БКО), созданная в январе 1920 г. на основе эсеровской организации «Молодая Беларусь», которая возникла еще в мае 1917 г. при Минском учительском институте. В ядро БКО входили В. Игнатовский, В. Сташевский, В. Горбачевич, С. Булат, М. Куделько (М. Чарот), М. Мороз и др. БКО признала программу и тактику РКП(б), выступила против сепаратизма, за тесные связи с Россией. Созданные БКО партизанские отряды составили ядро народной военной самообороны.

В июле 1920 г., когда от оккупантов была освобождена вся территория Беларуси (11 июля был освобожден Минск), вновь возник вопрос о восстановлении белорусской государственности. Часть руководства Литбела – В. Кнорин, М. Калманович, Р. Пикель, И. Рейнгольд и другие – по-прежнему считала, что создавать Белорусскую Советскую Социалистическую Республику нет необходимости. Они предлагали дать белорусам право на культурно-национальную автономию в границах Минской губернии и включить ее в состав России. Другая часть членов ЦК КП(б) ЛиБ во главе с А. Червяковым высказывалась за восстановление белорусской советской государственности. Учитывая настроения трудящихся, 6 июля 1920 г. ЦК КП(б) ЛиБ принял решение о восстановлении БССР. Из Смоленска в Минск переехали ЦК КП(б) Литвы и Беларуси и правительственные учреждения, состоялось повторное провозглашение Белорусской ССР. Создавались военно-революционные комитеты, которые до избрания Советов являлись органами государственной власти. 31 июля 1920 г. в Минске прошло совместное заседание представителей Белвоенревкома, ЦК КП(б) ЛиБ, общественных организаций, которое приняло Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Беларусь. Этим документом восстанавливалась ССРБ.

Вся власть до созыва Всебелорусского съезда Советов переходила к ВРК ССРБ.

К середине 1922 г. в результате сложившегося опыта всестороннего сотрудничества между РСФСР и БССР, которое основывалось на договорах о военном сотрудничестве, принятым 1 июня 1919 г., и о военном и хозяйственном союзе от 16 января 1921 г., руководство республик пришло к идее государственного союза. Окончательное решение о необходимости создания Союза ССР и присоединения к нему БССР было принято 14–18 декабря 1922 г. на IV Всебелорусском съезде Советов. На I съезде Советов СССР, который открылся в Москве 30 декабря 1922 г., было решено создать Союз Советских Социалистических Республик. Договор об образовании СССР заключили независимые советские республики: РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР. СССР создавался как добровольное объединение равноправных республик, как единое союзное государство [12, с. 325]. На съезде избран ЦИК СССР, М.И. Калинин – его председатель. II сессия ЦИК избрала первое союзное правительство – СНК СССР во главе с В.И. Лениным. В июле 1923 г. ЦИК СССР одобрил проект Конституции и решил ввести ее немедленно в действие. Верховным органом власти Союза согласно Конституции являлся съезд Советов, а в период между съездами ЦИК Союза СССР, состоящий из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей. Союзный Совет избирался съездом Советов Союза СССР из представителей союзных республик пропорционально количеству населения каждой республики, а Совет Национальностей состоял из представителей союзных и автономных республик и автономных областей. В январе 1924 г. съезды Советов союзных республик ратифицировали Конституцию СССР. 31 января 1924 г. II съезд Советов СССР окончательно утвердил ее. С этого времени начался процесс выравнивания уровня экономического и культурного развития народов СССР. Конечно, за короткое время, в течение одного поколения осуществить «выравнивание наций», как это было изначально задумано, не удалось. Требовался несравненно больший срок. Узбеки, туркмены, казахи, киргизы, татары, башкиры и другие народы почти не знали капиталистического производства. Естественно, как и предполагалось, с созданием СССР был урегулирован вопрос о возвращении белорусской республике восточных территорий. VI Чрезвычайный Всебелорусский съезд Советов в марте 1924 г. законодательно оформил присоединение к ССРБ восточно-белорусских земель. Произошло первое укрупнение Беларуси. Республика расширилась за счет 16 уездов и отдельных волостей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. Из состава РСФСР Беларуси было передано 8 поватов Витебской губернии общей площадью 24836,7 кв. км с населением

1093426 человек. Согласно подсчетам комиссии Совета Народных Комиссаров БССР, во время принятия Витебской губернии на ее территории в городах проживало более 197 тыс. чел. Тут имелось 2719 заводов и фабрик, 1235 школ, 26 больниц на 1008 коек. Акт комиссии о передаче Витебской губернии от РСФСР к БССР подписали 4 марта 1924 г. председатель Витебского губисполкома Д. Прищепов и председатель полномочного комитета СНК БССР по приему Я.А. Адамович [13, л. 276]. Витебск, как и раньше, оставался административным центром присоединенной территории. 17 июля 1924 г., в соответствии с существующим в БССР административно-территориальным делением, данная территория получила новое название – Витебский округ [14, с. 255].

В 1926 г. к БССР были присоединены Гомельский и Речицкий уезды, где большинство населения составляли белорусы. Территория БССР увеличилась до 126 тыс. км кв., а население достигло почти 5 млн человек. И здесь также было проведено новое административно-территориальное деление: созданы округа, которые делились на районы, а районы – на сельские Советы. В БССР насчитывалось 101 районный, 1470 сельских, 52 местечковых и 29 городских Советов. В 1929 г. БССР делилась на 10 округов (Бобруйский, Витебский, Гомельский, Калининский с центром в Климовичах, Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий).

Политику Москвы по отношению к национальным республикам после образования СССР следует признать достаточно взвешенной. Партийным организациям предписывалось «считаться» с национальными интересами и даже с националистическими настроениями, поскольку они захватывают широкие народные круги. В этой связи в административно-территориальном делении БССР нашлось место национальным советам. В 1924 г. в республике насчитывалось 9 национальных советов, в дальнейшем число национальных советов увеличивалось. В 1928 г. в БССР имелось 23 еврейские, 19 польских, 16 русских, 5 латышских, 2 украинские и 2 немецкие советы. В 1932 г. был создан национальный польский район с центром в Дзержинске.

Заключение. Подводя итог рассматриваемым в исследовании вопросам, отметим, что белорусская национальная государственность была создана в результате взаимодействия объективных и субъективных факторов как результат логического развития процесса национального движения в бывшем Северо-Западном крае и осуществления на практике политики большевиков

в национальном вопросе. В период 1917–1919 гг. в обстановке ожесточенной борьбы с внутренней контрреволюцией и происками германского империализма, когда угрозы потери советской власти были довольно велики, национальный вопрос оказался отодвинутым на второй план. Однако он не был забыт. Подтверждением этому было создание при Наркомате по делам национальностей РСФСР Белнацкома и белорусских секций РКП(б). Окончательное оформление белорусской национальной государственности на советской основе произошло при активном участии представителей белорусского народа в бурных общественно-политических событиях. Образование СССР давало свои плоды: закладывало основы сотрудничества народов в ходе экономического и культурного строительства, вело к ликвидации их фактического неравенства народов. Происходил процесс формирования национальной республики в границах проживания белорусского этноса, который завершился воссоединением западно-белорусских земель с БССР.

Литература

1. Витебск: энцикл. справ. / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1988.
2. Мандрык, І.У. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветнай гісторыі) / І.У. Мандрык. – Віцебск: УА ФПБ “МПСА” ВФ, 2009.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 325. Оп. 1. Д. 194.
4. Станкевіч, А. З Бога да Беларусі: збор твораў. – А. Станкевіч. – Вільня, 2008.
5. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск, 2001.
6. История белорусской государственности: в 5 т. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939) / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: В.Г. Мазец, Н.В. Смехович, С.А. Третьяк; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории.
7. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 21. Д. 25.
8. Кастрычнік на Беларусі: зб. арт. і дакументаў. – Мінск, 1927.
9. Краўцоў, М. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі / М. Краўцоў. – Вільня, 1920.
10. Мандрык, І. У. Гісторыя Беларусі для спецыяльнасці 1-02 01 01: вучэб.-метад. комплекс / І.У. Мандрык. – Віцебск: Віцеб. дзярж. ун-т, 2018.
11. Лойко, Л. Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка / Л. Лойко // Энцикл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1993. – Т. 1: А – Беліца.
12. Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 28.
13. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 123. Оп. 1. Д. 1116.
14. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2002. – 648 с.: іл.

Поступила в редакцию 23.12.2020

Материальное стимулирование работников транспорта Белорусской ССР в годы перестройки

Тимофеев Р.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье показано материальное стимулирование работников железнодорожного и автомобильного транспорта Белорусской ССР за период перестройки (1985–1991 гг.).

Актуальность изучения стимулирования работников транспорта Белорусской ССР через повышение доли премиальных в их доходе состоит в том, что оно позволяет определить наиболее удачные подходы в этом вопросе, а также показать пути преодоления сложностей в данном процессе. В целом государственная политика материального стимулирования в экономике являлась одним из аспектов послевоенной истории белорусского транспорта.

Цель работы – определить главные тенденции развития материального стимулирования железнодорожного и автомобильного транспорта Белорусской ССР во время перестройки.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов местных органов Белорусской ССР и транспортных ведомств из белорусских государственных областных архивов и сведения из союзной специализированной периодической печати. Для достижения поставленной нами цели в работе использовались такие методы научного познания, как историко-типологический, историко-генетический и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Материальное стимулирование в различных сферах в изучаемый период было естественным процессом, без которого было невозможно реальное продвижение вперед всей экономики советских республик.

В период перестройки (1985–1991 гг.) в союзных республиках органы государственного управления и партийные органы пытались полнее учитывать потребности работников в материальной компенсации затрат их труда.

В итоге их усилий наращивалась среднемесячная зарплата рабочих и служащих, теснее увязывались размеры вознаграждения работников с трудовым вкладом, устранялись элементы уравниловки, усиливалась материальная ответственность за недостатки и упущения в работе, улучшалось соотношение размеров заработной платы по отраслям хозяйства.

Одновременно усиливалось материальное поощрение рабочих и служащих, занятых на работах во второй и третьей сменах, а также были расширены льготы и преимущества этим работникам за счет средств предприятий и организаций.

Заключение. Уровень материального стимулирования работников транспорта в период перестройки зависел от экономической политики государства, которое стремилось повысить в общем объеме денежных выплат долю премиальных, чем повышало вознаграждение для инициативных работников. Все это способствовало производительности труда и экономии финансовых ресурсов предприятий.

Ключевые слова: транспорт, политика, оплата труда, производительность труда, премия.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 69–73)

Material Stimulation of the Belarusian SSR Transport Employees in the Years of Perestroika

Timofeyev R.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article shows the material stimulation for workers in the railway and road transport of the Belorussian SSR during the period of perestroika (1985–1991).

The relevance of the study of stimulation for transport workers of the Belorussian SSR through increasing the share of bonuses in their income is that it makes it possible to determine the most successful approaches to this issue, as well as show ways to overcome difficulties in this process. In general, the state policy of material stimulation in the economy was one of the aspects of the postwar history of Belarusian transport.

The purpose of the work is to determine the main trends in the development of material stimulation for railway and road transport workers in the Belorussian SSR during perestroika.

Material and methods. *The article was based on materials from the funds of local bodies of the Belorussian SSR and transport departments from Belorussian state regional archives and information from the Union specialized periodicals. To achieve our goal, the following methods of scientific cognition were used: historical-typological, historical-genetic and historical-systemic.*

Findings and their discussion. *Material stimulation in various spheres during the period under study was a natural process, without which real advancement of the entire economy of the Soviet Republics was impossible.*

During the perestroika period (1985–1991) in the Union Republics, state administration bodies and party bodies tried to take into account more fully the needs of workers in material compensation for the costs of their labor.

As a result of their efforts, the average monthly wages of workers and employees were increased, the size of remuneration of workers was more closely linked with the labor contribution, elements of equalization were eliminated, the material responsibility for shortcomings and omissions in work was increased, the ratio of the size of wages improved according to branches of the economy.

At the same time, material stimulation for employees who worked in the second and third shifts was intensified, and the benefits and advantages for these workers were expanded at the expense of enterprises and institutions.

Conclusion. *The level of material stimulation for transport workers during the perestroika period depended on the economic policy of the state, which sought to increase the share of bonuses in the total volume of cash payments, thereby increasing remuneration for initiative workers. All this increased labor productivity and saved the financial resources of enterprises.*

Key words: *transport, politics, wages, labor productivity, bonus.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 69–73)

Актуальность изучения материального стимулирования работников транспорта Белорусской ССР состоит в том, что оно позволяет определить наиболее удачные виды стимуляции и показать пути преодоления сложностей в этом процессе. Одним из аспектов послевоенной истории белорусского транспорта была государственная политика материального стимулирования в экономике.

Вопросы материального стимулирования могут сегодня быть предметом для отдельного научного исследования, так как напрямую влияли на выполнение транспортом его масштабных задач по транспортировке грузов и пассажиров.

Однако сегодня значимые работы такого плана отсутствуют. Из изданий, где в числе прочих вопросов конкретно разбиралось материальное стимулирование работников транспорта в перестройке, можно отметить лишь работы, которые относятся к деятельности Белорусской железной дороги [1]. Но там вопросы материального стимулирования не являлись основным объектом изучения.

Цель работы – определить главные тенденции развития материального стимулирования железнодорожного и автомобильного транспорта Белорусской ССР во время перестройки.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов местных органов Белорусской ССР и транспортных ведомств из белорусских государственных областных архивов и сведения из союзной специализированной периодической печати.

Для достижения поставленной нами цели в работе использовались такие методы научного познания, как историко-типологический, историко-генетический и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Материальное стимулирование в различных сферах в изучаемый период

было естественным процессом, без которого было невозможно реальное продвижение вперед всей экономики советских республик.

В период перестройки (1985–1991 гг.) в союзных республиках партийные органы попытались полнее учитывать потребности работников в материальной компенсации затрат их труда. Поэтому на XXVII съезде КПСС в 1986 г. они предложили нарастить среднемесячную зарплату рабочих и служащих на 13–15%, или до 210–220 руб., теснее увязать размеры вознаграждения работников с их трудовым вкладом, устранять элементы уравниловки, усилить материальную и моральную ответственность за недостатки и упущения в работе, улучшать соотношение размеров зарплат по отраслям хозяйства. Было также предложено усилить материальное поощрение рабочих и служащих, занятых на работах во второй и третьей сменах, расширить льготы и преимущества этим работникам за счет средств предприятий и организаций.

Для перевода начисления зарплаты многих транспортников на новые условия (с тем, чтобы проследилась ее прямая связь с результатами труда) использовалось постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 17 сентября 1986 г. «О совершенствовании организации заработной платы и введения новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства» [2, л. 1].

Другое дело, что в условиях начавшего проявлять себя социально-экономического перестроечного кризиса решения подобного плана оказалось выполнить сложно.

Проблемы периода перестройки с течением времени проявляли себя все чаще. В июне 1988 г. руководители ряда союзных республик с целью углубления экономической реформы, ее совершенствования, быстрого выхода из кризисного положения предло-

жили перейти на республиканский (региональный) хозрасчет. На практике эти радикальные предложения привели к разрушению единого экономического пространства СССР и соответственно к падению уровня реальной зарплаты работников.

Ситуацию не спасли и новые решения органов власти, такие как постановление Совета Министров СССР в 1989 г. «О дополнительных мерах по обеспечению нормативных соотношений между ростом производительности труда и заработной платы и упорядочения выплат из фондов экономического стимулирования» [3, л. 133]. Реализовать на практике данную линию возможностей у транспортных ведомств уже не получилось.

Материальное стимулирование на железной дороге оставалось разнообразным. Рабочие локомотивных бригад в 1980-е гг. премировались за экономию топлива и электрической энергии на тягу поездов в тех предприятиях, депо, заводах, для которых были утверждены нормы расхода и был обеспечен надлежащий учет расходования. Размер отчислений, используемых на поощрение бригад за экономию, был поставлен в зависимость от вида топлива и района расположения железной дороги.

Для повышения материальной заинтересованности бригад, занятых на эксплуатации мощных дизельных двигателей, размер средств, отчисляемых за экономию топлива, был повышен с 17 до 35% от суммы экономии. Для премирования машинистов-инструкторов, рабочих по наладке аппаратуры использовался также процент полученной экономии. Премии выплачивались по условиям выполнения локомотивными бригадами заданий по поездной, маневровой работе, технических скоростей, предусмотренных графиком движения поездов.

Изменения в оплате труда не теряли у работников своего постоянного характера. Если на основе экономического эксперимента за 1985 г. и 6 месяцев 1986 г. производительность труда на Белорусской железной дороге возросла на 20,1% (или в 2,6 раза выше, чем в целом по Министерству путей сообщения), то зарплата увеличилась на 15,5%, или на 31,1 руб.

Кроме того, на предприятиях ряда отделений было нарушено соотношение между ростом производительности труда и среднемесячной зарплатой [4, л. 1].

Следующее повышение оплаты труда на Белорусской железной дороге было связано с реализацией постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС от 17 сентября 1986 г. «О совершенствовании организации заработной платы и введении новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства». Зарплата железнодорожников включала тарифные ставки, надбавки, доплаты и премирование. Тарифные ставки возросли на 20–25%, при этом преимущества получили работники на сложных участках организации и осуществления перевозок [5, с. 99–100]. Были введены также специальные и более высокие ставки оплаты труда для машинистов, которые водили длинносо-

ставные, тяжеловесные и высокоскоростные поезда. С одной стороны, здесь получало неоспоримые преимущества народное хозяйство республики, а с другой – железнодорожники повышали свой уровень вознаграждения.

Белорусский эксперимент позволил железнодорожникам с 1985 г. полностью использовать высвобожденный фонд зарплаты на повышение ставок и окладов оставшихся работников. Их зарплата увеличилась в среднем на 12%. Начальник локомотивного депо, организовывавший труд нескольких тысяч людей, получал до эксперимента около 200 руб. в месяц – в два раза меньше любого подчиненного ему машиниста, меньше слесаря-ремонтника. В ходе изменений руководители магистралей и предприятий согласно положению, разработанному Госкомтрудом СССР, стали получать оклад около 300 руб. [6, с. 5–6].

Отмеченная выше ситуация позволила руководству предприятий более ответственно относиться к порученному делу.

В 1986 г. более 80% рабочих в бригадах на Белорусской железной дороге работало на единый подряд с оплатой за конечный результат. Свыше 90% из них зарплату получали с применением коэффициента трудового участия. В результате эксперимента у инженерно-технических работников оклады увеличились почти на одну треть. Были пересмотрены положения о их премировании, а также служащих, младшего обслуживающего персонала и рабочих. Все расчеты производились в пределах фондов зарплаты и материального поощрения. Для инженеров, экономистов, техников с учетом различий их квалификации и сложности выполняемых работ были введены квалификационные категории, в соответствии с которыми и устанавливались должностные оклады.

Дальнейшее изменение оплаты труда было связано с введением на предприятиях железной дороги самофинансирования и хозрасчета. При новых методах хозяйствования в 1986 г. за перевозки железнодорожникам поступала оплата от отправителя груза, которую суммировали, пересчитывали на единицу транспортной работы и пропорционально объемным показателям распределяли по предприятиям и подразделениям транспорта [7, л. 2–4].

На железной дороге действовали специальные, более высокие часовые тарифные ставки для машинистов и помощников машинистов локомотивов при работе с поездами, следовавшими со скоростью от 100 до 150 км/ч и свыше 150 км/ч, и длинносоставными пассажирскими поездами, а также с тяжеловесными и длинносоставными грузовыми поездами.

В период особо сложных метеорологических условий (морозы, метели, заносы) на работах, выполняемых на открытом воздухе, понижались на 10% установленные нормы выработки рабочим-сдельщикам и повышались на 10% тарифные ставки (оклады) повременщикам. Все это поддерживало на практике принцип более высокого вознаграждения за сложный труд.

При переходе железной дороги на полный хозрасчет и самофинансирование применялись надбавки за профессиональное мастерство в целях создания преимуществ в оплате труда рабочих при достижении ими более высоких практических навыков по специальности. Надбавки вводились высококвалифицированным рабочим дифференцированно к тарифным ставкам. Такие надбавки составляли 12–24% соответствовавшей тарифной ставки. Также были введены надбавки за высокие достижения в труде, за выполнение особо важных работ.

Наряду с надбавками лучшим по профессиям работникам железной дороги, непосредственно обеспечивавших безопасность движения поездов, действовали классные названия (с соответствующими доплатами): «Мастер формирования поездов», «Осмотрщик-ремонтник вагонов I класса», «Бригадир пути I класса», «Электромеханик I класса», «Электромонтер I класса», «Приемосдатчик I класса», «Проводник пассажирских вагонов I класса», «Машинист I класса», «Дежурный по станции I класса», «Диспетчер I класса». То есть ни одна важная для железной дороги категория специалистов не была упущена из виду при дополнительном материальном стимулировании.

Повысить оплату труда работнику железной дороги можно было различными способами, но в основе здесь лежал качественный труд. Так, в 1990 г. в локомотивном депо Полоцк за обнаруженные сложные неисправности осмотрщикам-ремонтникам было выплачено около 3 тыс. руб. По размерам выплат (делением суммы, полученной каждым осмотрщиком, на его годовую зарплату) определялся использовавшийся при этом коэффициент профессионализма. В распоряжении коллектива станции Могилев (для материального поощрения работников) в 1991 г. оставалось 70% дополнительных доходов, получаемых от хозяйственной деятельности. На премирование работников использовалось также 10% штрафных сумм, получаемых с клиентов за превышение норм простоя вагонов [8, с. 48]. Другое дело, что взыскать выплаты подобного плана было сложно, особенно в конце перестройки, сопровождавшейся распадом хозяйственных связей.

В период перестройки в стране значимые изменения в оплате труда произошли в связи с распространением на автопредприятия общего пользования положений экономического эксперимента, инициированного на Белорусской железной дороге.

С 1 декабря 1986 г. объединение «Гроднооблавтотранс» первым в республике перешло на соответствующие новые тарифные ставки и оклады. В ходе осуществления эксперимента материально стимулировались двухсменная работа, использование прицепов, наращение бортов, что часто проходило по инициативе водителей.

Благодаря аттестации должностные оклады специалистов, разряды ремонтников и классность водителей были приведены в соответствие с реальным вкладом людей в организацию и осуществление перевозок.

В 1987 г. уже на всем автотранспорте общего пользования БССР были введены новые тарифные ставки и оклады в связи с переходом на новые условия хозяйствования – самофинансирование [9, с. 1–3]. Для повышения зарплаты работникам использовались внутренние резервы предприятий, когда средства на выплаты появлялись за счет сокращения общего штата работников.

Материально на всем транспорте поддерживали высококвалифицированный труд, на что были направлены разносторонние шаги органов власти и парторганов. По постановлению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 17 сентября 1986 г. стали действовать более высокие ставки оплаты труда для водителей высокопроизводительных и сложных автомобилей, а также для работавших с прицепами. Часовые тарифные ставки водителей, как и прежде, в основном были распределены на три группы в зависимости от назначения автомобилей [10, с. 43].

Реализация на практике принятых решений давала результат, хотя бы на базе передовых предприятий. В ходе укрепления работы на принципах самофинансирования в Волковысском автопарке № 4 объединения «Гроднооблавтотранс» при переходе на вторую модель хозрасчета с 1 января 1989 г. производительность труда возросла по сравнению с 1988 г. на 20,8%, а средняя зарплата увеличилась на 20,2%. С переходом на аренду в этом автопарке было внедрено новое положение о премировании за экономию топлива, запасных частей и материалов [11, с. 51]. Таким образом искали новые источники для дополнительных выплат.

В результате различного рода преобразований в номинальном выражении зарплата по автотранспорту общего пользования БССР в период перестройки росла. Если в грузовом автопарке № 7 Бреста управления «Совтрансавто» система оплаты водителей в 1988 г. была сдельно-премиальная по тонно-километрам, то она составляла не менее 300 руб. в месяц. В рейсы выдавались командировочные в валюте той страны, которая посещалась. Водители автобуса «Икарус-280» в марте 1991 г. получали за 1 час работы 1,09 руб. в Бобруйске, а в городах с населением более полумиллиона – на 12 коп. больше. Премиальные начальника отряда напрямую зависели от выхода машин на линию. В объединении «Минскпассажиравтотранс» в октябре 1991 г. водители, выработавшие полный баланс времени (173 ч), получали в среднем 1 тыс. руб. в месяц, в то время как в августе – 800 руб. [12, с. 1]. Повышению оплаты труда в номинальном измерении способствовали дополнительные доходы автотранспортников, которые по документам проходили как приработок.

Значительное место в увеличении оплаты труда и в годы перестройки занимало премирование, но для получения дополнительных выплат требовалось выполнить ряд условий.

Водителям, например, автобусов 1-го автобусного парка г. Минска в 1987 г. полностью выплачивалась премия при работе без нарушений. Причем ее размер был увеличен по сравнению с ранее действовавшей

системой. Кроме того, необходимо отметить, что в 1991 г. по предприятиям автотранспорта общего пользования часто автомобили работали с убытками и рост зарплат опережал рост выручки.

Такая ситуация приводила к ухудшению финансового положения предприятий автотранспорта и, соответственно, уменьшала их возможности обеспечивать качественное материальное возмещение затрат труда его работников.

Заключение. Уровень материального стимулирования работников транспорта в период перестройки зависел от экономической политики государства, которое стремилось повысить в общем объеме денежных выплат долю премиальных, чем повышало вознаграждение для инициативных работников. Все это способствовало производительности труда и экономии финансовых ресурсов предприятий.

Литература

1. Железная дорога Беларуси: История и современность / В.Г. Рахманько [и др.]; под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
2. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 444. Оп. 1. Д. 1570.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1950. Оп. 1. Д. 972.
4. Зональный государственный архив в г. Барановичи. – Ф. 479. Оп. 1. Д. 387.
5. Щербаков, В. Совершенствование системы оплаты труда / В. Щербаков // Плановое хозяйство. – 1987. – № 1. – С. 99–103.
6. Татевосян, О. Белорусский вариант / О. Татевосян // Советские профсоюзы. – 1986. – № 7. – С. 5–6.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 124. Д. 13.
8. Развивать хозяйственную инициативу // Железнодорожный транспорт. – 1991. – № 10. – С. 48.
9. Горин, М.А. Сквозь частокोल инструкций / М.А. Горин, Н.Я. Гордейчик, И.Ф. Козел, Р.А. Пестова // Советские профсоюзы. – 1988. – № 5. – С. 1–9.
10. Афанасьев, В. Тарифные ставки на транспорте / В. Афанасьев // Социалистический труд. – 1987. – № 3. – С. 40–44.
11. Ломако, З. Как работаешь, так и живешь / З. Ломако // Автомобильный транспорт. – 1991. – № 2. – С. 51.
12. Лещенко, Н. На 200 рублей больше / Н. Лещенко // Транспорт Белоруссии. – 1991. – 5 окт. – С. 1.

Поступила в редакцию 23.12.2020

Мяшчанскі род Кудзеўскіх у сістэме кіравання Гародні

Сліж Н.У.

Гродзенская рэгіянальная газета “Перспектыва”, Гродна

Пасля атрымання Гародняй Магдэбургскага права ў 1496 г. сістэма кіравання горада значна змянілася. Паступова сфарміравалася мяшчанская эліта, якая пасады займала з пакалення ў пакаленне. Часта гэта было толькі тры пакаленні. Праз пэўны перыяд у складзе магістрата з’яўляліся новыя прозвішчы. Варта адзначыць, што ўраднікі былі асобным слоём у мяшчанскім грамадстве. Яны праводзілі шлюбныя стратэгіі ўнутры сваёй групы. Дзяцей імкнуліся адукаваць і пасля ўводзіць у склад магістрата. Праўда, пачыналі дзеці ўраднікаў таксама з самых нізкіх пасадаў. Бурмістрам ніхто адразу не становіўся.

Мэта даследавання – прааналізаваць гісторыю гарадзенскага мяшчанскага роду Кудзеўскіх і паказаць яго ўплыў на сістэму кіравання ў магістраце.

Матэрыял і метады. Асноўнымі крыніцамі сталі прыватна-прававыя дакументы, якія захоўваюцца ў гарадзенскіх магістрацкіх кнігах. Але ў сувязі з тым, што захаваліся яны толькі з XVII ст., прыйшлося выкарыстоўваць акты з гарадзенскага замкавага суда, Метрыкі ВКЛ і магістрацкіх кніг Коўна. Сямейных архіваў мяшчан не захавалася. Галоўнымі метадамі даследавання сталі метады аналізу, параўнаўчы і храналагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вывучэнне фарміравання гарадскіх эліт мае важнае значэнне, бо дазваляе прасачыць якім чынам мяшчане становіліся ўраднікамі, іх кар’ерны рост, уплыў на мяшчанскае асяроддзе. Пры гэтым важна ўлічваць, што ў сістэму кіравання прыходзілі праз выбары. Аднак стартавыя магчымасці ў дзяцей ураднікаў былі значна большыя, бо яны атрымлівалі адукацыю. Па законе неадукаваны мяшчанін не мог прэтэндаваць на пасаду. Прыклад роду Кудзеўскіх паказвае, як фарміравалася эліта Гародні. Не менш важна, што на пасадах прадстаўнікі роду пратрымаліся амаль два стагоддзі, што даволі было з’явай даволі рэдкай. Кудзеўскія мелі ўплыў не толькі ў горадзе, але і былі звязаны з павятовай шляхтай. У беларускай гістарыяграфіі роду Кудзеўскіх не прысвечалася асобных даследаванняў. Вывучэнне гарадскіх эліт важна не толькі для гісторыі Гародні, але можа стаць прыкладам для іншых гарадоў Беларусі.

Заклучэнне. Такім чынам, на працягу двух стагоддзяў род Кудзеўскіх быў уключаны ў сістэму кіравання горада. Матэрыяльны стан і сацыяльны статус дазволілі прадстаўнікам роду наладзіць кантакты з гарадзенскай шляхтай і нават развіць шлюбныя стратэгіі ў накірунку да гэтага саслоўя. Шлюб браўся з прадстаўнікамі сярэдняй і дробнай шляхты. Сярод іх былі Свяцкія, Даманоўскія, Міцкевічы, Талочкі і інш. Вайна 1664–1667 гг. істотна падарвала эканамічны стан Кудзеўскіх, як і іншых гарадзенскіх мяшчан.

Ключавыя словы: мяшчане, эліта, Вялікае Княства Літоўскае, Гародня.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 74–80)

Kudayeuski Burgher Kin in the System of Garodnia Government

Slyzh N.U.

Grodno Regional Newspaper “The Perspective”, Grodno

After Garodnia received the Magdeburg Law in 1496 the system of its government changed greatly. Burgher elite shaped gradually. Its representatives held posts for generations. It often involved only three generations. New names appeared periodically in the magistrature. We should mark that officials belonged to a special stratum. They even had their own marriage strategies within the group. Officials aspired to educate their children and give them possibility to become a member of the magistrature. The children, though, began from the lowest posts. Nobody stated as a mayor.

The research aims at analyzing the history of Kudayeuski burgher kin as well as at showing its impact on the system of the magistrature government.

Material and methods. The main sources were private documents stored in Garodnia magistrate books. However, due to the fact that they survived only since the XVII century we had to use acts from Garodnia Castle Court, the GDL Metrics and from Kouno magistrate books. The family archives of burghers did not survive. The main research methods were the method of analysis, the comparative and the chronological methods.

Finding and their discussions. Studying the formation of urban elites is important for historiography. It shows how burghers became officials, their career growth, and the impact on the bourgeois environment. It is important to pay attention that burghers came into system of governance through elections. However, the starting opportunities for the children of officials were much greater than of usual burghers because of their education. By law, an uneducated burgher could not apply for a position. The example of the Kudayeŭskis shows how the elite of Garodnia was formed. The representatives of this kin held posts during two centuries, which was rare fact. They were influential not only in the city but they also had links with local gentry. There is no research in Belarusian historiography devoted to Kudaeuski family. Studying the formation of urban elites is important not only for the history of Garodnia but also for other Belarusian cities.

Conclusion. Thus, for two centuries the Kudaeuski was involved into the system of government of the city. Material and social status allowed the members of the family to establish contacts with local gentry and even to develop marriage strategies towards this stratum. Marriages were held with representatives of the middle and lower nobility. Kudaeuski married middle and petty gentry (the Sviatskis, the Damanouskis, the Miskeviches, the Talochkis and others). The War of 1664–1667 undermined the economical position of the kin as well as of other citizens of Garodnia.

Key words: burghers, elite, Grand Duchy of Lithuania, Garodnia.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 74–80)

Пасля атрымання Гародняй Магдэбургскага права ў 1496 г. сістэма кіравання горада значна змянілася. Дзейнічалі суды: бурмістраўска-радзецкі, войтаўскі, войтаўска-лаўніцкі і крымінальны ў складзе апошняга. У магістраце пасады былі выбарныя: бурмістр, радца, лаўнік. У радзе і лаве яшчэ былі пісары. Самай ніжэйшай пасадай з'яўлялася пасада лаўніка. Як правіла, кар'еру пачыналі з гэтага ўраду, а пасля атрымлівалі пасады радцы і бурмістра. Асобы, якія сябе добра зарэкамендавалі як бурмістры, часта імі становіліся неаднаразова.

Паступова сфарміравалася мяшчанская эліта, якая пасады займала з пакалення ў пакаленне. Нярэдка гэта было толькі тры пакаленні. Праз пэўны перыяд у складзе магістрата з'яўляліся новыя прозвішчы. Варта адзначыць, што ўраднікі былі асобным слоём у мяшчанскім грамадстве. Яны праводзілі шлюбныя стратэгіі ўнутры сваёй групы. Дзяцей імкнуліся адукоўваць і пасля ўводзіць у склад магістрата. Праўда, пачыналі дзеці ўраднікаў таксама з самых нізкіх пасадаў. Бурмістрам ніхто адразу не становіўся.

Мэта даследавання – прааналізаваць гісторыю гарадзенскага мяшчанскага роду Кудзеўскіх і паказаць яго ўплыў на сістэму кіравання ў магістраце.

Матэрыял і метады. Асноўнымі крыніцамі сталі прыватна-прававыя дакументы, якія знаходзяцца ў гарадзенскіх магістрацкіх кнігах. Але ў сувязі з тым, што захаваліся яны толькі з XVII ст., прыйшлося выкарыстоўваць акты з гарадзенскага замкавага суда, Метрыкі ВКЛ і магістрацкіх кніг Коўна. Сямейных архіваў мяшчан не захавалася. Асноўнымі метадамі даследавання сталі метады аналізу, параўнаўчы і храналагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вывучэнне фарміравання гарадскіх эліт мае важнае значэнне, бо дазваляе прасачыць, якім чынам мяшчане становіліся ўраднікамі, іх кар'ерны рост, уплыў на мяшчанскае асяроддзе. Пры гэтым важна ўлічваць, што ў сістэму кіравання прыходзілі праз выбары. Аднак стартавыя магчымасці ў дзяцей ураднікаў былі значна большыя, бо яны атрымлівалі адукацыю. Па законе неаддукаваны мешчанін не мог прэтэндаваць на пасаду. Прыклад роду Кудзеўскіх паказвае, як фарміравалася эліта Гародні. Не менш важна, што на пасадах прадстаўнікі роду пратрымаліся амаль два стагоддзі, што было

з'явай даволі рэдкай. Кудзеўскія мелі ўплыў не толькі ў горадзе, але і былі звязаны з павятовай шляхтай. У беларускай гістарыяграфіі роду Кудзеўскіх не прысвячалася асобных даследаванняў. Вывучэнне гарадскіх эліт важна не толькі для гісторыі Гародні, але можа стаць прыкладам для іншых гарадоў Беларусі.

Абмежаванасць крыніц не дае магчымасці цалкам прасачыць паходжанне многіх мяшчанскіх родаў і іх далейшы лёс. Складанасці выклікае і тое, што працэс фарміравання прозвішчаў ішоў паступова. Імя бацькі ўжывалася як прозвішча сынам, а для дзяцей сына яго імя становілася прозвішчам. Гэты ланцужок не заўсёды можа быць прадстаўлены ў крыніцах, дзе сустракалася першая форма прозвішча Кудзеўч, пазней стала Кудзеўскі. Адносна дзяцей Рамана выкарыстоўвалася форма Рамановіч, а ўнукі былі запісаныя як Кудзеўскія.

Даволі рэдкі выпадак, калі гісторыю мяшчанскага роду можна прасачыць за два стагоддзі. Кудзеўскія знаходзіліся на кіруючых пасадах у XVI–XVII стст. Спачатку яны былі праваслаўнымі, а пасля сталі каталікамі. Пра ўраднікаў і сістэму кіравання ў XVI ст. захаваліся толькі асобныя звесткі. У крыніцах быў выяўлены першы сярод Кудзеўскіх бурмістр Раман Кудзеўч. Верагодна, яго братам быў гарадзенскі мешчанін Сцяпан Кудзеўч. У яго набыў зямлю шляціч Багдан Валовіч (1522) [1, dz. Metryka Litewska, sygn. 193, s. 682–683; 2, p. 126–128].

Раман згадваецца як бурмістр сярод прысутных у складзе замкавага суда, галоўнага суда рэгіёна, таксама як сведка ў справах. Фігураваў ён у судовых кнігах пад датамі 14 жніўня 1539 г., 2 красавіка 1540 г., 11 мая, 2 чэрвеня, 14 чэрвеня, 18 чэрвеня і 27 верасня 1541 г. [3, с. 31, 86, 312, 327, 342, 372, 394]. У XVI ст. выбары ў магістрат праводзіліся ў верасні [4, с. 29–30]. З дат вынікае, што Кудзеўч займаў пасаду два гады запар – 1539–1540 гг. Але не выключаем, што ён мог быць і старым бурмістрам, а ў дакументах называцца проста бурмістрам. Такія выпадкі здараліся ў дакументах.

Акрамя таго, Кудзеўч быў фігурантам у судовых справах. 31 ліпеня 1539 г. Васіца падала скаргу на яго, бо не аддаў дачку Маланку. Яна настойвала на тым, што перадала дачку ў заставу за 0,5 коп, а ён лічыў, што яна прадала яе за 1 капю. Раман прадставіў адпаведны дакумент. Замкавы суд яго скасаваў як няслушны, бо

бацькі не мелі права прадаваць у няволу дзяцей. Было загадана вярнуць грошы і аддаць дачку [3, с. 25].

Раман скардзіўся на Грынца Крывасерыча за невяртанне яму 1,5 коп літоўскіх грошаў. Грынец абвінаваціў яго ў выбіранні грошай у Зэльвян. Грошы было загадана вярнуць, а Зэльвяне павінны былі самі разбірацца з Раманам (3 ліпеня 1540 г.)¹. 26 ліпеня 1540 г. бурмістр Раман падаў скаргу на Андрэя Семеніковіча за невяртанне пазыкі – 80 грошаў. За гэту суму Андрэй адправіў да бурмістра службы сына. Ён быў пасланы разам з таварышамі ў Прусію, каб гнаць туды жывёлу. Але, дайшоўшы да месца, сын уцёк. Андрэй настойваў, што сын быў узяты для хатняй службы. Гэта не было прынята пад увагу судом і прысудзілі вярнуць грошы ці адслужыць [3, с. 127–128]. Сыходзячы з гэтай скаргі, можна меркаваць, што Раман быў купцом і вёў гандаль з Прусіяй. На той час меў магчымасць для сваіх спраў наймаць людзей, а не самому ездзіць.

Жонка Рамана падала скаргу на адэльскага падданага Ждана Багдановіча, што ён пакасіў сена на сенажаці, якую аддаў ім у заставу. Ждан сцвярджаў, што аглядаў сенажаць, якая знаходзілася побач. Аднак ездзіў на вазу, а не на кані і не хадзіў пешшу. Воз з сенам пакінулі пры замку, Ждана адправілі да хаты, а справу адклалі да вяртання мужа ад Боны Сфорцы (25 верасня 1540 г.)². Найбольш верагодна, што выезд Рамана да вялікай княгіні быў звязаны з вырашэннем нейкіх гарадскіх спраў. Прывілеі Боны Сфорцы 1540 і 1541 гг. сведчаць пра яе актыўны ўдзел у жыцці горада.

У сям’і Рамана нарадзіліся сыны Сямён, Іван і Андрэй, дачка Марта. У дакументах яны пісаліся з прозвішчам “Романович”. Мужчынскі род пайшоў далей толькі па Сямёне.

У *Андрэя* былі дзеці Фёдар і Марша [5, воп. 1, спр. 11, арк. 54адв.–57]. Ён валодаў дваром на Падолі і двума валокамі ў вёсцы Гнойніца [6, с. 48, 84].

Іван таксама як бацька займаў пасаду бурмістра. На гэтай пасадзе ён згадваецца ў 1568, 1570, 1577, 1583, 1588 гг. [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 4, арк. 6–11; КМФ-18, спр. 62, арк. 75 адв.; спр. 59, арк. 53; спр. 280, арк. 91адв. 10, л. 17–18]. Зразумела, што Іван не адразу стаў бурмістрам, але пачатак яго кар’еры ў магістраце выявіць не атрымалася. Але як мінімум з 1567 г. ён ужо быў у складзе рады. Неаднаразовае займанне пасады бурмістра сведчыць пра яго значны ўплыў у магістраце. Пасля падскарбія ВКЛ Лаўрына Войны Іван атрымаў у арэнду гарадзенскае маставое мыта на перыяд 1578–1581 гг. Ён павінен быў выплачваць у год 80 коп літоўскіх грошаў (1588) [5, КМФ-18, спр. 59, арк. 53–53адв.].

Іван займаўся і гандлем. Бурмістраўска-радзецкі суд Коўна прысудзіў выплаціць яму кампенсцыю 100 коп літоўскіх грошаў. У 1582 г. ковенскі

мешчанін Мацей Гувіловіч Бурніскі павінен быў даставіць у Гародню 3 лашты солі, кожны лашт па 10 коп і 30 грошаў. Грошы ён атрымаў, а тавар не даставіў. У якасці доказу была прадстаўлена перад судом дамова. Бурніскі выканаў рашэнне суда (1583) [7, л. 17–19].

Іван валодаў пляцамі на вул. Дзям’янаўскай і Но-вадворскай, валокамі ў вёсцы Гнойніца (1561) [6, с. 36, 62, 84]. Гарадзенскі харужы Фёдар Іванавіч Кунцэвіч прадаў яму за 20 коп агарод. Раней ён набыў яго разам з Тужовічамі (Паснікоўшчына) у Настасі Сангушкаўны, жонкі Сямёна Адзінцэвіча. Агарод межаваў адным бокам з вуліцай, якая ішла з Падолу да царквы Чэснага Крыжа, міма старой Плітніцы, другім – са старой дарожкі, а трэцім – са сцежкай, якая ішла паміж ірвамі, а адным бокам – з агародам нябожчыка Сямёна Цітовіча, гарадзенскага пратапопа, а чацвёртым – з грунтам гарадзенскага мешчаніна Паўла Манчохі.

Маёмасць належала да шляхецкай юрысдыкцыі (1573) [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 9, арк. 490–491]. Пералічаныя вышэй факты сведчаць пра заможнасць Івана.

Бурмістр таксама фігураваў у судовых справах. Ён падаў скаргу на Фёдара Сасіна з-за укрыццё яго збеглай чэлядзі (5 кастрычніка 1568) [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 4, арк. 6–11]. Іван выклікаў у суд зямляніна Якуба Жэліслаўскага па справе аб незаконным трыманні яго ў зняволенні (1568 г.) [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 5, арк. 72]. Іван меў справу са шляхцічам Станіславам Хадакоўскім і яго жонкай Барбарай з-за зямлі ў Малахавічах (1586) [5, КМФ-18, спр. 280, арк. 91адв.–92адв., 119–119адв.].

У Івана была толькі дачка Ганна. Яна выйшла замуж за гарадзенскага шляхціча Івана Пуціўляніна Свяцкага. Яго бацька Грыгорый Іванавіч за пасаг у суме 60 коп літоўскіх грошаў запісаў нявестцы 200 коп вена на частцы сына на Свяцку (1575).

Іван перанёс вена на Ліпкуяны (Троцкі павет) як на 1/3 сваіх маёнткаў (1574). Задобрае дасябестаўленне падарыў жонцы фальварак Лаздзеля [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 8, арк. 100адв.–106адв.]. Гэта неадзінкавы выпадак шлюбу паміж мяшчанкай і шляхцічам у гарадзенскім рэгіёне.

Па законе шляхта надавала саслоўны статус жонкам. Таму мяшчанкі з заможных сем’яў прываблівалі мясцовую шляхту.

Ганна была адзінай спадчынніцай бурмістра. Пасля смерці бацькі атрымала пляц на Падольнай, які быў набыты ў Ф. Кунцэвіча. Разам з мужам яны прадалі яго за 40 коп Марціну Сямёнавічу Макрэцкаму.

На той час пляц межаваў адным бокам з вуліцай да царквы Св. Крыжа, другім – з домам нябожчыка Сямёна Лук’янавіча, трэцім – з домам плямённіка Ганны – Фёдара Андрэевіча Раманавіча, дзе жыў венгр Балвер Марцін, чацвёртым – з пляцам Юрыя Сямёнавіча (1597) [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 15, арк. 335адв.–337].

Марта выйшла першы раз замуж за Пілецкага, а другі – за гарадзенскага шляхціча Фёдара Даманоўскага. Дачка заможнага бурмістра была добрай партыяй для шляхціча.

¹ У крыніцы толькі называюцца “Зэльвяне”, больш інфармацыі не прыводзіцца. Сыходзячы з назвы можна меркаваць, што паходзілі з Зэльвы (цяпер мясцовасць у Гродзенскай вобласці) [3, с. 123–124].

² Імя жанчыны не згадваецца [3, с. 171].

У 1571 г. яны разам згадваліся ў судовым працэсе з Богушам Сцярыпейкам за права валодання застаўным маёнтка Лаша, які знаходзіўся каля Індур³.

У шлюбе ў Фёдара і Марты не было дзяцей. Муж памёр раней, а Марта дажывала свой век у пляменніцы Ганны, дачкі Івана Кудзеўскага і яе мужа Івана Свяцкага. Тэстамент яна склала 15 лютага 1589 г., прызнала яго ў гродскім судзе 18 лютага, а пераакацыя ў земскім судзе была 10 студзеня 1591 г. Сваякі за дагляд атрымалі маёнтка Дзямідкава ў Гарадзенскім павеце. У дакуменце згадваліся дзеці Андрэя – Фёдар і Марша. Фёдар атрымаў у маёнтку дзве часткі грунту і сенажаць, а Марша, якая пры ёй пражывала – рухомыя рэчы. Тэстатарка прасіла пахаваць яе цела ў Прачысценскай царкве ў Гародні [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 11, арк. 54адв.–57].

Пасля смерці жанчыны адбыўся судовы працэс паміж сваякамі (1594). Скаргу падалі дзеці Сямёна Кудзеўскага, іншыя пляменнікі Марты – Яраш і Астафей ад сябе і ад імя сясцёр Багданы (жонка Андрэя Міцкевіча) і Паланеі (жонка Андрэя Талочкі) – на Івана Свяцкага і яго жонку Ганну Кудзеўскую, а другую скаргу – на Фёдара Андрэевіча Кудзеўскага. Спрэчка ішла за спадчыну цёткі – маёнтка Дзямідкава [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 13, арк. 441–445адв.].

Скаржнікі сцвярджалі, што 9 лютага 1589 г. Свяцкія самі прыехалі ў маёнтка Дзямідкава. Марфа была хворая, забралі яе разам з рэчамі да сябе ў дом на Падоле. Там яе трымалі да самай смерці. Карыстаючыся хваробай, намовілі ў тэстаменце запісаць на іх Дзямідкава і рухомыя рэчы. Хоць згодна з правам уся яе маёмасць размяркоўвалася паміж сваякамі. Пры гэтым слугам і чэлядзі забаранілі даваць Марфе магчымасць для кантакту з іншымі сваякамі. Пахавалі яе не па-хрысціянску і не па звычаі. Нікому не паведамілі пра яе смерць. Пахаванне адбылося 21 лютага 1589 г. у Прачысценскай царкве. Скаржнікі запыталі ў Свяцкіх пра яе тэстамент перад людзьмі з земскага суда і магістрата, але яны не паказалі дакумент і пайшлі. Сумнеў у Кудзеўскіх выклікала адпаведнасць заканадаўству дакумента, а таксама магчымасць прыехаць у горад ураднікаў гродскага суда. Ураднікі жылі па-за межамі горада: падстароста Уданоўскі Венцлаў за 4 мілі, а суддзя Багдан Словік за 10 міль.

Умацаванаму з боку Свяцкіх прыйшлося прадставіць тэстамент, каб даказаць яго сапраўднасць і адпаведнасць праву. А таксама адзначыць, што як шляхцянка Марфа мела права самастойна распараджацца маёмасцю. У выніку тэстамент прызналі адпаведным праву і пакінулі пры моцы. Заўважым, што звесткі ў справе супадаюць з тэстаментам.

Сямён Кудзеўскі судзіўся з жыдом Лазарам Ліхманам. Апошні пазычыў у яго 4 капы і 45 грошай пад заставу срэбраных рэчаў. Але ў вызначаны тэрмін не змог іх выкупіць. Лазар пры сведках казаў, што рэчы Сямён можа пакінуць у сябе (1541) [3, с. 283–284].

У валочнай памеры згадваецца пра валоданне Сямёнам пляцам на вул. Мірсніцкай, валокай у вёсцы Гнойніца і двума валокамі ў вёсцы Малахавічы⁴.

Сямён быў жанаты з Марынай Сямёнаўнай. Пасля яго смерці яна выйшла замуж за шляхціча Яна Стабінскага. У 1573 г. яна фігуравала як яго жонка [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 7, арк. 170адв.–172адв.; спр. 15, арк. 262адв.–264; спр. 16, арк. 262адв.–264]. Значыць да таго часу Сямён ужо памёр. Аднак ці быў гэта адзін шлюб у яго жыцці, дакладна сказаць цяжка. З дакументаў вядома, што пасля Сямёна засталіся дзеці Яраш, Астафей, Багдана і Паланея. Сыны займалі пасады ў гарадзенскім магістраце.

Яраш фігураваў на пасадзе лаўніка (1597, 1610) [1, AR, dz. XVIII, sygn. 304, k. 1–6; 8]. Ён меў дом на Падоле. Пра гэта згадваецца ў продажы дома шляхцянке Аўдоціі Мацееўны Грычынавай Вайнянкі, удавы Канстанціна Кунцэвіча, шляхцічу Якубу Гзоўскаму. Ён межаваў з домам Яраша (1590) [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 11, арк. 106–107].

Паланея выйшла замуж за Андрэя Юр’евіча Талочку 5 ліпеня 1573 г. Гэта быў яго другі шлюб. Змовіла дачку маці Марына Сямёнаўна, якая на той час ужо была жонкай шляхціча Яна Стабінскага, з бацькам жаніха. Яна дала пасаг 20 коп літоўскіх грошаў і рухомыя рэчы ў гэтай жа суме. Вена было запісана Андрэем у 110 коп на 1/3 Жыдомлі і Малявіцаў. У шлюбе нарадзіліся Сямён, Павел, Якуб, Марына, Ганна і Барбара. Пасля смерці мужа Паланея падала скаргу на пасербаў Яна і Войцеха, а таксама на сына Сямёна, які быў адзіным з дзяцей паўналетнім на той час, за невылучэнне ёй ўдовінай часткі. Быў прадстаўлены вяноўны запіс мужа ад 5 ліпеня 1577 г., які быў актываваны 22 чэрвеня 1578 г. Запіс мужа прызналі праўным і слушным для вылучэння 1/3 Жыдомлі (1599) [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 7, арк. 170адв.–172адв.; спр. 15, арк. 262адв.–264; спр. 16, арк. 198–199].

Багдана першы раз выйшла замуж за Андрэя Міцкевіча (Міціковіча), а другі – за Войцеха Залескага. Яна памерла бяздзетнай. Усё сваю маёмасць пакінула сваякам – лаўніку Фёдору Юрэвічу і яго жонцы Ганне Талочкаўне⁵. Апошняя была яе пляменніцай, дачкой Паланеі. Кудзеўскія – Сцяпан, Матыс, Станіслаў, Ян і муж іх сястры Станіслаў Табенскі падалі скаргу на спадчыннікаў Багданы. Іх абвінавачвалі ў тым, што яны забралі рухомыя рэчы і нерухомасць памерлай іх цёткі. Ф. Юрэвіч сведчыў, што трымаюць маёмасць згодна з тэстаментам. Быў прадстаўлены дакумент за 1621 г., які быў актываваны перад урадам. Маёмасць жанчына падаравала па наступных прычынах: яны былі сваякамі, даглядалі яе падчас хваробы, выпла-

⁴ У валочнай памеры ён пішацца як Сяхно, а не Сямён [6, с. 31, 73, 85].

⁵ Ганна Талочкаўна памерла ў 1644 г. Па тэстаменце яе дом на вул. Маставой быў падзелены паміж мужам Ф. Юрэвічам і пляменніцамі Люцыяй (жонка злотніка Лукаша Скроблякевіча) і Альжбетай (жонка Тамаша Дмухоўскага) [5, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 102–103, 105–106, 276–276адв.].

³ Імя Пілецкага дакумент не згадвае [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 6, арк. 135–138, 877–885].

цiлi пазыкi. Уласнасць была набыта разам з мужамi. Аб гэтым сведчыў выpis з войтаўска-лаўнiцкага суда 1576 г., тэстамент А. Мiцкевiча за 14 чэрвеня 1594 г., запiс Мiцкевiча за 7 кастрычніка 1594 г. Кудзеўскія настаявалi, што тэстамент не адпавядае Магдэбургскаму праву. Але высветлiлася, што маёмасць Багдане прыйшла не дзедзiчным правам i не праз падзел, а праз мужа. Таму яна мела права распараджацца ёй па сваiм меркаваннi. Войтаўска-лаўнiцкi суд права на маёмасць прысудзiў Багдане i нашчадкам, а тэстамент пакiнуў у моцы. Гэты дэкрэт быў пацверджаны (1622, 1623) [5, КМФ-18, спр. 302, арк. 45адв.–46адв.].

Верагодна, наступны працэс быў звязаны з папярэднiм у плане канфлiктных адносiнаў. Фёдар Юрэвiч падаў скаргу на Сцяпана Кудзеўскага спачатку ў магістрат, а пасля – у Асэсарскi суд з прычыны “пахвалак”, нападу на дом i збiцця на дарозе чаляднiка. У магістраце Кудзеўскi сцвярджаў, што не адносiцца да гарадской юрысдыкцыi, бо не пражываў у горадзе. Ён не з’яўiўся ў Асэсарскi суд, якi ўхвалiў рашэнне магістрата i прызначыў выплаты за шкоды Кудзеўскаму (1622) [5, КМФ-18, спр. 302, арк. 20–21]. Сцяпан быў жанаты з Ягнешкай Крыкоўскай. Пасля смерцi мужа яна выйшла замуж другi раз за Крыштафа Календу⁶.

Астафей згадваецца лаўнiкам (1588), бурмiстрам (1593, 1598), радцам (1608), лентвойтам (1616) [5, КМФ-18, спр. 77, арк. 508адв.; спр. 287, арк. 486–486адв.; 9; 10, f. 1282, ар. 1, b. 11218]. Ад магістрата Астафей займаўся справамі аб нявыплаце шляхтай чыншу з пляцаў, якiя знаходзiлiся пад гарадской юрысдыкцыяй. Ён атрымаў выpis з гродскага суда аб перадачы скаргi ад гарадзенскiх мяшчан кухмiстру ВКЛ Мiкалаю Сапегу (1604) [11, l. 23].

Па прычыне ўбоства дзве валокi Кудзеўскiх былі вызвалены ад падаткаў у 1609 г. [11, l. 31] Але дакумент не ўдакладняе iмёны Кудзеўскiх. Аднак, верагодна, гэта былі браты Яраш i Астафей.

Астафей валодаў домам на вул. Маставой на Падоле. У продажы 1608 г. Крыштафа Крыштафавiча Радзiвiла двара Адаму Храбтовiчу згадваецца, што ён знаходзiўся каля Нёмана, як iсцi з замку вулачкай каля царквы Св. Прачыстае на Падол па правай руцэ, з аднаго боку памiж домамi падкаморыя Грыгорыя Масальскага i А. Кудзеўскага [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 18, арк. 287адв.–288адв.].

Канстанты Турчыновiч i Ганна Лапянка атрымалi 300 коп лiтоўскiх грошаў за застаўную маёмасць Сцяпейкi ў Гарадзенскiм павеце ад Астафея Кудзеўскага i яго жонкi Рэгіны дэ Грыпаўны праз зяця Станiслава Табенскага. Яму фальварак цесць перадаў у вечнае валоданне (1617)⁷. З дакумента вынікае, што Астафей быў жанаты з дачкой муляра з Італіі Антонія дэ Грыпы, якi быў запрошаны С. Баторыем для будаўнiцтва замка i Фарнага касцёла [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 25,

арк. 211–211адв.]. Рэгіна была яшчэ жывая ў 1665 г. [5, ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 116–117]. У шлюбе нарадзiлiся Сцяпан, Матыс, Станiслаў, Ян, Мiкалай i дачка, якая пазней выйшла замуж за С. Табенскага [5, КМФ-18, спр. 302, арк. 45адв.–46адв.].

Сцяпан, Мiкалай i Ян прадалі бацькоўскi пляц на вул. Маставой Астафею Курчу. Ён знаходзiўся з левага боку як iсцi на Рынак, межаваў з аднаго боку з пляцам Грыгорыя Вараб’я, з другога – з пляцам кляштара бернардынак, дзе жыў Ян-маляр, з трэцяга боку – з вулiцай, якая дзялiла той пляц з пляцамі мяшчан бернардынак, з чацвёртага боку – з вул. Маставой. А. Курч падарыў пляц французскаму кляштара ў 1635 г. [12].

Матыс Кудзеўскi займаў пасаду лаўнiка ў 1625 г. Хаця перыяд на пасадзе мог быць даўжэйшым. Ён меў дачку Ядвiгу. Яна выйшла замуж за Аляксандра Максімавіча Хацкевiча. Яны набылі ў радцы Яраша Высоцкага i Дароты Земброўскай 4 валокi ў Гнойнiцы i Малахавiчах за 2000 злотых (1640).

Пазней А. Хацкевiч i Ядвiга прадалі частку Станiславу Іванавiчу Бутоку i Ахапе Харасімавічоўне за 50 коп (1643) [5, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 144адв.–146адв., 254–254адв.].

Мiкалай Кудзеўскi фігураваў на пасадзе лаўнiка (1638, 1639), радцы (1640–1650, 1654, 1659–1665), бурмiстра (1655) [5, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 90–95, 101адв. i iнш.; КМФ-18, спр. 124, арк. 185адв. – 186; ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 3 i iнш.; 10, f. 694, ар. 1, b. 4624, l. 2, 4–5, 6–7v]. Як мiнiмум, яго праца ў магістраце налічвае 27 год. Яна прыйшла на вельмi цяжкi перыяд, на вайну 1654–1667 гг. У дакументах адзначана прысутнасць Мiкалая на пасяджэннях судоў, але пра тое, як ён выконваў сваю працу, якiм быў узровень яго кампетэнтнасцi, сказаць вельмi цяжка.

Мiкалай быў жанаты з Гальшкай Зялескай. Гэта быў яе другi шлюб. Першы раз яна была замужам за лаўнiкам Касперам Рэйхембергам⁸. У дом мужа ўнесла пасаг 1000 злотых, за што атрымала запiс на маёмасцi. У шлюбе нарадзiўся сын Астафей, якi да дасягнення паўналецця выходзiўся ў сям’i з Кудзеўскiм. Грошы – 900 злотых, якiя былі ўнесены Гальшкай у другiм шлюбе, пайшлі на выплаты пазыкаў i побытавыя справы. У 1645 г. Гальшка i Мiкалай вылучылі Астафею спадчыну: 1,5 валокi ў Малахавiчах, 0,5 у Гнойнiцы, 4 валы, 2 каровы, 2 кані, 2 авечкi, 5 свiней. А Мiкалай Кудзеўскi павiнен быў пабудаваць святлiцу з сеньямі i адрыну, даць за збожжа 150 злотых [11, l. 47].

Пра Гальшку i яе першага мужа Каспера Рэйхенберка ўтрымліваецца iнфармацыя ў iншых дакументах. Яны ў свой час мелі грунты ў Малахавiчах. Марцін Станiслававіч Сцернік i Агап’я Цiмохаўна прадалі за 30 коп лiтоўскiх грошаў чвэрць грунту ў Малахавiчах, якая была набыта ў Рэйхенберка i яго жонкi Балтрамею Кашоўнiку i Еве Дайновiчаўне (1642). Ян Івановiч i Ахіма Дурнейкаўна набылі за 20 коп у Марціна Станiслававіча i Агап’i Шульцаўны

⁶ Згадка пра другi шлюб Ядвiгi ўтрымліваецца ў дакуменце за 1642 г. [2, КМФ-18, спр. 302, арк. 236адв.–237].

⁷ У дакуменце пра А. Кудзеўскага адзначана як пра зямлянiна [5, ф. 1755, воп. 1, спр. 25, арк. 211–211адв.].

⁸ Каспер Рэйхенберг згадваецца на пасадзе лаўнiка ў дакуменце 1629 г. [1, Archiwum Radziwiłłów, dz. XVIII, sygn. 304, 313, k. 27].

палову валокі ў Малахавічах, якую раней яны таксама купілі ў Рэйхенберка (1638) [5, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 212–214].

Мікалай напісаў тэстамент 4 мая 1665 г., а актыкаваны дакумент быў 12 мая [дадатак 1]. Ён прасіў пахаваць цела ў бернардынскім касцёле, у склепе пры жонцы. Рухомыя рэчы былі забраны маскоўскім войскам і на той час нічога не засталася. Ад жонкі Мікалая засталіся дзве незасяяныя валокі ў Малахавічах, дзе знаходзілася толькі пякарня. Гэта маёмасць павінна была перайсці па спадчыне пляменніку Яну Кудзеўскаму. Але за тое, што ў старасці Мікалай не меў шанавання, трываў збіццё і абразы, пляменнік быў выдалены ад спадчыны. За дапамогу ўсё было запісана лентвойту Ганусу Паўльсену. Са згаданых двух валок палова знаходзілася ў заставе ў татарына Юхны. Акрамя таго, Мікалай прасіў яго пахаваць і памінаць яго душу і душу жонкі, а таксама заплаціць пазыкі. У выпадку смерці Яна Кудзеўскага яго пляц пераходзіў да Мікалая, а той яго перадаваў брацтву Святой Тройцы. У маці для панны Рэйхенберкаўны прызначалася тры падушкі, дзве пярыны, коўдра, два тканяныя абрусы і скрыня з хустамі. У гэтай жа скрыні знаходзіліся ўсе дакументы на маёмасць, якія павінен быў узяць Паўльсен. Першы тэстамент, у якім былі запісы Казіміру Цвіклічу, Мікалай скасаваў. У прысутнасці ўраднікаў пра пазыкі Кудзеўскага згадаў Аляксандр Хацкевіч (60 злотых), бурмістр Войцех Пятроўскі (8 злотых), лаўнік Сымон Шаматула Сапінскі (2,5 злотых) [5, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 116–117].

З тэстамента вынікае, што свае апошнія гады Мікалай дажываў вельмі цяжка. Яму дапамагаў Г. Паўльсен. Вайна істотна падарвала яго матэрыяльны стан, а канфлікт з пляменнікам – фізічны і маральны. Гэтай крыніцы недастаткова, каб высветліць прычыны нягоды паміж сваякамі, але крыўда Янам была нанесена сур'ёзная, калі яго аддалілі ад спадчыны. З дакумента вынікае, што на той час жылі толькі маці Мікалая і пляменнік Ян, пра іншых сваякоў згадак не было.

Пляменнік Ян Кудзеўскі меў пляц на Падоле. Пра яго згадвалася ў продажах Крошнеўчанака Альжбеты, жонкі Мацея Карлоўскага, і Люцыі, жонкі радцы Яна Зелепугі, а таксама Клімчовічаў – Яна, Войцеха, Стэфана і Евы (1673). Пляцы побач з былой царквой Чэснага Крыжа скупаў Андрэй Катовіч для заснавання на іх касцёла і кляштара кармелітаў босых. Ян таксама прадаў свой пляц на вул. Чэснахрысцінскай за 200 злотых. Ён межаваў з аднаго боку з пляцам Карлоўскай, з другога – з пляцам нашчадкаў мешчаніна Марціна Клімчовіча, чолам – з вул. Чэснахрысцінскай, а тылам – з пляцам Прылуцкага (1673). Прычым дакумент Кудзеўскі падпісаў сам. Гэта сведчыць аб тым, што ён атрымаў адукацыю, бо даволі часта за мяшчан ставілі подпісы ўраднікі [5, ф. 1761, воп. 1, спр. 1, арк. 262адв.–263адв., 264адв.–265, 272–273]. Ян не згадваецца ў рэестры Гародні за 1680 г., як і прозвішча Кудзеўскіх. Верагодна, ён на той час ужо памёр і не пакінуў нашчадкаў. Аднак дакладна ўстанавіць, чым быў сынам Ян, не атрымалася.

Заклучэнне. Такім чынам, на працягу двух стагоддзяў род Кудзеўскіх быў уключаны ў сістэму кіравання

горада. Пасады ў магістраце займалі Раман, Яраш, Астафей, Іван, Сямён, Мацей, Мікалай. Самай высокай пасады, бурмістр, атрымалася дасягнуць у Рамана, Астафея і Мікалая. Дакладна вядома, што гандлем займаліся Раман і Іван. Прычым гэта быў міжнародны гандаль з Каралейцком. Пра прафесіі іншых асобаў дакладна сказаць цяжка. Яна таксама маглі працягнуць сямейную традыцыю. Матэрыяльны стан і сацыяльны статус дазволілі прадстаўнікам роду наладзіць кантакты з гарадзенскай шляхтай і нават развіць шлюбныя стратэгіі ў накірунку да гэтага саслоўя. Шлюб браўся з прадстаўнікамі сярэдняй і дробнай шляхты. Сярод іх былі Свяцкія, Даманоўскія, Міцкевічы, Талочкі і інш. Вайна 1664–1667 гг. істотна падарвала эканамічны стан Кудзеўскіх, як і іншых гарадзенскіх мяшчан. Бурмістр Мікалай быў апошнім, хто атрымаў пасады ў гарадзенскім магістраце.

Датак 1. Тэстамент Мікалая Кудзеўскага 1665 г.

Тэстамент прыводзіцца на мове арыгіналу. Напісаны на польскай мове XVII ст. Скароты раскрыты, пераклад лацінскіх слоў дадзены ў спасылках. Дакумент захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (ф. 1800, воп. 1, спр. 1, арк. 116–117).

[116] Działo się na urzędzie Woytowskim Ławniczym Grodzienskim in presentia⁹ Szł(ache)tnych Panow Hanusa Paulsena lantwoyta, Matyasza Massnickiego, Fiodora Bobrykiewicza, Jakuba Szarawskiego, Kaspra Wroblewskiego, Adama Iwaniszewskiego, Symona Szamotuły Sapinskiego Ławnikow, dnia 12 Juny A(nn)o 1665.

Testament nieboszczyka Pana Gudaiewskiego¹⁰

Przed kturym urzędem powstawszy z mieysc swoich Szł(ache)tni Panowie Matyas Massnicki y Adam Iwaniszewski ławnici testament zeszłego nieboszczyka P. Mikołaja Gudaiewskiego raycy grodz(iens)kiego przyznali y do akt podali w te słowa pisany.

Ja Mikołay Gudaiewski rayca grodzienski czynie wiadomosc tym moim ostatniemu woli zapisem testamentem iz ia wysz mianowany Gudaiewski widząc w podeszłym wieku moim blisky kres zycia moiego przy słabosci zdrowia moiego, a tak cieszkiey chorobie moiey Naywyszemu Tworcy memu dziękuję iz mię na tamten swiat zostawiać przy zupełnym rozumie w tym ostatnym punkcie zycia mego zachowac raczył. Dusze tedy moią grzeszną w ręce nieagarnionie miłosierdzia Boskiego oddaia. A ciału memu pogrzeb w kosciele Wielebnych Oycow Bernardynow conventu grodzienskiego w sklepe, gdzie nieboszczka małzonka moia lezy naznaczam. Ubostwem zas moim ktorego bardzo mało, bo wszystko ubostwo moie nieprzy(iace)ł zabrał. Nic tedy z ruchomosci iako srebra, złota, cyny, miedzi nie maiąc, gruntami nie miał a swemi mnie od nieboszczki małzonki moiey in umi reformationis¹¹ zapisane mi, to iest włok dwie we wsi Małachowiczach goła

⁹ У прысутнасці.

¹⁰ Падкрэслена ў дакуменце. Тут і далей памылкова пішацца прозвішча. Трэба – Kudajewski.

¹¹ Запіс.

nie zasiane na których tylko piekarenka stoi lubo by iure successionis synowcowi memu Janowi Gudaiewskiemu należały, ale ze w starosci moiej y w ciężkim upadku y ubostwie moim lat przeszłych od pomienionego synowca moiego wiele razy iako słowami uszczypliwymi y niewstydliwymi zelzowy, a po kilka krwe y zbyty ciężko, a tych tedy mian onego od succesią oddalam a lubo bym takowe onego występki o ktore niepoiednikrotnie przed P. Lantwoytem grodzienskim wskazałem się teraz przebaczył, przebaczyć chciał iako z te wszystkie urazy moie zelzywosc y obelge od iego poiętą opuszczam y przebaczam spodziewaiąc się po niekonczonym miłosierdziu Tworcy y Odkupcy mego ze tez Bog moy grzechy moie odpuscic raczy obawiając się przestrogi Boskie insi remis critis non remittentur nobis, ale iednak niestatek synowca mego y rozpustę maiąc przed oczyma, iz gdy by on się ten grunt w ręcie miał dostac pow(in)nieby za marną rzecz zbywszy mało co abo nie o dusze moią y małzonki moiej dbał y pominął z drugiej strony siła [116 адв.] dobrosci poratowania w ubostwie moim y w chorobie moiej pracom tego starania doznawszy sł(awe) tnego Pana Hanusa Paulsen lantwoyta grodzienskiego ku sobie za co nich mu Naywyższy stokrotnie nagrodza wszelkim darami swoimi z tych przyczyn czasy wieczniemi gruntu włok dwie, to iest pułtory nikomu nie zawiedzione, a ni żadnym długiem onerowane, a pułwłoki zastawione u Pana Juchna we zł 30 tatarzyna łosossienskiego za oddaniem tych pieniędzy temu Panu Juchne od Pana Hanusa onemu cale włok dwie czasy wiecznie leguię y zapisuię. A P. Hanus Paulsen lantwoyt grodzienski pogrzeb ciału memu iako zwyczaj sprawie ma y coroczney mszy swietych dnie spiwanych za duszę moią y małzonki moiej zakupic powinien Oycom Bernardynom za dług inny złotych 200 według legaciy nieboszczki siostrzenice moiej u Pani Tabenskiej Pan Hanus Paulsen odzyskac ma, a odzyskawszy Oycom Bernardynom oddac. A złotych 100 od teyze siostrzenice moiej mnie legowane tenze Pan Hanus Paulsen od Pani Tabenskiej odzyskac ma y za odzyskaniem tych pieniędzy długu złotych 60 winnego Panu Alexandrowi Chackiewiczowi, a złotych 30 Panu Janowi Gudaiewskiemu synowcowi memu takze winne oddac powinien będzie. Pani Łukaszowej Neapoliceiny jeczmiennia beczek dwie y ciwertek dwie oddac P. Hanus Paulsen powinien. A ze pewney nie mam wiadomosci iezeli synowiec moy w zywocie zostaje tedy plac iego wieczysty in quantum by go w zywocie nie stało mnie należący do Bractwa Troyce Przenaswiętszey leguię y zapisuię. W matce miey Pannie Rechemberkownie poduszek trzy, pierzyn dwie, kołderke, obrusow dwa tkackich, skrzynie z chustami temi teyze y matce moiej leguię y zapisuię. W teyze skrzynie sprawy wszytkie na grunty pomienione należąc zostaią, ktore Panu Hanusu Paulsenowi nalezec maią czasy wieczniemi. Tak tedy ostatnią wolą moją y testament koncza. Włok te dwie w Małachowiczach leżące nikomu inmemu tylko Panu Hanusowi Paulsenowi leguię y zapisuię. A testament moy pierwszy kturym tez dobra moie P. Kazimierowi Cwikliczowi legował cassuię annulluię. Pana Hanusa Paulseny upraszam aby za duszę moją y małzonki moiej dobrze czynił y nie przepominał. I na to dla lepszey wiary rękę moją własną przy bytnosci Panow ławnikow do tego testamentu ode mnie uproszonych

y od Pa(now) subdelegata deputowanych y przy calej wsi Małachowiczach mężach y sąsiadach moich kończąc podpisuię. Pisan w Małachowiczach. Roku Panskiego 1665 m(ie)s(ia)ca maia dnia 4. U tego testamentu podpisy ręk temy słowy. Mikołay Gudaiewski rayca grodzienski. Będąc ia iako subdelegat przydeputowanych z urzędy osobach przy ostatniej woli testamentu wyszmianowanego testatora Pana Mikołaja Gudaiewskiego raycy grodzienskiego. [117] Jakub Szarawski rayca grodzienski. Jan Zielepuha rayca grodzienski. Wiadomy tego testamentu y ustnie z urzędu przydany y przy smierci nieboszczyka będący za powtornym żądaniem Pana Kudaiewskiego przy bytnosci wszytkich sąsiad wsi Małachowicz rękę swą podpisał Matyas Massnicki ławnik grodzienski. Byłem przy tym testamencie deputowany od Pana Subdelegata sądy woytowskiego Adam Iwaniszewski ławnik przysięgły miasta JKM Grodna mpp. Po ktorego testamentu przeczytaniu będąc praesens P. Alexander Chackiewicz przypowiedanie swoje czynił iz nieboszczyk P. Mikołay Kudaiewski został winien onemu na oblig zł 60. Takze P. Woyciech Piotrowski burmistrz tegoroczny przypowiedał się nieboszczyk P. Kudaiewski został winien zł 8. Item P. Symon Szamatula ławnik przypowiedanie swoje czynił iz zł pułtrzecia został winien nieboszczyk.

Літаратура

1. Archiwum Główne Aktów Dawnych. – Dz. Metryka Litewska. – Sygn. 193; Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XVIII. – Sygn. 304, 313.
2. Lietuvos Metrika. Kn. 25 (1387–1546): Užrašymų knyga 25 / Parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – 460 p.
3. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. – Т. 17: Акты Гродненского земского суда. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1890. – 638 с.
4. Сліж, Н. Магдэбургскае права ў Гародні ў канцы XV – першай палове XVI ст.: увядзенне і развіццё / Н. Сліж // Гарадзенскі палімпсест. 2011. Асoba, грамадства, дзяржава. XV–XX стст. / пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Мінск, 2012. – С. 10–44.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1755. Воп. 1. Спр. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 15, 16, 18, 25; Ф. 1761. Воп. 1. Спр. 1; Ф. 1800. Воп. 1. Спр. 1; КМФ-18. Спр. 59, 62, 77, 124, 280, 287, 302.
6. Писцовая книга Гродненской экономии. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1882. – Ч. 2. – 607 с.
7. Vilnaus Universiteto Bibliotekos Rankraščių skyrius. – Kauno magistrato aktų knyga, 1583–91. – 322 l.
8. Gabinetrękopisów Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego. – Sygn. 260. – Dok. 42.
9. Lietuvos mokslų akademijos centrinės bibliotekos Rankraščių skyrius. – F. 16–207. – 3607 dokumentų XVI–XVII stst. – 951.
10. Kałamajska-Saeed M. Kościół p.w. Matki Boskiej Anielskiej i klasztor franciszkanów / M. Kałamajska-Saeed // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa trockiego. Grodno. – Cz. 4. T. 3 / Red. M. Kałamajska-Saeed. – Kraków, 2016. – S. 58–89.
11. Lietuvos Vaistybes istorijos archyvas. – F. 694. Ap. 1. B. 4624; F. 1282. Ap. 1. B. 11218.
12. НГАБ у Гродне. – Ф. 1664. Воп. 1. Спр. 380.

Паступіў у рэдакцыю 13.12.2020.

Перспективы исторических исследований в постколониальной индологии

Злобин С.С.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье рассматриваются перспективы адаптации достижений вызывающего большие споры направления постколониализма (постколониальной теории) в исследованиях истории Индии.

Цель статьи – выявление перспектив постколониальных исторических исследований на примере истории Индии.

Материал и методы. *Использованы передовые материалы современной историографии истории Индии, а также достижения постколониальной теории. Были применены традиционные и инновационные методы исследования, в частности дискурс-анализ и герменевтика, позволившие лучшим образом понять язык современной гуманитарной науки.*

Результаты и их обсуждение. *Постколониальные исторические исследования сегодня вынуждены противостоять острой критике. Выделяются основные стороны критики возможностей построения постколониальной историографии. Данная критика представлена, с одной стороны, указаниями на излишнюю обобщенность колониализма в постколониальной интерпретации и, с другой – неприятием игнорирования постколониализмом сложности доколониального периода. Однако работа постколониализма сосредоточена на ином эпистемологическом уровне, касающемся связности исторического нарратива. Постколониализм позволяет преодолевать в историческом рассказе об Индии скованность императивом линии авторитарного исторического времени, не рассматривать одни элементы как признаки отсталости, неразвитости, а другие как ориентиры уходящих вперед развитости и успеха.*

Деконструкция связности исторического нарратива может доходить до потери контакта между отдельными выражениями во фразе, как это происходит у Г. Спивак, которая перенасыщает свою работу метафорами из психоанализа и постмодернистскими терминами.

Заключение. *Исторические исследования, выведенные на уровень эпистемологии рассказа, необходимы для экономического, политологического, социологического изучения современной Индии, за которой прочно закреплен стереотип развивающейся страны, догоняющей развитые регионы мира.*

Ключевые слова: *постколониализм, Г. Спивак, Д. Чакрабартти, Х. Бхабха, оппозиция Индия – Британия, исторический рассказ, историческое время, исторический источник, индуизм, касты.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 81–85)

Prospects of Historical Studies in Postcolonial Indology

Zlobin S.S.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

The article discusses the prospects for adapting the achievements of post-colonialism (postcolonial theory), which causes great controversy, in the historical studies of India.

The article aims at identifying prospects of postcolonial historical studies based on the example of history of India.

Material and methods. *The advanced materials of modern historiography of the history of India, as well as the achievements of postcolonial theory were used. Traditional and innovative research methods were applied, in particular discourse analysis and hermeneutics, which made it possible to better understand the language of modern humanities.*

Findings and their discussion. *Today postcolonial historical research has to confront sharp criticism. The main aspects for criticism of the possibilities of building postcolonial historiography are highlighted. This criticism is presented, on the one hand, by indications to an excessive generalization of colonialism in a postcolonial interpretation and, on the other hand, by unacceptance of the postcolonial rejection of the complexity of the pre-colonial period. However, the main work of postcolonialism is focused on a different epistemological level regarding the coherence of historical narrative. Postcolonialism allows us to overcome the constraint of the imperative of the line of authoritarian historical time in the historical narrative about India, not to consider some elements as signs of backwardness, non-development, and others as landmarks of development and success that lie ahead.*

The deconstruction of the coherence of historical discourse can go as far as losing contact between individual expressions in a phrase, as it happens with G. Spivak, who oversaturated her work with metaphors from psychoanalysis and postmodern terms.

Conclusion: *historical research, brought to the level of the epistemology of the narrative, is necessary for the economic, political, sociological study of contemporary India, which is firmly entrenched in the stereotype of a developing country, catching up with developed regions of the world.*

Key words: *postcolonialism, G. Spivak, D. Chakrabarty, H. Bhabha, India – Britain opposition, historical narrative, historical time, historical source, Hinduism, castes.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 81–85)

Постколониализм – это направление в гуманитаристике, истоки которого связаны с выходом в 1978 г. книги работавшего в США арабского ученого Эдварда Саида «Ориентализм». По Э. Саиду, дискурс о Востоке представляет собой сложный комплекс знания/власти, где знание является коррелятом властных интенций Запада, который посредством различных дискурсивных практик о Востоке предписывает ему подчиненное географическое положение. Приращение Востока осуществлялось и осуществляется за счет монополии Запада на репрезентационные средства, что позволяет генерировать мифы, конструирующие единственно возможную реальность.

Индология занимает в постколониализме значительное место. Передовыми постколониальными исследователями являются Х. Бхабха, Г. Спивак, Д. Чакрабартти, П. Чаттерджи, которые строят свои теории на основе изучения колониализма в Индии. Рецепция постколониальных исследований колониализма в Индии оборачивается поиском наиболее подходящего термина для описания императива установления границ для объектов, испытывающих влияние колониальной власти. Таким термином может быть цивилизация, т.е. анализ колониализма в Индии осуществляется в постколониальной индологии в виде критики конструирования цивилизационно замкнутой Индии как оппозиции Британии (Западу), что придавало объектам, попавшим в колониальное пространство действия колониальной власти, те границы, которые отражали всю остроту оппозиции Индия – Британия (Запад).

В такой трактовке гуманитарные дисциплины предстают не как средство анализа какой-либо действительности, а как собственно та действительность, которая подлежит анализу. Гуманитаристика не предоставляет достоверной и истинной информации об окружающем мире и о самом человеке, а является следствием властных интенций колонизатора. Гуманитаристика – это та сетка, через которую видится мир и которая навязана в ходе европейской экспансии, эпистемологическое поле, тяжким грузом нависшее над идентификационными проблемами бывших колоний. Исторические знания выступают как часть этой сетки, и в постколониализме они рассматриваются с точки зрения роли, сыгранной ими в реализации колониальной власти (Д. Чакрабартти).

Представление истории как орудия колониальной власти не может не вызывать тревогу за судьбу исторических исследований (Ф. Купер, С. Саркар). Постколониализм обвиняется в следующем: вместо того, чтобы заняться настоящим исследованием истории

колониализма, он предпринимает непонятные нападки на какой-то абстрактный негативный колониализм.

Цель статьи – выявление перспектив постколониальных исторических исследований на примере истории Индии.

Материал и методы. Материалом послужили теоретические достижения постколониального дискурса и современной историографии истории Индии. В силу нечеткости многих постколониальных концепций, генеалогически связанных с постмодернизмом, а также широты разбираемого инструментария современной исторической науки, в статье наряду с традиционными методами исторической науки использовались также такие инновационные методы исследования, как дискурс-анализ и герменевтика, что позволило представить изучаемые понятия в более ясной и логичной форме.

Результаты и их обсуждение. Критика адаптации постколониализма в историографии, наверное, более обширна, чем признание достоинств постколониального поворота. Первое, что ей подвергается, – трактовка колониализма как феномена, одинакового во всех своих проявлениях. По мнению оппонентов, постколониализм продвигает упрощенный взгляд на колониализм как на время конструирования самых различных объектов. Ученые утверждают, что в зависимости от местных обычаев, особенностей действий колониальных властей колониализм в каждом отдельном случае представал в виде совокупности совершенно различных элементов. Если не учитывать этого, то появляется риск выбора только тех примеров, которые должны подходить под абстрактную схему общего колониализма. С. Саркар говорит, что П. Чаттерджи применил взгляды Э. Саида, касающиеся подавляющей природы колониальной власти пост-Просвещения, к колонизированной интеллигенции, которая была таким образом фактически лишена субъектности и стала считаться способной только на деривативные дискурсы. Колониальное культурное доминирование, лишенное всех сложностей и вариаций, сталкивается с туземной сферой, лишенной противоречий и конфликтов [1, р. 91–92].

Во-вторых, по мнению оппонентов постколониализма, присказка о том, что для понимания любой категориально-понятийной конструкции (санскрит, астика и настика, федеральное устройство Индии) следует обращаться к взаимосвязи появления этого понимания и колониализма, сводит на нет анализ эпохи до-колониализма в Индии. Американский исследователь Эндрю Николсон, получивший приз за лучший

дебют в области истории религий от Американской академии религии, начинает свою книгу «Унификация индуизма: философия и идентичность в индийской интеллектуальной истории» с того, что, признает правоту тех, кто отклоняет взгляд на индуизм как извечно существовавшее целое, но не соглашается с постколониальным тезисом о конструировании единой философии индуизма в колониальную эпоху. Э. Николсон выдвигает свою концепцию об унификации данной философии. Тезис Э. Николсона состоит в том, что между двенадцатым и шестнадцатым веками нашей эры определенные мыслители начали трактовать как единое целое различные философские учения Упанишад, эпоса, Пуран и школ, известных ретроспективно как «шесть систем». Индийские и европейские мыслители в девятнадцатом веке, которые развили термин «индуизм» под давлением новой объяснительной категории «мировые религии», находились под влиянием тех более ранних философов и доксографов, главным образом ведантистов, которые имели свои причины отстаивать единство индийской философской традиции [2]. Точно также Дэвид Лоренсен критикует тех исследователей, которые придают большое значение британскому конструирующему влиянию на появление понятия и феномена индуизма [3, р. 631]. Гийс Крейтцер в своей работе «Ксенофобия в Индии семнадцатого века» противопоставляет взгляду Б. Кона, согласно которому люди не категоризировали вещи до прихода европейской модернити [4, р. 6], характеристику предшествующей британскому колониализму истории Индии как наполненной разного рода стремлениями к разделению и тревогами [4, р. 6].

Однако постколониальное рассмотрение истории как орудия колониальной власти сложнее, чем просто утверждение, что истории как науки нет, а есть то, что придумали колониальные историки и чиновники.

Философ Г. Спивак сосредотачивается на проблеме исторических знаний как таковых. Здесь она развивает свою трактовку феномена угнетения, впервые выдвинутую ею в знаменитом эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (*Can the Subaltern Speak?*). Как отмечает Г. Спивак в посвященной исторической дисциплине главе своей книги «Критика постколониального разума» [5, р. 198–312], проблемы не только в написании истории отдельно взятого объекта (в данном случае рани (правительницы) Сирмура, а в написании истории в общем [5, р. 239]. Именно с таких позиций она исходит, когда берется за критику конкретного властного исторического колониального дискурса, построенного на трех британцах: капитан Джеффри Берч, установление беглым взглядом чужестранца как суверенного субъекта информации, агент-инструмент; майор-генерал сэр Дэвид Очтерлони, реинскрипция права как быть-принужденным, агент-стереотип империалистического злодея; разделенный господин в метрополии, испускающий желание преждевременно как закон, агент анонимный, потому что являющийся частью целого [5, р. 217]. Уже сам язык изложения

свидетельствует о неразрывности анализа конкретных вопросов использования британским колониализмом истории и вопроса о сути истории и историографии, для чего исследователь прибегает к таким авторам, как Ж. Деррида, З. Фрейд. Г. Спивак признается, что использует З. Фрейда для того, чтобы заимствовать соблазнительный и рискованный интерпретативный словарь и сильные метафоры [5, р. 209].

Но ведь существовали различные объекты исторических знаний. В колониальном пространстве могли находиться как знания о римской истории, так и о древней Индии, как об истории Британии, так и об истории других частей света. Как же они связывались в единое целое? Для ответа на этот вопрос стоит указать на особую структуру, способствовавшую появлению единого пространства существования для различных объектов исторического знания. Эту структуру можно назвать историческим временем.

В свою очередь, П. Чаттерджи указывает на обязательное применение модуса историчности для получения объективных знаний в рамках эпистемологии пост-Просвещения. По его мнению, разбираемое им творчество Бонкимчондро Чоттопадххая, великого бенгальского писателя, его метод, концепции и стили рассуждения находятся в рамках форм пост-просвещенческой научной мысли. Изучение социальных институтов или верований вынуждено содержать описание своих собственных внутренних историй – их истоков и процессов эволюции – точно также, как непринадлежащие к человеческому роду или неодушевленные существа стали областью естествознания (*natural history*) [6, р. 58]. Именно это вынудило Бонкимчондро отчислять и игнорировать множественные добавления, сокращения и редактирования к санскритским текстам о Кришне для того, чтобы достичь «первоначального исторического описания» жизни Кришны [6, р. 59].

Проблеме исторического времени в рамках постколониального поворота в индологии отводится большое место по причине того, что для постколониализма главным объектом критики является эпистемология европоцентричной эпохи модерна, существование которой возможно в первую очередь благодаря концепту исторического времени, т.к. важнейшими для модерна являются дискурсы, основывающиеся на том, что и человек, и общество имеют свою историю, свой поход из затерянного прошлого к современному состоянию.

Исследователь Л. Ганди видит в критике Ф. Ницше, в его рассуждениях о генеалогии один из основных теоретических фундаментов постколониальной теории. Ссылаясь на М. Фуко и его сочинение «Ницше, генеалогия, история», она говорит, что парадигматическая критика Ф. Ницше направлена на два фундаментальных гуманистических мифа: миф о чистом истоке и освободительный миф о прогрессе и телеологии [7, р. 37].

По Ф. Ницше, мы желаем пробудиться к чувству независимости человека, показывая его божественное

рождение. Эта вера теперь запрещена с тех пор, как обезьяна стоит у входа [7, р. 38].

Д. Чакрабартти отмечает, что современная политика часто обосновывается как история человеческой независимости, осуществляемой в контексте безостановочного разворачивания унитарного исторического времени [8, р. 15]. Благодаря использованию этого концепта допустимо сказать о том, что одни более развитые, а другие – менее. Одни (Запад – Британия) без помех шагают по лестнице рабовладение-феодализм-капитализм или общество традиционное-индустриальное-информационное, другие (Не-Запад – Индия) – нет; их путь наполнен пережитками и особенностями, которые создают в современности помехи для развития демократии, гражданского общества, гендерного равноправия, образования и медицины. Д. Чакрабартти говорит, что британцы завоевали и репрезентовали разнообразие индийских прошлых посредством гомогенизирующего нарратива перехода от средневекового периода к современности [8, р. 32].

Как можно не воспользоваться критикой связности исторического нарратива, возможностью разваливать вплоть до отдельных слов, казалось бы, незыблемые его части, возможностью не ограничиваться логикой, указывающей, какое физическое тело в какой период куда ходило, что при этом думало и переживало? Как не видеть удачу в пересмотре линейности и хронологичности истории, составленной из современной, средневековой, древней эпох, принимая вместо них за основное мерило исторического времени колониализм? Перед историческими исследованиями постколониализм открывает перспективы более глубокого исследования эпохи колониализма, а также более разностороннего рассмотрения предшествующего колониализму материала, более свободного отношения к историческому источнику.

Профессор Р. Инден в предисловии «От филологического к диалогическому тексту» к сборнику «Расспрашивая средневековое: тексты и история практик Южной Азии» одну из наиболее актуальных задач изучения т.н. средневековых текстов Южной Азии видит в смене монологического подхода на диалогический. Авторы и текстуальные практики перекрываются другими практиками – литургические практики монастырей и храмов, сельскохозяйственные практики деревень, политические и военные практики королевских дворов. Но историки склонны не замечать этих аспектов и составляют свои монологические тексты, властные нарративы национальной и цивилизационной истории. Первым принципом таких нарративов является размещение людей, институтов и событий, как если бы они были дискретными объектами, на гомогенной решетке времени-пространства. Такой подход принимает по большей части форму реконструирования «политической» хронологии, которая составляет «костяк» истории [9, р. 15].

Процесс становления касты как общественно-политической идентичности модерна рассматривается

в работе «Конструирование криминального племени в колониальной Индии» Г. Шварцем, где автор пытается отследить различные траектории выстраивания дискурса определенной социальной идентичности в рамках антисоциального, криминального поведения [10]. Интересно, как ученый находит место концепции «туги» (индийские разбойники) в колониальной системе знания. Г. Шварц разделяет колониальные знания на ориенталистские стереотипы, абстрактные знания, и более прагматичную способность сбора и обработки информации. Г. Шварц говорит, что туги воплощали несовершенную связь между двумя системами знаний [10, р. 57].

Яркой иллюстрацией генеалогии колониального контекста становления того или иного дискурса, тех или иных понятий является произведение профессора Кенского университета Ричарда Кинга «Ориентализм и религия: постколониальная теория, Индия и “мистический Восток”». Р. Кинг говорит, что его интересом в данной работе было изучение соединения постколониальной теории и сравнительного религиоведения. Конкретный же анализ был сосредоточен на идее «мистического Востока» как преобладающей теме в рамках западного понимания Индии как Другого, особенно относительно ученого подхода к религиоведению и мистицизму [11, р. 2]. Р. Кинг указывает во введении, что категория «мистическое», которая часто воспринимается как небесная, личная и аполитическая, на самом деле вовлечена в сеть властных отношений в контекстах, в которых она применяется [11, р. 2].

В своем исследовании Р. Кинг развивает эту идею в изучении роли западных ориенталистов и индийских интеллектуалов в конструировании образа индуизма как типа мистицизма, сосредоточенного на философии Веданты [11, р. 3].

Постколониальный поворот сыграл большую роль в появлении произведения Винаяка Чатурведи «Крестьянские прошлые: история и память в Западной Индии». Более всего в этом произведении интересна та работа историка, которую предлагает автор. В. Чатурведи говорит, что его книга – это книга исторических рассказов. Он не избегает фрагментарных источников, когда пишет эти рассказы, с результатом, что некоторые из них сами фрагментарны. Это решение позволяет ему включить свидетельства и доказательства, которые по-иному остались бы за пределами страниц истории. В архивных источниках интересующие В. Чатурведи группы населения упоминаются как часть сноски или просто мимоходом как незначительная административная деталь. Автор сделал много таких ссылок центральными для своего текста. То, что было раскрыто в процессе нахождения фрагментов в рамках источников, являлось комплексным миром, в котором крестьяне артикулировали идеологии, формировали организации и продвигали программы для трансформации в аграрном обществе. Конечно, это не язык источников, а адаптация В. Чатурведи. Но так он

внедрил область политического в свои собственные рассказы об интересующих его Дхарала [12, р. 14].

Отход от традиционности вынуждает исторические исследования пересмотреть отношение к материалу из других областей знания, особенно литературной критики, философии и культурологии. Понимать колониализм, то, как он проявлялся в различных формах, как использовал исторические знания, замкнувшись в рамках четкой исторической науки, нельзя. Как рассматривая связь между колониальной властью и историческим временем, можно обойти исследования знаменитого критика ограниченности понятия современности Х. Бхабха? Ученый советует прибегнуть к критике исторического времени для того, чтобы отойти от гомогенного описания культуры и обратиться к специфическим гибридным социокультурным формам.

В качестве примера этого поворота для индо-мусульманско-британского дискурса он приводит переинтерпретацию британского национального нарратива Салманом Рушди в «Сатанинских стихах». У.С. Рушди все основные понятия, начиная с самого главного понятия «нация», оказываются спародированы, лишены своей логичной линейности и приобретают новый, чуждый гомогенности и строгости смысл.

Заключение. Постколониализм открывает перед историческими исследованиями Индии широкие перспективы. То, что на первый взгляд угрожает исторической науке, только заставляет историков видеть новые горизонты. Возможность экспериментировать с историческим рассказом, отказ от детерминатива всеобъемлющего исторического времени позволяют переписать сложившиеся и уже ставшими классическими нарративы о современной, средневековой, древней истории Индии, перечитать источники, которые уже, казалось бы, не могут таить в себе ничего нового.

Для Индии, богатой исторически и культурно, работа с историческим рассказом, работа радикальная

и вызывающая, не просто желательна, но необходима для раскрытия всего ее потенциала в нашей общей современности.

Литература

1. Sarkar, S. Writing social history / S. Sarkar. – Delhi: Oxford Univ. Press, 1997. – X, 390 p.
2. Nicholson, A.J. Unifying Hinduism: philosophy and identity in Indian intellectual history / A.J. Nicholson. – New York; Chichester: Columbia Univ. Press, 2010. – XII, 266 p. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/read/338689167/Unifying-Hinduism-Philosophy-and-Identity-in-Indian-Intellectual-History>. – Date of access: 03.06.2019.
3. Lorenzen, D. Who invented Hinduism? / D. Lorenzen // Comparative Studies in Soc. and History. – 1999. – Vol. 41, № 4. – P. 630–659.
4. Kruijtzter, G. Xenophobia in seventeenth-century India / G. Kruijtzter. – Leiden: Leiden Univ. Press, 2009. – IX, 315 p.
5. Spivak, G.Ch. A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present / G.Ch. Spivak. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999. – XIV, 449 p.
6. Chatterjee, P. Nationalist thought and the colonial world: a derivative discourse / P. Chatterjee. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1993. – 181 p.
7. Gandhi, L. Postcolonial theory: a crit. introd. / L. Gandhi. – New York: Columbia Univ. Press, 1998. – X, 200 p.
8. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference / D. Chakrabarty. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2000. – 301 p.
9. Inden, R. Introduction: from philological to dialogical texts / R. Inden // Querying the medieval: texts and the history of practices in South Asia / R. Inden, J. Walters, D. Ali. – New York; Oxford, 2000. – P. 3–28.
10. Schwarz, H. Constructing the criminal tribe in colonial India: acting like a thief / H. Schwarz. – Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – VIII, 163 p.
11. King, R. Orientalism and religion: postcolonial theory, India and «the mystic East» / R. King. – London; New York: Routledge, 1999. – X, 286 p.
12. Chaturvedi, V. Peasant pasts: history and memory in Western India / V. Chaturvedi. – Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2007. – XXII, 308 p.

Поступила в редакцию 11.11.2020

ФИЛОСОФИЯ

Мировоззренческий синкретизм в религиозных представлениях белорусских татар-мусульман

Коршунова Я.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

На территории Беларуси уже 600 лет проживают татары-мусульмане, которые на протяжении веков сохранили свою религию – ислам. Однако, когда этнокультурная общность попадает в иные социокультурные условия, существенно отличающиеся от прежних, она неизбежно испытывает изменения под влиянием принимающей культуры и нового образа жизни. Такого рода изменения отразились в особенностях мировоззрения белорусских татар.

Цель статьи – охарактеризовать мировоззренческий синкретизм в религиозных представлениях белорусских татар-мусульман.

Материал и методы. В качестве основы для данной работы выступили российские, белорусские и зарубежные статьи и монографии, освещающие различные аспекты выбранной темы. Эмпирической базой исследования является русскоязычный перевод текста Корана. Достижение поставленной цели реализовано посредством методов теоретической, историко-культурной и историко-философской реконструкций.

Результаты и их обсуждение. В качестве основы религиозных представлений татар-мусульман Беларуси выступает ислам, который с момента появления турков в ВКЛ был фактором, скрепляющим данную этнокультурную общность. В то же время их религиозные представления – это сложный, синкретический комплекс, где ислам выступает смысловым ядром, чистота догматов которого неукоснительно сохраняется; однако на уровне повседневных практик он дополняется некоторыми домонотеистическими включениями (доисламского и дохристианского происхождения) и периферийными элементами христианства и иудаизма.

Заключение. Установлено, что разные типы мировоззрения формируются в зависимости от общественного уклада, в котором проживает этнокультурная общность. Архаический уклад является основой для возникновения нетеизма (анимизма и аниматизма), исторический – монотеизма. Строгие правила организации жизни и абстрактность религиозных концептов монотеизма, в частности, ислама, неизбежно приводит к использованию домонотеистических и магических практик в повседневной жизни, которые нацелены на результат «здесь и сейчас». Это явление представляет собой мировоззренческий синкретизм, который прослеживается в культурном опыте белорусских татар-мусульман, где при сохранении чистоты исламской традиции обнаруживаются элементы магических и политеистических представлений.

Ключевые слова: мировоззренческий синкретизм, религиозный синкретизм, религиозное мировоззрение, монотеизм, политеизм, ислам, белорусские татары.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 87–90)

Worldview Syncretism in Religious Beliefs of Belarusian Muslim Tatars

Korshunova Ya.A.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

Muslim Tatars have lived on the territory of Belarus for 600 years and have preserved their religion Islam over the centuries. However, when an ethnocultural community finds itself in other social and cultural conditions that are significantly different from the previous ones, it inevitably experiences changes under the influence of the host culture and a new way of life. Such changes were reflected in the peculiarities of the worldview of the Belarusian Tatars.

The purpose of the article is to characterize the syncretism of the world outlook in the religious beliefs of Belarusian Muslim Tatars.

Material and methods. This article was based on Russian, Belarusian and foreign articles and monographs covering various aspects of the chosen topic. The empirical basis of the research is the Russian-language translation of the Koran. The goal was achieved through the methods of theoretical, historical-cultural and historical-philosophical reconstructions.

Findings and their discussion. Islam acts as the basis of the religious beliefs of the Muslim Tatars in Belarus, which, since the appearance of the Turks in the Grand Duchy of Lithuania, was a factor that holds this ethnocultural community together. At the same

time, their religious concepts represent a syncretic complex, where Islam is the semantic core, the purity of the dogmas of which is strictly preserved; however, at the same time, at the level of everyday practices, it is supplemented by some pre-monotheistic inclusions (of pre-Islamic and pre-Christian origin) and peripheral elements of Christianity and Judaism.

Conclusion. It was revealed that different worldviews are formed depending on the type of social structure in which the ethnocultural community lives. The archaic way of life is the basis for the emergence of non-theism (animism and animatism), the historical one – of monotheism. Strict rules for organizing life and the abstractness of religious concepts of monotheism, in particular, Islam, inevitably lead to the use of pre-monotheistic and magical practices in everyday life, which are aimed at the result of «here and now». This phenomenon is a worldview syncretism. Worldview syncretism is found in the cultural experience of Belarusian Muslim Tatars, where, while maintaining the purity of the Islamic tradition at the level of everyday practices, elements of magical and polytheistic ideas are found.

Key words: worldview syncretism, religious syncretism, religious worldview, monotheism, polytheism, Islam, Belarusian Tatars.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 87–90)

На территории Беларуси уже 600 лет проживают татары-мусульмане, которые на протяжении веков сохранили свою религию – ислам. Однако, когда этнокультурная общность попадает в иные социокультурные условия, существенно отличающиеся от прежних, она неизбежно испытывает изменения под влиянием принимающей культуры и нового образа жизни. Такого рода изменения отразились в особенностях мировоззрения белорусских татар.

Цель статьи – охарактеризовать мировоззренческий синкретизм в религиозных представлениях белорусских татар-мусульман.

Материал и методы. В качестве основы для данной статьи выступили российские, белорусские и зарубежные статьи и монографии, освещающие различные аспекты выбранной темы. Эмпирической базой исследования является русскоязычный перевод текста Корана. Достижение поставленной цели реализовано посредством методов теоретической, историко-культурной и историко-философской реконструкций.

Результаты и их обсуждение. Религия представляет собой один из существенных факторов, формирующих мировоззрение любой этнокультурной общности, поскольку отвечает на запрос общности о существовании в трансцендентной перспективе. Если смыслы религии востребованы в поколениях, то она становится традицией. Одним из структурных планов религии является система представлений, выражающих ее трансцендентальный идеал. Система представлений раскрывает идеал в виде всеобъемлющих программ миропонимания и деятельности, содержащих предписания по решению как предельных, так и насущных вопросов. Основной перечень сквозных для всех культур вопросов является универсальным, однако ответы на них могут быть разными. Это связано со сменой социокультурных укладов, в которых формируются общности. Р. Белла выделяет пять таких укладов и соответствующих им типов религий: примитивный, архаический, исторический, раннесовременный и современный [1, с. 268–281]. В контексте данной статьи интерес представляют два типа из них – архаический и исторический.

Для архаического типа, обусловленного аграрным хозяйством, патриархальной системой отношений и

общинным сознанием, мировоззренчески характерен космоцентризм, при котором индивид не выделен из природного и социального универсума и представляется как часть некоего замкнутого круга, повторяющегося с начала зарождения всего существующего. Человек мыслится органически встроенным в мир, а сам мир предстает как наполненный множеством сил и контролируемый разного рода духами и божествами, поэтому важным является найти способы взаимодействия с окружающей средой и общностью с их помощью. На первый план выдвигаются насущные потребности человека, предполагающие их неотложное удовлетворение и стимулирующие развитие технологий, которые, тем не менее, дополняются обращением к надприродным силам и сущностям, и, более того, освящаются ими. Особое значение имеют сущности, влияющие на сезонные природно-климатические циклы и соответствующие сельскохозяйственные работы. В свою очередь, возникают нетеистические религии – анимизм и аниматизм, и формируется имманентно ориентированное политеистическое мировоззрение.

Возникновение индивидуального сознания и рефлексивного мышления привело к осознанию человеком своих границ и себя самого в качестве самодостаточного существа, что поставило его перед бесконечностью мира и необходимостью поисков его основ, а также перед осмыслением трансцендентной реальности, превосходящей все сущее и открывающей высшие цели [2, с. 33]. Этот момент становится началом исторического этапа, когда происходит фундаментальный переворот в сознании человечества, который ознаменовал собой становление рационального мировоззрения. Результатом этого стало формирование монотеизма (иудаизма, христианства и ислама). Монотеистическое мировоззрение трансцендентно, эсхатологично и отрицает характерную для нетеизма и политеизма цикличность – возникает представление о конце истории и начале подлинной жизни человечества.

Центральной в монотеизме становится концепция спасения и возвращения к подлинному бытию, которое было повреждено, что подчиняет жизнь человека идее самотрансцендирования за рамки наличного существования, в том числе своего собственного. Слож-

ность воплощения в реалиях повседневной жизни канонів монотеїзму стає причиною звернення до домонотеїстических практик, які нацелені на фактичний і швидкий результат. Тому в мировоззренні послідовців монотеїзму неминуче виявляються залишкові фрагменти домонотеїстических представлень, що виражається на рівні повсякденної діяльності. Крім того, незважаючи на універсальність деяких релігій монотеїстического типу (іслам, християнство), вони набувають специфічні риси в залежності від тих соціально-культурних умов, в яких існує та чи інша спільнота.

В цілому релігійні уявлення в свідомості конкретного індивіда, групи чи суспільства ніколи не бувають гомогенними – навпаки, вони складаються шляхом поєднання в мировосприятті фрагментів різних мировоззренчеських парадигм, пояснюють те чи інші сторони соціального і природного існування.

З'єднання елементів представлень різного походження і змісту в одній системі утворює феномен мировоззренчеського синкретизму. Можливість поєднання елементів різних мировоззренчеських парадигм особливо важливо враховувати при вивченні спільнот, змінюваних гео- і історико-культурними умовами існування. До таких спільнот належать білоруські татари-мусульмани.

В якості основи релігійних уявлень татар-мусульман Білорусі виступає іслам, який з моменту появи тюрків в ВКЛ був фактором, що скріплює цю етнокультурну спільноту. В той же час їх релігійні уявлення виступають складним, синкретическим комплексом, де іслам – смислове ядро, чистота догматів якого неукосно зберігається; однак в той же час на рівні повсякденних практик він доповнюється деякими домонотеїстическими включеннями (доісламського і дохристиянського походження), а також периферійними елементами християнства і юдаїзму. Історико-соціальною причиною вказаного парадоксу є те, що етнічні і державні утворення, з яких вийшли тюрки, офіційно прийняли іслам тільки в середині–кінці XIV в. В той період, коли вони почали асимілюватися на території ВКЛ, доісламські віровання – політеїзм і анімізм – частково ще зберігалися і функціонували в миропонятті. Подібні віровання іноді вважаються пережитками шаманізму, і згадки про реліктові шаманські уявлення татар ВКЛ можна зустріти досить часто, однак вони не обґрунтовані фундаментальними дослідженнями [3, с. 186].

Іслам є строгим монотеїзмом, що розуміється як заперечення многобожжя, так і дуалістического характеру або многообразності Бога. Уявлення мусульман про язичництво, християнство і юдаїзм, а також установки до відношення до них по-

слідувачам ґрунтуються на Корані як фундаментальному письмовому джерелі цієї релігії і на хадисах пророка Мухаммада. Дані положення були сформовані в першому столітті існування ісламу і з часом практично не змінилися [4, с. 35].

В межах класического ісламу визнається три статусу існування людини: «правовірний» – мусульманин, «покровительствуєний» – єврей або християнин, «многобожник» – язичник, якого потрібно або повернути до ісламу, або знищити [5, с. 83]. На язичників не поширюється божественне відкровлення, однак вони самі можуть звернутися до Бога, визнати його єдинство і удостоїтися отримання божественного відкровлення. В контексті даної статті інтерес представляє саме співвідношення ісламу і немонотеїзму, т.є. язичництва і магії.

З язичництвом тісно пов'язані магія і чаклунство – сихр (від глагола سحر (бути прихованим, мати прихований вплив)), які своїми корнями ведуть до доісламського періоду і частково зберігаються після моменту поширення ісламу.

До Корану, відношення до магії і чаклунства різко негативне: «...шайтани були невірними, навчаючи людей чаклунству і тому, що було ниспослано обоим ангелам в Вавилоні, Харуту і Маруту. Але вони обидва не навчали нікого, поки не говорили: “Ми – випробування, не будь же невірним!” І вони навчалися у них, чим розлучати чоловіка від жінки, – але вони не шкодили цим нікому інакше, як з дозволу Аллаха. І навчалися вони тому, що їм шкодило і не приносило користі, і вони знали, що той, хто набуває це, – немає йому частки в майбутньому житті. Погано те, що вони купували за свої душі, – якщо б вони це знали!» (2:96(102)) [6, с. 14].

Магія і чаклунство є одним з тяжких гріхів в ісламі, і відповідні практики порівнюються з невірою. Заняття магією ґрунтується на уявленні про необхідність зближення з потусторонніми силами, що порушує базовий і найважливіший принцип ісламу – єдинобожжя. Згідно з ісламом, досягнення мети з допомогою магії може відбуватися тільки у людей з нечистими намірами, які в процесі чаклунства віддаляються від Бога і самі уподобляються силам, до яких звертаються. Це робить співіснування ісламу з політеїстическими і магическими уявленнями парадоксальним, однак в деяких арабськоческих рукописних збірниках білоруських татар виявляються сліди традиційних язических уявлень з елементами магії. Даний факт свідчить про наявність синкретизму на рівні повсякденних практик, оскільки тут виявляється наявність як елементів нетестесеского і політеїстического, так і монотеїстического мировоззрень.

В повсякденному житті білоруських татар-мусульман деякі магическі (або подібні магическі) практики були досить популярні – зокрема, до таких належить носіння амулетів. Амулети представляють собою шматки паперу, на яких запи-

саны различные айаты из Корана или цитаты из молитв (дуа). Эти амулеты носят на груди и служат в качестве оберега, часто используются для защиты детей, которые сами еще не умеют читать [3, с. 188]. В этом случае практики ношения амулета основываются на том, что использующий его человек надеется получить помощь не от неких потусторонних сил, как происходит в случае колдовства, а пытается посредством записанной молитвы обратиться к Богу, и результат просьбы о помощи зависит только от его воли, однако мнения богословов о дозволенности ношения амулетов неоднозначны. Также в исламе существует практика «рукья» (رقية), что означает применение **коранических айтов** для лечения недугов и защиты от зла. Рукья не относится к колдовству, а является дозволенной и не противоречит шариату (совокупности определенных универсальных норм, предписаний и запретов, которыми должен руководствоваться каждый мусульманин), т.к. представляет собой лечение Кораном, а прочтение или записывание айатов из него для подобного рода целей разрешено: «И Мы низводим из Корана то, что бывает исцелением и милостью для верующих. А для неправедных только увеличивает потерю» (17:84(82)) [6, с. 195].

В процессе сосуществования с местным населением татары испытали влияние двух других, связанных с исламом монотеистических религий – христианства и иудаизма, что также обнаруживается в содержании некоторых арабографических рукописей [7]. Однако это влияние не является существенным, и состоит больше в заимствовании и переинтерпретации сюжетов из Ветхого или Нового Завета.

Заключение. Установлено, что разные типы мировоззрения формируются в зависимости от общественного уклада, в котором проживает этнокультурная общность.

Архаический уклад является основой для возникновения нетеизма (анимизма и аниматизма), исторический – монотеизма. Строгие правила организации жизни и абстрактность религиозных концептов монотеизма, в частности, ислама, неизбежно приводит к использованию домонотеистических и магических практик в повседневной жизни, которые нацелены на результат «здесь и сейчас». Это явление представляет собой мировоззренческий синкретизм, который прослеживается в культурном опыте белорусских татар-мусульман, где при сохранении чистоты исламской традиции на уровне повседневных практик обнаруживаются элементы магических и политеистических представлений.

Литература

1. Белла, Р. Социология религии / Р. Белла // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы; сокр. пер с англ. В.В. Воронина, Е.В. Зинковского. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
3. Сынькова, І.А. Знахарскія тэксты ў кантэксце традыцыйнай культуры беларускіх татар / І.А. Сынькова // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. – 2017. – Т. 24, № 2. – С. 177–193.
4. Грюнебаум Г.Э. фон. Основные черты арабо-мусульманской культуры: статьи разных лет. [Переводы] / Г.Э. фон Грюнебаум. – М.: Наука, 1981. – 227 с.
5. Журавский, А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога / А.В. Журавский. – М.: Наука. Гл. редакция вост. лит., 1990. – 123 с.
6. Коран / пер. И.Ю. Крачковского. – Душанбе: Таджик. респ. отд. Сов. фонда мира, 1990. – 447 с.
7. Тарэлка, М.У. Адкуль пайшлі ідалы: помнік рэлігійна-палемічнай літаратуры з рукапіснай спадчыны татараў Вялікага Княства Літоўскага / М.У. Тарэлка, І.А. Сынькова. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 425 с.

Поступила в редакцию 16.10.2020

Динамика представлений о «войне» и «мире» в восточнохристианском дискурсе в контексте церковно-государственных отношений

Гриджин А.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье рассматриваются такие понятия, как миротворчество, «справедливый мир», а также моральные и духовные проблемы, связанные с войной. Осуществлена теоретическая реконструкция категорий православного богословия в контексте церковного канонического права и литургической практики «мир» и «война». Проводится компаративный анализ трактовок войны в православном и католическом богословии, и каноническом праве. В статье сделан акцент трактовкам войны, как проявлению онтологического зла русской религиозной философии.

Цель данной статьи – проследить динамику представлений о «войне» и «мире» в дискурсе восточного христианства в контексте церковно-государственных взаимоотношений.

Материал и методы. Методологическим основанием статьи выступили ключевые принципы системного подхода, позволившие раскрыть сущность войны как социального явления в контексте философско-исторической реконструкции основных ее трактовок в христианстве. Теоретические положения и выводы, обоснованные в статье, сформулированы с использованием логических и общенаучных методов.

Результаты и их обсуждение. Среди западных богословов (А. Медиоланский, А. Августин) война рассматривалась как понятие провиденциальное, как война священная или «справедливая». Православные отцы воспринимали мир как одно из проявлений Бога, поэтому война осуждалась, как однозначно греховное явление, как то, что разобщает единство богоустановленного порядка (Василий Великий, Иоанн Златоуст). Однако в той степени, в какой война способна уберечь от большего зла, она допускается, но не благословляется. Другими словами, отказ от войны может означать впадение в еще больший грех, чем сама война. В «Основах социальной концепции» Русской Православной Церкви о войне говорится как о неотъемлемой части существования человеческого общества.

Заключение. Следует отметить, что в православном богословии война не рассматривается как однозначно отрицательное или положительное явление. Православие не имеет ни этики крестового похода, ни явной теории «справедливой войны». При этом церковь рассматривает войну как неизбежную, трагическую необходимость защиты невинных и оправдание справедливости.

Ключевые слова: Византизм, католицизм, миротворчество, мученичество, пафизм, православие, справедливая война, теозис.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 91–99)

Dynamics of the Ideas of War And Peace in Eastern Slavonic Discourse in the Context of the Church and the State Relations

Gridchin A.V.

Educational Establishment "Belarusian State University", Minsk

The article deals with the notions of peace making, a just world as well as moral and spiritual issues connected with war. A theoretical reconstruction of such categories of orthodox theology as peace and war in the context of the church canonic law and liturgy practice is carried out. A comparative analysis of the interpretations of war in the Orthodox and Catholic theology and canonic law is performed. Attention is paid to the interpretations of war as a manifestation of ontological evil in the Russian religious philosophy.

The purpose of the article is an attempt to trace the dynamics of the ideas of war and peace in the Eastern Slavonic discourse in the context of the church and the state relations.

Material and methods. Main principles of the system approach which make it possible to reveal the essence of war as a social phenomenon in the context of the philosophic and historical reconstruction of its basic interpretations in Christianity became the

methodological base of the article. The theoretical assumptions and conclusions, substantiated in the article, are formulated using logical and general scientific methods.

Findings and their discussion. Western theologians (A. Mediolanski, A. Augustine) considered war as a phenomenon of providence, as a sacred or just war. Orthodox fathers believed peace to be one of God's manifestations, that is why war was condemned as a definitely sinful phenomenon, as something that splits the unity of the Godly order (Basil the Great, John Zlatoust). However, as long as war can prevent a bigger evil it is permitted but not blessed. In other words, the rejection of war can mean a still bigger sin than the war itself. In Russian Orthodox Church "Basics of the Social Concept" war is interpreted as an inseparable part of human existence.

Conclusion. It should be stressed that in Orthodox theology war is not considered to be an unequivocally negative or positive phenomenon. Orthodoxy possesses neither the ethics of a Crusade nor a vivid theory of a just war. At the same time Church considers war to be an inevitable tragic necessity of protecting the innocent and the justice.

Key words: Byzantium, Catholicism, peacemaking, martyrdom, pacifism, Orthodoxy, just war, theosis.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 91–99)

Трактовка проблематики войны и мира в восточном христианстве не соответствует видению, которое существует в христианстве западном. Опыт и учение ортодоксальной церкви не вписываются в категории как пацифизма, так и «священной войны». Целью православия является достижение динамической практики мира, реализуемой в различных формах в зависимости от совокупности обстоятельств, с которыми сталкивается православная община.

Определенная часть мыслителей рассматривали войну как положительное событие, способствующее социальному и политическому развитию. Сторонниками подобных взглядов были Аристотель, Гераклит, Конфуций, Макиавелли, Гегель, Ницше, которые считали войну, как и любые социальные катаклизмы, фактором трансформации и переустройства общества. Большинство же философов и ученых придерживались христианского взгляда, указывая на деструктивную природу войны (И. Кант, И.А. Ильин, Л. Толстой). Промежуточным вариантом является оправдание войны как «необходимого зла» и теория деления войн на «справедливые» и «несправедливые», которые мы и рассмотрим в данной статье.

Цель статьи – проследить динамику представлений о «войне» и «мире» в дискурсе восточного христианства в контексте церковно-государственных взаимоотношений.

Материал и методы. Методологическим основанием статьи выступили ключевые принципы системного подхода, позволившие раскрыть сущность войны как социального явления в контексте философско-исторической реконструкции основных ее трактовок в христианстве. Междисциплинарный подход позволил раскрыть взаимосвязь онтологического и социального модуса войны в контексте конфессионально-государственных отношений. Для обоснования концепций войны, представленных в рамках католического и православного богословия, использовался метод компаративного анализа, а для выявления особенностей конфессиональных трактовок войны и ее модификаций – культурно-исторический метод. Теоретические положения и выводы, обоснованные в статье, сформу-

лированы с использованием логических и общенаучных методов.

Результаты и их обсуждение. В качестве набора критериев, серьезно ограничивающих возможности государства использовать вооруженную силу, теория справедливой войны включает в себя два типа принципов. Одни определяют допустимость начала военных действий (*jus ad bellum*), другие – методы поведения, приемлемые с моральной точки зрения (*jus in bello*). Суверенное государство может начать войну, в соответствии с началами разума, только в том случае, если:

- 1) решение принято законной властью;
- 2) вооруженная сила используется для защиты правого дела;
- 3) ее использование определяется благими намерениями;
- 4) военным методом конфликт разрешается;
- 5) существует значительная вероятность успеха;
- 6) возможные потери пропорциональны достигнутым результатам [1, с. 25].

Военные действия, которые уже начались, должны соответствовать принципам различия между комбатантами и некомбатантами и соразмерностью потерь результатам, достигнутым в отдельных военных операциях. В рамках теории справедливой войны перечисленные принципы дополняют друг друга, то есть военные действия получают моральную санкцию только в том случае, если они отвечают сразу всем требованиям [2].

Рассмотрим историческую динамику взглядов восточного христианства на войну в контексте конфессионально-государственных взаимоотношений. Так, западное христианское богословие ориентировалось преимущественно на Амвросия Медиоланского (397 г.) и Аврелия Августина (430 г.), которые заложили основы последовательной концепции справедливой войны. Справедливая война, согласно Августина, это война вынужденная, которая является ответом на несправедливость «стороны противника». Любая война в конечном итоге устремлена к исчерпанию самой себя и достижению мира, но справедли-

вая война направлена именно на справедливый мир.

Августин отвергал оправдание войны, развязанной с целью расширения господства и славы, присущее римской традиции. Богослов оставил право начинать войну только носителями верховной власти, которые получили ее от Бога. Они несут ответственность за свой выбор в пользу применения силы непосредственно перед Творцом. А отдельные воины выполняют только полученные приказы или в надежде на обеспечение военной безопасности в своей стране, или на основании долга [3].

В основе православной концепции войны лежали идеи святых Василия Великого (379 г.) и Иоанна Златоуста (407). Последний обращал внимание на то, что Царство Христово («империя Христа») принесло миру мир, и следует возводить именно его, а не воплощать некоторые идеи оправдания войн. Святой Иоанн Златоуст учил, что «настоящий мир от Бога». Мысли о тождестве Бога и мира можно встретить также в Новом Завете: *«Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду»* (Еф. 2:14–15). Псевдо-Дионисий Ареопагит (V–VI вв.) в своем сочинении о «Божественных именах» дает следующее определение миру: *«Давай же мирными гимнами восхвалим божественный первособранный Мир. Ведь Он всех объединяет и порождает, и создает всеобщее единомыслие и согласие. Потому и желают Его все, что их разьединенное множество Он обращает в цельное единство и разделенных всеобщей междоусобной войной соединяет в однородное сообщество. Ведь именно благодаря причастности к божественному Миру старейшие из единящих сил объединяются внутри самих себя, друг с другом и с единым всеобщим Началом мира и объединяют находящихся ниже них внутри них самих, друг с другом и с единым и совершенным Началом и Причиной всеобщего»* [4, с. 352]. Все эти предпосылки позволили развиться в православном христианстве специфическому проявлению пацифизма.

Тертуллиан в книге «О венце воина» утверждал, что воинская служба несовместима с христианством: *«Ясно, что те, кого вера обретает после вступления в воинское звание, находятся в ином положении, нежели те, кого Иоанн допускал к крещению, как, например, один из вернейших сотников, которого испытал сам Христос, а наставил в вере апостол Петр; а если вступление в воинское звание последует по обращении и крещении, то следует или немедленно же сложить это звание, как поступили многие, или же всемерно остерегаться совершения чего-нибудь противного Богу»* [5, с. 218].

Однако не много православных богословов занимались проблемами пацифизма, разоружения, ядерной войны, теории справедливой войны, мирных движений и тому подобное. Христианская православная перспектива включает несколько конкретных качеств:

взаимное ненасилие, непротивление злу, добровольные страдания и всеобщее прощение. Кроме многих высказываний Златоуста о центральной ценности мира, можно найти и другие мнения, подтверждающие сложность его позиции. В одной из своих проповедей он сказал: *«Никогда не бойся мечей, если совесть не будет обвинять тебя; никогда не бойся в борьбе, если чиста, будет твоя совесть»* [6, с. 232]. Вероятно, это связано с принципиальной позицией св. Иоанна по разграничению Церкви и государства, а, следовательно, и одним образом жизни для духовенства (для которого участие в войне табуировано), а другим – для мирян. В своей книге «О священстве» Иоанн Златоуст отмечает, что тех, кто грешит, *«исправлять грешника не насилем, а убеждением»*, тогда как *«подобно тому, как появление судьи обращает в бегство воров, грабителей трупов и разбойников и всякого рода злодеев, так точно, когда рассудок получает свою силу и садится на престол суда, он удаляет все вредное, а усвоит и делает приятным все полезное»* [6, с. 241].

Еще одним фактом, который влиял на пацификацию восточного христианства, были каноны, запрещающие духовенству и монахам не только поступать на военную службу, но и на службу светской власти. Другим аспектом развития этого видения было восприятие воинов-христиан как мучеников, отдавших свою жизнь за веру и Христа. На протяжении веков различные идеи оказывали влияние на доктрину о войне и мире, включая значительный 13-й канон св. Василия *«Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения токмо Святых Тайн»*, учения других греческих отцов, а также имела место сложная для восточных христиан ситуация во времена крестовых походов и в период нахождения в составе государств с доминирующим положением ислама [7]. Можно найти исторические аргументы как для подтверждения, так и отрицания существования восточной (византийской) версии христианского оправдания войны. Но, принимая во внимание определенную историческую смесь светской (имперской) и религиозной идеологии и политики восточного православия, византийские войны часто воспринимались как «святые», и их цель состояла в защите целостности Божьего царства на земле.

Уже в позднеримский период были разработаны общие правила оправдания определенных типов войн (*jus ad bellum*). Хотя нетрудно различить попытки сохранить принципиальную ориентацию на мир как главную ценность социальных отношений. При этом уже в постконстантиновской церкви существовало понимание тех элементов в христианской традиции, подтверждающих потребность в порядке, наказании преступников, защите невинных, которое постепенно

позволило и даже поощряло участие христиан в военной деятельности. Анализ этих различных источников дает возможность выделить несколько способов восприятия войны как оправданной: самооборона, восстановление утраченной территории, нарушение договоренности, предотвращение большего зла и достижение мира.

Одно из самых значимых свидетельств, которое говорит о возможном оправдании войны, относится к авторству св. Кирилла (869 г.), высказанное им в своей беседе с халифом Мутаваккилем в 851 г. Способ истолкования Кириллом Иоанна (15:13) достаточно дискуссионный, однако в своем изложении он предлагает убедительные богословские аргументы для оправдания войн, ведущихся для отражения армий халифа.

В своей беседе с халифом св. Кирилл заявил: *«Наши христолюбивые воины с оружием в руках охраняют Святую Церковь, охраняют государя, в священной особе коего почитают образ власти Царя Небесного, охраняют отечество, с разрушением коего неминуемо падет отечественная власть и поколеблется вера евангельская. Вот драгоценные залогов, за которые до последней капли крови должны сражаться воины, и, если они на поле брани положат души свои, Церковь причисляет их к лику святых мучеников и нарицает молитвенниками пред Богом»* [8].

Ориген и Евсевий могут рассматриваться как два исключения в этой однозначной склонности к миру. Первый, похоже, принимает возможность того, что христиане могут участвовать в войне: *«Пчел Господь поставил в пример, чтобы люди вели войны справедливые, соблюдая известный порядок и лишь, когда к этому вынуждает необходимость»* [9, с. 89]. Евсевий же пишет о некоторых, кто мог бы «служить в армии, по справедливости» [10, с. 25].

Тем не менее война постоянно рассматривалась как олицетворение зла, которое только при определенных обстоятельствах могло превратиться в необходимое зло с обязательством ограничить его трагические последствия. Очевидно, что война связана с убийством, которое православная традиция понимает как «невольный грех». Это действие, которое наносит вред душе, даже если совершено из необходимости. В православной традиции, в отличие от католической, отсутствует тщательно разработанная классификация грехов и система их искупления, кроме выделения семи смертных грехов (к которым сводятся все остальные) и десяти заповедей. В этой провиденциальной системе византийские военные поражения и неудачи трактовались как Божья кара или как решающие этапы развертывания управляемой Богом эсхатологической драмы, определяющей состояние вселенской империи.

По мнению некоторых исследователей, концепция священной войны и сопутствующая практика обычно

отвергалась Византией, которая никогда не знала «настоящей» священной войны, и Церковь воздерживалась от благословения любого убийства как «похвального поступка», от отпущения грехов православным воинам за их военную службу или от признания павших воинов мучениками [11, р. 41].

Итак, традиция восточного христианства не воспринимала войну как справедливую или добрую и продолжала придерживаться своего акцента на мире, который оставался центральным как в теологии, так и в литургии. Новые трансформации православной концепции войны произошли в поствизантийский (османский) и современный периоды, когда изменился политический и религиозный контекст восточного мира. Возрастающее значение русского православия сопровождалось развитием их светской и религиозной концепции справедливой войны. Это сочеталось с верой в войну как «суд Божий» и религиозно акцентированным призывом защищать свою страну. Св. Филарет Московский (1867) проповедовал, что *«уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество – ты примешь жизнь и венец на небе»* [12, с. 157].

Целесообразно к трактовке войны как проявлению онтологического зла, вспомнить идеи русских религиозных философов. Концепция И. Ильина основана на убеждении, что зло коренится в мире: *«Зло есть, прежде всего, душевная склонность человека, присущая каждому из нас; как бы некоторое, живущее в нас страстное тяготение к разнузданию зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата»* [13, с. 275]. Борьба со злом прежде всего происходит в душе человека. Но материализация зла ограничивает возможность духовной борьбы с ним. Поэтому даже в борьбе со злом в своей душе человек вынужден применять методы психологического и физического принуждения. И люди, находясь в духовной связи, должны помогать друг другу в этой борьбе, используя, в том числе, методы душевного и физического принуждения других. И. Ильин считает, что если человек «одержим злом», то только физическое принуждение является способом ограничить его злобу. Но воздействие не ведет напрямую к добру, а лишь изолирует носителя зла, ограничивая, таким образом, его разрушительные потенции и в определенной мере способствуя пробуждению сопротивления злу.

Самый важный вид умышленного воздействия, по И. Ильину, – это принуждение. Посредством этого человека принуждают к каким-либо действиям или им препятствуют. Воздействие на мотивы поведения – это психологическое принуждение, а непосредственно на организм человека – физическое. Принуждение может быть направлено как против других, так и против самого себя. Психологическое принуждение состоит

в желании пробудить самомотивацию человека внешними по отношению к нему средствами. Человек, совершенствующийся морально и духовно, берет на свои плечи груз внешней борьбы со злом, ответственность за свой поступок и даже, возможно, вину за него. Подавление зла таким человеком не становится отказом от совершенства из-за личной слабости человека. Это отклонение от совершенства происходит из-за объективной потребности и выступает проявлением личной силы. Человек, оказавшийся в таких условиях, как бы умышленно отказывается от своего счастья, чтобы жить в согласии с требованиями совести и нравственными идеалами.

Тот, кто устраняет зло, должен иметь определенную духовную зрелость, чтобы распознавать зло и его социальные модификации. Вопрос о победе добра над злом не существует для него абстрактно, а конкретизирован в его нравственном выборе. Следовательно, помимо любви ко всему сущему, ему нужна способность к практическим действиям. Мировой процесс воспринимается таким человеком как арена борьбы добра и зла, в которой он участвует вместе с силами добра [13].

Определенное оправдание существования войны предложено в «Духовных основах общества» С.Л. Франка: *«“Война” в буквальном и переносном смысле есть всегда лишь краткий эпизод в международных сношениях – ибо в противном случае народы давно уже перестали бы существовать; даже война знает, хотя бы в принципе, “правила” международного права, которым она должна подчиняться и в которых обнаруживается, хотя бы в слабой форме, сознание непрекращающейся солидарности»* [14, с. 219]. Здесь можно проследить влияние западноевропейской концепции «справедливой войны», которая определяет правила ведения военных действий.

В концепции всеединства В.С. Соловьева насилие как сопутствующий войне феномен дифференцировано на моральное и аморальное. В случае морального насилия субъект действует в интересах объекта, сохраняет к нему этическое отношение, не преследует собственных целей, не пытается повлиять на внутренний мир объекта. Аморальным становится насилие, нарушающее хотя бы один из вышеперечисленных критериев. В то же время сложность понимания такого распределения типов насилия состоит в том, что, несмотря на наличие определенных характеристик, они в конечном итоге не могут быть объективированы. В этом случае главными оценочными критериями являются предмет насильственного акта и его мотивы.

Однозначно оценивая войну как зло, В.С. Соловьев разделял последнее на безусловное и относительное, которое может быть меньшим, чем другое зло, и должно считаться добром по сравнению с ним. Философ видел положительное значение войны как относительного зла, поскольку она необходима в определенные

периоды истории. Поэтому он рассматривал проблему насилия на войне не в сфере морали, а в сфере эпистемологии и философии истории. На заре человечества сама война породила договоры и права, гарантирующие мир, объединив человеческие племена в государства [15, с. 21].

Различные концепции войны, которые формировались на протяжении веков, во многом зависели от позиции местных церквей и правительств, часто оказывающихся взаимосвязанными друг с другом. Итак, различные версии доктрины справедливой или святой войны могут быть найдены в отдельных автокефальных православных церквях. Их учение может как отличаться в некоторых аспектах, так и быть более или менее развитым в связи с *ius ad bellum* или *ius in bello*.

В 2000 году на Священном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви были приняты «Основы социальной концепции», в которых представлено систематически разработанное социальное учение православной Церкви. В VIII главе документа под названием «Война и мир» говорится о войне как о неотъемлемой части существования человеческого общества: *«Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть»* [8]. Одним из явных признаков, по которому можно судить о праведности или несправедливости воюющих, являются методы ведения войны, а также отношение к пленным и мирному населению противника, особенно детям, женщинам, старикам. Даже защищаясь от нападения, можно одновременно творить всяческое зло и в силу этого по своему духовному и моральному состоянию оказаться не выше захватчика. Война должна вестись с гневом праведным, но не со злобою, алчностью, похотью и прочими греховными побуждениями. Используя понятие «справедливой войны», они придерживаются своих классических критериев *ius ad bellum* и, подобным образом, *ius in bello*, в частности обращение с ранеными и военнопленными, которое должно базироваться на том, что св. Павел выразил в своем Послании к Римлянам (12: 20–21): *«Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»* [8].

«Основы социальной концепции» следует рассматривать как важный шаг на пути определения православного восприятия войны. Однако в представленной концепции не в достаточной мере уделено внимание разработке адекватного современным реалиям категориально-понятийного аппарата, позволяющего однозначно истолковать то или иное проявление войны. Так, например, обстоит дело с понятием «попранное правосудие». Даже если православные христиане считают войну злом, они признают, что таковое может оказаться необходимым в силу обстоятельств и целей, которыми нельзя пренебрегать. Чтобы лучше понять,

что такое «необходимость» войны, американский православный богослов Филипп Ле Мастерс различал «оправдание войны» и «справедливую войну». Эти два термина не следует воспринимать как взаимозаменяемые, поскольку определенная война может быть оправдана, но это не делает ее «справедливой войной»: *«Оправдание войны не является нравственным благом само по себе»* [16, с. 25]. Итак, строго говоря, он выступает против любой православной теории справедливой войны (*ius ad bellum*), хотя могут быть и на самом деле были попытки сформулировать *ius* в нормах *bello* (как те, что найдены в Стратегиконе императора Маврикия, который умер в 602 году) [17]. Война как «необходимое зло» никогда не может стать «хорошей» войной. В остальных своих высказываниях Ф. Ле Мастерс еще более категоричен, утверждая, что *«Восток не стремился ответить на вопросы, касающиеся правильных условий вступления в войну и правильного ведения войны на основе возможности «справедливой войны» (...). Короче говоря, нельзя доводить ни одного дела о существовании православной теории “справедливой войны”»* [16, с. 25].

Основным способом жизни для всех христиан должно быть миротворчество. Для христианства является в наибольшей степени характерным призывать всех учеников Христа отбросить насилие и войну и принять мир как дар и задачи Бога. Миротворческие настроения также встречаются в православной божественной литургии и молитвах с их частым и недвусмысленным акцентом на мире и мирной жизни со всем благоговением и благочестием для всех. Чтобы избежать ложного идеализма, православное богословие признает, что в мире живут как христиане, так и другие, мир несовершенен и во многом заражен грехом. Поэтому и те, кто верит в Христа и следует Его Евангелию, могут столкнуться и втянуться в неизбежное поведение, направленное на защиту тех, кто невиновен и страдает от несправедливости. И солдаты, и все, кто участвуют в войне, которая воспринимается как необходимое зло, не остаются сами собой, но Церковь всегда предлагает духовное исцеление через Таинство покаяния и даруемую в нем благодать. Независимо от того, ведет ли христианин мирную жизнь или считает необходимым идти на войну, прежде всего, он призван подражать Господу и возрастать в святости [8].

Проблема «войны» и «мира» является ключевой в ракурсе церковно-государственных отношений. Особенно важна позиция Церкви по отношению к иницилируемым государством военным действиям. В восточном христианстве существует широкий спектр моделей взаимодействия церкви и государства. Например, греческая, русская и сербская национальная идентичность тесно связаны с православием. При подобной модели симбиоза церкви и национально-государства происходит признание религиозными организациями вооруженных сил как неотъемлемой

части государственной системы, как элемента самосохранения нации в условиях перманентных межгосударственных и межнациональных конфликтов. Неизменными атрибутами устойчивого компромисса государства и церкви в военных вопросах являются такие специфические проявления, как благословение оружия, святые-покровители военных формирований и другие практики. В большинстве православных стран церковь снисходительно относится к военной службе, обязательному призыву на военную службу и возможности успешной военной карьеры. Однако ни в одном из этих примеров православие не имеет четкого видения возможных моральных и духовных проблем, связанных с использованием насилия, а тем самым, как правило, не занимает принципиальных позиций в вопросах войны и мира.

Нет сомнений, что раннее христианство характеризовалось сильным акцентом на пацифизме и критикой войны. Но с постепенной «христианизацией» Римской Империи и преобразованием христианства в государственную религию, динамика поддержания надлежащего мира и защиты основ государственного и общественного строя получили приоритет над религиозным догматизмом. Однако каноническое право требовало – и продолжает требовать – от духовенства и монашества осуществления принципа ненасилия.

Православная церковь существовала в пределах империй и мононациональных государств, где церковь имела сильные связи с правящими политическими силами. Поэтому не удивительно, что церковь терпимо воспринимала войну как трагическую необходимость. Это отразилось в православном каноническом праве, которое накладывало на участников войны ряд ограничений. Василий Великий рекомендовал тем, кто убивает на войне, три года воздерживаться от причастия. Солдаты оценивались церковью почти на том же уровне, что и убийцы, но им предоставляли время, чтобы возместить ущерб, причиненный их душам за убийства людей, через покаяние. За исполнением этого канона не существовало строгого контроля, и, очевидно, он часто игнорировался в практике церкви. Тем не менее это говорит о том, что война все-таки трактуется как социальная аномалия, не говоря уже о том, что лишение жизни ближнего воспринимается как грех, последствием которого является ухудшение отношений с Господом и церковью.

Теологи в целом достигли консенсуса в следующем: Православная Церковь не разделяет теорию «справедливой войны» в западном понимании. В отличие от западного христианства, в православии не существует эксплицитной теории справедливой войны. Безусловно, в Византийской империи и других православных странах существовали правила поведения солдат и ожидания по поводу причин и форм ведения войны. Но даже соблюдение строгого морального или профессионального кодекса не делает войну спра-

ведливой. Участие в войне духовно и эмоционально разрушает души солдат, так как она неизбежно связана с жестокостью и несправедливостью.

Обстоятельства, инициирующие конфликт, не снимают разрушительных духовных последствий действий, совершенных обеими сторонами. Православное христианство принципиально не рассматривает мораль как самоцель. Призвание человечества – обожение (теозис), участие в вечной жизни Святой Троицы. Люди должны стать всем тем, что Бог есть от природы. Они призваны в полной мере участвовать в исцелении и осуществлении, которые воплощенный Сын Божий принес в мир.

В этом свете нетрудно понять, почему война и любое лишение человеческой жизни порождает опасность для души. Смерть приходит в мир как результат греха. Христос пришел, чтобы победить смерть, поднять человечество к вечной жизни, ради которой последнее и было сотворено. Убийство же человека отчуждает от Бога и ближнего. Конечно, некоторые случаи убийства могут быть трагически неизбежными, например, действия солдата при защите своего Отечества от вторжения завоевателей. Убийство при таких обстоятельствах подпадает под категорию «невольного греха», которая включает действия, наносящие ущерб душе, несмотря на то, что они совершаются без злоупотребления и необходимости.

В литургической практике молитвы за мир строго контрастируют с практикой и отношениями, связанными с физическим насилием. На этом этапе богослужения церковь молится о том, что *«блажени миротворцы, яко тиши сынове Божии нарекутся»*. День, в течение которого кто-то убил другого, кто носит образ Божий, вряд ли является совершенным, святым, мирным и безгрешным. Тем, кто участвует в войне или готовится к ней, будет трудно завершить жизненный путь в мире и покаянии. Хотя отдельные случаи войны могут быть вызваны крайней необходимостью, а также юридически и морально оправданы, они, тем не менее, не соответствуют видению святой жизни, описанному в литургических молитвах [18].

Военнослужащие, полицейские и другие могут не иметь другого выбора, кроме как применять насилие, чтобы защитить невинных от посягательств. Их функции и обязанности исключают их из прямого проявления любви Христа к врагу. Они служат для защиты невинных от вреда и рискуют собственной духовной целостностью ради других. Несмотря на свой «невольный грех», для них все еще остается возможность обрести спасение, применяя силу как можно более ограниченно и справедливо, делая то, что возможно, чтобы защититься от пагубных последствий страстей, которые часто пробуждаются в ситуациях насилия. Страсти – это неупорядоченные привязанности души, которые склоняют людей к греховным поступкам. Ненависть – это страсть, которая часто возникает

во время войны, так как убивать без ненависти трудно, необходимо лишить врага человеческих качеств, демонизировать его.

Вместе с тем солдат может успешно бороться с этими страстями и расти в святости, даже стать святым. Так, сербский князь XI века святой Иоанн Владимир отдал свой меч врагу-болгарину и сказал: *«Возьми его и убей меня, я готов умереть, как Исаак и Авель»*; его ненасильственный характер проявляется перед смертью, хотя Святой Иоанн прежде воевал как храбрый воин [19, с. 238].

Также стоит упомянуть святых Бориса и Глеба, которые не оказали сопротивления смерти от рук наемных убийц. Святой Борис добровольно принес себя в жертву за грехи убийц и не делал попыток противостоять смертельному насилию. Опытный воин, святой Борис принял сознательный выбор, воплощая идеалы непротivления и жертвы ради искупления, смоделированные Христом. Эти святые являются яркими примерами нравственной жизни во Христе. Они демонстрируют подлинную ценность невинных страданий и трансформирующую силу непротivления злу.

Небезынтересным является рассмотрение проблемы войны как морально-правового феномена в церковном каноническом праве. Православная церковь не канонизирует святых только на основе воинской доблести или того факта, что кто-то погиб в бою, даже в интересах православной нации или в защиту веры. Канон 13 св. Василия, который на три года отлучает от причастия тех, кто убивал на войне, демонстрирует отказ церкви от священных войн или крестовых походов. Патриарх Полиевкт обратился к этому канону в попытке отклонить императорский призыв о канонизации византийских солдат, погибших при защите Империи (X век) [20, с. 161]. Этот пример свидетельствует о том, что пролитие крови не приводит к автоматическому признанию святости, а требует покаяния. В православном нравственном богословии невозможно найти теоретического оправдания войны как благого деяния, не говоря уже о заявлениях, что война является святой. Православие не требует ненасилия или пацифизма как основных характеристик христианской жизни; однако оно также не сакрализует войну. Зачастую церковь вынуждена смиренно принимать войну как трагически необходимую или неизбежную деятельность, для которой целесообразно покаяние за «невольный грех». Солдата не осуждают как убийцу, но он должен получать пастырские наставления для исцеления от пагубных духовных последствий лишения жизни своего ближнего.

Очевидная двусмысленность православного учения и практики по этому вопросу отражает динамику православного канонического права. Каноны применяются, чтобы помочь определенным людям обрести духовное исцеление и встать на путь к святости. К сожалению, благополучие в мире, каким мы его знаем,

часто зависит от несовершенных механизмов политической, социальной, экономической и военной власти, которые способствуют недостаткам человеческих душ и сообществ. Жизнь и благополучие тех, кто создан по образу и подобию Божьему, зависят от институтов человеческого общества, действующих, ориентируясь на критерии справедливости; иначе правители беспощадно эксплуатировали бы более слабых. Церковь не просто осуждает эти реалии или просит христиан делать вид, что они не живут в мире, каким мы его знаем. Православие призывает всех к сохранению мира, примирению и справедливости.

Сама Божественная Литургия отражает законную роль правительственной и военной силы в нашем мире. В самой высокой точке Литургии, в анафоре святого Василия Великого, священник молится о том, чтобы *«Мир мірови Твоему даруй, церквам Твоим, священникам, воинству и всем людям Твоим»*. *«Взыщи мира, и пожени и»* [18].

Эти ходатайства указывают на то, что для самой церкви есть польза от стабильного и справедливого социального порядка, который позволяет христианскому сообществу жить в мире. Конечно, церковь с чрезвычайной верностью пережила страшные периоды государственных преследований; тем не менее «спокойная и мирная жизнь со всем благоговением и благочестием» является предпочтительнее перед всепоглощающими ссорами, которые разжигают страсти, соблазняют людей к отступничеству и делают требования выживания в обществе настолько неотложными, что евангелизация и другие виды церковного служения претерпевают кризис. Социальные и политические реалии, в которых живут служители церкви и верующие, имеют большое духовное и нравственное значение. Будучи проводником «доброй воли», они служат Божьим целям для содержания человеческой жизни.

Поскольку православные христиане ориентированы на динамическую практику мира, они не преуменьшают значения реальной борьбы за справедливость и мир, с которой сталкиваются нации и общества во имя абстрактной духовности. Попытка делегировать Божье благословение и требования в условия, не связанные с современными реалиями жизни на земле, значила бы уклонение в давнюю гностическую и манихейскую ереси, которые осуждают творение как зло. Такое отношение рассматривает коллективную жизнь человечества как «загрязненную», которая имеет только отрицательное духовное значение. Напротив, православие рассматривает все измерения творения евхаристично.

Жизнь должна характеризоваться миротворчеством, прощением и примирением; ненасильственный подход, несомненно, дает простое свидетельство о жизни царства, как это было открыто в Иисусе Христе. Итак, солдат, полицейский и другие, которые убивают

для защиты невинных, могут возрастать в святости и находить спасение. Они не ведут священных войн и не станут святыми только благодаря своему успеху в убийстве врагов. Действительно, их участие в насилии, пожалуй, создает различные препятствия для их верного поиска христианской жизни. Но, как указывают многие святые с военным прошлым, они способны преодолеть пагубные последствия кровопролития и уподобиться Богу.

Заключение. Таким образом, что в православном богословии война не рассматривается как однозначно отрицательное или положительное явление. Православие не имеет ни этики крестового похода, ни явной теории «справедливой войны». При этом церковь рассматривает войну как неизбежную, трагическую необходимость защиты невинных и оправдание справедливости. Каноны церкви предусматривают период покаяния для тех, кто убивал на войне, указывает как на то, что лишение жизни наносит духовный вред, так и на то, что кровопролитие не отвечает канонам христианства.

Миротворчество – совместное призвание всех христиан, но сохранение порядка в несовершенном мире часто требует применения силы. При таких обстоятельствах церковь обеспечивает духовное исцеление для лечения от пагубных последствий лишения жизни другого.

Восточно-православная богословская традиция не выработала этических критериев, чтобы оправдать или отвергнуть войну в такой степени, как это имеет место в случае с западнохристианскими традициями. Хотя различные исторические обстоятельства влияли на этот факт, он также имел свои причины в фундаментальных предпосылках православной богословской традиции. Православие не касается нравственной жизни как таковой, ее норм и образа повседневного поведения. Целью человеческой жизни является участие в жизни Троицыного Бога – теозис (обожение). В этой перспективе достаточно проблематично уделять акцентированное внимание проблемам разработки и соблюдения конкретных норм в любой сфере жизни, включая социальные отношения в контексте дилеммы войны и мира.

Литература

1. Кашников, Б.Н. Критика современного дискурса справедливой войны / Б.Н. Кашников // Военно-юрид. журнал. – 2012. – № 11. – С. 22–29.
2. Кашников, Б.Н. Теория справедливой войны как война и справедливость глобального мира / Б.Н. Кашников // Военно-юрид. журнал. – 2014. – № 3. – С. 24–32.
3. Августин, А. Творения / пер. Киевской духовной академии в 11 ч. переиздание в 4 т.; сост. С.И. Еремеева. – СПб.: Алетейя, Киев: Уцимм-пресс, 1998. – Т. 1: Об истинной религии. – 752 с.
4. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника / пер. и пред. Г.М. Прохорова. – СПб.: Алетейя. Изд-во Олега Абышко, 2002. – 854 с.

-
5. Тертуллиан, К.С. Ф. Избранные сочинения / пер. И. Маханькова, Ю. Панасенко, А. Столярова, Н. Шабурова, Э. Юнца; сост. и общ. ред. А.А. Столярова. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – 448 с.
 6. Златоуст И. О священстве / И. Златоуст // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Эксмо, 2017. – Т. 1. – 357 с.
 7. Канонические послания св. Василия Великого (с краткими толкованиями) [Электронный ресурс] // Книга правил святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. – М.: Синодальная типография, 1893. – Режим доступа: URL: mstud.org/library/canons/basil00.htm. – Дата доступа: 10.10.2020.
 8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000. – С. 57.
 9. Ориген. О молитве и Увещание к мученичеству / пер. Н. Корсунского. – СПб.: Альфарет, 2015. – 250 с.
 10. Евсевий. Церковная история / пер. М.Е. Сергеев. Богословские труды. – М., 1982. Сб. 23–26.
 11. Webster, F.C. The Pacifist Option: The Moral Argument Against War in Eastern Orthodox Moral Theology / F.C. Webster. – Lanham, International Scholars Publications, 1999. – P. 245–248.
 12. Хондзинский, П. Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи / П. Хондзинский. – М.: ПСТГУ, 2015. – 480 с.
 13. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 5. – С. 266–286.
 14. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
 15. Сидоренко, И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И.Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
 16. Le Masters, P. Orthodox Perspectives on Peace, War and Violence / P. Le Masters // The Ecumenical Review. – 2011. – № 63(1). – P. 57.
 17. Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В.В. Кучма. – СПб.: Алетейя, 2004. – 248 с.
 18. Православное богослужение. Книга 3: Последования таинства евхаристии: Литургия св. Василия Великого, Литургия преждеосвященных даров, Литургия св. апостола Иакова / в пер. с греч. и церковнослав. яз., с прил. церковнослав. текстов. – 2-е изд., испр. / пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б.А. Каячева, Н.В. Эппле; сост. и предисл. свящ. Георгия Кочеткова. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. – 272 с.
 19. Владимир, И. Православная Энциклопедия / И. Владимир. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2012. – Т. 23. – С. 736–739.
 20. Диакон, Л. История / Л. Диакон; пер. с древнегреч. М.М. Копыленко. – М.: Наука, 1988. – 239 с.

Поступила в редакцию 16.10.2020

ФИЛОЛОГИЯ

Катэгорыя самаідэнтыфікацыі асобы як аб'екта літаратуразнаўчых і іншых гуманітарных ведаў

Глазман Л.Я.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле даследуецца катэгорыя самаідэнтыфікацыі асобы як аб'екта міждысцыплінарных гуманітарных ведаў, які ў апошнія дзесяцігоддзі даволі рэзка набыў у розных галінах гуманітарных навук статус найбольш вывучаемай з'явы.

Мэта працы – выявіць і ахарактарызаваць сутнасць феномена самаідэнтыфікацыі асобы ў міждысцыплінарным дыскурсе ў дыяхранічным і сінхранічным аспектах.

Матэрыял і метады. У якасці матэрыяла для аналізу катэгорыі самаідэнтыфікацыі асобы выкарыстоўваюцца навуковыя даследаванні псіхолагаў, сацыёлагаў, сацыяльных псіхолагаў і філосафаў, антраполагаў, літаратуразнаўцаў, прысвечаныя дадзенаму феномену.

Сярод метадаў даследавання вызначаюцца культурна-гістарычны, параўнальна-гістарычны і элементы кантэкстуальнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Падыходы да аналізу самаідэнтыфікацыі асобы мяняліся на працягу XX стагоддзя: ад бессвядомага псіхалагічнага працэсу (У. Джэймс, З. Фрэйд) да сацыяльнай з'явы (Дж. Мід, Ч. Кулі). З пачаткам філасофскіх даследаванняў (М. Хайдэгер, Ю. Хабермас, В. Хёсле) звяртаецца ўвага на камунікатыўную, кагнітыўную прыроду самаідэнтычнасці, супярэчлівасць “я – іншы” і г.д. Сёння распаўсюджанне атрымалі культуралагічныя (Э. Гідэнс, А. Шаманаў, А. Астахаў), філалагічныя (П. Рыкёр, М. Бахцін, Л. Сафронава), новыя псіхалагічныя (А. Лук'янаў) тэорыі ідэнтычнасці. Аналізуюцца розныя ўзроўні самаідэнтычнасці асобы. Працэс даследавання дадзеных аспектаў пашыраецца, патрабуючы пэўнай навуковай цэласнасці вывучэння.

Заключэнне. Самаідэнтыфікацыя асобы разглядаецца пераважна як складаны, абумоўлены ў культурна-гістарычным плане, бесперапынны працэс набыцця тоеснасці чалавека з самім сабой. Дыалектыка гэтага працэсу заключаецца ў немагчымасці такога самасупадзення, а таксама ў супрацьстаянні асобаснага і сацыяльнага складнікаў.

Ключавыя словы: самаідэнтыфікацыя асобы, ідэнтычнасць, гуманітарныя навукі, літаратуразнаўства, мастацкая ўмоўнасць, самасць, асобасны крызіс.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 101–106)

The Category of Self-Identity as the Object of Literary and Other Humanitarian Knowledge

Glazman L.Ya.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article deals with the category of self-identity as the object of interdisciplinary humanitarian science, which in recent decades has acquired the status of the most topical phenomenon in various humanitarian fields.

The purpose of the study is to identify and characterize the essence of the phenomenon of self-identity in interdisciplinary discourse in diachronic and synchronous aspects.

Material and methods. As a material for the analysis of the self-identity category, scientific studies in psychological, sociological, social psychological and philosophical, anthropological, literature fields, which are connected with the phenomenon, are used.

As research methods, the cultural-historical, the comparative-historical and elements of contextual analysis are used.

Findings and their discussion. Approaches to the analysis of self-identity have changed during the twentieth century: from an unconscious psychological process (W. James, Z. Freud) to a social phenomenon (J. Mead, C. Cooley). With the beginning of philosophical researches (M. Heidegger, J. Habermas, V. Hesse), attention was paid to the communicative, cognitive nature of self-identity, the contradiction of “I – not I”, etc. Nowadays, cultural works (E. Giddens, A. Shamanov, A. Astakhov), philological (P. Riker,

M. Bakhtin, L. Safronov), new psychological (A. Lukyanov) identity theories have become widespread. Different levels of personal identity are studied. The research process of various aspects is expanding, which requires a certain scientific integrity of learning.

Conclusion. *Self-identity is defined primarily as a complex, culturally and historically determined, continuous process of finding the person's identity with himself. The dialectic of this process lies in the impossibility of such self-coincidence, as well as in the opposition of personal and social components.*

Key words: *self-identity, identification, humanitarian sciences, literary criticism, artistic conventions, self, personality crisis.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 101–106)

У сучасным літаратуразнаўстве прасочваецца выразная тэндэнцыя да актуалізацыі праблемы самаідэнтыфікацыі асобы: на ўзроўнях аўтара, наратара, літаратурнага персанажа. Пра гэта сведчыць значная колькасць даследаванняў, у якіх вывучаецца або фігуруе дадзены з’ява. І гэта не дзіўна, бо само пытанне асобаснай ідэнтычнасці абвастрылася ў посткаланіяльную эпоху. Феномен ідэнтычнасці аб’ектыўна прысутнічае ў мастацкіх тэкстах: як рэальны чалавек праходзіць працэс уласнай ідэнтыфікацыі, так і літаратурны герой, паколькі персанаж з’яўляецца, па выразе М. Бахціна, “завершэнным целым” [1, с. 16–18]. Аднак, як правіла, заяўленая ў назве літаратуразнаўчых даследаванняў ідэнтыфікацыйная праблема разглядаецца па-за спецыяльным тэарэтычным абгрунтаваннем; адсутнічае і каментарый да тэрміналогіі, якая выкарыстоўваецца (напрыклад, дасертацыі апошніх гадоў І.А. Якунінай, А.С. Ярынай, А.У. Бімаева, К.Г. Дочавай і інш.). Маецца на ўвазе дапушчэнне, што паняцці “самаідэнтыфікацыя”, “ідэнтычнасць”, “самаідэнтычнасць” загадзя зразумелыя рэцыпіентам. Да таго ж гэтыя тэрміны набываюць кожны раз тое канкрэтнае значэнне, якое даследчыку зручна актуалізаваць, без дадатковых каментарыеў. Тым не менш тэарэтычнае абгрунтаванне феномена знаходзім перадусім у псіхалагічных, філасофскіх і сацыялагічных працах даследчыкаў-класікаў XX стагоддзя Э. Эрыксана, Ю. Хабермаса, А. Гідэнса, В. Хёсле, сучасных расійскіх вучоных А.Ю. Шаманава, М.А. Шчарбакова, А.У. Лук’янава, А.П. Бялінскай і інш. Такая сітуацыя робіць выдавочнай неабходнасць зрабіць экскурс у мінулае стагоддзе і прасачыць гісторыю тэрміналогіі ў названай галіне, а таксама разгледзець і прааналізаваць тыя тэарэтычныя погляды на самаідэнтыфікацыю асобы, што склаліся ў сучасных даследчыкаў гуманітарнага профілю.

Мэта артыкула – выявіць і ахарактарызаваць сутнасць феномена самаідэнтыфікацыі асобы ў міждысцыплінарным дыскурсе.

Матэрыял і метады. У якасці матэрыяла для аналізу катэгорыі самаідэнтыфікацыі асобы выкарыстоўваюцца навуковыя даследаванні псіхалагаў (У. Джэймса, З. Фрэйда, К. Юнга, Э. Эрыксана, А.У. Лук’янава), сацыёлагаў (Дж. Міда, Ч. Кулі, А. Гідэнса), сацыяльных псіхалагаў (Х. Тэджфела) і філосафаў (М.М. Бахціна, М. Хайдэгера, Ю. Хабермаса, В. Хёсле), антраполагаў (А.Ю. Шаманава), літаратуразнаўцаў (С.С. Імяхелавай, Л.А. Сафронавай), прысве-

чаныя дадзенаму феномену, з прымяненнем культурна-гістарычнага, параўнальна-гістарычнага метадаў і элементаў кантэкстуальнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. У самым агульным плане самаідэнтыфікацыя чалавека вывучаецца яшчэ з антычных часоў, аднак як асобная катэгорыя дадзенае паняцце паступова вылучылася да пачатку XX стагоддзя. Сярод папярэднікаў навуковага абгрунтавання феномена ідэнтычнасці асабліва вызначаюцца даследаванні псіхалагаў У. Джэймса, З. Фрэйда, К. Юнга, Э. Фромма, сацыёлагаў Дж. Міда, Ч. Кулі і інш.

Навуковец У. Джэймс вывучаў ідэнтыфікацыю асобы найперш у кантэксце праблемы самасвядомасці чалавека. Пры гэтым “я” амерыканскі псіхолог уяўляе ў выглядзе кампанентаў “я”; яго пачуццяў і эмоцый (“Self-feelings” [2, с. 292]); дзеянняў, да якіх яны прыводзяць (“Self-seeking and Self-preservation” [2, с. 292]). Паводле Джэймса, да кампанентаў “я” адносяцца матэрыяльнае “я” (тое, чым чалавек валодае), сацыяльнае (пэўныя сацыяльныя ролі, з якімі чалавек сябе атаясамлівае; найбольш няўстойлівы кампанент, на думку аўтара), духоўнае “я” і чыстае “я”. Апошні кампанент і звязваецца ў Джэймса з усведамленнем сябе, сваёй тоеснасці самому сабе як суб’екту, якое аўтар называе пачуццём асобаснай ідэнтычнасці (“the sense of personal identity” [2, с. 330]). Асаблівую ўвагу аўтар надае біялагічным, фізічным працэсам свядомасці, а таксама факту бесперапыннасці свядомасці, у якой усё перажывае не паўтараецца.

Праблему самаідэнтыфікацыі закранаў у межах сваёй тэорыі псіхааналізу З. Фрэйд, не ўжываючы пры гэтым самога тэрміну. Даследуемы феномен разглядаўся псіхалагам як падсвядомы, пераважна біялагічны працэс атаясамлівання асобы з бацькамі, звязаны з біялагічнай адаптацыяй асобы. Вывучэнне ідэнтыфікацыі асобы як бессвядомага працэсу было некаторы час характэрна для паслядоўнікаў фрэйдэскай тэорыі. Але даволі хутка стала выдавочнай недасканаласць такога ўяўлення пра асобу, вывучэнне асобаснай ідэнтычнасці патрабавала зварту да сацыялагічных ведаў. Напрыклад, адзін з яскравых паслядоўнікаў З. Фрэйда К. Юнг падкрэсліваў неабходнасць улічваць сацыяльнае асяроддзе падчас вывучэння станаўлення асобы. У якасці цэнтральнага паняцця Юнгам ужываецца традыцыйны на той час для гуманітарных ведаў тэрмін “самасць”, пад якім Юнг разумеў сукупнасць свядомага і несвядомага псіхічнага быцця чалавека; “самасць” – цэнтр яго цэласнасці, падобна да таго,

як эга з’яўляецца цэнтрам свядомага розуму. Самасць адлюстроўвае індывідуальнасць асобы і дасягаецца – у той ці іншай ступені – праз працэс індывідуальнасці. Апісанне гэтага працэсу, на нашу думку, па сваім прынцыпе адпавядае працэсу самаідэнтыфікацыі, калі браць яго псіхалагічны, індывідуальны бок (без уліку сацыяльнага асяродка), бо індывідуальнасць, па Юнгу, закранае пераважна індывідуальна-асобасныя ўласцівасці чалавека.

Апрача дзейнасці неафрэйдыстаў, праблемай асобнай самасці займаліся таксама А. Адлер, К. Хорні, Г. Саллівэн і інш. Усе яны сцвярджалі пераважную ролю бессвядомага ў станаўленні асобы, падкрэсліваючы, аднак, уздзеянне сацыяльных фактараў, што прадвызначала дыялагічны падыход да праблемы самаідэнтыфікацыі асобы.

Адначасова ў 30-я гады XX стагоддзя Дж. Мід і Ч. Кулі вывучаюць станаўленне асобы ў ракурсе сацыяльнага ўзаемадзеяння, пад уплывам якога і фарміруецца ідэнтычнасць чалавека (у тэрміналогіі дадзеных даследчыкаў – самасць). Мід вывучае асобу ў кантэксце сваёй сацыялагічнай тэорыі, пазней названай сімвалічным інтэракцыянізмам, вылучаючы ў структуры самасці два складнікі: “I” і “Me”. Паводле Міда, чалавек для станаўлення ўласнай самасці павінен стаць аб’ектам для самога сябе, а гэта магчыма толькі ў сацыяльным вопыце, падчас сацыяльнай камунікацыі. Ч. Кулі выводзіць фарміраванне самасці асобы з таго, як яе бачаць і ўспрымаюць іншыя людзі ў працэсе сацыяльнай актыўнасці. Працэс уключае тры асноўныя элементы: “The imagination of our appearance to the other person; the imagination his judgment of that appearance, and some sort of self-feeling” [3, с. 152]. У гэтай сувязі сацыёлаг падкрэслівае “люстрыны” характар самасці (“the looking-glass Self” [3, с. 152]).

Нягледзячы на актыўнае вывучэнне ў першай палове XX стагоддзя тых характарыстык асобы, якія сёння прынята называць асобнай ідэнтычнасцю, навуковы статус паняцця атрымала дзякуючы знакамётам псіхолага Э. Эрыксону, які таксама зрабіў ідэнтычнасць асобным аб’ектам вывучэння. Застаючыся прыхільнікам псіхааналізу, Эрыксон тым не менш вымушаны пашырыць сферу даследавання. Ён ужывае тэрмін “псіхасацыяльная ідэнтычнасць”, падкрэслівае гістарычнасць і кантынмальнасць феномена, які даследуе, яго зменлівасць на працягу чалавечага жыцця.

У 1980-я гады тэорыя ідэнтычнасці развіваецца дзякуючы, апрача іншага, дзейнасці прыхільнікаў кагнітыўнага напрамку сацыяльнай псіхалогіі, сярод якіх вылучаюцца Х. Тэджфел, Дж. Цёрнер, Г. Брэйкуэл. Ідэнтычнасць разглядаецца імі як кагнітыўная сістэма, што праходзіць некалькі этапаў свайго станаўлення ад знаёмства з пэўнай сацыяльнай групай да ідэнтыфікацыі сябе з ёю. Вучоныя рэзка размяжоўвалі сацыяльную і асобасную ідэнтычнасці. Можна адзначыць, што зварот да сацыялагічнага аспекту пашырыла ўяўленне пра дадзены феномен як пра ўмову асобнага станаўлення менавіта ў камунікатыўнай

прасторы, як пра з’яву, якая фарміруецца непасрэдна ў сацыюме і не існуе ў адарванасці ад яго. Яшчэ адзін бок асобнай ідэнтычнасці – яе філасофская прырода. Асэнсаванне праблемы з пункту гледжання філасофіі дало магчымасці да спасціжэння пэўных агульных, універсальных (у параўнанні з больш канкрэтнай, практычна накіраванай псіхалага-сацыялагічнай сферай) прынцыпаў, якія датычацца нашага даследавання.

М. Хайдэгер у сярэдзіне XX стагоддзя ўзняў праблему характару ідэнтычнасці (перадусім ідэнтычнасці быцця і мыслення) у філасофскім сэнсе, даказваючы, што яна будзе на адрозненні і залежыць ад “конкретного опыта”, “конкретного исторического контекста” [4].

Нямецкі філосаф і сацыёлаг Ю. Хабермас разглядае самаідэнтычнасць асобы ў кантэксце распаўсюджанай ім тэорыі камунікатыўнага дзеяння. Ідэнтычнасць “я” ён уяўляе як пэўны баланс паміж асобаснымі і сацыяльнымі ідэнтычнасцямі. Задача асобы – адначасова адпавядаць сацыяльным нормам і захоўваць сваю індывідуальнасць. Атрымліваецца, што Хабермас, з аднаго боку, супрацьпастаўляе сацыяльны і асобны складнікі самаідэнтычнасці, а з другога – паказвае іх непарыўную ўзаемасувязь, бо асобная цэласнасць дасягаецца толькі сумеснай працай абодвух відаў ідэнтычнасцей. Немалаважным унёскам у развіццё тэорыі ідэнтычнасці стала вывучэнне Хабермасам нацыянальнай ідэнтычнасці, а таксама зварот да разглядаемага феномена з улікам культурна-гістарычных фактараў.

Адметны ўнёсак у даследаванне самаідэнтыфікацыі асобы зрабіў В. Хёсле. Філосафа найперш цікавіць крызіс ідэнтычнасці як асобнага індывіда, так і – на больш шырокім узроўні – сацыяльных інстытутаў. Аднак жа, на наш погляд, вучоны аддае перавагу аналізу асобнай ідэнтычнасці, бо калектыўная разглядаецца ім даволі пункцёрна – як адлюстраванне тых жа прынцыпаў і рэалізацыя тых жа схем, па якіх адбываецца крызіс у індывіда. Пад ідэнтычнасцю чалавека ён разумее сінтэз фармальнай (што ўласцівая ўсім істотам) і рэальнай (вынік ментальнай актыўнасці) ідэнтычнасцей, якія існуюць у катэгорыі часу. Пры гэтым працэс самаідэнтыфікацыі асобы адбываецца праз стаўленне “я”-суб’екта (“I”) да “я”-аб’екта (“the Self”). Паводле Хёсле, “проблема идентичности, в любом случае, является проблемой отождествления, идентификации “я” и самости” [5]. Прызнанне ўласнай самасці становіцца крытэрыем паспяховай ідэнтычнасці. Даследчык адстойвае думку пра непазбежнасць крызісаў (паколькі “мир не может не нарушить целостность сознания, ибо переполняет его; чрезвычайное богатство мира разрушает последовательность, необходимую для целостности сознания” [5]) і неабходнасць “направлять [ix] в правильное русло” [5]. Важную ролю для самаідэнтыфікацыі асобы Хёсле надае ўменню ў інтарэсах цэлага прымірыцца з уласным становішчам, а таксама прызнанню нябачнай заканамернасці свайго мінулага. Такім чынам, праца

Хёсле з'яўляецца спробай філасофскага асэнсавання праблемы ідэнтычнасці з улікам сацыяльных і псіхалагічных фактараў чалавечага існавання.

Англііскі сацыёлаг А. Гідэнс звяртаецца да ідэнтычнасці асобы ў кантэксце сучаснай культуры, якую ён характарызуе як эпоху позняга мадэрну. Самаідэнтыфікацыя чалавека ў гэтую эпоху актуалізуецца і характарызуецца адказнай рэфлексійнай дзейнасцю, адным з галоўных механізмаў якой з'яўляецца біяграфічны наратыў: “Self-identity, as a coherent phenomenon, presumes a narrative” [6, с. 76]. Гідэнс, хоць і абапіраўся на вопыт папярэднікаў, аднак здолеў дыстанцавацца ад стаўлення да асобы толькі як да псіхасацыяльнага арганізму, паказваючы ўпісанасць асобы ў культурна-гістарычны кантэкст эпохі, дзе аўтэнтычнасць самасці магчымая праз інтэграцыю жыццёвага вопыту ва ўмовах індывідуальнага стварэння або рэканструкцыі ўласнай біяграфіі.

Сувязь ідэнтычнасці асобы з наратывам адстойваў і французскі філосаф П. Рыкёр, які інтэрпрэтаваў станаўленне самасці чалавека як працэс яго ідэнтыфікацыі з персанажам з дапамогай наратыўнага апасродкавання. У выніку фарміруецца ідэнтычнасць, якую філосаф назваў наратыўнай.

У апошнія дзесяцігоддзі праблема ідэнтычнасці (а ў яе кантэксце звяртанне і да пытання самаідэнтыфікацыі) надзвычай актуалізавалася, перадусім у галінах сацыяльнай філасофіі, сацыяльнай псіхалогіі, культуралогіі. Найважнейшымі прычынамі такога “тэарэтычнага буму” з'яўляюцца ўсё большае ўсведамленне адноснасці, нетрываласці традыцыйных каштоўнасцей, а таксама глабалізацыйныя працэсы ў сацыюме. На падставе аналізу розных даследаванняў гуманітарнага профілю можна вылучыць асноўныя аспекты, якія становяцца галоўным аб'ектам увагі навукоўцаў. У першую чаргу, як правіла, разглядаецца пытанне пра ўласцівасці самаідэнтыфікацыі як бесперапыннага працэсу, яе крызісны характар і спосабы знаходжання і захавання; важным этапам вывучэння феномена з'яўляецца таксама адлюстраванне структуры і тыпалогіі самаідэнтычнасці; шмат увагі надаецца крызісу асобаснай і калектыўнай ідэнтычнасці ў сучасную эпоху і шляхам вырашэння гэтай праблемы. Таму мяркую, што мэтазгодна падчас аналізу сучаснай тэорыі пытання абапірацца на раскрыццё менавіта гэтых момантаў.

Сярод навукоўцаў, якія зрабілі першыя захады да абагульнення назапашанага навукай вопыту ў даследаванні асобаснай ідэнтычнасці і самаідэнтыфікацыі, вылучаюцца працы М.В. Закаваротнай, У.С. Малахава, А.У. Кузьміна. Тым не менш у даследаваннях названых вучоных бачым дастаковую колькасць супярэчнасцей і перахілаў (напрыклад, А.У. Кузьмін будзе сваю тэорыю ідэнтычнасці як праблему нацыяналізму, М.В. Закаваротная занадта супрацьпастаўляе індывідуальную і калектыўную ідэнтычнасць і г.д.)

Найбольш удалай працай лічым даследаванне А.Ю. Шаманава, які называе самаідэнтыфікацыю

асобы антропагенетычным феноменам. Факт актуалізацыі праблемы самаідэнтыфікацыі ў сучаснай навуковай думцы Шаманаў звязвае з фіксацыйным крызісу самаідэнтычнасці. Аднак у адрозненне ад А.У. Кузьміна, які лічыць прычыну крызісу ў растварэнні “я” ў “не я”, у канфлікце паміж індывідуальнай і сацыяльнай ідэнтычнасцямі, Шаманаў, наадварот, падкрэслівае камунікатыўны характар самаідэнтыфікацыі, прапануючы, услед за М.М. Бахціным, мадэль дыялогу культур. Сам феномен самаідэнтыфікацыі выступае ў Шаманава як працэс станаўлення чалавека праз “самаадрозніванне”. Такім чынам, сцвярджаецца адноснасць як уласцівая рыса самаідэнтыфікацыі. Прычыну ж яе крызісу ў сучасную культурна-гістарычную эпоху даследчык бачыць у адсутнасці характэрнай для папярэдніх часоў аднесенасці чалавека да абсалютызаванага сімвалічнага іншага (Космас, Бог, Прырода). Канцэпцыя Шаманава арганічна ўвабрала ў сябе наратыўны, камунікатыўны, антрапалагічны і культуралагічны падыходы папярэднікаў.

Паралельна з сацыёлагамі і філосафамі распрацоўкай тэорыі ідэнтычнасці займаюцца даследчыкі ў галіне псіхалогіі, сацыяльнай псіхалогіі.

Значны ўнёсак у вучэнне пра самаідэнтыфікацыю асобы зрабіў прыхільнік сістэмна-антрапалагічнага падыходу ў псіхалогіі, заснавальнік тэорыі транстэмпаральнай самаідэнтычнасці А.У. Лук'янаў. Зыходзячы з традыцыйнага разумення самаідэнтычнасці як працэсу, што забяспечвае ўстойлівасць чалавека ў свеце і з'яўляецца ўмовай гэтай устойлівасці, даследчык шукае механізм, які “запускае” самаідэнтыфікацыйныя працэсы, г.зн. спрыяе развіццю чалавека падчас бесперапынных змен і адначасоваму захаванню ягонай цэласці. Так у навуковы ўжытак уваходзяць паняцці “транстэмпаральнасць” і “транстэмпаральная ідэнтычнасць”. Транстэмпаральнасць выступае як “процесс согласования времен <...> и синхронизация жизненных пространств в тех <...> секторах, в которых здесь и теперь осуществляет себя саморазвитие” [7, с. 7]. Апрача таго, Лук'янавым прапануецца формула ідэнтычнасці: “Я=уникальность+устойчивость” [7, с. 25], дзе пад “Я” маецца на ўвазе ідэнтычнасць, якая паказвае немагчымасць адначасовасці дзвюх прыведзеных характарыстык. Можна заўважыць, што Лук'янаў у сваім даследаванні абапіраецца на думку заснавальніка тэорыі ідэнтычнасці Э. Эрыксана пра кантынуальны характар ідэнтычнасці і развівае яе ў самастойную і даволі дасканалую канцэпцыю з увагай, сканцэнтраванай на самаразвіцці асобы, дзе сутнасць самаідэнтычнасці аўтар пастулюе як “готовность “изменить себя, не изменяя себе” [7, с. 9] ва ўмовах сацыяльных змен.

У вывучэнні самаідэнтыфікацыі асобы ў апошнія гады назіраецца тэндэнцыя да даследавання ўсё больш канкрэтных, прыватных праблем, асобных аспектаў. Напрыклад, Ю.В. Жываева звяртаецца да праблемы ўстойлівасці ў дачыненні да сацыякультурнай ідэнтычнасці, у структуры якой яна вылучае ста-

ноўчую і адмоўную мадальнасці (у залежнасці ад таго, як чалавек успрымае свет); І.А. Латыпаў даследуе самаідэнтыфікацыю асобы ў сучасным інфармацыйным грамадстве, сацыякультурны кантэкст асобнай самаідэнтыфікацыі вывучае Э.Д. Драева.

Асобна варту пазначыць даволі значны пласт сучасных даследаванняў, прысвечаных этнакультурнай і нацыянальнай самаідэнтыфікацыі. Найперш, дадзеная праблема раскрываецца ў працах В.М. Бадмаева, І.В. Малыгінай, Д.М. Дроненка, Р.Р. Асылгужына, І.У. Мазуранка, Д.М. Батырава, Л.М. Яўсеевай, М.І. Курбанава. Каштоўным здабыткам самаідэнтыфікацыйных даследаванняў з’яўляецца артыкул айчыннага навукоўцы Я.С. Зяленскай, паколькі датычыцца пытання пошуку непасрэдна беларускай ідэнтычнасці. Яна перакананая, што ідэнтычнасць беларусаў не можа быць заснавана на супрацьпастаўленні “свае–чужыя”. У якасці вырашэння праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі беларусаў Зяленская сцвярджае неабходнасць спынення пошуку ідэнтычнасці і патрэбу звароту да культурных нацыянальных каштоўнасцей.

У літаратуразнаўстве праблема самаідэнтыфікацыі асобы і яе вывучэння набываюць спецыфічныя рысы, абумоўленыя асаблівасцямі мастацкай літаратуры, звязанымі перадусім з тым, што самаідэнтыфікацыя асобы тут даследуецца з улікам мастацкай умоўнасці, аўтарскай думкі, узаемаадносін паміж наратарам, аўтарам, чытачом і г.д. І тут важна размяжоўваць паняцце самаідэнтыфікацыі і некаторыя характарыстыкі персанажаў, якія таксама маюць непасрэднае дачыненне да асобы героя і раскрываюць яго ўнутраную сутнасць. У літаратуразнаўстве найбольш распаўсюджаным аспектам вывучэння асобы героя з’яўляецца яго характар. Аднак, калі характар уяўляе сабой сукупнасць пэўных асобных рысаў, якія фарміруюцца часта даволі падсвядома і ўплываюць на паводзіны героя, самаідэнтыфікацыя героя ўключае пэўную рэфлексію паводле ўласнай асобы, яе становішча і свядомасці, а таксама звязана са свядомым вызначэннем асобай свайго месца ў свеце, абавязкова ўключае ў сябе адказ на пытанне: “Хто я?”. Акрамя таго, на сучасным этапе развіцця літаратуразнаўчай навукі шырокае распаўсюджанне атрымалі даследаванні канцэпцыі асобы ў творчасці таго ці іншага аўтара або групы аўтараў (Н.Л. Бахановіч, Ю.М. Паўлава). Мяркуем, што канцэпцыя асобы – гэта сістэма поглядаў на чалавека, пэўны па-мастацку аформлены падыход да яго. Самаідэнтыфікацыя ж уключае самапісанне, самапрэзентацыю персанажа ў тэксце, з’яўляючыся такім чынам поглядам героя на сябе, у адрозненне ад канцэпцыі асобы – погляда на персанажа “зверху”. Таму можна гаварыць пра самаідэнтыфікацыю як пра адзін са складнікаў, што адлюстроўвае мастацкую канцэпцыю асобы.

Адным з папярэднікаў тэорыі ідэнтычнасці ў галіне літаратуразнаўства стаў знакаміты рускі філосаф М.М. Бахцін. Ён разглядаў праблему самаідэнтыфіка-

цыі асобы як філасофскую катэгорыю ў кантэксце дыялагічнай канцэпцыі, адным з асноўных пастулатаў яго тэорыі быў прынцып “па-за-знаходжання” [1, с. 319, 433]. Калі ў прыродазнаўчых навук, па Бахціну, дзейнічае прынцып атаясамлівання “А=А”, то ў гуманітарным свеце (у тым ліку, мастацкім) тоеснасць пазначаецца як “преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое” [1, с. 433]. Паняцце “атаясамліванне” ў Бахціна як філасофскі прынцып дарэчы прымяняць у дачыненні да самаідэнтыфікацыі літаратурнага героя як “цэлага”, якое адрозніваецца ад аўтарскай свядомасці і ніколі не супадае з ёй.

Аднак часцей за ўсё ў літаратуразнаўчай думцы знаходзіць сваё адлюстраванне бахцінская канцэпцыя суаднесенасці аўтара і героя ў ракурсе вывучэння пісьменніцкай свядомасці, што зрабіла значны ўплыў на развіццё тэорыі наратарскай ідэнтычнасці і самаідэнтыфікацыі для шэрагу расійскіх літаратуразнаўчых даследаванняў, сярод якіх працы А.У. Астахава, Н.В. Барабанавай, С.М. Есіна.

Увогуле, апрача адзінкавых выключэнняў, назіраецца ўстойлівая тэндэнцыя да ігнаравання тэарэтычнага абгрунтавання праблемы самаідэнтыфікацыі/ідэнтычнасці асобы. Асобную групу складаюць даследаванні менавіта нацыянальнага аспекту ідэнтычнасці асобы ў літаратурным творы (працы Г.В. Шапкінай, С.А. Кулагіна, С.В. Канчаковай). На памежжы з лінгвістыкай разглядаюцца моўныя сродкі адлюстравання самаідэнтыфікацыі асобы ў творы (І.М. Гасанова). Акрамя таго, тэрмін “самаідэнтыфікацыя” ўжываецца не толькі ў дачыненні да асобы, але і да цэлай літаратуры (даследаванне пошукаў самаідэнтыфікацыі рускай літаратурай другой паловы XIX стагоддзя ў працы І.В. Кудрашова).

Адзінкавыя літаратуразнаўчыя артыкулы тэарэтычнага характару па пазначанай праблеме ўсё ж існуюць. Перадусім, гэта працы С.С. Імяхелавай і Л.А. Сафронавай.

Даследаванне С.С. Імяхелавай “Проблема самоидентификации человека и ее осмысление в русской прозе второй половины XX века” датычыцца рускай прозы другой паловы XX стагоддзя і фіксуе асноўныя прычыны духоўнага крызісу асобы, адлюстраваныя ў літаратуры гэтага часу. Тэарэтычная каштоўнасць працы заключаецца ў тым, што Імяхелава пазначае праблему самаідэнтыфікацыі асобы менавіта ў літаратурна-мастацкім сэнсе.

Л.А. Сафронава ў артыкуле “О проблемах идентичности” (2006) разгледзела праблему ідэнтычнасці і ідэнтыфікацыі суб’ектаў культуры ў больш шырокім, глабальным сэнсе, закранаючы пытанні сутнасці ідэнтыфікацыі героя, яе формы і эвалюцыі ідэнтычнасцей мастацкага персанажа ў гісторыі культуры, спосабаў атаясамлівання персанажа чытачом і іншымі персанажамі, праблемы, звязаныя з ідэнтыфікацыяй тэкстаў і аўтарства і г.д. Услед за назіраннямі папярэднікаў навукоўца сцвярджае зменлівы характар ідэнтычнасці і выводзіць гэтую ўласцівасць на агульнакультурны

ўзровень, акцэнтуючы рознакіраванасць ідэнтычнасці асобы ў мастацкіх тэкстах розных эпох. Як форму “ўскладненай ідэнтычнасці” Сафронава вывучае літаратурную маску персанажа.

Заклучэнне. На падставе прааналізаваных даследаванняў можна прапанаваць варыянт сталага бачання сутнасці і асноўных характарыстык самаідэнтыфікацыі асобы.

Самаідэнтыфікацыя асобы разглядаецца пераважна як складаны, абумоўлены ў культурна-гістарычным плане, бесперапынны працэс набыцця тоеснасці чалавека з самім сабой. Дыалектыка гэтага працэсу заключаецца ў немагчымасці такога самасупадзення (што паказана М.М. Бахціным, М. Хайдэгерам); а таксама ў сумяшчэнні ў свядомасці чалавека сацыяльных і псіхалагічных складнікаў, якія адначасова і супрацьпастаўлены, і непарыўна звязаны паміж сабой.

Праблемы асобы, у тым ліку, крызіс яе самаідэнтыфікацыі, значна актуалізаваліся. Названы крызіс абвастрыўся ў сучасную эпоху росту сацыяльнай дынамікі ў посткаланіяльным свеце, у часы дэструкцыі і паніжэння статусу асобы ў мастацтве постмодэрнізму. Усё гэта робіць праблематычным працэс захавання асобаснай цэласнасці, што вядзе да з’яўлення паняцця “паліфанічнай” (“множнай”) ідэнтычнасці. У падыходах даследчыкаў розных гуманітарных дысцыплін да пазначанай праблемы назіраюцца свае асаблівасці: прадстаўнікі філасофскай думкі тэарэтызуюць пытанне, з доляй універсальнасці ўпісваючы самаідэнтыфікацыю чалавека ў шырокі культурны і духоўны кантэкст; у той жа час даследчыкі псіхалагічнага напрамку схільныя менавіта да ўпарадкавання, класіфікацыі праблемных момантаў, часта звяртаюцца да пэўнай канкрэтнай групы людзей, канкрэтызуючы свае высновы ў прыкладных працах; прамежкавае становішча займаюць сацыялагічныя даследаванні, якія таксама часта маюць эксперыментальную аснову.

Вывучэнне самаідэнтыфікацыі асобы ў мастацкім тэксце грунтуецца на высновах па дадзенай праблеме, зробленых у розных галінах гуманітарных ведаў. У той жа час літаратуразнаўцы, прызнаючы падпарадкаванне літаратурнага феномена самаідэнтыфікацыі ўніверсальным ідэнтыфікацыйным прынцыпам, спрабуюць

улічваць у сваіх працах мастацкі кантэкст і законы мастацкай умоўнасці – каб вырашыць пытанні, што суадносяцца менавіта з задачамі аналізу літаратурнага працэсу. Так узнікаюць уяўленні пра спецыфічныя формы ідэнтычнасці і самаідэнтыфікацыйныя праблемы, уласцівыя для мастацкага тэксту, выкліканыя асаблівасцямі персанажа (або нарацара) як фігуры, якая створаная аўтарам і ўспрымаецца чытачом. У гэтым плане выяўляюцца складанасці ўзаемадзеяння паміж пісьменніцкай і мастацкай ідэнтычнасцю, а таксама розныя аспекты ідэнтычнасці персанажа ў залежнасці ад сацыяльна-гістарычнай праблематыкі, пэўнага светапогляду ў тую ці іншую культурную эпоху. Разам з тым праблема самаідэнтыфікацыі асобы героя (звязаная з самаадчуваннем героя, з суаднесенасцю паміж тым, як персанаж сябе ўспрымае і кім насамрэч з’яўляецца, яго адпаведнасцю сацыякультурнаму асяроддзю і інш.), якую ўсё больш актуалізуюць пісьменнікі, і асабліва ў пераломныя часы, застаецца па-за межамі спецыяльнай увагі даследчыкаў нацыянальных літаратур.

Літаратура

1. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 9–191.
2. James, W. The principles of psychology: in 2 vol. / W. James. – New York: Holt, 1890. – Vol. 1. – 716 p.
3. Cooley, C.H. Human nature and the social order / C.H. Cooley. – New York: C. Scribner’s sons, 1902. – 434 p.
4. Хайдеггер, М. Тожество и различие [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Togd_Razl.php. – Дата доступа: 23.04.2014.
5. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности [Электронный ресурс] / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000647/index.shtml>. – Дата доступа: 21.04.2014.
6. Giddens, A. Modernity and self-identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford: Stanford university press, 1991. – 264 p.
7. Лукьянов, О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / О.В. Лукьянов; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2009. – 43 с.

Паступіў у рэдакцыю 27.10.2020

Курсы беларускай мовы “Мова Нанова” ў кантэксце развіцця айчыннай адукацыйнай прасторы

Дубоўская Т.А.

Установа адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі
“Міжнародны ўніверсітэт «МІТСО»” (Віцебскі філіял), Віцебск

У артыкуле разглядаюцца ключавыя вектары дзейнасці курсаў беларускай мовы “Мова Нанова”, аналізуецца роля праекта ў фарміраванні этнічнай самасвядомасці і пачуцця нацыянальнай годнасці беларусаў.

Мэта працы – вызначыць месца і ролю дзейнасці курсаў “Мова Нанова” ў кантэксце развіцця айчыннай адукацыйнай прасторы.

Матэрыял і метады. *Навуковае даследаванне праведзена на аснове распрацовак і відэаматэрыялаў курсаў “Мова Нанова”, а таксама мовазнаўчых і публіцыстычных артыкулаў, у тым ліку інтэрнэт-крыніц. Пры аналізе матэрыялу былі выкарыстаны апісальны метады і метады канцэптуальнага аналізу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Прыярытэтнымі накірункамі курсаў “Мова Нанова” сёння з’яўляюцца наступныя: пашырэнне і ўдасканаленне ведаў па роднай мове; знаёмства з традыцыйнай культурай беларусаў; сустрэчы з гісторыкамі, краязнаўцамі, этнакультуралагамі, мастацтвазнаўцамі, філосафамі, мовазнаўцамі, літаратуразнаўцамі, пісьменнікамі, акцёрамі, рэжысёрамі, спартсменамі і інш.; арганізацыя разнастайных конкурсаў, дыскусій, кінапраглядаў, экскурсій; удзел у літаратурных імпрэзах, навуковых канферэнцыях, дабрачынных акцыях.*

Асобнай увагі заслугоўвае кніга А. Літвіноўскай і Г. Лабадзенкі “Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы” (у дзвюх частках), адрасаваная найперш тым, хто імкнецца карыстацца беларускай мовай у паўсядзённым жыцці.

Заклучэнне. *Курсы неакадэмічнага вывучэння беларускай мовы “Мова Нанова” – гэта больш чым адукацыйны праект. Вывучаючы мову, літаратуру, гісторыю, культуру сваёй Радзімы, знаёмячыся з таленавітымі суайчыннікамі, прымаючы ўдзел у грамадска значных мерапрыемствах, студэнты адкрываюць для сябе новую Беларусь, пачынаюць свядома шанаваць і ганарыцца беларушчынай. Усё гэта сведчыць пра выключную ролю курсаў “Мова Нанова” ў фарміраванні этнічнай, культурнай і моўнай свядомасці грамадзян нашай краіны.*

Ключавыя словы: *адукацыйны праект, адукацыйны рэсурс, анлайн-курсы, беларускі класічны правапіс, беларускі афіцыйны правапіс, этнічная самасвядомасць.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 107–110)

K the Belarusian Language Courses “Language in a New Way” in the Context of the National Education Space Development

Dubouskaya T.A.

Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»” (Vitebsk Branch), Vitebsk

Main vectors of the operation of the Belarusian language courses “Language in a New Way” are considered in the article; the role of a project in shaping ethnic self-identification and the feeling of the Belarusians’ national belonging is analyzed.

The article aims at identifying the place and the role of the operation of the Belarusian language courses “Language in a New Way” in the context of the national education space development.

Material and methods. *The research was conducted on the basis of the developed courses and their videos as well as on linguistic and journalistic articles, the Internet sources including. The de-descriptive method and the method of concept analysis were used.*

Findings and their discussion. *The priority directions of the courses “Language in a New Way” are the following: widening and strengthening the mother tongue knowledge; getting acquainted with the traditional culture of Belarusians; meetings with historians, local lore researchers, ethnic culture re-searchers, art critics, philosophers, linguists, literature critics, writers, actors, directors,*

sportsmen and others; setting up different contests, discussions, watching films, excursions; participation in liter-ature performances, scientific conferences, charity events.

Special attention should be paid to A. Litvinouskaya and G. Labadzenka's book "Language in a New Way: 20 Steps to the Belarusian Language" (in two parts) which is addressed first of all to those who tries to use Belarusian in everyday life.

Conclusion. The courses of non-academic learning of Belarusian "Language in a New Way" are more than an educational project. Through learning the language, literature, history, culture of their motherland, meeting talented compatriots, participating in socially important events students open for themselves the new Belarus, consciously value and take pride in it. All this testifies to the exceptional role of the courses "Language in a New Way" in shaping ethnic, cultural and language consciousness of people of our country.

Key words: an education project, educational resource, on-line courses, Belarusian classic writing, Belarusian official writing, ethnic self-identification.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 107–110)

У другім дзесяцігоддзі ХХІ стагоддзя ў моладзевым асяроддзі нашай краіны, найперш у сталіцы, назіраецца тэндэнцыя да актыўнага вывучэння беларускай мовы. Падобная зацікаўленасць выклікана стварэннем прагрэсіўнай часткай маладога пакалення разнастайных моўных праектаў. Так, у 2011 годзе пры Таварыстве беларускай мовы імя Францішка Скарыны распачаў сваю дзейнасць клуб беларускага красамоўства "ПраМова", які ўзначаліла спачатку сябра ТБМ Вера Канкаловіч, а затым медыятар Алесь Давідовіч. У 2012 годзе ў Маскве, а затым у 2013 годзе ў Мінску журналістам Кацярынай Кібальчыч былі заснаваны курсы беларускай мовы "Мова ці кава", якія праіснавалі больш за паўтара года. Своеасаблівым працягам вышэйназванага праекта сталі курсы "Мова Нанова", створаныя ў сталіцы ў 2014 годзе лінгвістам Алесся Літвіноўскай і журналістам Глебам Лабадзенкам.

Курсы дзейнічаюць па сённяшні дзень і выклікаюць цікавасць у людзей розных сацыяльных слаёў і ўзроставых катэгорый. Адукацыйнаму праекту прысвечаны навуковыя артыкулы Т.Р. Рамзы [1], А.Г. Літвіноўскай [2], А.А. Ляўко [3], С. Раманчука [4], у якіх увага даследчыкаў у пераважнай большасці скіравана на аналіз першай часткі кнігі "Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы" [5]. Аднак актуальнымі на сённяшні дзень застаюцца пытанні канцэптualaнага даследавання асноўных накірункаў дзейнасці курсаў "Мова Нанова" і вызначэння ролі праекта ў фарміраванні этнічнай самасвядомасці і пачуцця нацыянальнай годнасці беларусаў.

Мэта працы – вызначыць месца і ролю дзейнасці курсаў "Мова Нанова" ў кантэксце развіцця айчынай адукацыйнай прасторы.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена на аснове распрацовак і відэаматэрыялаў вышэйназваных курсаў з неакадэмічным падыходам да вывучэння беларускай мовы, а таксама мовазнаўчых і публіцыстычных артыкулаў, у тым ліку інтэрнэт-крыніц. Пры аналізе матэрыялу былі выкарыстаны апісальны метады і метады канцэптualaнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. У 2014 годзе курсы неакадэмічнага вывучэння беларускай мовы атрымалі дзяржаўную рэгістрацыю як "Сацыяльна-культурная

ўстанова развіцця беларускай мовы і культуры "Мова Нанова". У тым жа годзе адукацыйны праект адзначаны Гран-пры V Фэстывалю беларускамоўнай рэкламы і камунікацыі aDNaK! у намінацыі "Грамадсказначныя праекты" [6] і названы пераможцай конкурсу "Падзея года" на V Фэстывалі нефармальнай адукацыі [3, с. 9].

Канцэпцыя курсаў "Мова Нанова" – гэта неакадэмічнае вывучэнне беларускай мовы. Кожныя заняткі складаюцца з адмысловых рубрык ("Слоўнік", "Граматыка", "Цікавінкі", "Скайп-госць" і інш.) і прысвечаны канкрэтнай тэме, якую асвятляе запрошаны беларускамоўны эксперт. Лексічная і граматычная часткі выкладаюцца для студэнтаў у разнастайных інтэрактыўных формах.

Варта адзначыць, што першым удзельнікам пазначанай вышэй рубрыкі "Скайп-госць" у Мінску стаў былы пасол Швецыі ў Беларусі Стэфан Эрыксан, які падчас заняткаў выйшаў на скайп-сувязь са Стакгольма. Экс-пасол падзяліўся сваім досведам у вывучэнні беларускай мовы і выказаў надзвычай важную думку пра тое, што беларусам у пытаннях мовы не трэба быць перфекцыяністамі і жадаць адразу размаўляць, як Купала і Колас. Стэфан Эрыксан параіў не баяцца рабіць памылкі, спрабаваць, вучыцца, самаўдасканалвацца [7].

На сённяшні дзень курсы "Мова Нанова" дзейнічаюць у васьмнаццаці гарадах Беларусі: Бабруйску, Баранавічах, Барысаве, Брэсце, Браславе, Віцебску, Глыбокім, Гомелі, Гродне, Лідзе, Магілёве, Маладзечне, Мінску, Рэчыцы, Салігорску, Светлагорску, Шаркаўшчыне, Нясвіжы. Акрамя гэтага, курсы пэўны час праводзіліся ў Варшаве, Кіеве, Стакгольме, Лімерыку, Гранадзе.

З геаграфічным пашырэннем адукацыйнага праекта адбылося развіццё яго вектарнай дзейнасці. Разгледзім прыярытэтныя накірункі курсаў "Мова Нанова":

1) пашырэнне і ўдасканаленне ведаў па беларускай мове: даследаванне пытанняў гісторыі мовы, вывучэнне лексічнага складу, акцэнталагічных, арфаграфічных, марфалагічных, словаўтваральных, сінтаксічных і стылістычных нормаў, навучанне прыгожаму, правільнаму вымаўленню, культуры маўлення;

2) знаёмства з вуснай народнай творчасцю беларусаў: старажытнымі святамі (Каляды, Саракі, Камаедзіца, Масленіца, Дзяды, Купалле і інш.); аўтэнтчнымі рэгіянальнымі абрадамі і рытуаламі (“Пахаванне Дзеда”, “Пахаванне Бабы”, “Цягнуць калодку”, “Трэсці падушкі”, “Жаніцьба Цярэшкі”, “Жаніцьба коміна” і інш.); самабытнымі традыцыямі, звычаямі, гульнямі (“Вадзіць казла”, “Пячы ката”, “Яшчур”, “Сарваць вішаньку” і інш.); вывучэнне тэм, прысвечаных народнай матэрыяльнай і духоўнай культуры (“Сімволіка беларускай хаты”, “Сімволіка левага і правага ў традыцыйнай культуры беларусаў”, “Сімволіка лічбаў” і інш.);

3) сустрэчы з кіраўнікамі і работнікамі дзяржаўных устаноў (дырэктар Літаратурнага музея Максіма Багдановіча Міхаіл Бараноўскі, дырэктар Мінскага абласнога краязнаўчага музея Таісія Лянкевіч, намеснік дырэктара Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі Дзяніс Лісейчыкаў, намеснік дырэктара Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі Алесь Суша, вядучы навуковы супрацоўнік Дзяржаўнага літаратурнага музея Янкі Купалы Павел Каралёў); гісторыкамі (Сяргей Тарасаў, Алэг Трусаў, Павел Церашковіч, Алесь Краўцэвіч, Валянцін Голубеў, Алесь Смалянчук); краязнаўцамі (Юрый Жыгамонт, Леанід Лаўрэш); этнакультуралагамі (Іван Крук, Таццяна Валодзіна, Іван Кірчук, Уладзімір Лобач); мастацтвазнаўцамі (Сяргей Харэўскі, Аляксей Хадыка, Вячаслаў Ракіцкі); філосафамі (Валянцін Акудовіч, Ірына Дубянецкая); мовазнаўцамі (Вінцук Вячорка, Сяргей Запрудскі, Алена Анісім); літаратуразнаўцамі (Міхась Скобла, Сяргей Шапран, Лявон Баршчэўскі); прэзаікамі (Уладзімір Арлоў, Зміцер Бартосік, Віктар Марціновіч, Андрусь Горват, Алена Масла); паэтамі (Уладзімір Някляеў, Алесь Разанаў, Андрэй Хадановіч, Леанід Дранько-Майсюк, Эдуард Акулін, Віктар Жыбуль, Усевалад Сцебурака, Аксана Спрычан); акцёрамі і рэжысёрамі (Зінаіда Бандарэнка, Мікалай Пінігін, Віталь Краўчанка); спевакамі (Лявон Вольскі, Зміцер Вайцюшкевіч, Ігар Варашкевіч, Сяргук Доўгушаў, Сяргей Башлыкевіч, Таццяна Грыневіч-Матафонава, Кацярына Ваданосава), музычнымі гуртамі (фольк-гурты Astroïna, Guda, Vuraj, Relikt, “Варган”, гурт сярэдневяковай музыкі “Стары Ольса”, гурт традыцыйнага жаночага спеву Rutvica), спартсменамі (Меліта Станюта, Віталь Гуркоў, Аляксандр Куль) і інш.;

4) “адкрыццё нанова”, ці знаёмства студэнтаў з таленавітымі асобамі розных гарадоў Беларусі: даследчыкам беларускай і сусветнай міфалогіі, мастаком, стваральнікам праекта “Беларускі бестыяры” Яўгенам Катом (г. Гомель); спецыялістам у сферы этнакаслагіі, аўтарам кнігі “Паміж небам і зямлёй: этнаастраномія” Цімафеем Авіліным (г. Мінск); даследчыцай феномена сну ў беларускім фальклоры Алінай Высоцкай (г. Полацк); экскурсаводам, стваральнікам і кіраўніком адукацыйна-сацыяльнага праекта “Вандроўкі ў Мінуга” Паўлам Дзюсекавым (г. Мінск), паэтам, музыкам, кампазітарам Міхасём Рубіным (г. Віцебск) і інш.;

5) арганізацыя разнастайных конкурсаў, дыскусій, кінапраглядаў, краязнаўчых экскурсій, сумесных паходаў у тэатры, выступленне вядоўцаў курсаў у дзяржаўных установах адукацыі;

6) удзел у літаратурных імпрэзах (літаратурна-музычны фест “Барадулінкі”, літаратурныя сустрэчы ў доме-музеі Васіля Быкава ў Бычках, фестываль інтэлектуальнай кнігі “Pradnova”), акцыях (дапамога прытулкам для бяздомных жывёл, напісанне гарадской дыктоўкі, прымеркаванай да Міжнароднага дня роднай мовы), канферэнцыях (міжнародная навукова-практычная канферэнцыя “Віцебскі край” (г. Віцебск), міжнародная навуковая канферэнцыя “Танкаўскія чытанні” (г. Мінск)) і інш.

За шэсць год дзейнасці курсаў “Мова Нанова” вядоўцамі распрацаваны і сістэматызаваны вялікі аб’ём вучэбнага матэрыялу, які размешчаны на сайце movananova.by і даступны кожнаму інтэрнэт-карыстальніку. Матэрыял прызначаны для самастойнага авалодання роднай мовай, а таксама для замацавання ведаў, атрыманых падчас заняткаў. Адукацыйны рэсурс сістэматычна папаўняецца новымі распрацоўкамі па лексікалогіі, фразеалогіі, фанетыцы, арфаэпіі, арфаграфіі, марфалогіі, словаўтварэнні, сінтаксісе, пунктуацыі, стылістыцы з грунтоўнымі прэзентацыямі і відэазапісамі заняткаў. На думку заснавальніка курсаў Глеба Лабадзенкі, сайт створаны для таго, “каб чалавек у любым пункце Зямлі мог самастойна вучыць мову, а таксама дзеля таго, каб людзі, якія будуць наведваць нашы заняткі, маглі паўтараць тое, што на занятках адбываецца. Такім чынам, курсы, апрача рэальнага фармату для жывых слухачоў, таксама пераўтвараюцца ў пляцоўку для віртуальных сяброў беларускай мовы” [8].

З мэтай зрабіць інфармацыю, распрацаваную на курсах, даступнай для больш шырокага кола беларусаў, было вырашана распачаць выданне серыі кніг “Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы”. Так, у 2016 годзе ў выдавецтве “Медыял” выйшла першая частка дапаможніка. Аўтары выдання Алесь Літвіноўская і Глеб Лабадзенка пазбягаюць назвы “падручнік”, не прэтэндуючы тым самым на навуковасць і акадэмізм. У сваёй кнізе яны дэманструюць уласны падыход да выкладання мовы.

Аснову выдання складаюць дваццаць урокаў, прысвечаных разнастайным тэмам: “Сваякі”, “Транспарт”, “Кампутар і інтэрнэт”, “Горад” і інш. Акрамя гэтага, кожны ўрок суправаджаецца граматычным дадаткам і заданнямі для самакантролю.

“Самі «крокі» – гэта 20 лексічных тэмаў з самых розных сфер жыцця: ад тэатра да медыцыны, ад крамы да птушак. Кожны «крок» складаецца са слоўніка, дзе практычна да кожнага слова прапануем прыклад. Далей ідзе «Тэорыя і практыка мовы» – тут і правілы, і прыклады ўжывання, і заданне на замацаванне. Следам даем «Цікавінкі» па тэме... А пры канцы кожнага «крока» – пытанні па яго змесце і ключы да граматычных заданняў” [5, с. 7], – адзначаюць аўтары ў прадмове да кнігі.

Стваральнікі кнігі прытрымліваюцца думкі, што неабходна вывучаць мову не акадэмічную, заснаваную выключна на правілах, а жывую, сучасную, у якой маюць месца разнастайныя лексічныя варыянты, слэнгавыя выразы і нават беларускія лаянкавыя словы. Падобнае датычыцца і граматыкі, якая ў выданні мае назву “Тэорыя і практыка мовы”.

Так, даследчык Т.Р. Рамза, аналізуючы кнігу “20 крокаў да беларускай мовы”, зазначае, што яе аўтары “нароўні з нормамі афіцыйнай літаратурнай мовы выкарыстоўваюць (і тым самым прапагандуюць) граматычныя формы і словаўтваральныя мадэлі, якія характэрныя для яе неафіцыйнага варыянта: а) канчаткі -аў/-яў, -оў/-ёў у Род. ск. мн. ліку ў словах на -в-: слова – словаў (норма: слоў), мова – моваў (норма: моў), страва – страваў (норма: страў); б) суфіс -нік замест -чык: выкладнік, даследнік; в) словы з фіналю -оўца замест субстантываваных дзееспрыметнікаў і слоў з суфісам -чык/-шчык-: моўца (замест гаворачы), вядоўца (замест вядучы), пікетоўца (замест пікетуючы); г) словы: нармалёвы (замест нармальны), прэстыжовы (замест прэстыжны), спартовы (замест спартыўны); д) усечаныя словы: скарот (замест скарачэнне), сумнеў (замест сумненне), супраца (замест супрацоўніцтва); е) змену граматычнага рода: тэза (замест тэзіс), крыза (замест крызіс), адрэса (замест адрас) і інш.” [1, с. 153].

На думку мовазнаўца, такое сумяшчэнне пад адной вокладкай абодвух варыянтаў мовы – беларускага класічнага правапісу (тарашкевіца) і афіцыйнага (наркамаўка) – сведчыць пра свядомы выбар і кампрамісны ход аўтараў з мэтай прыцягнуць максімальную колькасць зацікаўленых грамадзян да выкарыстання беларускай мовы ў штодзённым ужытку [1, с. 153].

У 2017 годзе выйшла другая частка кнігі “Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы” [9]. Адметнасцю выдання сталі тры “крокі”, прысвечаныя класікам айчыннай літаратуры – Якубу Коласу, Васілю Быкаву і Рыгору Барадуліну. Важна адзначыць, што над матэрыялам, дзе распаўядалася пра Якуба Коласа, працавалі Марыя і Васіліна Міцкевіч – унучка і праўнучка пісьменніка. Урок, прысвечаны Васілю Быкаву, распрацоўваў даследчык жыцця і творчасці празаіка Сяргей Шапран.

У 2020 годзе была запаткавана анлайн-версія курсаў “Мова нанова” для мабільных прыладаў [10]. Гэта тэставая версія новай платформы з унікальным аўтарскім матэрыялам, створаным заснавальнікамі курсаў. Кожны ўрок утрымлівае тэарэтычны матэрыял па граматыцы і лексіцы, пасля вывучэння якога пра-

паноўваецца праверыць свае веды, выканаўшы тэсты па адпаведных тэмах.

Заклучэнне. Курсы неакадэмічнага вывучэння беларускай мовы “Мова Нанова” – гэта больш чым адукацыйны праект. Вывучаючы мову, літаратуру, гісторыю, культуру сваёй Радзімы, знаёмячыся з таленавітымі суайчыннікамі, прымаючы ўдзел у грамадска значных мерапрыемствах, студэнты адкрываюць для сябе новую Беларусь, пачынаюць свядома шанаваць і ганарыцца беларушчынай. Усё гэта сведчыць пра выключную ролю курсаў “Мова Нанова” ў фарміраванні этнічнай, культурнай і моўнай свядомасці грамадзян нашай краіны.

Літаратура

1. Рамза, Т.Р. «Кампрамісныя» дапаможнікі для самастойнага вывучэння беларускай мовы, іх плюсы і мінусы / Т.Р. Рамза // Спадчына Скарыны: да 500-годдзя беларускага кнігадрукавання : зб. навук. арт.: у 2 ч. / рэдкал.: А.М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2017. – Ч. 2. – С. 149–155.
2. Літвіноўская, А.Г. Дапаможнік «20 крокаў да беларускай мовы»: як вучыць родную мову нанова (аўтарскі падыход) / А.Г. Літвіноўская // Мова – Літаратура – Культура: матэрыялы VIII Міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 верас. 2016 г.: у 2 ч. / Беларус. дзярж. ун-т; у аўт. рэд. – Мінск: РІВШ, 2016. – Ч. 2. – С. 165–168.
3. Левко, А.А. Неформальное образование в Беларуси стало более заметным / А.А. Левко // Часопіс «Адукатар». – 2015. – № 1/2 (24–25). – С. 8–11.
4. Раманчук, С. Пра «20 крокаў да беларускай мовы» / С. Раманчук // Наша слова. – 2016. – № 24(1279). – С. 2.
5. Літвіноўская, А.Г. Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы / А.Г. Літвіноўская, Г.П. Лабадзенка. – Мінск: Медыял, 2016. – 168 с.
6. Мова Нанова атрымала Гран-пры фестывалю Аднак! [Электронны рэсурс] // Мова нанова. – Рэжым доступу: <http://www.movananova.by/naviny/mova-nanova-atrymala-gran-pry-festyvalyu-adnak.html>. – Дата доступу: 11.10.2019.
7. «Мова ці кава» vs «Мова нанова». На абедзвюх пляцоўках – аншлаг [Электронны рэсурс] // Радыё «Свабода». – Рэжым доступу: <https://www.svaboda.org/a/25229337.html>. – Дата доступу: 08.04.2020.
8. Карней, І. Мова нанова і пад каву [Электронны рэсурс] / І. Карней // Радыё «Свабода». – Рэжым доступу: <https://www.svaboda.org/a/25227930.html>. – Дата доступу: 07.04.2020.
9. Літвіноўская, А.Г. Мова Нанова: 20 крокаў да беларускай мовы / А.Г. Літвіноўская, Г.П. Лабадзенка. – Мінск: Медыял, 2017. – Ч. 2. – 228 с.
10. Бясплатныя анлайн-курсы беларускай мовы [Электронны рэсурс] // Мова Нанова. – Рэжым доступу: <http://uroki.movananova.by>. – Дата доступу: 08.04.2020.

Паступіў у рэдакцыю 28.05.2020

Художественный код живописи в поэзии А. Вознесенского

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящее время в культуре происходят важные интеграционные процессы, которые находят свое отражение во взаимодействии различных видов искусства. Особенно ярко это взаимодействие обнаруживается в поэзии и живописи, когда отзвук одной реальности проявляется в языке другой.

Цель статьи – анализ отражения и преломления художественного кода живописи в поэзии А. Вознесенского.

Материал и методы. Материалом исследования послужила поэзия А. Вознесенского, картины В. Сурикова и К. Малевича. При этом использовался описательный метод и метод филологического анализа поэтического текста.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируются стихи А. Вознесенского «Был бы я крестным ходом», «Молитва мастера», «Грех», «Когда звоню из городов далеких...» в модусе отражения в них художественного кода живописи. В каждом из стихотворений рассматриваются отраженные в них картины, герои, эпохи, взгляд автора на описываемое. Например, в первом стихотворении показывается отличие художественной картины от иконы. Картина – это художественное произведение, созданное творческой фантазией человека, поэтому она является своеобразной формой выражения эмоций, впечатлений, мироощущения, философии художника. Икона – это священное изображение Господа, Матери Божией, святых и под. Картина – это земное изображение. Церковь, по теологической терминологии, «неотмирна», икона отражает то, что выше земного и субъективного, ее цель – единение человека с Богом. При анализе стихотворения «Молитва мастера», в котором А. Вознесенский упоминает боярыню Морозову, описывается картина Василия Сурикова «Боярыня Морозова», ее биография, раскол православной церкви. При анализе стихотворения «Когда звоню из городов далеких...» акцент делается на картину К. Малевича «Черный квадрат».

Заключение. Взаимопроникновение разных видов искусства друг в друга обогащает художественные произведения. Упоминание в поэтическом тексте героев исторических событий, запечатленных в живописи, авторов картин, отдельных реалий жизни образно насыщает и семантически углубляет поэтический текст, а контекст употребления показывает отношение автора к описываемому, раскрывает его мировоззрение и духовные ценности.

Ключевые слова: поэзия, живопись, знаковая система, виды искусства, картина.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 111–114)

Art Painting Code in the Poetry of A. Voznesensky

Muratova E.Yu.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Currently, important integration processes are taking place in culture, which are reflected in the interaction of various art forms. This interaction is especially pronounced in poetry and painting, when the echo of one reality manifests itself in the language of the other.

The purpose of the article is to consider how the art code of painting was reflected and creatively refracted in the poetry of A. Voznesensky.

Material and methods. The research material was poetry of A. Voznesensky, paintings by V. Surikov and K. Malevich. The descriptive method and the method of philological analysis of the poetic text were used.

Findings and their discussion. The article analyzes the verses of A. Voznesensky "If I were a religious procession", "Prayer of the master", "Sin", "When I call from distant cities ..." in the mode of reflection in them of the art code of painting. The paintings reflected in each of the poems, heroes, eras, the author's view of what is described, are examined. For example, the analysis of the first poem shows the difference between a painting and an icon. A painting is a work of art created by a person's creative fantasy; therefore it is a peculiar form of expression of emotions, impressions, attitude, philosophy of the artist. The icon is a sacred image of Lord, Mother of God, saints. A picture is an earthly image. The church, in the theological sense, is "unearthly", the icon reflects what is higher than the earthly and subjective, its goal is the unity of man with God. In the analysis of the poem "Prayer of the master", in which F. Voznesensky mentions the noblewoman Morozova, the painting of Vasily Surikov "The noblewoman Morozova", her biography,

the schism of the Orthodox Church are described. When analyzing the poem "When I call from distant cities ...", the emphasis is on K. Malevich's painting "The black square".

Conclusion. The interpenetration of different types of art into each other enriches an artwork. Mentioning the heroes of historical events portrayed in painting, authors of paintings, individual realities of life in poetic texts figuratively saturates and semantically deepens these texts while the context of the application shows the author's attitude to the described, reveals his worldview and spiritual values.

Key words: poetry, painting, sign system, types of art, a painting.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 111–114)

Искусство – это знаковая система особого рода. В произведении искусства содержание иконо-ческого знака перерастает в символическое, и именно это содержание становится особенно ценным. Например, знаменитый «Черный квадрат» К. Малевича как иконо-ический знак остался бы просто квадратом, который может нарисовать любой человек, а в качестве символа стал знаменем эпохи. «В ранних опытах семиотического осмысления искусства исследователей интересовала, в первую очередь, принципиальная применимость этих понятий в эстетике и искусствознании. Констатация коммуникативных и репрезентативных функций у художественных произведений позволила говорить о них как об особых “художественных” или “эстетических” знаках» [1, с. 91]. Ю.М. Лотман [2] рассматривает язык искусства в целом как художественный код, который подлежит расшифровке адресатом. Есть свои языки у живописи, архитектуры, театра и т.д. Условно любую знаковую систему можно представить как текст. Художественный текст (литературный, живописный, музыкальный и т.д.) – произведение творческого акта, в нем художник как бы создает свою модель реальности.

В настоящее время в культуре происходят важные интеграционные процессы, которые находят свое отражение во взаимодействии различных видов искусства. Особенно ярко это взаимодействие проявляется в поэзии и живописи, когда отзвук одной реальности проявляется в языке другой.

Цель статьи – анализ отражения и преломления художественного кода живописи в поэзии А. Вознесенского.

Материал и методы. Материалом послужили поэтические тексты А. Вознесенского, картины В. Сурикова и К. Малевича.

При исследовании использовался сопоставительный метод, аналитический метод, метод контентного анализа, прием лингвокультурологического анализа (сравнение элементов художественных полотен с поэтическими текстами А. Вознесенского).

Результаты и их обсуждение. Проанализируем стихотворение А. Вознесенского «Был бы я крестным ходом»: *Был бы я крестным ходом, я от каждого храма по городу ежегодно нес бы пустую раму. / И вызывали б слезы, и попадали б в раму то святая береза, то реки панорама. / Вбежала бы в позолоту женщина, со свиданья опаздывающая на работу, не знающая, что святая. / Левая сторона улицы видела бы святую правую. А та, в золотой оправе, глядя на нее, плакала бы.*

Картина – это художественное произведение, созданное творческой фантазией человека, поэтому она является своеобразной формой выражения эмоций, впечатлений, мироощущения, философии художника. Икона – это священное изображение Господа, Матери Божией, святых и под. Картина – это земное изображение. Церковь, по теологической терминологии, «неотмирна», икона отражает то, что выше земного и субъективного, ее цель – единение человека с Богом.

Значимо начало стихотворения: *Был бы я крестным ходом, я от каждого храма по городу ежегодно нес бы пустую раму.* Лирический герой мечтает в Пасху нести не образы Иисуса Христа, Богородицы, святых, а пустую раму – утверждение почти богохульское. Но затем поэт описывает, что бы он изобразил в этой пустой раме. А что может быть в пустой раме, когда ты несешь ее в руках по улице? То, что находится вокруг – реальная жизнь: береза, река, бегущая женщина, обе стороны улицы. Но самое главное то, как эту реальную жизнь показывает поэт: трижды он использует лексему *святая*, как бы говоря, что человеческая жизнь тоже достойна иконы. Да, человек грешен, но и свят тоже. И речь идет не только и не столько о святых, признанных таковыми христианской церковью, и, как утверждают сами священники, их точное количество знает только Бог (В месяцеслове Русской Православной Церкви 5008 святых, есть множество местночтимых святых разных Поместных Церквей, еще большее количество святых на Небесах). Поэт воспекает человека, его обыденную жизнь, в которой, тем не менее, много святости: святость души, совести, святость материнской любви, святость ответственности за своих детей, родину, родителей, профессию. В одном из своих стихов он писал: *Даже если – как исключение – вас растаптывает толпа, в человеческом назначении 90 процентов добра. 90 процентов музыки, даже если она беда...* А в другом утверждал: *Человек на 60% из химикалий, на 40% из лжи и ржи... Но на 1% из Микеланджело! Поэтому я делаю витражи.*

Не менее интересна отсылка поэта к боярыне Морозовой в стихотворении «Молитва мастера»: *Я свет звезды, как соль, возьму в щепотъ / И осеню себя стихом трехперстным. / Мои труды благослови, Господь! / Через плечо соль брошу на восход. / (Двуперстие же, как держат папироску, / боярыня Морозова взывает!)*

Данные строки отсылают читателя к середине XVII века – эпохе раскола русской православной церкви, вызванного реформами патриарха Никона.

В результате этих реформ были исправлены церковные книги. Потребность в таком исправлении чувствовалась уже давно, так как в книги было внесено много мнений, несогласных с учением православной церкви. Были изменены некоторые церковные обряды: двуперстное крестное знамение заменено на трехперстное; крестные ходы стали проводить не «посолонь», а против солнца; «аллилуйя» стали произносить не дважды, а трижды и др. «Однако жесткие, часто непродуманные меры, которыми насаждались новые книги и обряды, вызывали у части духовенства и паствы бурное отторжение» [3, с. 238]. В результате эти реформы трагически разделили русский народ на два непримиримых лагеря: на тех православных, кто согласился с нововведениями в церкви, и тех, кто продолжал придерживаться дореформенных церковных обрядов (старообрядцев).

Боярыня Морозова принадлежала к высшей аристократии того времени, обладала огромным состоянием и при этом была фанатично религиозной личностью, истязала себя постами и молитвами. Имя Феодосии стало оплотом староверов, а лидер русского старообрядчества протопоп Аввакум стал ее духовным отцом.

Одновременно строки А. Вознесенского – это и отсыл к известной картине Василия Сурикова «Боярыня Морозова»: *Двуперстие... боярыня Морозова взовет*. На его картине в центре на простых саях, застеленных соломой, полулежит Феодосия Морозова с поднятой вверх рукой с двумя перстами (действительно взвитыми, как флаг) в знак неистового протеста против церковной реформы Никона. Отчаянный фанатичный жест – ее последняя попытка отстоять старую веру.

Картину Сурикова отличает не только яркий образ Морозовой, огромную роль играют образы людей вокруг нее: кто-то жалеет боярыню и плачет, кто-то восхищается ее силой духа и верит еще больше, а кто-то смеется. Сани с боярыней как будто «раскалывают» толпу на сторонников и противников церковной реформы, аллегорически показывая трагедию противостояния русского народа, которое длилось более трехсот лет.

Иногда отдельные слова или строки в поэтическом тексте открывают целые эпохи, направления, имена в живописи. Например, в стихотворении А. Вознесенского «Грех»: *Когда осквернен колодец / или Феофан Грек, / это не уголовный, / а смертный грех*.

Осквернение колодца – это болезни и смерти всей деревни, если нет другого источника питьевой воды. Загрязнить или отравить воду в колодце очень просто, например, бросить в него дохлую мышь. Такого люди не прощают, и это, действительно, смертный грех. Это его, так сказать, физическая сторона. Но не менее страшны духовные грехи. А. Вознесенский считает смертным грехом осквернение творчества Феофана Грека, константинопольского иконописца, фресками и иконами которого с конца XIV века украшены

крупнейшие православные храмы Москвы и Нижнего Новгорода. Феофан Грек – символ духовности, творческого начала, воцерковленности русского народа. И простота сравнения с осквернением колодца только усиливает значение духовности и ее роли в жизни русского (и любого) народа во все времена. Ее растили, «прививали», возвращали из поколения в поколение со времен крещения Руси.

Другой пример, когда всего два слова – черный и Малевич – «разворачивают» сложнейшую цепочку жизненных, духовных, художественных, искусствоведческих ассоциаций:

На цыпочках живешь. На цыпочках болеешь, / чтоб не спугнуть во мне наитья благодать. / И черный потолок прессует, как Малевич, / и некому воды подать.

Смысл «Черного квадрата» Казимира Малевича неотделим от времени его создания. Картина написана Малевичем в 1915 году – это было время Первой мировой войны, время исторических революций и одновременно – это пик развития авангарда во всех видах искусства: живописи, театре, поэзии.

Основой метода Малевича является его работа «От кубизма и футуризма к супрематизму», в которой он утверждает, что настоящий художник должен отказаться от подражания действительности и интуитивно открыть для себя истинную реальность, заключенную в простых геометрических формах. Квинтэссенцией этого метода является его картина «Черный квадрат».

Всемирную известность картине и ее автору принес глубокий смысл, вложенный художником в картину. Споры о ней продолжают до сих пор: с одной стороны, можно ли считать шедевром обычный квадрат, с другой – средоточие в нем всей философии жизни и смерти. Сам художник считал квадрат первофигурой, базисным элементом мира и бытия. В этой картине впоследствии даже увидели предтечу черной дыры, которая была открыта уже после написания художником «Черного квадрата».

«Легенда сохранила за Казимиром Малевичем авторское право на единственное его произведение – “Черный квадрат”. Именно “Черный квадрат” – “зародыш всех возможностей”, по словам Малевича, – художник сам считал символом своей творческой миссии и, как известно, использовал в качестве подписи на картинах и в письмах, а его ученики носили на рукавах как некий знак посвященности. С течением времени “Черный квадрат” стал образом, в значительной степени тождественным мифологизированному образу самого Малевича» [4, с. 186].

Уникальность картины, ее простота и одновременно безмерность позволяет тому, кто смотрит на нее, вкладывать свой смысл, свои ощущения цвета и формы, свои ассоциации восприятия черного квадрата.

Так, в стихотворении лирический герой достаточно негативно воспринимает квадрат Малевича, сравнивает его с черным потолком, который его прессует, т.е. морально давит. Причем, как думается, выражение

черный потолок употреблено в переносном смысле (наверяд ли в жилище героя черный потолок) – черный потолок в его жизни, черная безрадостная полоса и депрессия.

И все эти ощущения ассоциируются и переплетаются с «Черным квадратом» К. Малевича: *И черный потолок прессует, как Малевич, / и некому воды подать*.

Сколько людей смотрит на эту картину, столько ассоциаций, образов, энергетических потоков она рождает. И, видимо, прав художник, считая свой квадрат базисным элементом мира и бытия.

Заключение. Таким образом, взаимопроникновение разных видов искусства друг в друга обогащает художественные произведения.

Упоминание в поэтическом тексте героев исторических событий, запечатленных в живописи, авторов картин, отдельных реалий жизни образно насыщает и семантически углубляет поэтический текст, а контекст употребления показывает отношение автора к описы-

ваемому, раскрывает его мировоззрение и духовные ценности.

Литература

1. Чертов, Л.Ф. Как возможна семиотика искусства? (о перспективах союза эстетики и семиотики) / Л.Ф. Чертов // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 20–21 окт. 1999 г. / С.-Петерб. филос. о-во. – СПб., 1999. – Вып. 1. – С. 91–95. – (Сер. “Symposium”).
2. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 1996. – 848 с.
3. Религии мира: история, культура, вероучение / под ред. А.О. Чубарьяна и Г.М. Бонгард-Левина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 400 с.
4. Баснер, М.Б. Вокруг «Цветочницы» Малевича / М.Б. Банер // Поэзия и живопись: сб. тр. памяти Н.И. Харджиева / под ред. М.Б. Мейлаха и Д.В. Сарабьянова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 848 с.

Поступила в редакцию 04.06.2020

Беларуская ветэрынарная тэрміналогія і заалагічная наменклатура ў лексікаграфічным апісанні

Півавар К.С.

Установа адукацыі "Віцебская ордэна «Знак Пашаны»
дзяржаўная акадэмія ветэрынарнай медыцыны", Віцебск

Дадзены артыкул прысвечаны вывучэнню выдадзеных у XX – пачатку XXI ст. тэрмінаграфічных прац па ветэрынарыі і заалогіі. Актуальнасць тэмы даследавання вызначаецца неабходнасцю вырашэння шэрагу праблем сучаснага беларускага тэрміназнаўства, у тым ліку неабходнасцю збору і ўсебаковага вывучэння тэрміналагічных і наменклатурных намінацый.

Мэта артыкула – раскрыць спецыфіку функцыянавання сучаснай беларускай ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі як цэласнай сістэмы.

Матэрыял і метады. Навуковае даследаванне праведзена на матэрыяле слоўнікаў, у якіх прадстаўлены беларуская ветэрынарная тэрміналогія і заалагічная наменклатура. Пры аналізе моўнага матэрыялу выкарыстоўваліся апісальны і колькасна-статыстычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пададзена перыядызацыя развіцця беларускай ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі ў XX – пачатку XXI ст. Першы перыяд (1900–1930-я гады XX ст.) – перыяд станаўлення ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі. Другі перыяд (1950–1980-я) характарызуецца выхадам галіновых энцыклапедычных выданняў і адсутнасцю лінгвістычных слоўнікаў у дадзенай галіне ведаў. Трэці перыяд (1990-я гг. – пач. XXI ст.) – найбольш прадуктыўны па колькасці выдадзеных тэрмінаграфічных прац.

Заклучэнне. Вывучэнне тэрмінаграфічных прац дазваляе зрабіць вывад, што выдавецкая дзейнасць у галіне ветэрынарнай тэрміналогіі, як і іншых тэрмінасістэм, цесна звязана з гістарычнымі ўмовамі функцыянавання беларускай мовы.

Ключавыя словы: тэрмін, перыяды развіцця беларускай тэрміналогіі, ветэрынарная тэрміналогія, заалагічная тэрміналогія, лексікаграфія, тэрмінаграфія.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 115–119)

Belarusian Veterinary Terminology and Zoological Nomenclature in Lexicographic Description

Pivavar K.S.

Education Establishment

"Vitebsk State Order of Badge of Honor Academy of Veterinary Medicine", Vitebsk

This article deals with the study of terminographic works in veterinary medicine and zoology published in the XX – early XXI centuries. The topicality of the research is due to the necessity of solving a number of problems of the contemporary Belarusian terminological studies, including the necessity in collecting and all round study of terminology and nomenclature nominations.

The work aims at revealing the functioning specificity of the contemporary Belarusian veterinary and zoological terminology as a wholesome system.

Material and methods. The research was conducted on the basis of dictionaries of Belarusian veterinary terminology and zoological nomenclature. The descriptive and quantity statistical methods were used in the analysis of the language material.

Findings and their discussion. The periodization of the development of Belarusian veterinary and zoological terminology of the XX – early XXI centuries is presented. The first period (1900–1930) was a period of veterinary and zoological terminology maturation. The second period (1950–1980) was characterized by publishing the branch encyclopedic editions and by the lack of linguistic dictionaries

in this sphere of knowledge. The third period (the 1990-s – the early XXI century) was most productive in terms of the amount of terminological publications.

Conclusion. The study of terminographic works allows us to conclude that publishing in the field of veterinary terminology, as well as other terminological systems, is closely related to the historical conditions of the functioning of the Belarusian language.

Key words: term, periods of the development of Belarusian terminology, veterinary terminology, zoological terminology, lexicography, terminography.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 115–119)

Упарадкаванне навуковай тэрміналогіі ўключае два асноўныя аспекты: сістэматызацыю і ўдакладненне навуковых паняццяў і тэрмінаў (спецыяльна-навуковае, змястоўнае ўпарадкаванне) і сістэматызацыю іх моўнага афармлення (лінгвістычнае ўпарадкаванне). Гэтыя аспекты звязаны між сабой на аснове той агульнай сувязі, якая існуе паміж мысленнем і мовай, паняццем і словам. Адною з галоўных задач сучаснага беларускага мовазнаўства з’яўляецца ўпарадкаванне тэрміналогіі і наменклатуры разнастайных галін навукі і тэхнікі, у тым ліку і ў складзе ветэрынарыі і заалогіі. Актуальнасць тэмы даследавання вызначаецца неабходнасцю вырашэння шэрага праблем сучаснага беларускага тэрміназнаўства, у тым ліку неабходнасцю збору і ўсебаковага вывучэння тэрміналагічных і наменклатурных намінацый. Апісанне выдадзеных тэрмінаграфічных прац па ветэрынарыі і заалогіі дазволіць на навуковым узроўні выявіць спецыфіку дадзенай тэрмінасістэмы на Беларусі, будзе садзейнічаць вырашэнню пытанняў фарміравання і ўпарадкавання ў прапанаваанай сістэме. Каштоўнасць даследавання заключаецца ў тым, што яно грунтуецца на аналізе тэрміналагічных найменняў, выяўляе спецыфіку лексікі ветэрынарыі і заалогіі, асаблівасці яе структуры і фарміравання. Такім чынам, даследаванне ўносіць пэўны ўклад у вырашэнне адной з самых актуальных і складаных праблем сучаснай лінгвістычнай навукі – праблемы тэрміназнаўства ў беларускай мове. Зварот да вывучэння тэрмінаграфічных прац па ветэрынарыі і заалогіі прадугледжвае лінгвістычны аналіз пэўнага моўнага матэрыялу ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінасістэм.

Мэта артыкула – раскрыць спецыфіку функцыянавання сучаснай беларускай ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі як цэласнай сістэмы.

Матэрыялы і метады. Матэрыялам даследавання сталі лексікаграфічныя выданні, прысвечаныя ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінасістэмам. Метадалагічнай асновай з’явіліся працы беларускіх даследчыкаў тэрміналогіі (Л.А. Антанюк, А.Я. Баханькоў, В.П. Красней, А.І. Падлужны і інш.). Для вырашэння пастаўленых задач намі выкарыстаны метады лінгвістычнага аналізу, які заключаецца ў выяўленні, сістэматызацыі і апісанні тэрмінаграфічных прац па ветэрынарыі і заалогіі, а таксама элементы статыстычнага і колькасных падлікаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Узнікненне і фарміраванне беларускай тэрміналогіі, у тым ліку заалагічнай

і ветэрынарнай, – працяглы і перарывісты працэс. Розныя фактары, як пазітыўныя, так і негатыўныя, уплывалі на яе развіццё. Так, у XIV–XVI стст. фарміраванню беларускай тэрміналогіі садзейнічала тое, што старабеларуская мова была дзяржаўнай у Вялікім Княстве Літоўскім. Акрамя таго, вялікі ўплыў на фарміраванне навуковай тэрміналогіі аказала ўзнікненне і распаўсюджанне кнігадрукавання, якое ў значнай ступені садзейнічала выпрацоўцы лексічных норм, пашырэнню слоўнікавага складу, замацаванню намінацый новых навуковых паняццяў.

У канцы XVII ст. беларуская мова была выцеснена з афіцыйнага ўжытку польскай і лацінскай мовамі. А затым заняпад беларускай мовы ў XVIII–XIX стст. адмоўна ўздзейнічаў на працэс фарміравання тэрміналагічнай лексікі.

Беларуская навуковая тэрміналогія пачала фарміравацца ў пачатку XX стагоддзя, калі адраділася кнігадрукаванне, з’явіліся кнігі, газеты, навуковыя і навукова-папулярныя брашуры на беларускай мове.

Дзякуючы таму, што ў 1912–1915 гг. выдаваўся спецыяльны сельскагаспадарчы часопіс “Саха” (друкаваўся ў Вільні, потым – у Мінску), які ў сваёй моўнай практыцы арыентаваўся на “Нашу ніву”, у беларускай мове з’явілася значная колькасць новых слоў, што абазначалі прадметы і з’явы ў галіне сельскай гаспадаркі, ветэрынарыі і заалогіі: *адкармліванне, разнажванне, маладняк, быдла, свойская жывёла і г.д.* І хоць спецыяльная тэрміналогія канкрэтных галін навукі была прадстаўлена дастаткова сціпла, тым не менш беларуская мова папаўняла свой слоўніковы запас з існуючых крыніц шляхам увядзення дыялектызмаў, запазычвання, калькавання.

Фарміраванне нацыянальнай тэрміналогіі ў межах новай літаратурнай мовы прыпадае на 1920–30-я гады, калі беларуская мова набыла статус дзяржаўнай мовы, актыўна ішлі працэсы беларусізацыі і востра паўстала праблема пераводу навучання на беларускую мову.

Значным штуршком для развіцця ветэрынарнай навукі на Беларусі стала адкрыццё вышэйшай навучальнай установы гэтага профілю – Віцебскага ветэрынарнага інстытута ў 1924 г. Спачатку навучальныя дапаможнікі, якія выкарыстоўваліся ў вучэбным працэсе, былі рускамоўнымі, і таму ветэрынарная тэрміналогія таксама была рускай. З цягам часу сталі з’яўляцца першыя беларускамоўныя працы па ветэрынарыі. Выкладчыкі гэтай навучальнай установы пісалі навуковыя артыкулы, манаграфіі, метадыч-

ныя дапаможнікі і ўказанні на беларускай мове [1–3].

У лютым 1921 г. была сфарміравана Навукова-тэрміналагічная камісія пры Народным камісарыяце асветы Беларусі, якая занялася распрацоўкай тэрміналогіі па ўсіх дысцыплінах у галіне дакладных і гуманітарных навук. У 1922 г. быў створаны Інстытут беларускай культуры, а ў 1929 г. – Інстытут навуковай мовы пры Беларускай акадэміі навук. З выдадзеных прац па беларускай навуковай тэрміналогіі блізкімі па тэматыцы да ветэрынарнай і заалагічнай тэрміналогіі можна лічыць наступныя выпускі: 9. *Анатамічныя назвы. Агульныя назвы. Касцяведаванне. Вязаведанне*. 1926; 12. *Назовы жывёл*. 1927; 13. *Анатамічныя назвы Ч. 2. Ангіялогія*. 1927; 19. *Слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі (Праект)* 1928; 20. *Анатамічныя назвы. Ч. 3. Неўралогія*. 1929 [4].

Неабходна сказаць, што асобныя працы па сельскагаспадарчай тэрміналогіі ў выглядзе невялікіх слоўнікаў і тэрміналагічных падбораў друкаваліся незалежна ад выпускаў БНТ. Як, напрыклад, “*Слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі ў ліку 1674 тэрмінаў*” (Мінск, 1929); “*Беларуска-польска-расейска-лацінскі батанічны слоўнік*” Зоські Верас; “*Матэрыялы да беларускай народнай заалагічнай тэрміналогіі. Спіс назваў птушак і некаторых рыб*” А.У. Фядзюшына.

Адной з важных лексікаграфічных прац па заалогіі з’яўляецца выпуск “*Назовы жывёл*” [5]. Гэта 12-ты выпуск “*Беларускай навуковай тэрміналогіі*”, што выдавалася Навукова-тэрміналагічнай камісіяй Інстытута беларускай культуры. Дадзены выпуск паклаў пачатак фарміраванню беларускай заалагічнай наменклатуры. Па тыпалогіі слоўнікаў дадзенае выданне – лінгвістычны перакладны шматмоўны (лацінска-руска-беларускі) слоўнік. Агульная колькасць лексем, якія пададзены на трох мовах, – 1037. Для зручнасці пошуку тэрміна на рускай мове ў канцы слоўніка падаецца спіс назваў жывёл на рускай мове з указаннем нумара лексемы. Паколькі стваральнікі першых беларускіх тэрміналагічных слоўнікаў арыентаваліся на нацыянальныя моўныя сродкі, то сёння гэтыя даведнікі з’яўляюцца найбагацейшай крыніцай вывучэння народнай беларускай мовы, яе рэгіянальных заалагічных найменняў: куница – куна, дрозд чёрный – косік, куропатка белая – пардва, синица долгохвостая – сіноха даўгахвостая, дупель – удубальт, горлица – турчык, куропатка серая – курапатва шэрая, перепелятники – карагольчык, жаворонок хохлатый – жаўранка-сьмяцей. Стваральнікі слоўнікаў таго часу імкнуліся ствараць складаныя тэрміны на ўласнабеларускім моўным матэрыяле, неалагізмы: *Apterygogenea* – *Насекомые с прямым превращением – бяскрылародныя*; *Carnivora* – *Хищные, плотоядные* – *Мясажэры*; *Cetacea* – *Китообразные* – *Рыбазьверы*; *Ciliata* – *Инфузории ресничные* – *Мігаўнікі*; *Chordata* – *Хордовые* – *Струньнікі*; *Cavia* – *Свинки морские* – *Грызуха*.

У 30-я гады XX ст. працягвалася станаўленне беларускай заалагічнай тэрмінаграфіі, калі з’явіліся артыкулы А. Фядзюшына, вядучага заолага таго часу па вы-

вучэнні фаўны Беларусі, і “Праект слоўніка. Вып. 18. Батаніка. Біялогія. Заалогія”. Гэтыя матэрыялы паказалі беларускую зоанаменклатуру ў зусім іншым ракурсе. Калі ў 1920-я пераважала імкненне выкарыстаць у якасці номенаў словы жывой народнай мовы ці ўтварыць неалагізмы ў адпаведнасці з граматычнымі, словаўтваральнымі нормаў беларускай мовы, то ў 1930-я гг. праблемы ўпарадкавання і нармалізацыі былі вырашаны за кошт барацьбы з варыянтнасцю праз збліжэнне з рускімі адпаведнікамі.

Такім чынам, асноўны спосаб намінацыі на дадзеным этапе фарміравання беларускай ветэрынарнай і заалагічнай тэрміналогіі – інтэрнацыяналізацыя тэрміналогіі, словаўтваральнае калькаванне з рускай мовы. Безварыянтная падача номенаў, выпяцненне штучных неалагізмаў і вузкадыялектных слоў, назваў садзейнічалі ў некаторай ступені ўпарадкаванню заалагічнай лексікі.

Такім чынам, у першай трэці XX ст. беларускія лінгвісты і спецыялісты-ветэрынары і заолагі правялі велізарную працу па ўпарадкаванні, распрацоўцы і выданні беларускай ветэрынарнай і заалагічнай тэрміналогіі. Устанаўленне маладой незалежнай дзяржавы – БССР, працэс беларусізацыі, адкрыццё першых навучальных устаноў ветэрынарага і сельскагаспадарчага профілю – гэтыя і іншыя фактары спрыялі развіццю беларускай тэрмінаграфіі.

З цягам часу беларуская ветэрынарная тэрміналогія развівалася і ўдасканальвалася. Але ў 1930–40-я гады праца па стварэнні беларускай тэрміналогіі амаль спынілася па экстралінгвістычных прычынах (сталінскія рэпрэсіі, Вялікая Айчынная вайна). І пасля Вялікай Айчыннай вайны не было агульнага цэнтра па распрацоўцы тэрміналагічнай лексікі.

Зразумела, што ветэрынарная навука не стаяла на месцы, з’явілася шмат новых паняццяў, для абазначэння якіх былі прыняты новыя тэрміны. Акрамя лінгвістычных крыніц, тэрміны ветэрынары ўваходзяць у склад энцыклапедычных галіновых слоўнікаў. Значную ролю ў фарміраванні ветэрынарнай тэрміналогіі ў 1970–80-я гг. адыграла праца над складаннем “*Беларускай Савецкай Энцыклапедыі*”, “*Энцыклапедыі прыроды Беларусі*”, “*Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы*” і новымі рэдакцыямі беларуска-рускага і руска-беларускага слоўнікаў.

Як вядома, у 1990 годзе быў прыняты “Закон аб мовах БССР”, паводле якога беларуская мова абвешчана адзінай дзяржаўнай у рэспубліцы. Перыяд 1990–1995 гг. характарызуецца ўздымам нацыянальнай самасвядомасці насельніцтва, абуджэннем цікавасці да роднай мовы, гісторыі і культуры. Гэты ж перыяд стаў вельмі прадуктыўным у галіне ветэрынарнай тэрмінаграфіі: штогод выдаюцца слоўнікі розных тыпаў, галіновыя энцыклапедыі, створаныя калектывамі спецыялістаў-ветэрынараў і лінгвістаў. Разгледзім больш падрабязна некаторыя з іх.

У 1992 годзе пабачыў свет “*Тлумачальны слоўнік-даведнік па ветэрынарыі і заатэхніі*” (аўтары:

А.І. Ятусевіч, С.С. Абрамаў, В.М. Лемеш, В.П. Ятусевіч, В.М. Капліч) [6]. Выданне змяшчае ў сабе каля 4 тыс. тэрмінаў і паняццяў, якія ахопліваюць ветэрынарыю, заатэхнію, экалогію і іншыя навукі. Для большасці тэрмінаў даецца іх грунтоўнае тлумачэнне. Пры апісанні хвароб жывёл указваюцца асноўныя прычыны ўзнікнення, клінічныя прыметы, сучасныя метады дыягностыкі і лячэння. Апісаны асноўныя паняцці, якія шырока ўжываюцца ў галіне жывёлагадоўлі. У наступным годзе пабачыў свет “Слоўнік зоопаразіталагічных тэрмінаў” А.І. Ятусевіча і В.М. Капліча змяшчае ў сабе каля 3 тыс. лексічных адзінак.

На сучасным этапе асноўныя адзінкі беларускай сельскагаспадарчай тэрміналогіі (у тым ліку ветэрынарнай і заалагічнай) прадстаўлены ў “Руска-беларускім слоўніку сельскагаспадарчай тэрміналогіі” пад рэдакцыяй М.В. Бірылы і Г.У. Арашонкавай (Мінск, 1994) [7]. У слоўнік уключаны назвы ўсіх відаў дзейнасці, звязанай з апрацоўкай глебы, сяўбой, вырошчваннем, зборам і захоўваннем ураджаю, утрыманнем дамашняй жывёлы, птушак, назвы тэхнічных сродкаў, прылад працы і іх частак, угнаенняў і хімічных сродкаў, назвы сельскагаспадарчых (палявых, агародных і садовых) культур і іх сартоў, вырабаў і прадуктаў сельскагаспадарчай вытворчасці, назвы асноўных рамёстваў, звязаных з сельскай гаспадаркай, тэрміналогія пчалярства, рыбаводства, рыбалоўства і інш.

Слоўнік прызначаны для шырокага кола спецыялістаў, дзейнасць якіх так ці інакш звязана з сельскай гаспадаркай, а таксама для работнікаў выдавецтваў, перыядычнага друку, тэлебачання і інш. На сённяшні дзень гэты слоўнік застаецца самым маштабным галіновым перакладным слоўнікам.

Найвялікшым дасягненнем у развіцці ветэрынарнай тэрмінаграфіі можна лічыць выхад у свет “Ветэрынарнай энцыклапедыі” ў 1994 годзе [8]. Энцыклапедыя – першае беларускамоўнае энцыклапедычнае выданне па ветэрынарыі. У ёй сабраны амаль усе звесткі па анатоміі, фізіялогіі, прафілактыцы і лячэнні хвароб, утрыманні, кармленні і гадоўлі сельскагаспадарчых жывёл. Выданне адметнае і тым, што ўсе тэрміны ветэрынарнай навукі прадстаўлены на нацыянальнай мове.

Яшчэ адна галіновая энцыклапедыя, у якой разглядаецца ветэрынарная і заалагічная тэрмінасістэма, – гэта “Энцыклапедыя сельскага гаспадара” [9]. У ёй даюцца рэкамендацыі і парады па ўсіх пытаннях вытворча-гаспадарчай дзейнасці, змешчаны каляндар рэлігійных свят, карысныя парады. Выкарыстоўваюцца разнастайныя тэрміны ветэрынарыі: *паразітарныя хваробы, бронхапнеўманія, кныр, эндапаразіты*; назвы парод *беларуская запражняя і г.д.*

У гэты час сістэматызавана і ўпарадкавана арніталагічная тэрміналогія [10] і эмбрыялагічная наменклатура [11].

Выдадзены слоўнікі, у якіх разглядаецца ветэрынарная анатамічная тэрмінасістэма і батанічная (якую

можна аднесці да ветэрынарнай фармацэўтычнай).

Дыялектная заалагічная наменклатура, сельскагаспадарчыя і батанічныя тэрміны сістэматызавана прадстаўлены ў тэматычных слоўніках “Жывёльны свет” (Мінск, 1999), “Раслінны свет” (Мінск, 2001) і “Сельская гаспадарка” (Мінск, 2010). Серыя гэтых слоўнікаў аб’яднана пад агульнай назвай “Беларуская народная тэрміналогія і наменклатура”. У дадзеных лексікаграфічных працах мясцовыя словы ўпарадкаваны ў слоўніковых артыкулах з улікам галоўным чынам іх пашырэння ў мясцовых гаворках. Паметы аб пашырэнні з’яўляюцца абагульненымі, арыентацыйнымі. Побач падаецца крыніца фіксацыі мясцовага слова. Зоодыялектызмы вылучаны і апісаны таксама ў працах кандыдата філалагічных навук Т.А. Грачыхі [12].

У выніку вывучэння бібліяграфічных крыніц можна адзначыць, што тэрміналогія ветэрынарыі і заалогіі з’яўляецца даволі распрацаванай. У сувязі з гэтым, перш чым выпрацоўваць новы пласт тэрміналагічнай лексікі па ветэрынарыі для забеспячэння сучасных патрэб грамадства, неабходна ўлічыць ужо наяўны вопыт у дадзенай галіне ведаў. Разгледжаныя намі слоўнікі нераўназначныя паводле аб’ёму і колькасці прадстаўленых у іх спецыяльных найменняў. Разам з тым усе даведнікі маюць істотнае значэнне для асэнсавання асаблівасцей станаўлення беларускай тэрміналогіі ветэрынарыі і заалогіі.

Калі акрэсліць асноўныя мэты слоўнікаў, то яны палягаюць пераважна ў забеспячэнні выкладання ў спецыяльных навучальных установах, што абумоўлівае іх вучэбны характар. Некаторыя слоўнікі прызначаны для шырокага кола спецыялістаў, дзейнасць якіх так ці інакш звязана з сельскай гаспадаркай, жывёлагадоўляй, ветэрынарыяй. Сярод выяўленых тэрміналагічных слоўнікаў большасць з’яўляецца перакладнымі. Пры гэтым ролю рээстравай выконвае руская мова.

Вывучэнне прынцыпаў тэрмінатворчасці, тэндэнцый у выданні лексікаграфічных і навуковых прац па ветэрынарыі і заалогіі дазволіла нам вылучыць 3 перыяды развіцця беларускай ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі:

1. 1900–1930-я гг. XX ст. – перыяд станаўлення ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі. Асноўны прынцып тэрмінатворчасці таго часу – выкарыстанне сродкаў беларускай мовы і яе дыялектных форм, утварэнне неалагізмаў на ўласнабеларускім матэрыяле, а таксама калькаванне.

2. Другі перыяд (1950–1980-гг.) характарызуецца выданнем галіновых энцыклапедычных выданняў і адсутнасцю лінгвістычных слоўнікаў у дадзенай галіне ведаў. З’яўленне “Энцыклапедыі прыроды Беларусі” садзейнічала ўпарадкаванню і стандартызацыі беларускай заалагічнай наменклатуры, а таксама даволі высокай ступені распрацаванасці на той час рускай зоонаменклатуры. Прынцып арыентацыі на рускую тэрміналогію стаў асноўным на гэтым этапе.

3. Трэці перыяд (1990-я гг. – пач. XXI ст.) найбольш

прадуктыўны па колькасці выдадзеных тэрмінаграфічных прац. У 90-я гг. у сувязі з прыняццем “Закона аб мовах БССР” і пераходам выкладання шэрагу дысцыплін у ВНУ на беларускую мову з’явілася неабходнасць у стварэнні найперш перакладных тэрміналагічных слоўнікаў, а пазней і тлумачальных.

Значны ўклад у развіццё ветэрынарнай і заалагічнай тэрмінаграфіі ўнеслі выкладчыкі Віцебскага ветэрынарнага інстытута (з 1998 г. – Віцебскай дзяржаўнай акадэміі ветэрынарнай медыцыны), аўтары навуковых артыкулаў, падручнікаў, слоўнікаў, энцыклапедый (Х.С. Горагляд, М.С. Жакаў, У.П. Лемеш, А.І. Ятусевіч і інш.).

Заключэнне. У сучасных умовах звужэння сфер выкарыстання беларускай мовы беларуская ветэрынарная тэрміналогія працягвае сваё развіццё ў межах курсаў прафесійнай лексікі ў профільных вышэйшых навучальных установах, сродках масавай інфармацыі, у спецыяльных навуковых працах. Заалагічная наменклатура вывучаецца лінгвістамі ў межах антрапацэнтрычнай парадигмы.

Літаратура

1. Шчэрбовіч, І.А. Легачна-глістныя хваробы сельскагаспадарчых жывёл (У дапамогу нізавым ветэрынарным работнікам і жывёлаводам калгасных і саўгасных ферм) / І.А. Шчэрбовіч, І.В. Лазоўскі. – Менск: Дзярж. Выд. Беларусі, 1939. – 35 с.
2. Горагляд, Х.С. Шкоднікі і хваробы рыб. Беларуска-лацінскія назвы некаторых хвароб і іх узбуджальнікаў. Беларуска-лацінскі пералік рыб / Х.С. Горагляд; рэд. Вайцішок. – Менск: Дзярж. выд. Беларусі, 1933. – 96 с.
3. Лемеш, У.П. Кармленне племянных свіней: для тэхнікаў-свінаводаў, старэйшых свінароў, рабочых свінагадоўчых саўгасаў і калгаснікаў / У.П. Лемеш. – Менск: Дзярж. выд. БССР, 1931. – 96 с.
4. Тэрміналагічныя слоўнікі (асобныя выданні) 1918–1998 гг.: бібліягр. даведн. / Тэрмінал. каміс. пры М-ве адукацыі Рэсп. Беларусь, Нац. навук.-асвет. Цэнтр імя Ф. Скарыны; [уклад.: Л. Чарняўская, Г. Цыхун]. – Мінск: МГА “Беларус. кнігазбор”, 2000. – 74 с.
5. Назовы жывёл / Беларуская навуковая тэрміналогія: тэматычны дадатак да нумару “ARHE”: у 4 кн. – Выд-ва ARHE, 2010. – Кн. 3. – 787 с.
6. Ятусевіч, А.І. Тлумачальны слоўнік-даведнік па ветэрынарыі і заатэхніі / А.І. Ятусевіч [і інш.]. – Мінск: Ураджай, 1992. – 338 с.
7. Руска-беларускі слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі / М.В. Бірыла [і інш.]; пад рэд. М.В. Бірылы, Г.У. Арашонкавай. – Мінск: Ураджай, 1994. – 560 с.
8. Ветэрынарная энцыклапедыя: А–Я / рэд. А.І. Ятусевіч. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1995. – 446 с.
9. Энцыклапедыя сельскага гаспадарства / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: М.А. Ткачоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993. – 736 с.
10. Антропаў, М.П. Беларуская арніталагічная тэрміналогія / М.П. Антропаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 56 с.
11. Беларуская эмбрыялагічная наменклатура / А.С. Леанцюк [і інш.]. – Мінск: Выд-ва МДПІ, 1991. – 118 с.
12. Грачыха, Т.А. Фаўністычныя найменні ў беларускай мове: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Т.А. Грачыха. – Мінск, 1999. – 20 с.

Паступіў у рэдакцыю 13.04.2020

Мужской именник жителей Витебского района во второй половине XX в.: особенности развития

Скребнева Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В современной ономастике актуальным является изучение сельской антропонимии разных регионов Беларуси.

Цель исследования – установить особенности статистической структуры и репертуарного наполнения мужского антропонимикона жителей Витебского района во второй половине XX в.

Материал и методы. Материалом исследования послужил перечень мужских личных имен жителей Витебского района на 6-ти годовых контрольных срезах, которые охватили период 1944–1994 гг. Использовались следующие методы: инвентаризации и систематизации ономастического материала, описательный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведен анализ статистической структуры мужского именника жителей Витебского района во второй половине XX в. и определено его репертуарное наполнение. Перечислены устойчивые имена, обеспечивающие преемственность именослова. Охарактеризованы варианты личных имен, зафиксированные в записях о рождении. Описаны основные тенденции динамики систем личных имен села и города. Установлена близость именников жителей Витебского района и Витебска, которая проявляется в схожести популярного набора именований, общей направленности процессов концентрации, расширения/сокращения именных репертуаров. Отражена реакция именника на социально-историческое развитие региона. Показано изменение состава группы популярных именований на протяжении второй половины XX в.

Заключение. Специфика сельского антропонимикона по сравнению с городским состоит в следующем: он более традиционен, снижение концентрации в селе отмечено на десятилетие раньше, актуализация в активном употреблении в сельском социуме ряда личных имен происходит на 10–20 лет позже.

Ключевые слова: Витебский район, село, город, антропонимикон, мужские имена.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 120–124)

Male Name System of Vitebsk District Residents in the 2nd Half of the 20th Century: Features of the Development

Skrebneva T.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In modern onomastics, the study of rural anthroponymy in different regions of Belarus is relevant.

The purpose of the study is to establish the features of the statistic structure and repertoire filling the male name system of Vitebsk District residents in the 2nd half of the 20th century.

Material and methods. The material of the study was a list of male personal names of Vitebsk District residents at 6 chronological yearly sections, which covered the period of 1944 – 1994. The following methods were used: inventory and systematization of onomastic material, the descriptive, the comparative methods, elements of statistical analysis.

Findings and their discussion. The statistical structure of the male anthroponymicon of Vitebsk District residents in the 2nd half of the 20th century is analyzed. Its repertoire content is defined. The stable names are listed that ensure the continuity of the name-list. The variants of personal names in birth records are described. The main trends in the dynamics of personal name systems in the village and city are described. The proximity of the names of Vitebsk District and Vitebsk residents is established, which manifests itself in the similarity of the popular set of naming, the general orientation of the processes of concentration, expansion/reduction of nominal repertoires. The reaction of anthroponymicon to the social and historical development of the region is reflected. The change in the composition of the group of popular naming throughout the 2nd half of the twentieth century is shown.

Адрес для корреспонденции: **e-mail: skrebneva81@gmail.com** – Т.В. Скребнева

Conclusion. The specificity of rural anthroponymicon compared to the urban one is as follows: it is more traditional, a decrease in the concentration in the village was noted a decade earlier; actualization in the active use of a number of personal names in rural society occurs 10 to 20 years later.

Key words: Vitebsk District, village, city, anthroponymicon, male names.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 120–124)

Одним из приоритетных направлений исследований, проводимых в рамках витебской научной школы «Актуальные проблемы ономастики», является разработка вопросов антропонимии Белорусского Поозерья в синхроническом и диахроническом аспектах. При этом следует отметить, что антропонимные системы городских поселений изучены больше, нежели сельских, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Узловым пунктом руководства политической, хозяйственной и культурной жизнью в сельской местности выступает такая единица административного деления, как район. Витебский район располагается в северо-восточной части Витебской области, это приграничная территория, так как на северо-востоке он граничит с Псковской, а на востоке – со Смоленской областью Российской Федерации. Системы личных имен жителей Лёзенщины, Городочкины, Бешенкович – белорусских территорий, с которыми Витебский район также делит свои границы, – в определенной степени изучены (работы Ю.М. Галковской, Е.А. Сосновской [1; 2]), тогда как внутри Витебского района исследованным на широком хронологическом срезе можно считать лишь антропонимикон городского поселка Сураж [3].

Витебский район как административно-территориальная единица был образован 17 июля 1924 г. и просуществовал до 15 февраля 1931 г. В 1937 г. район был восстановлен, при этом его окончательные границы сложились только в 60-е гг. XX в. В настоящее время территория района разделена на 13 сельсоветов: Бабиничский, Вороновский, Вымнянский, Задубровский, Зароновский, Запольский, Куринский, Летчанский, Мазоловский, Новкинский, Октябрьский, Туловский, Шапечинский – и 2 поселковых совета (Суражский, Яновичский).

Цель исследования – установить особенности статистической структуры и репертуарного наполнения мужского антропонимикона жителей Витебского района во второй половине XX в.

Материал и методы. Материалом исследования послужил перечень личных имен жителей Витебского района, составленный в ходе анализа книг записи актов гражданского состояния, хранившихся в Архиве органов ЗАГСа Главного управления юстиции Витебского облисполкома. Антропонимные данные собирались на 6-ти годовых срезах, которые охватили период 1944–1994 гг. Всего нами изучено **3629** актов записей о рождении, из них за новорожденными мальчиками закреплено **1853** записи. Все личные имена в статье приводим в соответствии с их орфографией в оригинале документов.

Для достижения поставленной цели нами использовались следующие методы и приемы: инвентаризации и систематизации ономастического материала в синхронии, описательный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Мужская подсистема именника жителей Витебского района во второй половине XX в. включает **80** личных именований, **15** из них (**18,7%**) являются устойчивыми, то есть встречаются на каждом изученном хронологическом срезе: Александр, Алексей, Анатолий, Валерий, Василий, Виктор, Виталий, Владимир, Дмитрий, Иван, Леонид, Михаил, Николай, Павел, Сергей. Устойчивый фонд имен традиционен, 7 единиц восходят к греческому языку, 5 – к латинскому, 2 – к древнееврейскому, 1 имя является славянским по происхождению.

Изучение статистической организации регионального сельского антропонимикона базируется на методике, предложенной В.Д. Бондалетовым [4]. Вычисление среднего коэффициента одноименности (далее

Таблица 1

Изменение состава и СКО мужских подсистем именников жителей г. Витебска и Витебского района

Срез	Новорожд. мальчиков (Витебск)	Кол-во имен (Витебск)	СКО (Витебск)	Новорожд. мальчиков (Вит. р-н)	Кол-во имен (Вит. р-н)	СКО (Вит. р-н)
1944	487	65	7	210	43	4
1954	1562	62	25	388	41	9
1964	1759	66	26	482	41	11
1974	2137	59	36	259	32	8
1984	1979	68	29	298	38	7
1994	1120	77	14	216	47	4

в тексте будем использовать аббревиатуру СКО) путем деления числа новорожденных мальчиков на количество мужских имен каждого хронологического среза позволяет сделать выводы о концентрации именослова, а также выделить в его составе группы частых (популярных), редких, единичных именований.

Антропонимикон г. Витебска, выступающего административным центром Витебского района, во второй половине XX – начале XXI в. в значительной мере исследован нами [5], и это способствует соотношению соответствующих количественных показателей в городской и сельской антропонимных системах. В табл. 1 сопоставлены количественные характеристики мужских подсистем антропонимикона г. Витебска и Витебского района.

Совершенно очевидно, что именник города превосходит именник села в количественном отношении, разница между количеством мужских имен в пользу города варьируется от 21 единицы (срез 1954 г., минимум) до 30 единиц (срезы 1984 и 1994 гг., максимум). Кроме того, как показывает наш материал, актуализация в активном употреблении в селе ряда личных имен происходит на 10–20 лет позже, нежели в городе: например, на десятилетие позже в антропонимиконе Витебского района зафиксированы имена *Андрей, Валентин, Вячеслав, Евгений, Константин, Олег, Семён, Станислав, Юрий* – с 1954 г., *Артур* – с 1974 г., *Максим, Денис* – с 1984 г., *Ян* – с 1994 г.; двумя десятками лет позже – *Вадим, Игорь* (1964 г.), *Антон* (1984 г.), *Матвей* (1994 г.). Случаи, когда сельский антропонимикон опережает городской по времени проникновения в него личных именований, единичны: *Никита* (г. Витебск – 1964 г., Витебский район – 1944 г.), *Степан* (соответственно 1964 г./1954 г.).

Основные тенденции в динамике городской и сельской именословных систем совпадают:

1. Расширение именных репертуаров в 70–90-е гг. XX в.

2. Направленность тенденции к концентрации в городе и селе на определенных исторических этапах аналогична: усиление в 50–60-е гг. XX в., ослабление в 80–90-е годы.

Различие состоит в том, что снижение концентрации в Витебском районе отмечено на десятилетие раньше (уменьшение СКО в 1974 г., г. Витебск – с 1984 г.).

Большинство современных исследований антропонимов проводится в аспекте связи языка и культуры. Наряду с тем, что личные имена собственные отражают внутренние законы функционирования языка, они вписаны в определенный социокультурный контекст. Собранный фактический материал охватывает достаточно длительный хронологический период – более, чем полвека. Вторая половина XX в. была богата на социальные перемены: 1944 г. показателен как преломление периода Великой Отечественной войны в развитии антропонимии, 1954 и 1964 гг. знаменуют собой начало и конец хрущевской «оттепели», принесшей разоблачение культа личности и некоторую

либерализацию общественной жизни. 60–70-е гг. XX в. принято называть временем «застоя» в связи с усилением консервативной направленности внутренней политики. Середина 80-х годов – это перестройка, начальный этап трансформации тотальной системы, стимулировавший политику гласности и стремление советских республик к суверенитету. Самый высокий уровень концентрации именника в селе отмечен в 60-е гг. Уже к концу периода «застоя» он начинает опускаться, достигая минимума в 1994 г. Уровень концентрации в годы Великой Отечественной войны и в 90-е гг. XX в. совпадает. Наиболее широкий репертуар мужских личных имен в Витебском районе также характерен для 90-х гг. XX в. На срезе 1994 г. в именнике зафиксированы редкие календарные имена *Герман, Кирилл, Марк, Матвей, Семён*, возрождается употребительность антропонимов *Никита, Станислав, Кирилл, Яков, Егор*. При этом отметим, что если в именнике г. Витебска в 90-е гг. XX в. мы наблюдали заметное увеличение удельного веса группы единичных имен за счет внимания имядателей к редким календарным именованиям, а также неадаптированным заимствованиям, таким как *Кевин, Джулия, Лаурита, Эстелла, Кристианна* и др., то антропонимная система села оказывается более традиционной: на срезе 1994 г. отмечено всего 1 западное заимствование – *Эдуард*, но это имя стабильно встречается на разных срезах, а также арабское по происхождению имя *Рави*, армянское *Мисак* (либо форма имени *Мисах/Михаил*), болгарское *Армен*.

Для периода Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия характерно проникновение в официальный антропонимикон вариантов личных имен, в подавляющем большинстве ненормативных:

1) орфографических, связанных с удвоенными написаниями согласных: *Аполинарий, Генадий*;

2) фонетических, определенная часть из них связана с билингвизмом: *Алег, Радион, Сафрон* (отражают «аканье» в произношении имен); *Валер'ян* (звук [р] в белорусском языке непарный твердый, это подчеркивается путем использования апострофа). Фонетическое написание *Лионид* передает «иканье». Написания *Анатолий, Влодимир, Констонтин* являются гиперкорректными, они связаны с передачей о вместо а в первом предударном слоге;

3) морфологических: *Василь, Петро, Валерей, Василей* (старое редкое имя греческого происхождения либо просторечная форма антропонима *Василий*).

Личное имя Владимир встречается в написании *Владимер*. Это имя имеет необычайно богатую историю, осмыслить которую неоднократно пытались исследователи (В.Ю. Франчук, С.Я. Сендерович, Ф.Б. Успенский, А.Ф. Литвина). Правописание имени *Владимир* с **-мер**, как отмечал А.В. Поппэ, «появилось на Руси только на рубеже XIII – XIV вв. и сразу же завладело скрипториями и канцеляриями на северо-востоке, постепенно вторгаясь в письменность других земель. ...На исходе XIII в. и и е иногда начали подме-

нять буквой «ять» (ѣ) – по-видимому, из-за фонетических соображений» [6].

На срезе 1964 г. в качестве официального мужского имени зарегистрирована гипокористика *Гера* – сокращенная форма к именам *Герман*, *Герасим*, *Георгий* и др. [7, с. 75].

Среди единичных именовании обращают на себя внимание антропонимы *Ирий* (древнеславянское имя; *Ирий/Вырий* – в восточнославянской мифологии края, где зимуют птицы и змеи, райская страна [8]) и *Ольг* (*Ольгъ* – древнерусская форма имени Олег), *Федр* (греч. «сияющий, лучезарный»); все они зафиксированы в 1954 г.

Остановимся подробнее на составе группы частых имен, так как именно на них ложится основная номинативная нагрузка. На выделенных контрольных срезах в эту группу входили следующие мужские личные имена (приводим их в алфавитном порядке):

1944 г.: *Александр*, *Анатолий*, *Валерий*, *Василий*, *Виктор*, *Владимир*, *Геннадий*, *Иван*, *Леонид*, *Михаил*, *Николай*, *Пётр*, *Фёдор*.

1954 г.: *Александр*, *Анатолий*, *Валерий*, *Василий*, *Виктор*, *Владимир*, *Геннадий*, *Леонид*, *Михаил*, *Николай*, *Пётр*, *Сергей*.

1964 г.: *Александр*, *Алексей*, *Анатолий*, *Андрей*, *Валерий*, *Василий*, *Виктор*, *Владимир*, *Геннадий*, *Иван*, *Игорь*, *Леонид*, *Михаил*, *Николай*, *Сергей*, *Юрий*.

1974 г.: *Александр*, *Алексей*, *Андрей*, *Василий*, *Виктор*, *Владимир*, *Игорь*, *Николай*, *Сергей*, *Юрий*.

1984 г.: *Александр*, *Алексей*, *Андрей*, *Виталий*, *Владимир*, *Денис*, *Дмитрий*, *Евгений*, *Игорь*, *Максим*, *Николай*, *Сергей*.

1994 г.: *Александр*, *Алексей*, *Андрей*, *Антон*, *Артём*, *Виктор*, *Владимир*, *Владислав*, *Денис*, *Дмитрий*, *Евгений*, *Иван*, *Илья*, *Михаил*, *Николай*, *Олег*, *Павел*, *Руслан*, *Сергей*, *Станислав*, *Юрий*.

Подчеркиванием выделены личные имена, новые для группы частых по отношению к предшествующему контрольному срезу. Так, наиболее стабильной группа популярных антропонимов была в первое послевоенное десятилетие и в конце эпохи «застоя» 70-е гг.), наиболее динамичной – в постперестроечный период.

На основе анализа табл. 2 и 3 можно проследить, как изменялись первые пятерки самых популярных мужских имен Витебского района и г. Витебска во второй половине XX в. В ономастике традиционно принято представление о первой десятке частотных антропонимов как важнейшем элементе статистической организации антропонимикона, однако на территории с немногочисленным населением основная нагрузка ложится на первую пятерку личных именовании, так как, например, на срезе 1974 г. мужские имена, занимающие 9 и 10 ранг (*Иван*, *Олег*, *Виталий*), обслуживают количество носителей, которое меньше показателя СКО, и, следовательно, относятся к редким. Аналогичную ситуацию наблюдаем и в 1994 г.

На всех выделенных срезах имена-лидеры в городе и селе совпадают, абсолютное совпадение популярных антропонимов, занимающих 1 и 2 ранг, наблюдаем в Витебске и Витебском районе в 1944, 1954, 1994 гг. В период Великой Отечественной войны и послевоенное десятилетие обращает на себя

Таблица 2

Пятерка самых популярных мужских имен жителей Витебского района

Ранговый номер	1944 г.	1954 г.	1964 г.	1974 г.	1984 г.	1994 г.
1	Владимир	Александр	Сергей	Сергей	Александр	Александр
2	Николай	Владимир	Александр	Андрей	Сергей	Дмитрий
3	Анатолий, Иван	Николай	Владимир	Александр	Дмитрий	Евгений
4	Пётр	Виктор	Николай	Алексей	Владимир	Алексей
5	Михаил	Анатолий	Виктор	Владимир	Андрей	Сергей, Павел

Таблица 3

Пятерка самых популярных мужских имен жителей г. Витебска

Ранговый номер	1941–1944 гг.	1954 г.	1964 г.	1974 г.	1984 г.	1994 г.
1	Владимир	Александр	Сергей	Сергей	Александр	Александр
2	Николай	Владимир	Игорь	Александр	Дмитрий	Дмитрий
3	Александр	Виктор	Александр	Андрей	Сергей	Андрей
4	Виктор	Сергей	Юрий	Дмитрий	Андрей	Евгений, Сергей
5	Анатолий	Николай	Владимир	Алексей	Алексей	Алексей

внимание повышенная употребительность имени *Виктор* (лат. «победитель»).

1961 г. – значимая веха в истории человечества: Ю.А. Гагарин совершил первый в мире полет в космическое пространство. В г. Витебске в 1964 г. имя *Юрий* занимает 4 строку в рейтинге популярности, в Витебском районе в первую пятерку оно не вошло, но в 60-е и 70-е гг. относилось к фонду частых именований.

В 70-е гг. XX в. в первых пятерках по популярности в городе и селе появляются параллельно антропони́мы *Андрей* и *Алексей*, в 90-е гг. – *Евгений*.

Заключение. Таким образом, особенности именника Витебского района во второй половине XX в. обнаруживаются на уровне его количественного состава и качественного наполнения.

Безусловно, под влиянием урбанизации именослов села проявляет близость к именнику города, что преломляется в схожести популярного набора именований, общей направленности процессов концентрации, расширения/сокращения именных репертуаров на разных исторических этапах. В то же время сельский антропонимикон имеет свою специфику: он более традиционен, тенденция использовать для имянаречения западноевропейские, американские именования в годы «перестройки» для него нехарактерна; снижение концентрации отмечено на десятилетие раньше по сравнению с городом (в 70-е гг. XX в.); актуализация в активном употреблении в сельском социуме ряда личных имен происходит на 10–20 лет позже, нежели в городском. Перспектива дальнейшего исследования связана с расширением его хронологических рамок, а также с установлением особенностей развития женского именника жителей Витебского района.

Литература

1. Галковская, Ю.М. Именник белорусского приграничья: территориальная дифференциация: (на материале русскоязычных личных имен жителей Витебщины): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ю.М. Галковская. – Минск, 2014. – 24 с.
2. Сосновская, Е.А. Мужской именник Бешенковичского района Витебской области на современном этапе / Е.А. Сосновская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVIII (65) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2013 г.: в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – Т. 1. – С. 262–264.
3. Галковская, Ю.М. Именник г.п. Сураж Витебской области: особенности динамики / Ю.М. Галковская // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVI (63) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 16–17 марта 2011 г.: сб. ст. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. – Т. 1. – С. 198–200.
4. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. Скребнева, Т.В. Антропонимикон современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах (на материале русскоязычных личных имен г. Витебска): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.В. Скребнева, БГУ. – Минск, 2010. – 23 с.
6. Поппэ, А.В. К истории имени Владимир / А.В. Поппэ // Труды отдела древнерусской литературы. – 2010. – Т. 61. – С. 279–280.
7. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
8. Иванов, В.В., В.Н. Вырий / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 135.

Поступила в редакцию 18.05.2020

Стратегии редакций и трансформация работы журналистов Витебской области в цифровой среде

Градюшко А.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

В статье анализируется работа редакций региональных медиа Витебской области в условиях цифровизации. Приводятся результаты оценки эффективности деятельности 24 государственных региональных медиа в интернете, а также итоги анкетирования 19 руководителей СМИ. Выявляются стратегии организации работы редакций в цифровой среде. Систематизируется и обобщается опыт работы локальных медиа в проекции технологических инноваций.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить основные направления трансформации работы журналистов региональных СМИ в цифровой среде и сформулировать ряд научно обоснованных рекомендаций для повышения эффективности и конкурентоспособности местных газет в условиях цифровизации.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужили сайты региональных государственных газет Витебской области, а также их аккаунты в социальных сетях («ВКонтакте», Instagram, «Одноклассники», Facebook, Twitter), на платформе YouTube, а также в мессенджерах (Telegram, Viber).

При этом применялись общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления; филологические – сопоставительный и интерпретационный анализ, а также методы анкетирования и интервью.

Результаты и их обсуждение. Региональные СМИ Витебской области к 2020 г. накопили достаточный опыт в освоении интернет-пространства. Многие из них перестроили структуру редакций, модернизировали сайты, изменили организацию работы. Журналисты создают уникальный контент для размещения на сайте, в социальных сетях и на других цифровых платформах. В то же время в ряде случаев процесс адаптации ряда редакций к цифровой среде идет достаточно медленно. Некоторые региональные СМИ пока что не сумели настроить эффективную работу в интернете. Причинами этого являются консервативное мышление ряда руководителей газет, нехватка в редакциях молодых журналистов и экономические сложности.

Заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что цифровизация стала главным условием развития современных СМИ. Мы утверждаем, что, если в ближайшее время региональные СМИ Беларуси успешно не пройдут цифровую трансформацию, они не выдержат конкуренции, не выживут в современном мире, не сохранят свою аудиторию.

Ключевые слова: цифровая журналистика, конвергенция, региональные медиа, социальные сети, производство новостей, медиаменеджмент, стратегии, эффективность, аудитория.

(Ученые записки. – 2020. – Том 32. – С. 125–130)

Newsroom Strategies and Transforming the Work of Journalists of Vitebsk Region in Digital Environment

Gradiushko A.A.

Education Establishment "Belarusian State University", Minsk

The article analyzes the work of the newsrooms of Vitebsk Region media in the context of digitalization. The article presents the results of assessing the effectiveness of the activities of 24 state regional media on the Internet, as well as the results of a survey of 19 media heads. Strategies for organizing the work of editorial offices in the digital environment are identified. The experience of local media in the projection of technological innovations is systematized and summarized.

The purpose of the article is to identify the main directions of transformation of the work of regional media journalists in the digital environment and to formulate a number of scientifically based recommendations to increase the efficiency and competitiveness of local newspapers in the context of digitalization.

Material and methods. The material for the study was the websites of regional state newspapers of Vitebsk Region, as well as their accounts on social networks (VKontakte, Instagram, Odnoklassniki, Facebook, Twitter), on the YouTube platform, as well as in instant messengers (Telegram, Viber).

At the same time, general scientific methods of observation, generalization, comparison were used; philological – comparative and interpretive analysis, as well as methods of questionnaires and interviews.

Findings and their discussion. By 2020, the media of Vitebsk Region have accumulated sufficient experience in the development of the Internet space. Many of them rebuilt the structure of their newsrooms, modernized their sites, and changed the organization of work. Journalists create unique content for posting on the website, social networks and other digital platforms. At the same time, in some cases, the process of adapting a number of editions to the digital environment is rather slow. Some regional media have not yet managed to set up effective work on the Internet. The reasons why are the conservative thinking of a number of newspaper executives, a shortage of young journalists in editorial offices and economic difficulties.

Conclusion. The results obtained allow us to conclude that digitalization has become the main condition for the development of modern media. We argue that if the regional media in Belarus do not successfully undergo digital transformation in the near future, they will not withstand competition, will not survive in the modern world, and will not retain their audience.

Key words: digital journalism, convergence, regional media, social networks, news production, media management, strategies, efficiency, audience.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 32. – P. 125–130)

Новые технологии оказали значительное влияние на СМИ во всем мире, и Республика Беларусь не исключение. Сегодня в стране около 79% населения подключено к интернету. Цифровая трансформация стала главным условием развития современных медиа. Значимым сегментом информационного ландшафта являются региональные газеты. Более 10 лет назад у них появились сайты. Каждое областное и районное СМИ не первый год представлено в соцсетях. В целом медийная экосистема страны в настоящее время активно развивается в направлении адаптации к интернет-среде. Стратегии печатных медиа в эпоху цифровых технологий рассмотрены в данной статье на примере СМИ Витебской области.

Региональной медиаиндустрии Республики Беларусь в полной мере свойственны мировые тренды интернет-журналистики. В конце 2010-х гг. местная пресса стала объектом научного исследования белорусских ученых в следующих аспектах: исторический контекст (Н.А. Зубченко, О.Г. Слука), имиджевый потенциал (В.В. Коршук, Е.В. Красовская), содержательно-тематическая модель (Д.О. Никонович), работа в социальных сетях (В.А. Степанов, Ю.Ф. Шпаковский), экономическая эффективность (С.В. Лешук, И.И. Минчук, А.В. Потребин), социологический анализ (А.В. Посталовский). Несмотря на проводимые исследования, особенности творческой деятельности журналистов в интернете изучены недостаточно.

Цель статьи – выявить основные направления трансформации работы журналистов региональных СМИ в цифровой среде и сформулировать ряд научно обоснованных рекомендаций для повышения эффективности и конкурентоспособности местных газет в условиях цифровизации.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужили сайты региональных государственных газет Витебской области, а также их аккаунты в социальных сетях («VKontakte», Instagram, «Odnoklassniki», Facebook, Twitter), на платформе

YouTube, а также в мессенджерах (Telegram, Viber).

Применялись общенаучные методы наблюдения, обобщения, сопоставления; филологические – сопоставительный и интерпретационный анализ, а также методы анкетирования и интервью.

Результаты и их обсуждение. В Витебской области выходит 24 газеты (1 областная, 2 городские, 21 районная). В ходе исследования мы изучили и систематизировали их опыт адаптации к цифровым стратегиям. Для измерения эффективности работы СМИ в интернете исследователи и эксперты используют ряд различных критериев. В настоящей статье мы будем ориентироваться на следующие показатели: количество посетителей сайта; соотношение с численностью населения региона; качество трафика сайта; наличие аккаунтов в социальных сетях с вовлеченной аудиторией; успешность монетизации.

Посещаемость сайта – один из важнейших параметров эффективности. Чем она выше, тем больше интерес рекламодателей. Мы проанализировали статистику счетчиков «Яндекс.Метрика», установленных на сайтах региональных СМИ. Период исследования – май 2020 г. Самая высокая посещаемость – у сайтов газет «Віцьбічы» (8200 уникальных посетителей в сутки), «Витебские вести» (6800), «Браслаўская звязда» (4200), «Веснік Глыбоччыны» (3400), «Родныя вытокі» (1700), «Полацкі веснік» (1350), «Аршанская газета» (1200). Многие из этих редакций производят специальные материалы для сайта. Ряд изданий имеют положительную динамику посещаемости по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Значительно выросла посещаемость у сайтов изданий «Витебские вести», «Полацкі веснік», «Віцьбічы», «Браслаўская звязда», «Веснік Глыбоччыны», «Родныя вытокі».

Наименьшая средняя ежедневная аудитория – у сайтов газет «Лепельскі край» (220 уникальных посетителей в сутки), «Жыццё Прыдзвіння» (190), «Міёрскія навіны» (175), «Голас Расоншчыны» (160), «Гарадоцкі веснік» (140) и ряд других. Основной

контент этих сайтов составляют материалы, подготовленные для печатной версии издания. По сравнению с аналогичным периодом 2019 г. снизилась посещаемость сайтов «Жыццё Прыдзвіння», «Гарадоцкі веснік», «Дняпроўская праўда», «Міёрскія навіны», «Наша Талачыншчына», «Кліч Радзімы».

Важно учитывать долю посетителей сайта от численности жителей региона. У наиболее успешных изданий Витебской области («Браслаўская звязда», «Веснік Глыбоччыны», «Родныя вытокі») она варьируется в пределах 7–17%. В ряде случаев («Жыццё Прыдзвіння», «Гарадоцкі веснік», «Лепельскі край») этот показатель не превышает 0,5–0,7%, что говорит о необходимости корректировки цифровых стратегий. Однако, как установлено в ряде исследований, «количество пользователей (и просмотров) уже перестало быть главным параметром в измерениях онлайн-аудитории» [1, с. 56]. Ключевыми показателями вовлеченности пользователей интернет-ресурсов являются время чтения, процент материалов, которые дочитывают до конца, количество и качество комментариев к публикациям, а также внимание аудитории в целом.

По мнению российских исследователей В.В. Абашева и И.М. Печищева, «важной характеристикой востребованности издания является лояльность аудитории, степень которой косвенно характеризуют доли прямых заходов на сайт издания и заходов на сайт с помощью ссылок в социальных сетях» [2, с. 22]. В целом мы с ними согласны, но отметим, что именно доля прямых заходов на сайт говорит о высокой лояльности аудитории. Наше исследование выявило, что этот показатель у многих региональных СМИ Витебской области не превышает 5–10%, что явно недостаточно.

Последний год ознаменовался бурным ростом трафика не только у региональных медиа. Это, в первую очередь, обусловлено развитием таких инструментов, как рекомендательный сервис Google Discover, который приводит на веб-ресурсы много случайных посетителей. Они читают одну новость и даже не запоминают, где именно ее нашли. Так, согласно «Яндекс.Метрике», в мае 2020 г. доля переходов из рекомендательных систем на сайт газеты «Веснік Глыбоччыны» составила 57,9%, из социальных сетей – 21,7%, из поисковых систем – 12,9%, прямые заходы – 6,21%. Посещаемость сайта vg-gazeta.by за два года увеличилась в 38 раз – с 90 до 3400 уникальных посетителей в сутки [3]. На первый взгляд, хорошие цифры. В реальности же удержать или построить вокруг себя на сайте местное сообщество удастся немногим редакциям.

В качестве успешного примера цифровой трансформации регионального медиа можно привести газету «Родныя вытокі» (г. Докшицы). Ежедневно она привлекает на свой сайт около 1700 человек. В структуре трафика в мае 2020 г. 8,7% занимали прямые заходы и 26,5% – переходы из соцсетей. «Пока редакция выживает за счет тиража и рекламы печатной версии газеты, – отметил в ходе экспертного интервью главный редактор газеты Александр Воронкович. – На баннер-

ной рекламе в марте 2020 г. заработали 280 рублей. Уверен, что хороший сайт у газеты – это лицо редакции и района в интернете! Самую главную задачу в районе я выполняю. Мы самые популярные в нашем регионе и как газета, и как сайт, и как соцсети. Будем стараться не потерять этот статус».

В последние годы многие СМИ перешли на многоплатформенные стратегии, которые способствовали «значительному расширению объемов медиаконтента, предоставляемого и доступного для аудитории в условиях ограниченных бюджетов медийных организаций» [4, с. 49]. Редакции региональных медиа сегодня распространяют контент не только с помощью газеты и сайта, но и в нескольких соцсетях, на платформе YouTube, а также в мессенджерах. Присутствие региональных СМИ Витебской области на цифровых платформах отражено в таблице. В ней приведены численность населения региона, среднее количество уникальных посетителей сайта в сутки, доля посетителей сайта от численности жителей, общая аудитория социальных платформ («ВКонтакте», Instagram, «Одноклассники», Facebook, Twitter, YouTube, Telegram, Viber), а также доля аудитории соцсетей от численности населения региона.

Наше исследование показало, что самую большую аудиторию в социальных сетях в Витебской области имеют такие издания, как «Аршанская газета», «Віцбійчы», «Новополоцк сегодня», «Пастаўскі край», «Родныя вытокі», «Наша Талачыншчына». По такому показателю, как доля подписчиков всех социальных платформ от численности населения, лидируют «Сцяг Перамогі», «Родныя вытокі», «Патрыёт», «Браслаўская звязда», «Наша Талачыншчына». Вместе с тем мы утверждаем, что эффективность работы медиа в цифровой среде нельзя оценивать исключительно исходя из общего числа подписчиков в социальных сетях. Главной метрикой эффективности работы СМИ в соцсетях становится уровень вовлеченности аудитории (ERday). Это самый важный индикатор, «который показывает, насколько активно аудитория взаимодействует с контентом и, соответственно, насколько он релевантен ее интересам» [5, с. 104].

Платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники» давно освоены региональными СМИ Витебской области. Мы можем выделить две главные стратегии распространения контента в них. Первая – социальная сеть как лента ссылок на основной сайт. Некоторые газеты («Гарадоцкі веснік», «Зара») до сих пор размещают там чаще всего только анонсы материалов. Активность аудитории в таком случае низкая. Это свидетельствует о некоторых просчетах в политике редакционного маркетинга в социальных сетях, на что ранее обращали внимание исследователи [6, с. 44]. Вторая стратегия – социальная сеть как сообщество. В данном случае СМИ рассматривают социальные сети как отдельные площадки. Там представлены краткие новости, фото, видео, которые не требуют перехода на сайт. Успешно работают в этих соцсетях «ВКонтакте» и «Однокласс-

**Присутствие государственных региональных СМИ Витебской области
на цифровых платформах (май 2020 г.)**

Газета, сайт	Численность населения	Посещаемость сайта в сутки	Доля от численности населения (сайт)	Общая аудитория соцсетей	Доля от численности населения (соцсети)
«Аршанская газета» orshanka.by	147.800	1200	0,8%	21.392	14,5%
«Браслаўская звязда» braslav-star.by	24.600	4200	17,0%	11.872	48,3%
«Веснік Глыбоччыны» vg-gazeta.by	35.200	3400	9,7%	11.674	33,2%
«Витебские вести» vitvesti.by	1.133.400	6800	0,6%	7470	0,7%
«Віцьбічы» vitbichi.by	364.800	8200	2,2%	13.313	3,6%
«Гарадоцкі веснік» garadvest.by	22.000	140	0,6%	5279	24,0%
«Герой працы» shumilino.by	17.600	350	2,0%	2760	15,7%
«Голас Расоншчыны» rossonka.by	9200	160	1,7%	3968	43,1%
«Голас Сенненшчыны» senno.by	20.900	350	1,7%	4617	22,1%
«Дзвінская праўда» d-p.by	20.400	250	1,2%	3025	14,8%
«Дняпроўская праўда» dubrovno.by	14.400	290	2,0%	4560	31,6%
«Жыццё Прыдзвіння» pridvinje.by	35.700	190	0,5%	1390	3,9%
«Зара» gztzara.by	14.600	330	2,2%	4834	33,1%
«Кліч Радзімы» klich.by	14.600	320	2,2%	1620	11,1%
«Лепельскі край» lepel-kraj.by	32.000	220	0,7%	840	2,6%
«Міёрскія навіны» mijory.by	19.100	175	0,9%	7029	36,8%
«Наша Талачыншчына» natal.by	24.000	650	2,7%	10.611	44,2%
«Новополоцк сегодня» novaya.by	98.800	1200	1,2%	13.137	13,3%
«Пастаўскі край» postawy.by	34.500	330	1,0%	12.416	36%
«Патрыёт» belpatriot.by	12.700	520	4,0%	6256	49,3%
«Полацкі веснік» pvestnik.by	103.200	1350	1,3%	8719	8,4%
«Родныя вытокі» dokshitsy.by	22.300	1700	7,6%	11.840	53,1%
«Сцяг Перамогі» lioznonews.by	16.100	540	3,6%	8757	54,4%
«Чырвоны Прамень» chyrvonka.by	28.900	420	1,2%	6421	22,2%

ники» газеты «Родныя вытокі», «Браслаўская звязда», «Новополоцк сегодня», «Віцьбічы», «Аршанская газета» и др. В аккаунтах этих редакций самый высокий индекс вовлеченности пользователей.

Стоит отметить, что «современная экосистема информационных технологий предлагает принципиально новые механизмы взаимодействия с читателями» [7, с. 687]. Поэтому важно выбирать те каналы коммуникации, продвижение в которых наиболее эффективно. Для молодежной аудитории это в первую очередь Instagram. Если у аккаунта более 10.000 подписчиков, появляется возможность делать ссылки на сайт из Stories. Из 24 региональных СМИ Витебской области в Instagram представлены 22. Наибольшее количество подписчиков в этом приложении у изданий «Аршанская газета» (12.500), «Новополоцк сегодня» (9850) и «Пастаўскі край» (4400).

Подробнее о работе «Аршанской газеты» в Instagram в ходе экспертного интервью рассказала ведущий редактор интернет-ресурса Инна Косинец: «Как и все группы “Аршанской газеты” в соцсетях, Instagram-аккаунт @orshanka.by развивается как городской паблик “Новости Орши”. Мы не делаем акцент на официальном аккаунте “Аршанской газеты”, но и не скрываем это. Аккаунт начинался в 2018 г. как альбом красивых видов Орши, афиш и фотоотчетов с мероприятий. В таком формате он быстро набрал первые пару тысяч подписчиков. Спустя год мы пришли к “переупаковке” контента, который создается для газеты и сайта. Аккаунт в Instagram – это мини-медиа, для которого нужно постоянно искать и создавать контент. Мы монетизируем посты, Stories и видео. В этой соцсети удалось сформировать наиболее успешное сообщество читателей, которые дают обратную связь: комментируют, присылают фото и новости».

Региональные СМИ Витебской области также используют возможности YouTube. В мае 2020 г. свои каналы на этом видеохостинге имели 20 изданий. В то же время не все из них обновляются регулярно. Стоит отметить такие издания, как «Віцьбічы» (1780 подписчиков), «Витебские вести» (721), «Поставский край» (588). Мы можем утверждать, что региональные медиа имеют большой потенциал на YouTube, но развитие канала, безусловно, требует много сил, средств и времени. То же самое можно сказать о мессенджерах. Сообщества в Viber имеют всего 2 региональных издания Витебской области, каналы в Telegram – 4.

Для определения основных направлений трансформации работы редакций в цифровой среде мы провели анонимное анкетирование 19 руководителей региональных СМИ Витебской области на областном семинаре «Региональные СМИ в эпоху цифровизации: новые форматы и конкурентоспособность на медиарынке», который состоялся 18 ноября 2019 г. в Новополоцке. Анкета включала в себя 30 вопросов. Все анкетные листы были оцифрованы [8]. На вопросы анкеты ответило 63,2% женщин и 36,8% мужчин, среди которых 27,8% – с журналистским образова-

ем. Возраст 47,4% опрошенных составил 35–39 лет, 31,6% – 40–49 лет, 15,8% – 50–64 года. 52,6% респондентов работают в профессии от 11 до 20 лет, 26,3% – свыше 20 лет.

Первый вопрос «В чем, по вашему мнению, состоит миссия современного журналиста?» был призван выяснить мнения медиаменеджеров о функционально-целевой модели региональных СМИ. Приводим наиболее частые ответы: «оперативно, качественно, доступно доносить информацию», «замечать то, что важно и интересно, вести коммуникацию с сообществом читателей», «отображать реалии жизни, решать проблемы людей», «информировать, увлекать событиями», «быть связующим звеном между властью и народом», «освещать вопросы развития региона», «удивлять, удерживать внимание читателей».

При ответе на вопрос «Влияют ли новые технологии на журналистскую профессию?» 72,2% посчитали, что труд журналиста изменился кардинально, а 27,8% высказали мнение, что технологии влияют лишь отчасти. В частности, 78,9% респондентов полагают, что процесс работы и передачи информации стал более оперативным, 73,7% отметили, что в редакциях очень высокий ритм работы, им необходимо укладываться в более сжатые сроки, чем прежде. 63,2% медиаменеджеров заявили, что стало легче найти необходимую информацию в интернете и проверить ее. Столько же респондентов отметили, что новые технологии заставляют постоянно учиться.

Принципиальным для исследования был вопрос «Как организована в вашей редакции работа с сайтом?». В 50% редакций на сайте издания так или иначе работают все журналисты, они создают контент для различных платформ (газета, сайт, соцсети). Эта модель близка понятию конвергентной редакции. В 33,3% случаев создан отдел (есть журналист), который занимается наполнением сайта, а остальные творческие сотрудники пишут только в газету. Как отметили 16,7% респондентов, в тех редакциях, где они работают, материалы на сайте размещает исключительно оператор компьютерного набора и верстки. Анкетирование показало, что только в 63,2% редакций материалы готовятся специально для сайта и соцсетей. В остальных 36,8% случаев весь контент из газеты просто выкладывается на сайт.

Дополнительные стимулирующие и компенсирующие выплаты (надбавки, премии, доплаты) за материалы, которые публикуются исключительно на сайте и в социальных сетях, предусмотрены всего в 27,8% редакций, руководители которых заполнили анкеты. В остальных 72,2% случаев эта работа на момент проведения исследования не оплачивалась. Примечательно, что 36,8% респондентов охарактеризовали финансовое положение своей редакции как «хорошее», 47,4% выбрали вариант «среднее», 15,8% – «плохое».

На вопрос «Какие новые технологии используются в вашей редакции на сайте?» были получены всего

7 ответов, в частности: «мобильная журналистика», «видео», «сайт адаптирован под мобильные устройства», «Viber, Instagram, QR-код». Участникам исследования был также задан вопрос «Какие неотложные изменения в структуре вашей редакции необходимы уже сейчас?». Практически все главные редакторы отметили, что необходимы такие перемены, как создание отдела по работе с сайтом, омоложение коллектива, кадровое пополнение.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в цифровой среде, четких представлений о бизнес-модели в интернете у руководителей региональных изданий Витебской области пока не сложилось. Доход от рекламы на сайте и в соцсетях не превышает 3–5% рекламной выручки издания, многие газет вообще фиксируют убытки от цифровых продуктов. Баннерная реклама как основной способ монетизации будет актуальна в ближайшие 2–3 года для 83,3% респондентов. 61,1% будут делать ставку на контекстную рекламу. 27,8% респондентов собираются развивать нативные проекты.

При ответе на вопрос «Что, по вашему мнению, может повысить эффективность журналистского творчества в современных условиях?» были получены, в частности, следующие ответы: «достойная зарплата», «большая степень независимости от учредителя», «возможность свободного выражения мыслей», «привлечение кадров за счет зарплат и создания достойных условий для жизни». Среди опрошенных главных редакторов 38,9% планируют в ближайшее время направлять сотрудников на повышение квалификации и переподготовку в области цифровой журналистики. 44,4% выбрали ответ «скорее да». 16,7% хотели бы, но нет возможности.

В целом анкетирование показало, что в развитии региональных СМИ Витебской области в цифровой среде достигнуты определенные успехи. Однако процессы цифровизации неравномерно развиваются в газетах разных городов, что зависит от их финансового положения, кадрового потенциала, в том числе уровня освоения сотрудниками редакций новых технологий.

Заключение. Таким образом, в Витебской области есть много региональных СМИ, которые уже используют преимущества цифровой трансформации. Их более высокая конкурентоспособность не вызывает сомнений. Редакции вкладывают ресурсы в широкий спектр инициатив в области цифровой журналистики, чтобы привлечь новую аудиторию. В то же время есть еще немало редакций, которые по-прежнему направляют основные финансовые и интеллектуальные ресурсы на выпуск печатного издания. Сайт газеты воспринимается ими как дополнительная опция к пе-

чатной версии. В этом случае на сайте дублируются материалы газеты. Сообщества в социальных сетях чаще всего также нуждаются в совершенствовании.

Для повышения эффективности работы в цифровой среде СМИ Витебской области необходимо: работать над созданием полноценных конвергентных редакций; производить специальные материалы для сайта и соцсетей; решить вопрос с оплатой труда журналистов, которые производят контент для цифровых платформ; направлять сотрудников на повышение квалификации и переподготовку в области цифровой журналистики; искать новые направления монетизации интернет-ресурсов. Вне всякого сомнения, цифровые технологии существенным образом трансформировали работу журналистов региональных медиа, что ставит перед ними новые задачи в борьбе за внимание аудитории.

Литература

1. Любимцева, М.А. Факторы, влияющие на время чтения и дочитываемость материалов онлайн-медиа (кейс Lady.mail.ru) / М.А. Любимцева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 53–84.
2. Абашев, В.В. Городские сетевые издания как агенты урбанизации / В.В. Абашев, И.М. Печищев // Город и медиа: материалы междунауч. науч.-практ. конф. «Новые городские медиа в медиаландшафте России», Пермь, 1–2 июня 2018 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – С. 9–29.
3. Веснік Глыбоччыны. Vggazeta – сводка – Яндекс.Метрика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://metrika.yandex.ru/dashboard?group=day&period=2020-05-01%3A2020-05-31&id=40251524>. – Дата доступа: 05.08.2020.
4. Doyle, G. Multi-platform media and the miracle of the loaves and fishes / G. Doyle // Journal of Media Business Studies. – 2015. – Vol. 12, iss. 1. – P. 49–65.
5. Степанов, В.А. Социальные медиа: учеб.-метод. пособие / В.А. Степанов. – Минск: БГУ, 2020. – 115 с.
6. Шпаковский, Ю.Ф. Редакционный маркетинг в социальных сетях / Ю.Ф. Шпаковский, А.А. Чупригин // Труды БГТУ. Сер. 4. Принт и медиатехнологии. – 2018. – № 2(213). – С. 44–49.
7. Осиповская, Е.А. Инновационные техники вовлечения аудитории СМИ: зарубежный опыт / Е.А. Осиповская // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, № 4. – С. 687–695.
8. Региональные СМИ в эпоху цифровизации: новые форматы и конкурентоспособность на медиарынке. Результаты анкетирования главных редакторов газет Витебской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/2PmFIRh>. – Дата доступа: 05.08.2020.

Поступила в редакцию 31.08.2020

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ

Кулик С.П., Сайганова В.С.

Рецензия на коллективную монографию «Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение» (под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 199 с.).

Формирование и продвижение положительного имиджа страны является сегодня для Беларуси одним из важнейших ресурсов национального развития. Количество исследований по проблеме формирования имиджа Беларуси с каждым годом растет. Вместе с тем следует признать, что в основном это научные статьи и учебная литература. В связи с этим монографическое исследование в данной сфере заслуживает особого внимания. К числу первых подобных работ относится научное издание: Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение: монография / М.А. Слемнев [и др.] ; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 199 с.

Название и содержание обозначенной коллективной монографии под редакцией доктора философских наук, профессора М.А. Слемнева отражают актуальные тенденции в изучении социальных феноменов. Действительно, в современном глобализирующемся мире в условиях интенсивного развития информационно-коммуникативных технологий роль имиджа страны как многогранного социального феномена непрерывно возрастает. Позитивное восприятие Беларуси как собственными, так и иностранными гражданами являет собой значимый фактор привлекательности и развития страны. Поэтому рассмотрение вопросов становления, развития и продвижения имиджа Беларуси внутри страны и на международном уровне представляется интересным и своевременным. Достоинством рецензируемой монографии выступает также акцентуация технологий создания эффективного и конкурентоспособного образа страны и регионов в контексте строительства Союзного государства. В связи с этим коллективное обсуждение и глубокое философско-культурологическое осмысление авторами этого исследования широкого круга теоретико-методологических и практических проблем, связанных с формированием позитивного имиджа Беларуси, позволяют говорить об актуальности данной коллективной монографии. Научное издание подготовлено на базе кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» в рамках Государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» с привлечением ученых из других учреждений Беларуси и России.

Издание отличается оригинальным дизайном, и оглавление книги включает в себя предисловие, заключение научного редактора и пять глав, последовательно и систематично раскрывающих содержание проблемного поля коллективной монографии.

В первой главе *«Имидж как многогранный социальный феномен: теоретико-методологические аспекты»* заслуживает внимания и высокой оценки принятый логико-семантический анализ понятийного аппарата имиджологии, в рамках которого раскрывается многообразие интерпретаций и смыслов понятия «имидж» и разносторонность репрезентируемых им реалий. В данной части монографии также исследуются структура, функции и гуманитарные технологии формирования международного имиджа страны, прослеживается трансформация духовных основ и имиджевых характеристик современного социума. В имидже страны авторы выделяют и анализируют, прежде всего, географическую, историческую, политическую, экономическую, научно-технологическую, этнокультурную, туристическую и спортивную составляющие. Делается вывод о том, что умелое позиционирование этих составляющих имиджа способствует установлению деловых контактов и привлечению иностранных инвестиций, реализации собственного национального продукта в других странах.

Следующие главы *«Становление и развитие международного имиджа Беларуси» (вторая)* и *«Социально-экономические и политические предпосылки продвижения имиджа Беларуси на международной арене» (третья)* уже своим названием отражают всю проблемную насыщенность и содержательную полноту проведенного авторами данной монографии исследования сущностных проявлений имиджформирующей деятельности Беларуси. Обращает на себя внимание беспристрастный экскурс в историческую символику Беларуси, который осуществила Е.А. Бикетова, российский соавтор монографии. Ее утверждение о том, что «...современной Республике Беларусь в формировании стратегии успешного позиционирования страны за рубежом необходимо проанализировать, какие именно символы, связанные с историей и культурой Беларуси, позитивно воспринимаются на международной арене, и сделать акцент именно на них, но с учетом исторического прошлого Беларуси и опыта использования символики в информа-

ционно-пропагандистской деятельности государства» (с. 51), представляется актуальным. Анализ же в монографии основных методов и средств создания положительного имиджа страны, его духовных, социальных, экономических и политических составляющих приводит авторов к выводу: «Успешное продвижение имиджа страны на международной арене возможно при участии трех сторон: а) государства, в обязанности которого, в первую очередь, входит создание правовой основы и разработка имиджевой политики; б) негосударственных структур (коммерческих и некоммерческих), определяющих и инвестирующих... перспективные отрасли экспорта товаров, услуг и культурного продукта; в) ученых (философов, историков, социологов, экономистов, политологов, психологов и др.), важнейшей задачей которых является концептуальное и аналитическое обеспечение имиджевого процесса» (с. 173).

Несомненной новизной и бесспорным достоинством монографии можно считать вовлечение в сферу исследования проблематики формирования имиджа нашей страны в контексте Союзного государства Беларуси и России (*четвертая глава «Союзное государство Беларуси и России на пути к привлекательному образу»*). Анализ межрегиональных связей как основы развития союзнических отношений, выявление роли белорусской диаспоры в России позволили раскрыть технологии создания привлекательного образа Беларуси, ее регионов на пути строительства Союзного государства. Необходимым условием жизнеспособности и необратимости интеграционных процессов является активизация молодежного фактора союзного строительства, поэтому особую актуальность, как справедливо заключает М.А. Слемнев, приобретает создание привлекательного образа данного объединения для молодежи: «Без включения молодежи двух стран в ин-

теграционные процессы создаваемый союз не имеет будущего» (с. 173).

Пятая глава «Витебск как “город искусств” – становление и развитие бренда» привлекает внимание читателя не только информационной насыщенностью и анализом уникальности феномена культуры Витебска и его художественной школы, определением направлений трансформации концепции и культурных функций «Славянского базара в Витебске», но и выступает в монографии своеобразной иллюстрацией значимости конструирования благоприятного социокультурного облика больших и малых населенных пунктов нашей страны при разработке и проведении имиджевой политики.

В целом коллективную монографию отличают цельность и содержательность раскрытия проблемы, хороший язык и последовательность изложения материала, четкая структура и смысловая соподчиненность частей текста. Заслуживает внимания обширный библиографический материал источников информации, отражающий скрупулезный научный подход авторского коллектива к его отбору и представлению читателям. В конце монографии представлена краткая информация об авторах глав и параграфов.

Научное исследование может быть охарактеризовано как одно из первых монографических изданий в освещении многогранной проблематики имиджевого содержания применительно к белорусским социокультурным реалиям. Монография являет собой серьезный научный труд и, безусловно, имеет ценность как для научного сообщества, так и широкого круга читателей. Материалы, представленные в монографии, могут быть использованы при разработке образовательных и культурных проектов, а также в практике имиджмента и брейдинга.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГРАНИЦЫ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ONLINE-КОНФЕРЕНЦИИ «ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ»)

Давлятова Е.В., Слемнев М.А.

Глобализация оказала огромное влияние на все сферы жизни современного общества. Затронула она и границы в их географической, государственно-правовой, экономической, национально-этнической, культурной и иных формах своего бытия. Этой теме была посвящена международная научно-практическая online-конференция «Феномен границы в глобализирующемся мире», проведенная 17 октября 2020 года на базе кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова.

География территориального представительства прошедшего научно-практического мероприятия достаточно широка. В нем приняли участие ученые-обществоведы и преподаватели высших и средних учебных заведений Минска, Витебска, Могилева (Беларусь), Москвы, Смоленска, Воронежа, Пскова, Челябинска, Великого Новгорода (Россия), Херсона (Украина). Интерес к рассматриваемой проблематике проявили также представители т.н. «цифрового поколения», активная социализация которых проходила под непосредственным воздействием новой web-реальности. К публикации рекомендовано 55 докладов и теоретических сообщений. В них в рамках проблемного поля «границы—глобализация» рассмотрен широкий спектр философско-методологических, экономических, социально-политических и культурологических проблем международного звучания, которые возникли на постсоветском геополитическом пространстве после распада СССР.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратился проректор по научной работе ВГУ имени П.М. Машерова доктор педагогических наук, профессор Е.Я. Аршанский. С содержательными докладами по различным аспектам обсуждаемой проблематики выступили В.А. Каганский, старший научный сотрудник отдела физической географии Института географии Российской академии наук, кандидат географических наук; С.К. Костючков, профессор кафедры социальной работы, социальной

педагогике и социологии Херсонского государственного университета, кандидат политических наук, доктор философских наук, профессор; Е.В. Кодин, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета, доктор исторических наук, профессор; А.П. Джокич, ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, магистр политических наук; А.Б. Демидов, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент; Э.И. Рудковский, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент; В.А. Янчук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

В представленных докладах дана оригинальная трактовка Беларуси как контактной границы в культурном ландшафте Евразии (В.А. Каганский); выдвинуто интересное предположение о том, что наблюдающаяся транспарентность границ в глобализирующемся мире может привести к их полному исчезновению только при условии ликвидации товарной формы производства со всеми ее достоинствами и изъянами (А.Б. Демидов); раскрыты особенности трансформации лимитарности в условиях глобализации (Э.И. Рудковский); проведен социально-философский анализ проявлений скептицизма и нигилизма в манифестациях современной молодежи (С.К. Костючков); определены основные направления политики советской власти по отношению к белорусам Смоленщины в 20-е годы XIX века (Е.В. Кодин); предложена развернутая характеристика современной этнической ситуации в Сербии (А.П. Джокич); очерчены реальные границы экономической свободы различных субъектов хозяйствования с учетом их прав, обязанностей и ответственности (В.А. Янчук).

Материалы конференции были распределены по трем тематическим секциям: 1. Глобализация, границы, государственный суверенитет, трансграничное сотрудничество. 2. Проблема сохранения национально-культурной идентичности в современном мире, человек в пограничье культур. 3. Духовная безопасность молодежи и социокультурные средства минимизации антропологических угроз сетевого общества.

Несомненной научной и практической значимостью обладают включенные в первую секцию доклады, в которых обсуждалось влияние мигрантов на развитие российского общества (А.А. Авдашкин, старший научный сотрудник Южно-Уральского университета, кандидат исторических наук, Челябинск) и современный спорт (Е.А. Копылова, доцент кафедры физвоспитания и спорта Белорусского-Российского университета, доцент, Могилев). Проанализированы трудности, возникшие в связи с институционализацией государственной границы Республики Беларусь после распада СССР (А.И. Архипов, консультант управления международных договоров главного договорно-правового управления Министерства иностранных дел Республики Беларусь), обосновано возрастание роли международных организаций и объединений – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, БРИКС, ШОС в развитии трансграничного сотрудничества и сохранении цивилизационного разнообразия социума в связи с напористой «миссионерской» вестернизацией современного мира (Е.В. Давлятова, заведующий кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент). Рассмотрен ряд важных экономических, социально-политических и социокультурных аспектов процесса глобализации. В частности, обсуждены возможности социально ориентированного государства по использованию гуманистического потенциала глобализации (А.В. Козлов, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской государственной академии ветеринарной медицины), раскрыт противоречивый характер трансграничных отношений (М.А. Чикиндин, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской государственной академии ветеринарной медицины), намечены пути повышения социально-экономической эффективности процессов региональной дестинции (Е.М. Янкевич, аспирант кафедры экономики и управления туристической индустрией Белорусского государственного экономического университета). В докладе В.А. Смирнова, доцента кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, при обсуждении проблемы несовпадения географических и идеологических (желаемых) границ государства поднят вопрос о попытках реанимации пантюркистской идеологии «Великого Турана», идей «Великой Финляндии» и «возвращение утраченных китайских территорий». На примере истории формирования т. н. «круга Бахтина» удачно проиллюстрированы креативные возможности пространства

трансграничности (А.Н. Никонов, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета).

Центральное место в работе второй секции заняло обсуждение проблемы сохранения национально-культурной идентичности народа и отдельной личности в условиях глобализации. Отмечена назревшая необходимость логико-методологического анализа понятия «национально-культурная идентичность», содержание которого пока что лишено семантической определенности (А.П. Мядель, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета, кандидат философских наук). Подчеркнуто, что наметившаяся тенденция по стандартизации всех сфер жизни по северо-американскому и западно-европейскому образцу сопряжена с кризисом традиционных форм идентичности, в том числе национально-культурной, этнической и религиозной. Этому в значительной степени способствует появление безграничного Интернет-пространства (А.А. Бородуля, заведующий кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета, кандидат философских наук, доцент; И.А. Климентьева, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской государственной академии ветеринарной медицины и др.). Под его воздействием совершается размытие символического потенциала человечества, происходит формирование космополита нового типа – гражданина Net, создаются безликие «сетевые сообщества», в причудливых формах возрождается трайбализм (Е.В. Радевич, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; Е.О. Далимаева, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета и др.). Ряд актуальных аспектов темы «Люди пограничья» освещался на примере этнической судьбы редкой народности сето (О.А. Глушенко, доцент кафедры иностранных языков для лингвистических направлений Псковского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент), положения венгерского меньшинства в Украине (О.Г. Казак, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук), особенностей организации национально-культурной жизни белорусов близкого и дальнего зарубежья (М.А. Слемнев, профессор кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета, доктор философских наук, профессор; О.В. Вожгурова, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета, кандидат политических наук, доцент).

Доминантным предметом исследования на третьей секции явились антропологические угрозы глобализации и поиск путей обеспечения духовной безопасности молодежи в «сетевом обществе». С тревогой отмечалось, что, обладая уникальными средствами

оперативного обмена разнообразной информацией, а также организации и визуализации межличностных контактов, социальные сети выступают в качестве опасного транслятора ценностей антигуманной направленности. Подчеркнуто, что важную роль в нейтрализации негативного влияния «сетевой среды» на духовно-нравственный мир молодежи должна оказать гуманизация современного образовательного пространства (Ю.Л. Баньковская, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, кандидат философских наук и др.). Обращено внимание на необходимость формирования у «компьютерного поколения» соответствующей информационной культуры; указано на потребность разработки не только правовых, но и морально-нормативных стандартов поведения человека в коммуникативно-информационной среде. В контексте глобальной информационной экспансии рассмотрен феномен «либерального фашизма» (Е.О. Далимаева), дано содержательное осмысление феномена цифровой идентичности и практик нонмадизма (С.В. Воробьева, доцент кафедры философии и культуры Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент). Намечены пути использования знаково-символических средств при формировании ценностно-смысловой сферы личности (Г.И. Веденеева, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук). Об опыте создания духовно-нравственного безопасного детского пространства Смоленщины XIX – начала XX века сообщили Н.П. Сенченков, заведующий кафедрой педагогики и психологии Смоленского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор и В.В. Терещенкова, аспирант этой кафедры. Важность реализации идейно-нравственного потенциала социально-гуманитарных наук освещалась в докладах А.Б. Погребняка, доцента кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидата исторических наук и других авторов.

В ряде докладов рассматривались технологии подключения религии к процессам духовного и телесного оздоровления человека и народа в целом. Так, преподаватели Российского православного университета (Москва) В.А. Сидоров и И.С. Харьков рекомендуют создавать трехсекторное партнерство (государство–бизнес–общество) при соблюдении полного паритета между этими структурами; разрабатывать комплексные программы духовно-нравственного воспитания детей, молодежи и взрослых на основе отечественных

традиций; организовывать детско-взрослые сообщества для совместной деятельности в культурном пространстве; вводить специальные акценты на информацию СМИ, оказывающую деструктивное воздействие на подсознание и сознание личности. Т.С. Мартыненко, старший преподаватель кафедры современной социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук и Е.В. Стикина, ученица Университетской гимназии (школы-интерната) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова обратили внимание на негативные идеологические и социокультурные последствия превращения английского языка в средство межнационального общения. Отраднo, что ученица гимназии Е.В. Стикина в прошлом году принимала участие в проведенной кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова международной научно-практической конференции «Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи» (6 декабря 2019 года).

Весьма актуальными, особенно в связи с распространением по всему миру коронавирусной инфекции, выглядят размышления С.П. Кулика, заведующего кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета, кандидата философских наук, доцента и Н.У. Тиханович, доцента этой кафедры, кандидата философских наук, доцента о формах и методах совершенствования медицинского образования будущих врачей и провизоров. Показано, что медицинская и фармацевтическая деятельность приобретает все более ярко выраженный коммерческий характер. Всё это требует максимального погружения медицинского знания, равно как и соответствующих ему врачебных и фармацевтических практик, в нравственную систему координат. Отмечено, что важным компонентом формирования будущих врачей и провизоров является включение в учебные планы новых дисциплин «Биомедицинская этика и коммуникация в здравоохранении» и «Биофармацевтическая этика». Задача преподавателей заключается в реализации заложенного в них морального императива.

Ограниченные рамки сделанного аналитического обзора не позволяют дать комментарий всем докладам, включенным в программу конференции. С их содержанием можно познакомиться в опубликованных материалах (Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 174 с.).

ДА XVII МІЖНАРОДНАГА З'ЕЗДА СЛАВІСТАЎ (ФРАНЦЫЯ, ПАРЫЖ, 2023 Г.)

27–28 жніўня адбылося анлайн-пасяджэнне Міжнароднага камітэта славiстаў, на якім былі абмеркаваны пытанні падрыхтоўкі да XVII Міжнароднага з'езда славiстаў, што адбудзецца ў 2023 годзе ў Парыжы (Францыя). На пасяджэнні МКС была абмеркавана і зацверджана тэматыка з'езда, вызначаны формы яго работы, квоты ўдзелу ў з'ездзе для нацыянальных дэлегацый, тэрміны падачы заявак і інш.

Традыцыйна работа з'езда будзе праходзіць у форме секцыйных пасяджэнняў, тэматычных блокаў, круглых сталоў і прэзентацый. Плануецца арганізаваць кніжную выставу славiстычнай літаратуры, апублікаванай за папярэднія пяць гадоў. Таксама адбудуцца рабочыя пасяджэнні камісій, акрэдытаваных пры МКС, і пленум Міжнароднага камітэта славiстаў.

Тэматыка XVII Міжнароднага з'езда славiстаў (Францыя, Парыж, 2023 г.)

На XVII Міжнародным з'ездзе славiстаў у Парыжы (Францыя) у 2023 годзе будуць прадстаўлены чатыры тэматычныя секцыі:

1. Мова.
2. Літаратура, культура, фальклор.
3. Пытанні гісторыі і тэорыі славiстыкі.
4. Спецыяльныя тэмы з'езда.

1. **МОВА.**

1.1. **Параўнальна-гістарычныя і арэальныя даследаванні славянскіх моў.**

- 1.1.1. Паходжанне праславянскай мовы.
 - 1.1.1.1. Пытанне ўзаемадзеяння праславянскай мовы з прабалтыйскай мовай.
 - 1.1.1.2. Праславянская мова і яе дыялекты.
 - 1.1.2. Славянскі глотагенэз.
 - 1.1.2.1. Уплыў неславянскіх моў і моўных груп на развіццё славянскіх моў (славяна-германскія, славяна-італійскія, славяна-кельцкія, славяна-іранскія, славяна-цюркскія, славяна-балканскія, славяна-балтыйскія і славяна-ўграфінскія моўныя адносіны ў мінулым).
 - 1.1.3. Этымалогія.
- #### 1.2. **Гісторыя славянскіх моў.**
- 1.2.1. Развіццё славянскіх моў ва ўмовах моўнага кантакту.
 - 1.2.2. Гістарычная граматыка славянскіх моў.
 - 1.2.3. Гістарычная семантыка і лексікалогія славянскіх моў.
 - 1.2.4. Уплыў стараславянскай і царкоўнаславянскай моў на фарміраванне славянскіх літаратурных моў.
 - 1.2.5. Узаемаадносіны нацыянальных літаратурных моў і народных дыялектаў у розныя перыяды гісторыі.

1.3. **Дыялекталогія славянскіх моў.**

- 1.3.1. Славянская лінгвагеаграфія і арэалогія.
- 1.3.2. Стан сучасных славянскіх дыялектаў.
- 1.3.3. Гісторыя развіцця славянскіх дыялектаў.
- 1.3.4. Дыялектная лексікаграфія і лексікалогія.
- 1.3.5. Мова горада.
- 1.3.6. Дыялектная інтэрферэнцыя.
- 1.3.7. Інфармацыйныя дыялектныя фонды.

1.4. **Анамастыка.**

- 1.4.1. Анамастычная этымалогія.
- 1.4.2. Анамастычная лексікаграфія.
- 1.4.3. Картаграфаванне славянскай анамастычнай прасторы.
- 1.4.4. Анамастычная кантакталогія.
- 1.4.5. Гістарычная семантыка ўласных імён.

- 1.4.6. Праблемы тэрміналогіі ў анамастыцы.
- 1.5. Граматыка, семантыка і прагматыка сучасных славянскіх літаратурных моў.**
 - 1.5.1. Фанетыка-фаналагічныя і прасадычныя характарыстыкі славянскіх моў.
 - 1.5.2. Акцэнталогія славянскіх моў.
 - 1.5.3. Словазмяненне славянскіх моў: марфалогія, структура парадыгм, склад і спосабы выражэння граматычных катэгорый.
 - 1.5.4. Словаўтварэнне славянскіх моў: марфалогія і семантыка.
 - 1.5.5. Граматычная семантыка славянскіх моў. Славянская аспекталогія.
 - 1.5.6. Фармальны і функцыянальны сінтаксіс славянскіх моў. Славянскія мовы і граматыка канструкцый.
 - 1.5.7. Прагматыка ў даследаваннях славянскіх моў.
 - 1.5.8. Дыскурсіўны аналіз тэксту.
 - 1.5.9. Тэрэтычныя і метадалагічныя аспекты вывучэння граматыкі славянскіх моў.
 - 1.5.10. Тыпалагічныя і супастаўляльныя даследаванні граматыкі славянскіх моў.
- 1.6. Лексікалогія, семантыка і стылістыка сучасных славянскіх моў.**
 - 1.6.1. Лексіка славянскіх моў і сістэмныя адносіны ў лексіцы.
 - 1.6.2. Лексікаграфія славянскіх моў. Анлайн-слоўнікі славянскіх моў.
 - 1.6.3. Фразеалогія славянскіх моў.
 - 1.6.4. Лінгвістычная і функцыянальная стылістыка славянскіх моў.
 - 1.6.5. Тэрэтычныя і метадалагічныя аспекты лексічных, семантычных і стылістычных даследаванняў славянскіх моў.
 - 1.6.6. Славянскае тэрміназнаўства і тэрмінаграфія.
 - 1.6.7. Тыпалагічнае і супастаўляльнае вывучэнне лексікалогіі, семантыкі і стылістыкі сучасных славянскіх моў.
- 1.7. Міждысцыплінарныя даследаванні славянскіх моў.**
 - 1.7.1. Сацыялінгвістыка (моўныя сітуацыі, моўныя паводзіны ў славянскім свеце).
 - 1.7.2. Моўная палітыка.
 - 1.7.2.1. Нацыянальныя (славянскія) праграмы моўнай палітыкі.
 - 1.7.2.2. Моўная палітыка і адукацыйная палітыка Еўрасаюза і вывучэнне славянскіх моў як замежных.
 - 1.7.2.3. Шматмоўе.
 - 1.7.2.4. Славянскія мінарытарныя мовы.
 - 1.7.3. Псіха- і нейралінгвістыка.
 - 1.7.4. Лінгвакультуралогія.
 - 1.7.5. Этналінгвістыка.
 - 1.7.6. Камп'ютарная лінгвістыка.
 - 1.7.7. Корпусная лінгвістыка.
 - 1.7.8. Інтэрнэт-рэсурсы славянскіх моў.
- 1.8. Стандартызацыя і норма славянскіх моў.
 - 1.8.1. Праблемы нарміравання славянскіх моў.
 - 1.8.2. Праблемы правапісу і графематыкі.
 - 1.8.3. Развіццё норм літаратурнай мовы.
 - 1.8.4. Інтэрнэт-камунікацыя і праблемы сучаснай нормы ў славянскіх мовах.

2. ЛІТАРАТУРА, КУЛЬТУРА, ФАЛЬКЛОР.

- 2.1. Міждысцыплінарныя даследаванні славянскіх літаратур.
 - 2.1.1. Тэксталагічныя даследаванні славянскіх літаратур.
 - 2.1.2. Лічбавыя тэхналогіі ў славянскім літаратуразнаўстве.
 - 2.1.3. Узаемадзеянне славянскіх літаратур з неславянскімі.
 - 2.1.4. Славянскія літаратуры і культуры ў эпоху інфармацыйных тэхналогій.
 - 2.1.5. Славянскія літаратуры і культуры ў супастаўляльнай, міжлітаратурнай і міжкультурнай перспектыве.
- 2.2. Развіццё славянскага пісьменства.
 - 2.2.1. Славянскае пісьменства на розных этапах яго развіцця.
 - 2.2.2. Пісьмовая традыцыя Кірылы і Мяфодзія і яе ўспрыняцце ў славянскіх літаратурах.
 - 2.2.3. Новыя выданні помнікаў славянскага пісьменства.
- 2.3. Славянскія літаратуры і Сярэднявечча.
 - 2.3.1. Паэтыка сярэднявечавай літаратуры.
 - 2.3.2. Жанры сярэднявечавай літаратуры.
 - 2.3.3. Узаемасувязі славянскіх літаратур і культур у Сярэднявеччы.
 - 2.3.4. Узаемаадносіны паміж славянскай, візантыйскай і заходнееўрапейскай кніжнасцю да новага часу.

2.4. Гісторыя славянскіх літаратур.

- 2.4.1. Развіццё стылістычных сістэм у славянскіх літаратурах.
- 2.4.2. Жанры ў славянскіх літаратурах.
- 2.4.3. Тэорыя, гісторыя верша і параўнальная славянская метрыка.
- 2.4.4. Літаратурныя традыцыі і славянскія літаратуры сёння.
- 2.4.5. Узаемасувязі і кантакты славянскіх літаратур і культур.
- 2.4.6. Тэарэтычныя аспекты даследавання сучасных славянскіх літаратур.

2.5. Пераклады славянскіх літаратур як культурны трансфер.

- 2.5.1. Міжславянскія і славяна-неславянскія пераклады.
- 2.5.2. Лінгвістычныя аспекты перакладу.
- 2.5.3. Пераклады твораў антычнай, візантыйскай, іўдзея-хрысціянскай, іўдзеіскай і ісламскай традыцый у славянскіх літаратурах.
- 2.5.4. Пераклад як складнік філасофскай, рэлігійнай і палітычнай думкі славян.

2.6. Літаратурна-гістарычныя веды, літаратурная крытыка і публіцыстыка.

- 2.6.1. Перыёдыка ў славянскіх літаратурах і культурах: пасярэднік, паказчык змен у паэтыцы, стылі і жанравай сістэме.
- 2.6.2. Дэкананізацыя і рэканструкцыя (нацыянальнай) гісторыі літаратуры.
- 2.6.3. Публіцыстыка і СМІ: пытанні культурнай і літаратурнай ідэнтычнасці.
- 2.6.4. Славянская літаратурная крытыка і яе сістэма каштоўнасцей.

2.7. Славянскія літаратуры – рэлігія – філасофія – палітыка – культура.

- 2.7.1. Філасофская, рэлігійная і палітычная думка славян.
- 2.7.2. Спадчына антычнасці, візантыйскай і іўдзея-хрысціянскай традыцыі ў славянскіх літаратурах і культурах.
- 2.7.3. Дыялог Усход–Заход у славянскіх літаратурах і культурах.
- 2.7.4. Узаемапрапанікальнасць славянскіх літаратур і культур.

2.8. Славянскія літаратуры і культурная спадчына ў XXI стагоддзі.

- 2.8.1. Еўрапеізацыя/глабалізацыя і славянскія літаратуры.
- 2.8.2. Літаратурныя і культурныя «ўтопіі» – панславізм сёння.
- 2.8.3. Славістыка і праблемы (пост)каланіялізму ў сучасным свеце.
- 2.8.4. Праблема бежанства/высылкі/(э)міграцыі ў славянскіх літаратурах і культурах.
- 2.8.5. Мы і іншыя (у антрапалагічным і сацыяльным аспекце) у славянскіх літаратурах і культурах.
- 2.8.6. Гендарныя пытанні ў славянскіх літаратурах і культурах.
- 2.8.7. Еўрапейскія літаратурныя і культурныя парадыгмы і славянскія літаратуры і культуры.
- 2.8.8. Літаратура славянскіх дыяспар.

2.9. Славянскі фальклор, фалькларыстыка і міфалогія ў сусветным кантэксце.

- 2.9.1. Славянскі фальклор і іншыя этнакультурныя традыцыі: паралелі і ўзаемадзеянне.
- 2.9.2. Збіральнікі і даследчыкі фальклору, якія ўнеслі ўклад у славістыку.
- 2.9.3. Міфалагічныя асновы славянскага фальклору.
- 2.9.4. Слова і абрад.
- 2.9.5. Агульнае і рэгіянальнае ў фальклоры.
- 2.9.6. Тэксталогія і праблемы выдання помнікаў фальклору.
- 2.9.7. Фальклор і літаратура.
- 2.9.8. Сучасны фальклор і яго жанры. Постфальклор.
- 2.9.9. Фальклор як фактар самаідэнтыфікацыі этнічных супольнасцей у іншаэтнічным асяроддзі.

3. ПЫТАННІ ГІСТОРЫІ І ТЭОРЫІ СЛАВІСТЫКІ.

- 3.1. Гісторыя славістыкі.
 - 3.1.1. Славістычныя школы і іх уклад у лінгвістыку, літаратуразнаўства і фальклор.
 - 3.1.2. Славістыка ў аспекце гісторыі адукацыі і педагогічных ідэй.
 - 3.1.3. Славістыка ў XX стагоддзі: напрамкі, супярэчнасці, канфлікты, спрэчкі і спадчына.
 - 3.1.4. Спадчына знакамітых славістаў.
 - 3.1.5. Гістарыяграфія славістыкі ў розных нацыянальных традыцыях.
 - 3.1.6. Развіццё славістычнай бібліяграфіі.
- 3.2. Тэорыя і метадалогія славістыкі.
 - 3.2.1. Традыцыя і інавацыя ў метадалогіі славістыкі.
 - 3.2.2. Славістыка і новыя навуковыя парадыгмы ў гуманітарных навуках.
 - 3.2.3. Славістыка і вывучэнне культуры.
 - 3.2.4. Славістыка і міждысцыплінарнасць.
- 3.3. Перспектывы славістыкі.

- 3.3.1. Напрамкі развіцця славістыкі ў XXI стагоддзі.
- 3.3.2. Славістыка і працэсы глабалізацыі.
- 3.3.3. Славянскі свет за межамі Еўропы.
- 3.4. Тэарэтыка-метадалагічныя аспекты вывучэння і выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.
- 3.4.1. Праблемы і перспектывы выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.
- 3.4.2. Напрамкі сучасных даследаванняў у галіне выкладання славянскіх моў, літаратур і культур.

4. СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ТЭМЫ З'ЕЗДА.

- 4.1. Славістыка ў неславянскіх краінах.
- 4.2. Неславісты ў славістыцы.

Заяўкі на секцыйныя даклады і тэматычныя блокі павінны адпавядаць зацверджанай тэматыцы. Абавязковым патрабаваннем да секцыйнага дакладаў з'яўляецца выкарыстанне моўных, літаратурных, фальклорных і г.д. фактаў розных славянскіх падгруп (усходне-, заходне- і паўднёваславянскай).

Арганізацыйны камітэт XVII Міжнароднага з'езда славістаў устанавіў наступны рэгламент удзелу ў з'ездзе – адзін удзельнік мае права выступіць толькі з двума дакладамі (адзін секцыйны даклад + адзін даклад на тэматычным блоку).

Заяўкі на секцыйныя даклады падаюцца ў Беларускі камітэт славістаў у адпаведнасці з прыкладзенай формай па электроннай пошце на адрас: alukashanets@tut.by.

Тэрмін падачы заявак – да 30 верасня 2021 года.

ФОРМА ЗАЯЎКІ на секцыйны даклад на XVII Міжнародным з'ездзе славістаў (Парыж, 2023 г.)

1. Звесткі пра дакладчыка
Прозвішча, імя, імя па бацьку (калі ёсць):
Вучонае званне, установа:
Адрас электроннай пошты:
Паштовы адрас:
Службовы:
Дамашні:
2. Звесткі пра даклад
Шыфр тэмы (у адпаведнасці з зацверджанай МКС тэматыкай з'езда):
Назва даклада:
Анатацыя (да 500 знакаў з прабеламі):

Заяўкі на тэматычныя блокі падаюцца арганізатарам блока, які фармулюе назву блока і фарміруе склад удзельнікаў блока ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- колькасць удзельнікаў тэматычнага блока: 3–8 чалавек;
- даклады могуць рабіцца на любой мове, але ў адным блоку могуць удзельнічаць не

больш за два прадстаўнікі з адной дзяржавы;

– тэматычны блок уключае ўступны даклад (20 мінут) і даклады іншых удзельнікаў блока (15 мінут);

– заяўка на тэматычны блок уключае агульную анатацыю ўсяго блока і анатацыі кожнага даклада (аб'ём кожнай анатацыі да 1000 знакаў з прабеламі).

Арганізатар (мадэратар) тэматычнага блока бярэ на сябе адказнасць па своєчасовым прадстаўленні ў арганізацыйны камітэт з'езда ўсёй неабходнай інфармацыі і па апублікаванні матэрыялаў блока.

Заяўкі на тэматычныя блокі падаюцца на адрас арганізацыйнага камітэта з'езда Temblok2023@orange.fr і прымаюцца да 1 мая 2021 года.

Звесткі аб пададзеных заяўках на тэматычны блок і аб удзеле ў тэматычным блоку таксама падаюцца ў Беларускі камітэт славістаў.

Па ўсіх пытаннях, звязаных з падачай заявак на ўдзел у XVII Міжнародным з'ездзе славістаў, звяртацца ў Беларускі камітэт славістаў (тэл. +375(29) 684-15-94, Аляксандр Лукашанец)

**Старшыня Беларускага камітэта славістаў
Аляксандр Лукашанец**

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 32

Компьютерный дизайн Л.И. Ячменёва
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 30.12.2020. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 15,72. Тираж 100 экз. Заказ 179.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.